

Ассоциация японоведов

Институт востоковедения РАН

Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями

*Под редакцией
профессора Д. В. Стрельцова*

Монография

АСПЕКТ ПРЕСС

Москва

2022

УДК 327
ББК 66.4
П78

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Международного фонда Шодиева

Рецензенты

доктор политических наук *А. Н. Панов*
кандидат исторических наук *К. О. Саркисов*

Авторы

С. В. Гришачев, В. Г. Дацышен, И. В. Дьячков,
Е. Л. Катасонова, П. В. Кульнева, В. В. Нелидов, Б. Б. Пак,
В. А. Перминова, Д. В. Стрельцов

Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями: Монография / Под ред. Д. В. Стрельцова. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. — 336 с.

ISBN 978-5-7567-1164-6

Монография посвящена сложным и деликатным вопросам исторического прошлого, стоящим в современной повестке дня отношений Японии с государствами Корейского полуострова, КНР и Тайванем, а также Россией. Авторы поставили перед собой задачу всесторонне рассмотреть исторические корни этих проблем, проанализировать их современное состояние и показать, какое место они занимают в общественном сознании отдельных стран.

Рассчитано на широкую читательскую аудиторию.

Рукопись (за исключением главы 10) подготовлена за счет гранта РНФ № 19-18-00017.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-7567-1164-6

© Коллектив авторов, 2022
© Ассоциация японоведов, 2022
© ООО Издательство «Аспект Пресс», 2022

Все учебники издательства «Аспект Пресс»
на сайте и в интернет-магазине <https://aspectpress.ru>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
-----------------------	----------

Раздел I

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В ОТНОШЕНИЯХ ЯПОНИИ С АЗИАТСКИМИ СТРАНАМИ-СОСЕДАМИ

Глава 1. Историческая память во внешнеполитическом дискурсе современной Японии	29
Глава 2. Установление японского колониального господства в Корее и его место в исторической памяти корейского народа	53
Глава 3. Историческое прошлое в современных отношениях Японии со странами Корейского полуострова	87
Глава 4. Японское колониальное наследие на Тайване как проблема исторического прошлого	119
Глава 5. Вопросы исторического прошлого на повестке дня современных японо-китайских отношений	161
Глава 6. «Дипломатия извинений» в отношениях Японии со странами Восточной Азии	207

Раздел II

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В ОТНОШЕНИЯХ ЯПОНИИ С РОССИЕЙ

Глава 7. Взаимное восприятие страны-соседа на политическом уровне: образы и стереотипы	239
Глава 8. Историческое прошлое на уровне общественного сознания и массовой коммуникации: нарративы нации-жертвы и нации-победителя	259

Глава 9. Японское присутствие на Сахалине (1905–1945) как вопрос исторической памяти	287
Глава 10. Японские военнопленные в СССР: правовой, социальный и гуманитарный аспекты «сибирского плена»	304
Глава 11. Проблема пограничного размежевания в российско-японских отношениях	318
Об авторах	336

Введение

Проблема разности восприятия истории своего и других народов в современном мире становится глобальным трендом, и феномен так называемых исторических войн вызывает большой интерес. В этом смысле Северо-Восточная Азия не является исключением, поскольку страны этого региона не только имеют в своем прошлом конфликты с соседями, но и используют память об этих конфликтах в политических целях в наши дни.

В постбиполярный период в Китае, Японии и государствах Корейского полуострова наблюдается усиление напряженности в отношениях друг с другом, и связано оно прежде всего с принципиальными различиями в понимании событий первой половины XX в. Речь в данном случае идет о борьбе не государств, а их идентичностей: корни неустойчивости отношений между этими странами лежат в их меняющейся самоидентификации. По мнению британского исследователя Р. Ли, формируя новую идентичность, эти страны воспринимают усилия партнера по созданию своей национальной идентичности как вызов собственной идентичности [Li 2018: 48]. Они мобилизуют историческое знание для обоснования своего суверенитета над прошлым.

Память социума о собственном прошлом, как и представления нации о собственной идентичности, — продукт искусственный, созданный умышленно. Этот феномен достаточно подробно изучен, и современные социологи рассматривают нацию как некое воображаемое сообщество, члены которого по большей части не знакомы между собой лично, но при этом ощущают свое национальное единство, обладая при этом общими представлениями о своей истории, географии, культуре [Андерсон Б. 2016: 47]. Действительно, многомиллионное население Японии, Китая или России, скорее всего, никогда не будет знать каждого из своих соотечественников, это невозможно. Но вместе с тем всем из них привито знание о героях собственной древности, выдающихся писателях и поэтах, а также о конкретных природных пейзажах и рукотворных достопримечательностях, которые следовало бы посетить, если ты обладаешь чувством патриотизма.

Подобное положение дел является результатом длительного общественного развития, предполагающего централизованное воспитание и внедрение национальной идеологии. Это под силу сделать, распространяя просвещение и повсеместное начальное образование. Однако позволить себе столь дорогостоящую и длительную стратегию могут лишь объединенные социумы, решившие хотя бы минимально вопросы достатка своих членов.

Среди стран Северо-Восточной Азии раньше всего создать обновленное унитарное бессословное национальное государство (яп. *миндзоку кокка* 民族国家) удалось Японии. Именно в период Мэйдзи политическая элита страны смогла осуществить успешную модернизацию, и немалую роль в этом как раз сыграла система обязательного начального школьного образования, а также система патриотического воспитания во вновь создаваемой регулярной императорской армии. Впервые в истории страны посредством уроков этики и морали, а также через школьные и армейские учебники в сознание, особенно молодых поколений, централизованно было внедрено целостное массовое представление о себе, собственном прошлом и собственной миссии в мире.

Процесс «воспитания нации» был проведен с оглядкой на опыт европейских стран, проходивших период становления национальных государств в первой половине XIX в. При этом важно учитывать, что процесс создания нации в Японии сопровождался также созданием колониальной империи, поэтому молодое японское государство и стоявшее за ним японское общество достаточно болезненно реагировали на внешнеполитические неудачи, нередко воспринимая геополитические просчеты и поражения как национальный позор или проявление оскорбления со стороны западных держав. Поэтому вступление Японии во Вторую мировую войну в определенной степени объясняется в том числе и уязвленным самолюбием, и неудовлетворенным чувством мстительности за нанесенные Западом оскорбления, и амбициозным стремлением показать «белому» миру свою состоятельность в качестве великой державы, способной создать собственную империю. Именно этот психологический комплекс во многом толкнул ее в лагерь «обиженных» несправедливостью Версальской системы держав. В послевоенный же период национальная идентичность Японии строилась на основе критического переосмысления милитаристского прошлого, т.е. без имперской составляющей.

Процесс создания национальной идентичности в Китае и Корее был значительно более драматичным. Ни в одной из этих стран модернизации рубежа XIX–XX вв. не привели к созданию сильного госу-

дарства. В Китае после крушения Цинской империи начался период турбулентности, в ходе которого временная политическая стабилизация в годы правления Гоминьдана была нарушена японской агрессией, а после войны с внешним врагом началась гражданская война, которая привела к расколу нации, к формированию двух китайских идентичностей — в материковом Китае и на Тайване. Во вновь созданной КНР были проведены масштабные реформы народного образования и письменности, которые привели к разрыву с прежней культурной традицией, в результате чего на протяжении нескольких поколений сформировалась новая китайская идентичность с встроенным коммунистическим кодом, который не был разрушен, а лишь претерпел частичную трансформацию после смерти Мао Цзэдуна¹.

Китайская идентичность на Тайване формировалась в преемственности с традицией, письменность здесь была сохранена без масштабных изменений, однако эта идентичность не является преемницей имперского Китая. Кроме того, уже несколько десятилетий она существует в трудно скрываемом противопоставлении КНР. Преодолеть этот раздел уже, видимо, не удастся, поскольку на данный момент фактически не осталось живых свидетелей докоммунистического уклада в Китае и в разнонаправленных парадигмах уже воспитано не одно поколение жителей по обе стороны Тайваньского пролива. Подтверждением тому являются предвыборные программы ряда политических партий на Тайване, выступающих за самостоятельное существование Китайской Республики на острове.

Говоря об истории Кореи в XX в., следует признать ее не менее, а, возможно, даже и более драматичной. Как и в Китае, попытки модернизационной трансформации в начале XX в. оказались неудачными, и страна почти на сорок лет лишилась своей государственности, а события конца 1940-х — начала 1950-х годов разделили нацию пополам, в итоге окончательно похоронив идею воссоединения. По обе стороны от 38-й параллели также выросло несколько поколений, воспитанных во взаимном противопоставлении.

Примеры разделенного Китая и стран Корейского полуострова являются достаточно весомым доказательством конструируемости национальной идентичности, где этническая или лингвистическая принадлежность играют лишь вспомогательную роль и далеко не всегда определяют возможность воссоединения. Реальными факторами образования идентичности служат распространение грамот-

¹ Отдельный вопрос, являющийся темой для самостоятельного анализа, — неханьские народы КНР и их идеологическая встроенность в идентификационную вертикаль КНР.

ности, создание или реформирование национального литературного языка, а также идеология, отраженная в учебниках и программах школьного и университетского образования. Все эти факторы, взятые вместе, приносят видимый результат в том случае, если устойчиво используются на протяжении нескольких поколений.

Сформировавшееся на данный момент в странах Восточной Азии общественное сознание и парадигмы самовосприятия вряд ли уже будут изменены. Политики — в какой бы из этих стран они ни осуществляли свою деятельность — уже не смогут или не захотят кардинально поменять эти основы без риска для своей карьеры, поэтому в обозримом будущем следует ожидать дальнейшее укрепление имеющихся идентичностей, и элемент конфронтационности здесь будет задействован со всех сторон. Как следствие, взгляд на разное понимание событий XX в. будет лишь усугубляться.

Каждая идентичность формирует свое представление о прошлом. Британский историк Р. Г. Коллингвуд утверждал, что любая история написана с точки зрения конкретного настоящего [Collingwood 1946]. Каждое следующее поколение пишет свою историю и дает свое видение прошлого, основываясь на собственном опыте и сообразуясь с теми внешними обстоятельствами, которые актуальны именно для него в настоящий момент.

Представления разных национальных идентичностей о совместном прошлом заведомо не могут совпадать. Они разнятся между собой, и эта разность — при наличии более широкого круга причин для противоречий — приводит к возникновению *исторических войн*, т.е. несогласию, взаимным обвинениям и требованиям извинений.

Исторические войны — это борьба между разными историческими нарративами, отнюдь не всегда государственными. Конфликтующими сторонами здесь могут выступать конфессиональные, этнические, социальные сообщества. Но применительно к странам Восточной Азии, где традиционно сильна роль государства, можно говорить, что борьба идет на уровне государственных идеологий. И каждая из них сохраняет не столько воспоминание о случившемся, сколько создает его версии, то, что исследователями принято называть актуализированным прошлым (*usable past*) — набор специально отобранных фактов, явлений, исторических деятелей и связанными с ними символизированными трактовками [Малинова 2017: 8–9]. Эти версии служат вполне конкретным целям — поддержанию ощущения легитимности существующего строя, созданию национальной идентичности, сплочению общества, наконец, просто — поддержанию стабильности на больших пространствах, особенно в критических обстоятельствах —

например, внешней угрозы. И в этом тщательно отфильтрованном прошлом содержится целостная картина прошлого, понятная ныне живущим, а также месседжи, которые должны считываться членами сообщества для ощущения себя частью некоего грандиозного целого.

В последние десятилетия во всем мире значительно выросло число «заявлений» от разных групп и сообществ о том, что они испытали страдания в прошлом. И культурная травма, т.е. представление о пережитой «моим народом/обществом» трагедии, стала мощным объединяющим началом. Национальная идентичность теперь очень часто базируется не только на героическом, но и на травматическом прошлом. Травма объединяет общество посредством связей, которые позволяют разделить страдания других. Прием этот безусловно действенный, ибо внешняя по отношению к сообществу опасность сплачивает намного больше, чем какой-то внутренний разлад. Понятно, что объединиться вокруг идеи противостояния внешнему врагу намного легче, нежели обращаться к примирению, скажем, в гражданской войне.

И здесь важно понимать, что проблема заключается не в исторических событиях как таковых. Сколь бы они ни были тяжелы и сложны, дело не в них. Арсенал фактов, трактуемых как национальная травма, достаточно велик, и любой из них может быть использован (или наоборот — опущен, не использован) для обоснования какого-то политического утверждения или обвинения в подходящий для этого момент. Иными словами, если между государствами усиливается напряженность, из чулана можно достать любой скелет. Если же отношения носят ровный характер, то любая обида может быть забыта или даже более того — память о ней может стать моментом примирения.

Применительно к странам Северо-Восточной Азии приходится отметить на первый взгляд парадоксальное обстоятельство: в годы холодной войны антияпонская риторика не была в ходу в Пекине и Сеуле. В коммунистическом Китае в 1950—1960-е годы критика Японии и даже напоминание о понесенных китайским народом страданиях считались «нелаконичными». Свою роль играло нежелание лишний раз раздражать Токио: цель КПК заключалась в том, чтобы вырваться из дипломатической изоляции и получить признание западных стран, и в том числе Японии. В рамках коммунистической идеологии превалировало представление о необходимости разделения ответственности народа и власти: японский народ, согласно этому взгляду, сам был жертвой относительно немногочисленной клики милитаристов, а обвинять в преступлениях весь народ было нельзя. Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай заявили, что за агрессию должен нести ответствен-

ность ограниченный круг милитаристов, а вовсе не японский народ [Onuma 2002: 601].

В Республике Корея критика Японии в период правления авторитарных режимов в 1960—1980-е годы не приветствовалась по той причине, что страна сильно нуждалась в японской экономической помощи. Когда в 1965 г. решался вопрос о восстановлении дипломатических отношений, южнокорейская сторона с готовностью согласилась на заключение секретной сделки об оказании финансовой помощи объемом около 500 млн долл., которые позиционировались именно как помощь, а не репарации. Во многом это было сделано по настоянию японской стороны, не желавшей заострять внимание на своей ответственности. Однако нельзя забывать и о том, что тогдашний южнокорейский диктатор Пак Чжон Хи в своих действиях имел больше свободы, чем с началом демократического времени, принимать решения единолично, исходя из собственных представлений о политической целесообразности.

Уместно отметить, что предоставленный тогда Токио пакет финансовой помощи Сеулу позволил провести модернизацию инфраструктуры и стал одним из факторов корейского экономического чуда. Отчаянно нуждаясь в экономической помощи Японии, Сеул, по сути, не имел иного выбора, кроме как идти на компромисс. На первом месте для него стоял вопрос о скорейшем привлечении средств для строительства ключевых объектов инфраструктуры. На полученные от Японии средства южнокорейское правительство основало в 1968 г. крупную металлургическую компанию, построила плотину Соян на реке Хан, а годом позднее — скоростную автомагистраль Кенбу. Эти и другие сооружения в дальнейшем имели важное значение в обеспечении южнокорейского экономического чуда. Вместе с тем, с точки зрения общественного мнения демократической Южной Кореи, Пак Чжон Хи совершил предательство, пойдя на унижительную сделку с Японией.

В 1980-х годах во внутривнутриполитическом дискурсе КНР и Республики Корея произошли качественные изменения. В КНР в связи с растущим в обществе недовольством в отношении наследия Мао правящая партия стала делать ставку на усиление не классовой, а националистической компоненты в идеологическом воспитании масс, используя для этого управляемые из центра кампании патриотического воспитания, тем более что консолидация общества на основе националистических настроений была необходима руководству КНР во главе с Дэн Сяопином в период кризиса социалистической идеологии после начала реформ [Перминова 2020: 3]. В 1990-е годы в Китае

была запущена кампания патриотического воспитания, которая делала упор на историческую роль КПК в ликвидации иностранного империализма. Патриотическое воспитание молодежи было реакцией сверху в ответ на усиление недовольства среди китайской молодежи ходом политических реформ в стране, проявившегося в инциденте на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. [Zhao Suisheng 1998: 287–302].

В новых учебниках истории главным врагом борьбы за национально-классовое освобождение объявлялся теперь уже не Гоминьдан, как это было прежде, а японский милитаризм. Если раньше «война антияпонского сопротивления» рассматривалась лишь как один из эпизодов освободительной борьбы, то теперь эта война была специально выделена как главное событие Второй мировой войны. Основными злодеями были объявлены «японские империалистические агрессоры», заменившие империалистические державы Запада и националистических предателей. Гораздо больше внимания стало уделяться Нанкинскому инциденту и другим зверствам японской военщины. Период японской военной оккупации был инкорпорирован в нарратив *столетия унижения*, под которым понимается время с момента начала Опиумной войны в 1839 г. до провозглашения КНР в 1949 г.

При этом война против Японии стала подаваться в гораздо более широком контексте векового противостояния с либеральным Западом, из которого Китай вышел победителем в 1949 г. [Fitzgerald 2015]. Китай, таким образом, стал конструировать свою национальную идентичность, апеллируя к угрозе повторения эпохи национального унижения, причем в роли источника такой угрозы выступал внешний враг — Япония, власти которой, в рамках этого нарратива, занимаются обелением собственного прошлого.

После начала процессов демократизации в конце 1980-х годов большое значение патриотическое образование стало иметь и в Республике Корея. В центре внимания оказались исторические события и факты, свидетельствующие об унижении корейского народа в период японского колониального правления. Особенно сильные эмоции вызывает в Южной Корее период войны на материке 1937–1945 гг., когда Токио многократно усилил линию на ассимиляцию Кореи в составе Японской империи. Корейцев тогда заставляли брать японские имена, посещать синтоистские храмы и поклоняться синтоистским святыням. Корейский язык был запрещен в официальных документах и прессе. В 1943 г. корейцев начали призывать в японскую императорскую армию. Десятки тысяч корейских женщин были принуждены к сексуальному рабству в «домах терпимости», созданных японскими

властями для обслуживания японских военных. Проблема «женщин для утешения» и по сей день остается предметом противоречий между Южной Кореей и Японией вокруг финансовой компенсации живущим жертвам сексуального насилия.

Претензии соседей в адрес Японии, связанные с военным прошлым, долгое время не выходили в плоскость межгосударственных отношений, но в 1980-е годы ситуация стала меняться, и в последние десятилетия претензии озвучиваются все громче. На рубеже XX—XXI вв. началось отчетливое вынесение проблем исторической памяти уже в пространство межгосударственных отношений в треугольнике Пекин—Сеул—Токио. Удивительно то, что претензии к Японии были вынесены в общественное пространство именно тогда, когда все эти страны преодолели трудности биполярного периода, решили для себя важный вопрос международного признания, достигли социальной стабильности и экономического процветания. Все это, казалось бы, должно было привести к взаимному примирению и внутрирегиональной интеграции. Однако именно здесь свою роковую роль играют не сами события, а современный политический контекст.

Особенно напряженность вокруг вопросов истории стала усиливаться с 2012 г., когда в Китае, Японии и Республике Корея сменился общественно-политический дискурс и новое поколение политиков в них стало обращаться к прошлому с целью усиления собственной легитимности¹. Это поколение стало выступать за пересмотр доминировавших ранее исторических нарративов и за установление более «националистического» видения истории, которое позволило бы им укрепить свою легитимность и повысить рейтинги доверия среди населения [Duus 2017: 10–12]. Напряженность подпитывается и внешнеполитическим фактором — изменением баланса сил в регионе, все усиливающимся соперничеством между КНР и США и их союзниками.

Надо сказать, что попытки примирения предпринимались некоторыми японскими премьер-министрами в предшествующий период. В свое время это делали Н. Киси и К. Танака. Самая же яркая из них — речь Т. Мураяма 15 августа 1995 г. по случаю 50-летней годовщины окончания войны, когда он достаточно смело высказал твердую уверенность в стремлении не допустить повторения ужасного прошлого.

¹ Подтверждением этому стала нарочито антияпонская линия пришедшей к власти в 2012 г. президента Республики Корея Пак Кынхе, вынужденной демонстрировать показную жесткость по отношению к Японии, чтобы избавиться от ярлыка дочери «предателя» (ее отец — Пак Чжон Хи — будучи президентом, подписал в 1965 г. договор с Японией, который воспринимался общественностью как унижительный и не учитывающий всех интересов страны).

Специалисты спорят о том, какова должна быть степень и стилистика этих извинений. Ведь помимо всего прочего нельзя забывать и о реальных поступках некоторых политиков, стремящихся закрыть счет по итогам войны, и о сформированном консервативным крылом политической элиты страны видении прошлого, о чем речь будет далее.

Прежде чем говорить о самих претензиях, необходимо обозначить идентификационную и этическую составляющие этих запросов на извинения. Важно иметь в виду, что нынешние претензии, связанные с прошлым, предъявляют отнюдь не столько сами жертвы событий, сколько их потомки (или даже еще точнее — *те, кто считает себя потомками*). Они не застали или почти не застали ужасов колониального прошлого или оккупации. В такой ситуации уместен вопрос: являются ли страдания других людей страданиями ныне живущих членов сообщества? Ведь если речь идет о событии прошлого, особенно если заставшие его свидетели или участники уже умерли, то каким образом ныне живущие испытывают страдания и на чем основано их право говорить от лица давно умерших или погибших людей? Ассоциируя себя с жертвами, нынешние поколения искусственно расширяют свои рамки, отождествляя себя с теми, кто испытал травму на себе реально.

Но вернемся к извинениям и пока лишь отметим тот факт, что подобного рода попытки, с одной стороны, считаются недостаточными в КНР и Республике Корея, а с другой стороны, нередко вызывают разочарование у японского избирателя, расценивающего их как унижительные.

Как отмечали южнокорейские исследователи Чхун Чха Хюн и Чхо Юн Чул, Южная Корея и Китай воспринимают нынче историю региона в период экспансии японского империализма на материк через дуалистическую призму отношений жертвы и преступника [Ja-hyun Chun 2016: 95]. Этот взгляд имеет четкие моральные ориентиры: Корея и Китай являются жертвами, а Япония — преступником. С этой точки зрения поражение Китая от Японии в 1895 г. и последовавшая за этим аннексия Тайваня, поражение России в русско-японской войне 1904–1905 гг. и присоединение к Японской империи Южного Сахалина и российских владений в Китае, аннексия Кореи в 1910 г., наконец, вторжение Японии в Маньчжурию в 1931 г. и Китай в 1937 г. — все это является свидетельствами проводившейся Японией последовательной империалистической политики. При этом Нанкинская резня и биологические и химические эксперименты отряда 731 — это не что иное, как государственные преступления против человечности. Между тем в Японии политика на материке хотя и считается ошибочной, но не подвергается безусловному осуждению

на том основании, что в тот период подобным образом действовали все империалистические государства, ставшие победителями во Второй мировой войне.

Стоит особо отметить, что в конфликте исторических нарративов главным критерием в оценке правомерности тех или иных действий государств являются не юридические, а этические категории. Уместно вспомнить, что именно с моральных позиций оценивались действия Японии в подписанной Китаем Каирской декларации 1943 г., где говорится о том, что Япония должна быть изгнана с территорий, «которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности» (*Cairo Communiqué*). Именно морально-этические аспекты, по мнению Сеула и Пекина, являются определяющими для того, чтобы Япония безоговорочно осудила свои прошлые деяния и искренне извинилась перед азиатскими соседями, причем в такой форме, которая удовлетворит страны-жертвы.

Логика извинения требует, чтобы обе стороны согласились с наличием самого факта проступка, после чего сторона, совершавшая проступок, признает, что сделала это. Как отмечал профессор Стэнфордского университета П. Дуус, извинение устанавливает моральную иерархию, в которой жертва морально выше, а преступник — ниже. Пострадавшая сторона может расценить извинение как неискреннее, недостаточное либо не подкрепленное действиями и, следовательно, не подлежащее удовлетворению. В этом случае политика извинений ведет не к примирению, а к еще большей конфронтации, создавая нисходящую спираль, когда жертва настаивает на все большем количестве извинений, а извиняющийся испытывает чувство обиды за то, что его постоянно заставляют снова и снова делать то, что он уже сделал [Duus 2017: 3].

В Европе послевоенное примирение, особенно ближе к концу XX в., принесло свои плоды, поскольку оно укреплялось как историко-культурной общностью региона, понимаемой в парадигме *семья народов*, так и дальнейшей интеграцией, приведшей к образованию Евросоюза. Поэтому взгляд на историю здесь, несмотря на вспыхивающие иногда медийные скандалы, становится более инклюзивным, происходит смещение координат национальных образов истории в пользу более комплексной картины [Ассман 2018: 164—167]. В условиях транснационального общеевропейского пересмотра видения истории странам-виновницам значительно легче преодолеть бремя исторической ответственности, хотя и для этого тоже понадобилось длительное время.

Взаимоотношения же КНР и РК с Японией развиваются в удивительной логике, согласно которой экономическая интеграция сопровождается политической конфронтацией. Подобное положение

вещей уже, по-видимому, надолго останется фактором развития региона. Многократные попытки японского руководства решить проблемы исторического прошлого путем формального выражения извинений оказывались неплодотворными, они не были оценены соседями надлежащим образом, и руководство страны, скорее всего, уже надолго отказалось от такого подхода. Примирения, подобного европейскому, не произошло, и несколько ближайших поколений в странах Северо-Восточной Азии, очевидно, вырастут за стеной исключительно «собственной боли», которую им прививают сейчас политики.

Особой спецификой отмечены взаимоотношения Японии с США. В Соединенных Штатах преобладает понимание как справедливости самой Войны на Тихом океане, так и справедливости ее юридических и фактических итогов. Символическим обстоятельством, подтверждающим справедливость возмездия (и в определенной степени оправдывающим в глазах американской общественности атомные бомбардировки лета 1945 г.), является вероломное нападение на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г. По содержанию это событие в чем-то резонирует с нападением гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г.

Именно с налета на Пёрл-Харбор начинается Тихоокеанская война, которая сразу же стала частью мировой. При этом очевиден понятный крен американской историографии, высвечивающей противостояние Японии именно с США в этой войне — битвы у атолла Мидуэй, Соломоновых островов, за Гуадалканал, а также сражение за Окинаву. Американцы хорошо знают о проявленном на Тихом океане их соотечественниками (в том числе будущими президентами США Кеннеди и Бушем) героизме, известно там и о жестоком обращении японцев с военнопленными армии США и других стран Запада. Между тем агрессивная политика Японии на азиатском материке занимает в этих работах второстепенное место.

При этом последствия оккупационной политики, проводимой США в Японии после войны, носили амбивалентный характер, что повлияло на японскую память об этой войне. С одной стороны, благодаря усилиям Штаба оккупационных войск была разработана и вступила в действие новая конституция, а к участию в политической деятельности были допущены прежде запрещенные партии, в том числе и Коммунистическая партия Японии. С другой же стороны, опасаясь чрезмерного усиления влияния левых политических сил, ШОВ сделал ставку на союз с консервативным крылом, дабы не потерять влияния в стране. Именно консерваторы были необходимы в тот момент, когда Японию превращали из поверженного врага в лояльного партнера. Понятно, что в такой ситуации проводить политику, подобную по-

литике денацификации, осуществлявшейся на территории Германии, американское командование не стало. Оно стало поддерживать идею «здорового патриотизма» в японском обществе, рассчитывая использовать его в качестве рычага для консолидации японской нации в целях борьбы с коммунизмом (особенно сильно это стало заметно с началом Корейской войны).

Либерально мыслящая часть японской общественности нередко упрекает оккупационные власти в альянсе с консерваторами и сожалеет о том, что те отказались от массовых чисток государственного аппарата по германской модели и полностью или частично освободили представителей этого истеблишмента от ответственности за сотрудничество с милитаристским режимом. В результате в основе своей довоенная бюрократическая система не была демонтирована в конце 1940-х годов, но главное — в японском обществе (в отличие от обществ в ФРГ и ГДР) не было внедрено понимание общенациональной ответственности за преступления времен войны (о последствиях, к которым это привело, будет сказано ниже).

Неудивительно, что после подписания Сан-Францисского мирного договора и окончания периода оккупации на Японию были наложены очень мягкие наказания в виде символических репараций. США в условиях нового противостояния предпочли не спрашивать слишком строго за прегрешения прежнего противостояния, тем более что страна признала приговоры многих трибуналов, включая Токийский. Аналогичную позицию проявляли в послевоенный период западные державы, колонии которых в Юго-Восточной Азии были в годы войны объектом японской агрессивной политики, — Великобритания и Голландия, а также страны Британского Содружества — Австралия и Канада.

У них были достаточные основания для проявления жесткости в деле выработки условий послевоенного урегулирования с Японией. Это в первую очередь касается Австралии, территория которой непосредственно пострадала от агрессии, а также Голландии, многие граждане которой, захваченные в Индонезии, стали жертвами оккупационной политики (например, голландки, работавшие в «станциях утешения»). В послевоенные годы отношения Японии с этими странами еще очень долго оставались чрезвычайно сложными: давала знать память о жестоком обращении с ее гражданами в годы войны — «Марш смерти» на острове Батаан, непосильный труд и огромная смертность при строительстве железной дороги между Таиландом и Бирмой в 1942–1943 гг., для которого было привлечено около 60 тыс. британских, голландских, австралийских и американских военнопленных (около 15 тыс. из них погибли).

Но со временем эти страны все же сочли вопрос об ответственности Японии решенным. И поскольку дальнейшее развитие их взаимоотношений осуществлялось в логике внешнеполитической и экономической кооперации и интеграции, это привело к постепенному сглаживанию остроты военной проблематики. События войны на Тихом океане уже не воспринимались так остро, как прежде.

Подтверждением определенного примирения в вопросах понимания исторической памяти стали достаточно регулярные публичные принесения извинений бывшим военнопленным армий этих стран. Практика этих извинений продолжается и по сей день. Компания «Мицубиси» в 2015 г., в преддверии семидесятой годовщины окончания Второй мировой войны, принесла извинения одному из двух на тот момент здравствовавших американских военнопленных — 94-летнему Джеймсу Мерфи, трудившемуся на рудниках компании. С противоположной стороны видны ничуть не менее заметные в символическом аспекте явления. Визит президента США Б. Обамы в Хиросиму в 2016 г. хотя и не стал полноценным извинением за атомные бомбардировки и был обусловлен своими политическими резонами, тем не менее был воспринят японцами достаточно благосклонно.

Что касается взаимоотношений Японии с СССР (и с современной Россией), то здесь проблемы исторического прошлого крайне редко выносились в межгосударственное пространство. В этих отношениях не наблюдается пограничных конфликтов или длительных взаимных обвинений с отзывом послов или установкой «неподходящих» памятников под окнами посольств. Пресловутая территориальная проблема порой становится поводом для проведения тех или иных мероприятий, но в целом не сказывается кардинально и не приводит к длительному ухудшению двусторонних отношений.

Безусловно, история двусторонних отношений имеет массу неприятных фактов — противостояние в ходе русско-японской войны 1904–1905 гг., интервенция японских войск на Дальнем Востоке¹, пограничные конфликты конца 1930-х годов. Однако они выведены из

¹ К данному периоду относится эпизод, который мог стать предметом разногласий и взаимных претензий, так называемый Николаевский инцидент — столкновение между бойцами отряда анархиста Я. Тряпицына с японцами в г. Николаевске, произошедшее в 1920 г. и закончившееся сожжением японского гарнизона, а также японского консула и его семьи. Однако вопрос этот был урегулирован дипломатическим путем в момент взаимного признания СССР и Японией. В 1925 г. были установлены дипломатические отношения между двумя странами, что было зафиксировано в так называемой Пекинской конвенции. В дополнительной ноте к этому документу СССР выражал сожаление по поводу Николаевского инцидента. В дальнейшем ни этот инцидент, ни случаи проявления жестокости японскими военными в отношении мирного населения Дальнего Востока России никогда не были поводами для предъявления претензий.

номенклатуры актуальных взаимных претензий, оставаясь при этом фактами, по-разному интерпретируемыми внутри самих стран.

Что касается восприятия событий 1940-х годов, то необходимо помнить, что куда как большее значение и в Советском Союзе, и в современной России уделялось и уделяется победе в борьбе с Германией. Великая Отечественная война стала одной из идентификационных основ общества, воспринимаемой ныне не только как факт идеологии, но и на личном уровне, как часть семейной истории. На фоне распада СССР, проигрыша в холодной войне, экономической нестабильности 1990-х годов победа в войне оставалась последним историческим событием, которое бесспорно вызывало и вызывает чувство национальной гордости.

Война же с Японией занимает несоизмеримо меньшее место в российском общественном сознании и воспринимается как эпилог Второй мировой войны, о котором вспоминали очень эпизодически. Вступление СССР в войну с Японией в большей степени подавалось как выполнение обязательств перед союзниками. К тому моменту оно уже имело юридическое обоснование в виде положений Устава ООН (ст. 107), согласно которым страны-подписанты должны были немедленно предпринять все меры против вражеских государств, направленные на скорейшее завершение войны. Легитимности вступлению в войну добавлял и тот факт, что Япония первоначально отвергла условия Потсдамской декларации и предложение сложить оружие.

Однако дальнейшее развитие событий, будучи частью более широкого, блокового противостояния холодной войны, породило две проблемы — территориальный спор и вопрос о содержании военнопленных Квантунской армии, отправленных после ее капитуляции в лагерь в СССР, где они пребывали в период с 1945 по 1956 г. Разбору каждого из этих вопросов посвящены отдельные главы данной монографии.

Москва не подписала Сан-Францисский мирный договор, и нормализация отношений с Японией произошла позже, в 1956 г., когда была подписана Совместная декларация. Согласно тексту статьи 6 этой декларации обе стороны взаимно отказываются от претензий, возникших в результате войны с 9 августа 1945 г., что делает невозможным любое, даже формальное, выдвижение взаимных обвинений по каждому вопросу. Это означало, что японское руководство не будет предъявлять официальных претензий по поводу содержания в плену японских военнопленных. Между тем для самой Японии проблема военнопленных стала чувствительной темой внутренней повестки (о чем речь в одной из глав данной монографии), ибо отправка

в СССР добровольно сдавшихся солдат и офицеров, из которых в плену умерло несколько десятков тысяч, полагалась незаконной.

Японская сторона не выдвигала официальных претензий СССР по данному вопросу, ибо юридически после 1956 г. это было сделать невозможно. Этическая же сторона вопроса окончательно была урегулирована лишь в 1990-е годы властями Российской Федерации. Во время официального визита в Токио в 1993 г. президент Б. Н. Ельцин произнес слова о той исторической несправедливости, которая была проявлена в отношении японских военнопленных. Что же касается вопроса о выплатах компенсаций, который обычно возникает в подобных ситуациях в дискуссиях Японии с КНР и РК, то в случае с военнопленными Квантунской армии это чрезвычайно маловероятно. Ни по экономическим, ни уж тем более по идеологическим соображениям выплаты компенсаций невозможны, поскольку невозможно представить, чтобы граждане современной России могли хотя бы отчасти согласиться с идеей выплаты компенсаций людям, чья страна была союзницей гитлеровской Германии.

Нынешняя российская позиция основана на идее незыблемости итогов войны, определяющих все послевоенное устройство мира. Япония же исходит из того, что мир теперь изменился и что настала пора восстановить допущенную в отношении нее несправедливость, ибо она пострадала в результате сговора СССР с союзниками по антигитлеровской коалиции. Именно в этом ключе рассматривает японская сторона возникшую в послевоенный период в двусторонних отношениях проблему пограничного размежевания, а также проблему японских военнопленных, содержавшихся в советских лагерях. Решение этих проблем стало для Японии частью общей линии по «подведению итогов Второй мировой войны».

В самой Японии видение собственного исторического прошлого не было достаточно отрефлектировано. В отличие от Германии, где темы нацизма и холокоста были не только изучены, но и соответствующим образом внедрены в общественное сознание, в Японии на протяжении первых послевоенных десятилетий отсутствовало критическое отношение к вопросу о роли страны во Второй мировой войне. В то время как и ФРГ, и ГДР при разности политического устройства подчеркивали во всем свою противоположность в отношении довоенного режима и активно отмежевывались от нацистского прошлого, в Японии не приветствовался «мазохистский» взгляд на историю, особенно на официальном уровне.

Более того, достаточно быстро возникло снисходительное отношение к военным преступникам, осужденным на Токийском процес-

се. Уже в 1953 г. вышел сборник «Завещание столетия», содержащий завещания казненных военных преступников, а начиная с 1951 г. с разной степенью регулярности японские премьеры стали посещать храм Ясукуни, где были восстановлены и стали почитаться имена осужденных. Довольно открыто и публично о политике пересмотра итогов войны заявил в 1980-е годы премьер-министр Накасонэ, провозгласивший принцип приверженности японским ценностям и избавления от синдрома побежденных.

Негативное в целом отношение в Японии к собственному милитаристскому прошлому неожиданно стало уживаться с удивительным психологическим комплексом — комплексом виктимности, т.е. ощущением собственного страдания, рождавшим на уровне массового сознания чувство психологического комфорта. Ничего подобного в послевоенной Германии не наблюдалось.

Внедрение в широкое общественное сознание идеи о том, что японский народ сам стал жертвой милитаристского режима, позволяло провести четкое разделение между милитаристской кликой и пострадавшим от ее действий населением. Разнесение по разные стороны баррикад нации и государства логически подводило к заключению о том, что японский народ не может нести ответственность за преступные решения своих лидеров. В свою очередь, это способствовало укреплению легитимности оккупационного правления и создавало дополнительный барьер против возрождения милитаризма [Bukh 2007: 690].

Этот же подход естественным образом легитимировал императора Хирохито, образ которого удалось отделить от мрачного облика милитаристского режима. По мнению профессора Лейденского университета Р. Керстен, в этом проявился «пораженческий ревизионизм» (*defeat revisionism*), основанный на консенсусе между японскими консервативными элитами и американскими властями [Kersten 2003: 19].

Комплекс виктимности подпитывался аргументами о том, что японский народ в период Второй мировой войны сам понес огромные жертвы и испытал неопишуемые страдания, которыми он смыл с себя историческую вину за события 1930–1940-х годов. Из 74 млн населения Японской империи в ходе войны погибло около 3 млн человек, в том числе около 800 тыс. мирных жителей. В ходе атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки погибли несколько сотен тысяч человек, а страдания *хибакуся* продолжались на протяжении многих послевоенных десятилетий. Практически все японцы хорошо знают и о ковровых бомбардировках Японии с воздуха американцами весны–лета 1945 г. Например, в результате бомбежки Токио 10 марта 1945 г. от бомб и вызванного ими пламени погибло около 100 тыс. жителей.

Относительно умеренные результаты послевоенных политических чисток, наряду с восприятием японской вины во Второй мировой войне через призму собственной виктимности, давали многим японцам основания ощущать себя жертвой в не меньшей степени, чем страны Восточной Азии, пострадавшие от японской агрессии. Некоторые исследователи считают, что это явилось одной из причин того, что японцы не могли осознать до конца масштаб страданий, причиненных ими азиатским народам [Onuma 2002: 604].

Ощущение себя жертвой порождало среди японцев комфортное чувство жалости к себе и потому позволяло ослабить чувство вины, препятствуя поиску исторической правды. Дискурс виктимности стал основанием для сформировавшегося в послевоенном японском социуме пацифистского консенсуса. Представление о том, что все войны плохи и что все страдают от их последствий, позволяет не проводить разделительной черты между агрессором и жертвой. Историческая память сфокусировалась прежде всего на страданиях самого японского народа, а не его азиатских соседей.

Широкое распространение получил тезис о том, что империалистическая Япония действовала в условиях того времени точно так же, как и все прочие западные страны. Япония весь период новейшей истории с момента выхода на траекторию вестернизации действовала по сложившимся тогда правилам и была ничуть не хуже других империалистических держав, включая победивших ее США и Великобританию. По мнению М. Цудзита, хотя период военного времени характеризовался тем, что в стране сложилась крайняя форма тоталитаризма, ничего экстраординарного в политике Японии не было: она была последовательной в своем стремлении стать равной мировым державам и повысить свой статус в глазах других народов мира [Tsujiita 2009: 189].

Во многих научных трудах, документах и выступлениях официальных лиц подчеркивается мысль о том, что на путь войны Японию подтолкнули экономический кризис, а также рост протекционизма и преференциального подхода Запада к мировой торговле. Японские консерваторы утверждают, что действия Японии во Второй мировой войне были законной и необходимой формой самообороны, навязанной Японии западным колониализмом и нефтяным эмбарго США [Pollman 2016: 311]. Например, С. Абэ, выступая на церемонии по поводу 70-летия окончания войны, заявлял о том, что Япония прибегла к силе, «предприняв попытку выйти из экономического и дипломатического тупика, спровоцированного политикой Запада» [Prime Minister of Japan 2015].

Более того, часть радикально настроенных консерваторов ультра-правой ориентации настаивают на том, что Япония проводила в Юго-Восточной Азии политику национального освобождения от белых колонизаторов и что эта цель косвенно была достигнута, поскольку в послевоенный период большинство бывших колоний европейских империй достигли политической независимости. Один из консервативных политиков от правящей партии, Итагаки Тадаси, следующим образом дал свою оценку тому, что Япония сделала в Азии: «Вы неоднократно говорили, что Япония вторглась в Азию, но на самом деле Япония освободила Азию. Разве можно было бы освободить Азию от колониального господства [Запада] без Великой восточноазиатской войны»? [Saito 2017: 84].

Важный для консерваторов вопрос касается зверств, совершенных императорской армией во время войны. Консерваторы оспаривают многие обвинения, выдвинутые против Японии азиатскими странами, заявляя о том, что масштабы Нанкинской резни были сильно преувеличены, а реальное число ее жертв не превышает нескольких тысяч человек, что «женщины для утешения» были наемными проститутками, что система «станций для утешения» была обычной практикой в армиях того времени и что военные преступления, в том числе в отношении мирного населения, совершались армиями других стран (в том числе американской), а не только японской. Это выразилось, в частности, в публичном выражении японским премьер-министром сомнений по поводу существования самой проблемы «женщин для утешения»: 1 марта 2007 г. С. Абэ, выступая в парламенте, заявил об отсутствии каких-либо доказательств их принуждения.

Консерваторы также подчеркивают, что японцы, отдавшие свои жизни за родину в минувшей войне, являются отцами и дедами нынешнего поколения, а порицать их — значит осквернять память собственных предков. По мнению консерваторов, послевоенный пацифизм Японии означает необходимость «жить в тени собственного поражения», а сейчас уже настало время избавиться от комплекса неполноценности с достоинством и гордостью и восстановить национальную идентичность. Консервативные позиции в значительной степени основаны на «чистоте духа» и идеализированной «японскости» военного поколения, поэтому вся война не может быть признана агрессивной: это делегитимизировало бы благородство военного поколения и сделало бы их смерть бессмысленной.

Становлению в Японии подобного взгляда на историю Второй мировой войны способствовали решения Токийского трибунала, который возложил ответственность за развязывание войны и воен-

ные преступления на военное и политическое руководство страны, освобождая от ответственности граждан, обманутых политическими лидерами.

Консерваторы считают, что Токийский процесс не был попыткой расследовать военные преступления, а его главная цель заключалась в демонстрации превосходства над побежденным соперником. Сомнения выражаются и в отношении юридической обоснованности вердикта. Например, утверждается, что «преступления против мира» или «преступления против человечества», в которых обвинялись японские военные лидеры, были концептами, специально придуманными победившими державами, чтобы наказать побежденную нацию, и что применялись эти обвинения задним числом, поскольку такие преступления не были прежде определены в категориях международного права.

Это мнение разделял и премьер-министр Японии С. Абэ, который в своей книге «В направлении “красивой страны”», опубликованной в 2006 г., отмечал, что действия трибунала нарушают принцип международного права о неприменимости обратного действия закона. В той же книге Абэ утверждал, что японские военные, которых Токийский военный трибунал признал военными преступниками, не нарушали действовавшие в период войны японские законы, и, следовательно, с точки зрения японской правовой системы, эти лица не были военными преступниками [Абэ 2006]. Абэ, кроме того, выражал сомнения по поводу определения «агрессивной войны», заявив о том, что научных доказательств такого определения не существует. Выступая 16 февраля 2006 г. в парламенте, японский премьер отметил, что дача определения минувшей войны — это дело не правительства, а историков [Акахата].

Затрагивая тему Токийского трибунала, консерваторы часто приводят тот факт, что против обвинительного вердикта выступили трое из его одиннадцати судей. Большую известность в Японии получило особое мнение индийского судьи Радхабиноды Пала, который, хотя и не отрицал военных преступлений Японии, не согласился с большинством выводов трибунала. Неудивительно, что консерваторы считают тех японцев, кто придерживается «взгляда Токийского трибунала на историю», «мазохистами» и «манихеями» [Dian 2017: 44].

Взаимосвязь между особенностью формирования национальных идентичностей в Восточной Азии и тем кругом вопросов из области исторического прошлого, которые так или иначе актуализированы в диалоге Японии с соседними странами в послевоенный период, представляется очень неоднородной, но весьма насыщенной.

Приходится констатировать тот факт, что окончание биполярного противостояния не привело к политической интеграции в Северо-Восточной Азии. Политические элиты этих стран все более строят свое понимание прошлого и настоящего на травматизации общественного сознания, где источником травмы является тяжелое наследие первой половины XX в. и где Япония объявляется основным виновником произошедшего. От ее политиков требуются извинения или же им предъявляется упрек в недостаточности уже произнесенных извинений. Подобные упреки не выдвигались в десятилетия холодной войны, но стали все резче звучать из уст политиков нового поколения, пришедших к власти в последние десятилетия, когда наблюдается рост экономического процветания и социальной стабильности в их странах.

В Японии, в значительной степени как ответная реакция на безуспешные попытки примирения, также возобладала консервативная тенденция, в логике которой японское общество освобождается от ответственности за агрессивные действия в XX в. Виновной же называется лишь военно-политическая верхушка, понесшая за это наказание после войны. Кроме того, выдвигается тезис о том, что Япония — сама жертва Второй мировой войны, в качестве примера здесь приводятся авиабомбардировки Токио весной 1945 г. и ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, осуществленные в августе того же года. Подобное утверждение — удивительным образом понятая идея травмы, ставшая столь популярным идеологическим инструментом формирования общественного сознания в последнее время во многих странах.

В числе неурегулированных проблем остаются вопросы колониального прошлого в отношениях Японии с государствами Корейского полуострова и Китаем (проблема колониального правления на Тайване), проблема политической оценки экспансионистской политики Японии в отношении материковых государств Восточной Азии, включая оценку масштаба и характера злодеяний, совершенных японской военщиной в этих странах, вопросы компенсаций жертвам этой политики, а также территориальные споры Японии с Китаем, Республикой Корея и Россией. Важным фактором являются сохраняющиеся разногласия по поводу наследия прошлого и условий послевоенного урегулирования в Японии. Сан-Францисский мирный договор 1951 г. восстановил суверенитет Японии, однако ряд стран, которые являлись ее военными противниками, включая КНР, государства Корейского полуострова и СССР, этот договор не подписали. В результате Японии пришлось решать вопрос о нормализации политических от-

ношений с ними в течение нескольких десятилетий, а с Россией вопрос о подписании мирного договора по-прежнему стоит на повестке дня двусторонних отношений.

Список литературы

На русском языке

Ассман 2018 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2018.

Андерсон 2016 — *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.

Малинова 2016 — *Малинова О. Ю.* Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // *Политическое исследование*. 2016. № 6. С. 139–158.

Малинова 2017 — *Малинова О. Ю.* Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: Возможности сравнительного анализа // *Полития*. 2017. № 4 (87). С. 6–22.

Перминова 2020 — *Перминова В. А.* Память о войне в Китае и ее влияние на современные японо-китайские отношения // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2020. Т. 11. Вып. 12 (98). Ч. I. URL: <https://history.jes.su/s207987840010292-0-1/> (дата обращения: 16.05.2021).

На японском языке

Абэ 2006 — *Абэ Синдзо*. Уцукусий кунэ-э (В направлении «красивой страны»). Токио: Бунсюн синсё, 2006.

Акахата. 29.08.2006

На английском языке

Bukh 2007 — *Bukh A.* Japan's history textbook debate: National identity in narratives of victimhood and victimization // *Asian Survey*. 2007. No. 47(5). P. 683–704.

Cairo Communiqué — *Cairo Communiqué*. URL: https://www.ndl.go.jp/constitution/e/shiryo/01/002_46/002_46tx.html (accessed: 16.05.2021).

Collingwood 1946 — *Collingwood R. G.* History as Re-enactment of Past Experience // *The Idea of History*. Oxford: Oxford University Press, 1946. P. 282–302. URL: https://brocku.ca/MeadProject/Collingwood/1946_4.html.

Dian 2017 — *Dian M.* Contested memories in Chinese and Japanese Foreign Policy. Amsterdam: Elsevier, 2017.

Duus 2017 — *Duus P.* Introduction: History Wars in Postwar East Asia, 1945–2014 // 'History Wars' and Reconciliation in Japan and Korea. The Roles of Historians, Artists and Activists / Ed. by M. Lewis. N.Y.: Palgrave Macmillan US, 2017. P. 10–12.

Fitzgerald 2015 — *Fitzgerald J.* China's Anti-Fascist War Narrative: Seventy Years On and the War with Japan is not Over Yet // *The ASAN Forum*. 2015. November 17. URL: <http://www.theasanforum.org/chinas-anti-fascist-war-narrative-seventy-years-on-and-the-war-with-japan-is-not-over-yet/> (accessed: 25.04.2021).

Ja-hyun Chun 2016 — *Ja-hyun Chun, Young Chul Cho*. Different Historical Prisms and Regressive Political Reconciliation in Northeast Asia // *Journal of Asia-Pacific Studies*. 2016. Vol. 23. No. 3. P. 71–107.

Kersten R. Revisionism, reaction and the ‘symbol emperor’ in post-war Japan // Japan Forum. 2003. No 15 (1). P. 15–31.

Li 2018 — *Li R.* Identity Tensions and China-Japan-Korea Relations: Can Peace be Maintained in North East Asia? // Identity, Trust, and Reconciliation in East Asia. Rethinking Peace and Conflict Studies / Ed. by K. Clements. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2018.

Onuma 2002 — *Onuma Yasuaki.* Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan // Berkeley Journal of International Law. 2002. No. 20.

Pollmann M. E. Japan’s Security and Historical Revisionism: Explaining the Variation in Responses to and Impact of Textbook Controversies // Journal of Asian Security and International Affairs. 2016. No. 3 (3). P. 307–336, DOI: 10.1177/2347797016670704.

Prime Minister of Japan 2015 — Statement by Prime Minister Shinzo Abe. 2015, August 14. URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201508/0814statement.html (accessed: 25.09.2020).

Saito 2017 — *Saito H.* Apologies and Denunciations, 1989–1996 // The History Problem: The Politics of War Commemoration in East Asia. Honolulu: University of Hawai’i Press, 2017. P. 74–101.

Tsujita M. A fragile balance between ‘normalization’ and the revival of nationalistic sentiments // War and Militarism in Modern Japan / Ed. by Guy Podoler. Brill, 2009. P. 187–198. DOI: 10.1163/ej.9781905246854.i-242.90.

Zhao Suisheng 1998 — *Zhao Suisheng.* A state-led nationalism: The patriotic education campaign in post-Tiananmen China // Communist and Post-Communist Studies. 1998. Vol. 31. Issue 3. P. 287–302.

Раздел I
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО
ПРОШЛОГО В ОТНОШЕНИЯХ
ЯПОНИИ
С АЗИАТСКИМИ
СТРАНАМИ-СОСЕДЯМИ

Г Л А В А 1

Историческая память во внешнеполитическом дискурсе современной Японии

Проблемы исторического прошлого, связанные с оценкой Японского колониального правления и агрессии Японии против стран Азии накануне и в годы Второй мировой войны, становятся в последние десятилетия все более заметным фактором международной политики в Восточной Азии — явление, которое по праву можно назвать «бумом военной памяти», если воспользоваться выражением американского историка Дж. Винтера [Winter 2001: 52]. Обсуждение исторических обид, нанесенных Японией народам Азии, и трагедий, связанных с действиями японской военщины, все чаще выходит за рамки академических дискуссий и подчас оказывается причиной острых межгосударственных споров, наносящих серьезный ущерб политическим и экономическим отношениям между Японией и ее соседями.

Подобная ситуация, когда исторические проблемы наполняются все большим эмоциональным содержанием, при том что сами события, служащие предметом споров, все дальше уходят в прошлое, а количество их живых свидетелей неуклонно уменьшается, кажется на первый взгляд парадоксальной. И именно поэтому она требует всестороннего анализа — не только в плане содержания конкретных споров и претензий, предъявляемых странами Азии к Японии, но и с точки зрения самой Японии. Чтобы понять подоплеку этих споров, объяснить причины того, почему японское государство реагирует на предъявляемые ему странами-соседями претензии так, а не иначе, и оценить перспективы решения связанных с этими вопросами конфликтов, следует критически взглянуть на японское общество и его восприятие проблем исторического прошлого, изучить, как на протяжении послевоенных десятилетий менялось отношение японцев к болезненным проблемам истории, понять, как к этим проблемам относятся японские политические элиты. Именно этим вопросам и посвящена настоящая глава.

В первые послевоенные десятилетия вопрос об оценке трагических событий колониального и военного прошлого был для японской общественной и политической жизни относительно периферийным — даже несмотря на то, что, казалось бы, эти события должны были быть еще совсем свежи в памяти их участников. Этому способствовало несколько взаимосвязанных факторов.

Одним из них была та ситуация, в которой Япония оказалась в условиях наметившегося уже в первые послевоенные годы противостояния двух сверхдержав, США и СССР. На начальном этапе американской оккупации Японии¹ был предпринят ряд мер, нацеленных на то, чтобы предотвратить какую бы то ни было возможность подъема военного реваншизма в этой стране. Предполагалось, что Япония никогда больше не должна стать военной державой, которая могла бы снова представлять угрозу миру. Для достижения этой цели были ликвидированы вооруженные силы, репрессированы многие государственные деятели, сотрудничавшие с милитаристским режимом, и, наоборот, сняты ограничения на деятельность левых партий и организаций, в принудительном порядке распущены финансово-промышленные группировки *дзайбацу*, составлявшие экономическую опору японского милитаризма. Одним из ключевых шагов этого периода, когда главными задачами на повестке дня оккупационных властей были демилитаризация и демократизация Японии, стало принятие новой конституции.

Проект нового основного закона (формально, впрочем, представлявший собой серию поправок к конституции Мэйдзи 1889 г.), подготовленный Штабом оккупационных войск, был принят японским руководством с некоторыми поправками и вступил в силу в мае 1947 г. Одним из важнейших положений новой конституции стала знаменитая «мирная» статья 9, провозглашающая отказ от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров. Эта статья и по сей день остается краеугольным камнем политики Японии в сфере национальной безопасности.

Однако уже к концу 1940-х годов приоритеты американских оккупационных властей резко поменялись. В условиях нараставшего

¹ Формально Япония находилась под оккупацией не только США, но стран-союзниц вообще, поскольку главным органом, призванным определять будущее оккупированной Японии, была Дальневосточная комиссия, заседавшая в Вашингтоне и включавшая в себя представителей 11 государств-союзников, среди которых был и Советский Союз. Однако фактически почти все ключевые решения принимались командованием американских оккупационных войск.

противостояния с Советским Союзом, а также очевидной перспективы победы коммунистов в Китае стало ясно, что именно Японии суждено стать для Вашингтона главным союзником и форпостом в Восточной Азии. Поэтому уже с 1948 г. оккупационные власти свернули многие из мер, нацеленных на радикальную демократизацию и демилитаризацию страны.

Одним из следствий этого разворота в политике оккупационных властей, получившего название «обратного курса», было то, что в политическую и общественную жизнь смогли вернуться многие подвергнутые незадолго до этого чисткам деятели военного времени. В результате в отличие от нацистской Германии, правящая верхушка которой была практически полностью вычищена и в любом случае не имела никакой возможности удержать власть ни в ФРГ, ни в ГДР, в Японии политическая элита сохранила непосредственную преемственность с довоенным периодом. Большинство консервативных японских политиков первых послевоенных десятилетий пришли во власть еще до 1945 г., причем некоторые занимали в то время посты министерского уровня. Примером может послужить, например, Киси Нобусукэ, премьер-министр в 1957–1960 гг. и один из самых влиятельных лидеров консервативного лагеря в послевоенное время, в 1941–1943 гг. занимавший пост министра торговли и промышленности в кабинете Тодзё Хидэки — наиболее одиозного лидера милитаристской Японии, после войны казненного по приговору Токийского трибунала. О том, в какой степени подобная преемственность сохраняется и в наши дни, свидетельствует тот примечательный факт, что Н. Киси приходится дедом по материнской линии Абэ Синдзо, премьер-министру Японии в 2012–2020 гг.

После непродолжительного периода парламентской чехарды к 1950-м годам у власти в Японии окончательно утвердились консервативные силы, в 1955 г. объединившиеся в Либерально-демократическую партию (ЛДП). Либерал-демократы единолично удерживали власть почти четыре десятилетия, до 1993 г., когда они впервые оказались в оппозиции. Впрочем, уже через год ЛДП смогла вернуться к власти, и после этого, пусть и в коалиции с другими партиями, за исключением еще одного небольшого перерыва в 2009–2012 гг., она продолжает оставаться правящей политической силой и по сей день. Основным противовесом правящим либерал-демократам вплоть до их первого ухода в оппозицию в 1993 г. оставались левые партии, представленные, прежде всего, Социалистической партией Японии (СПЯ) и Коммунистической партией Японии (КПЯ). Тем не менее,

хотя СПЯ и КПЯ имели депутатов в парламенте (причем фракция социалистов уступала по численности только ЛДП), но, если не считать отдельных коротких периодов времени¹, оставались перманентной оппозицией.

Таким образом, ключевое отличие Японии как страны, побежденной во Второй мировой войне, от германских государств заключалось в том, что послевоенная японская политика сохранила высокую степень преемственности с той системой, что существовала до 1945 г. Преемственность эта была если не идеологической — практически все послевоенные лидеры подчеркивали свою приверженность демократическим ценностям, а милитаристский режим, существовавший в Японии до 1945 г., однозначно осуждался, — то кадровой. Отсюда следует и существенное различие в оценках военного прошлого в Японии, с одной стороны, и ФРГ и ГДР, возникших на руинах нацистской Германии, — с другой. Если в Западной и тем более Восточной Германии руководство решительно заявляло о своем категорическом отказе от наследия нацистской Германии, то лидеры послевоенной Японии в первые послевоенные десятилетия хотя и не высказывали откровенно реваншистских идей, а во внешней политике придерживались курса на сотрудничество с Соединенными Штатами, тем не менее предпочитали в большинстве случаев попросту не акцентировать внимание на вопросах, связанных с ответственностью за Вторую мировую войну.

Все это вело к тому, что очень скоро после войны в общественном сознании укоренилась идея о том, что японский милитаризм и колониализм уже однозначно остались в прошлом и Японии стоит поскорее перевернуть эту страницу истории, чтобы не оглядываться на прошлое, а смотреть в будущее. Широкую известность получила фраза, содержащаяся в «Белой книге» японского Агентства экономического планирования за 1956 г., — «(сейчас) уже не послевоенный период»². В особенности эта тенденция укрепилась после того, как события, связанные с подготовкой, подписанием и ратификацией японо-американского Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности (также известного просто как «Договор безопасности») в 1960 г. взамен старого Договора безопасности 1951 г., привели к крупнейшим за всю исто-

¹ За все послевоенное время во главе правительства лишь дважды стоял политик-социалист — в 1947–1948 и 1994–1996 гг.

² Сёва 31 нэн. Нэндзи кэйдзай хоу:коку. Кэйдзай кикаку тё: (1956 год. Ежегодный доклад по экономике. Агентство экономического планирования). URL: <https://www5.cao.go.jp/keizai3/keizaiwp/wp-je56/wp-je56-010501.html> (дата обращения: 02.03.2021).

рию послевоенной Японии общественным протестам и отставке правительства Н. Киси. Его преемник на посту премьер-министра, Икэда Хаято, предпочел дистанцироваться от неоднозначного наследия своего предшественника, сделав ставку не на политически чувствительные вопросы военно-политического характера, а на цели экономического развития, провозгласив «План удвоения национального дохода». Начало «японского экономического чуда», преобразившего облик Японии и принесшего большинству японцев невообразимое в довоенные годы материальное благополучие, токийская летняя Олимпиада 1964 г., продемонстрировавшая новый облик страны миру, модернизация и вестернизация культуры и повседневной жизни — все это, казалось бы, служило свидетельством того, что Вторая мировая война и связанные с ней трагедии раз и навсегда стали достоянием истории.

Тому, что на протяжении нескольких десятилетий Япония смогла избегать вопроса об ответственности за войну, способствовала и специфика ее отношений со странами Азии. Проблемы послевоенного урегулирования решались с ними, как правило, в необременительной для Токио манере, чему во многом также способствовали Соединенные Штаты, заинтересованные в поддержании единства своих союзников перед лицом «коммунистической угрозы». В большинстве случаев японские репарации осуществлялись даже не путем перечисления денежных средств странам, пострадавшим от японской агрессии, а в форме программ помощи: поставок японских товаров и предоставления «связанных кредитов» (к выполнению работ по ним должны были быть привлечены японские компании). Тем самым Япония не только решала вопрос с репарационными претензиями, но и закрепляла свою позицию в качестве важного экономического партнера стран, которым оказывалась эта помощь.

Отношения с Республикой Корея были нормализованы в 1965 г. с подписанием Договора об основах взаимоотношений¹. Статья 2 этого документа провозгласила все договоры, заключенные японским и корейским правительствами 22 августа 1910 г. и ранее, «уже недействительными» (тем самым аннулировав подписанный в этот день Договор о присоединении Кореи к Японии). Спорные вопросы, связанные с ответственностью Японии за период колониального господства, были признаны урегулированными, а в качестве компенсаций Сеул удовлетворился экономической помощью от Японии в объеме около 500 млн долл. США. При этом полученные от Токио средства были направле-

¹ С КНДР у Японии дипломатических отношений нет до сих пор.

ны южнокорейским правительством не на помощь жертвам войны или японского колониального правления, а на цели экономического развития, и впоследствии это стало одним из факторов, усугубивших японо-южнокорейские разногласия.

Что же касается Китая, то мирный договор между Токио и бежавшим с материка на Тайвань гоминьдановским правительством был подписан еще в 1952 г., а отношения с КНР были нормализованы лишь два десятилетия спустя, в 1972 г. В преамбуле подписанного в Пекине 29 сентября 1972 г. Совместного коммюнике говорилось о том, что «японская сторона остро осознает ответственность за значительный ущерб, который Япония нанесла китайскому народу в результате войны, и глубоко раскаивается в этом». Тем не менее китайская сторона, удовлетворившись тем, что Япония признала правительство КНР в качестве единственного законного правительства Китая, а Тайвань — неотъемлемой частью Китая, согласилась не требовать от Японии репарации, что и было прописано в пункте 4 Совместного коммюнике. Таким образом, в первые послевоенные десятилетия вопросы оценки военного прошлого в отношениях между Японией и ее ближайшими соседями казались практически решенными.

Наконец, периферийную роль темы ответственности за войну во многом определяла и специфика памяти о войне, сохранявшейся у переживших ее японцев. В японском общественном сознании Вторая мировая война оставалась (и остается до сих пор) не столько совершенным Японией преступлением, бремя вины за которое должны нести и жившие в то время поколения, и их потомки, сколько бедствием, постигшим Японию. Себя же японцы воспринимают, прежде всего, как жертв этого бедствия. В коллективной исторической памяти война ассоциируется не с агрессией Японии в Азии, а с образами атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки (при этом поскольку война опять-таки видится как постигшее страну бедствие, то и вина Соединенных Штатов в применении ядерного оружия против мирного населения, как правило, не акцентируется), разрушительных авианалетов на Токио и другие крупные города и кровопролитных боев на Окинаве. Как отмечает японский ученый Онума Ясуаки, «(в годы войны японцы) были слишком заняты своими страданиями, чтобы думать о судьбе других, которых их солдаты убивали, калечили и приносили им огромные страдания» [Onuma 2003: 604]. Эта же ситуация в послевоенные годы закрепились в качестве своеобразного «комплекса виктимности», избавляющего японское общество от бремени вины и необходимости рефлексии относительно тех причин, которые сде-

ляли возможным само развязывание войны [Орт 2001; Стрельцов 2014: 12–13]. В этом японское общество кардинально отличалось от германского, в котором отношение к собственному военному прошлому во многом определялось концепцией собственной ответственности за него, впервые четко артикулированной философом К. Ясперсом в его труде «Вопрос о виновности» (Ясперс 1999) и позже ставшей доминирующей в немецком обществе [Рулинский 2011: 165].

Подобная специфика японской исторической памяти — особенно на контрасте с тем, какое отношение к собственному военному прошлому существует в Германии, — нередко интерпретируется как признак того, что японское общество недостаточно осознало свою ответственность и что поэтому оно заслуживает осуждения. В. Э. Молодяков приводит характерную цитату бывшего канцлера ФРГ Гельмута Шмидта: «У японского народа, к сожалению, в мире не так много настоящих друзей... Это связано с двойственным отношением японской общественности к признанию завоеваний, началу войны на Тихом океане и преступлениям прошлого» [Молодяков 2008: 298]. Конечно, нельзя не признавать крайнюю чувствительность этих вопросов, а также то, что Япония, являясь страной, проигравшей во Второй мировой войне, неизбежно несет бремя вины за свою агрессию в Азии. Но нельзя и подходить к вопросу ответственности за войну в исключительно морализаторском ключе, сводя эту сложную проблему к утверждениям, что меньшая степень раскаяния японцев за преступления прошлого по сравнению с жителями Германии означает, что японцы, по сравнению с полностью признавшими свою вину немцами, несут в себе какой-то заслуживающий осуждения изъян национального характера.

Помимо всех перечисленных выше объективных факторов, связанных с международно-политическими условиями, в которых оказалась Япония после Второй мировой войны и которые означали, что в послевоенные десятилетия японское государство смогло достаточно легко «закрыть» проблему послевоенного урегулирования с большинством стран-соседей, пожалуй, еще более важную роль играла специфика национального опыта войны — как индивидуального, на уровне каждого конкретного человека, так и коллективного, на уровне общества и государства в целом. В самом деле, во внешней экспансии Японии была задействована лишь малая часть населения страны, а осуществлялась она под жестким контролем государства [Молодяков 2008: 286]. В условиях тотального контроля государства над обществом и господства пропаганды о военных преступлениях японских вооруженных сил

большинство японцев, естественно, могли узнать лишь после войны. Сухопутные сражения затронули лишь малую часть Японской империи, прежде всего остров Окинава, и неудивительно, что там характер памяти о войне до сих пор существенно отличается от таковой в остальной Японии [Nelson 2008, Ikeda 2014, Hook 2015].

В отличие от нацистского режима, занимавшегося целенаправленным геноцидом целых народов, действия японской военщины, безусловно, подчас крайне жестокие и беспощадные по отношению к жителям оккупированных Японией территорий, тем не менее не имели столь систематически геноцидального характера. Более того, с точки зрения самого милитаристского режима, а также его апологетов из числа послевоенных исторических ревизионистов, экспансия Японии в Азии имела благородную цель освобождения народов Азии от европейского колониального гнета. Преступления же, совершенные японской военщиной, являются, с точки зрения приверженцев подобных ревизионистских взглядов, либо «перегибами на местах», не отражавшими общего характера действий Японии, либо вообще преувеличениями или фактическим подлогом (в частности, именно такие оценки высказываются японскими ревизионистами в отношении печально известной «Нанкинской резни»)¹.

Активное обсуждение вопроса об оценках военного прошлого и об ответственности Японии началось лишь спустя несколько десятилетий после войны, в особенности с конца 1970-х годов, и вызвано это было главным образом теми изменениями, которые проходили внутри самого японского общества. С одной стороны, превращение Японии в одну из ведущих экономических держав придало японскому обществу новую уверенность в своих силах. Среди представителей консервативной части политического спектра все громче стали звучать голоса тех, кто считал, что Японии стоит отказаться от «мирной» 9-й статьи, создать полноценные вооруженные силы, стать «нормальной страной» (подразумевалось, что конституционные пацифистские ограничения делают ее «ненормальной») и тем самым уже окончательно «подвести итоги» войны.

Из японских лидеров этого периода наиболее откровенно высказывался по этим вопросам Накасонэ Ясухиро, занимавший пост премьер-министра в 1982–1987 гг. Он открыто призывал к реабилитации Японии и отказу от исторического «мазохизма» в восприятии истории,

¹ Более подробно о проблеме исторического ревизионизма в Японии см.: Gerow 1998, Iwasaki 2008, Daqing Yang 2011.

а также стал первым премьер-министром, кто посетил храм Ясукуни в официальном качестве [Стрельцов 2019: 149]. Впрочем, назвать его ревизионистом в полном смысле этого слова было бы неправильно: о войне Японии в Азии Накасонэ говорил, что это «была ненужная и ошибочная война», а действия японской военщины в Китае однозначно оценивал как агрессию¹.

Точно так же и мнения, которые высказывались многими другими лидерами ЛДП, пусть и шли вразрез с тем, что было допустимо говорить в первые послевоенные годы, также не подразумевали полного оправдания японского милитаризма. Настаивая на необходимости более активной военной роли Японии, они тем не менее считали, что, по крайней мере, в обозримом будущем ей нужно продолжать придерживаться союза с Соединенными Штатами, а сам Я. Накасонэ даже говорил о Японии как о «непотопляемом авианосце» США.

С 1980-х годов о необходимости более откровенного осмысления ответственности Японии за военное прошлое начали все чаще говорить придерживавшиеся левых и пацифистских взглядов японские ученые, журналисты и представители неправительственных движений (Опума 2002: 606). Ведущую роль в этом процессе с самого начала играли общественные организации пацифистской и правозащитной ориентации, такие как объединения жертв атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, движения за запрет ядерного оружия, женские объединения и организации, занимавшиеся защитой прав корейского меньшинства в Японии [Saito 2014: 174]².

Часто эти организации были аффилированы с левыми политическими силами и, прежде всего, крупнейшей оппозиционной партией — СПЯ, для которой в период господства ЛДП в 1955–1993 гг. (так называемый период «системы 1955 года») важной частью политической платформы были принципы пацифизма, воплощавшиеся, прежде всего, в призывах к сохранению «мирной» 9-й статьи конституции, роспуску Сил самообороны, ликвидации японо-американского военно-политического союза и превращению Японии в нейтральное государство. Продвигаемая японскими социалистами и коммунистами трактовка событий Второй мировой войны также подчеркивала роль японско-

¹ Протокол заседания бюджетной комиссии палаты представителей. 29 октября 1985 г. URL: <https://kokkai.ndl.go.jp/#/detail?minId=110305261X00219851029> (дата обращения: 28.03.2021)

² Более подробно о роли гражданского общества в поддержании памяти о войне см.: Szczepanska 2014.

го народа как жертвы. Но, противопоставляя пострадавших от войны простых японцев милитаристскому режиму и обвиняя правящую ЛДП в ревизионизме и реваншизме, левые силы, таким образом, превращали вопрос об ответственности за военное прошлое в инструмент политической борьбы против правящего консервативного лагеря.

Резкому повороту в официальной позиции по вопросам исторического прошлого и ответственности Японии за агрессию в Азии способствовали тектонические сдвиги, произошедшие в японской политике в начале 1990-х годов. В 1993 г. консервативная ЛДП впервые с момента своего основания оказалась в оппозиции, а к власти пришло коалиционное правительство восьми партий, во главе которого встал Хосокава Морихиро. Уже во время своей первой пресс-конференции он сделал беспрецедентное заявление, признав, что Япония вела агрессивную войну. Примечательно, что практически сразу же после заявления Хосокава группа депутатов парламента от ЛДП, имевших тесные связи с Японской ассоциацией членов семей павших («Ниппон Идзокукай» — общественной организацией, объединяющей родственников погибших во Второй мировой войне и стоящей на националистических позициях) и храмом Ясукуни, потребовала от Хосокавы отказаться от своих слов и осудила его заявление, отметив, что оно представляет только Японию виновной в войне, игнорируя при этом военные преступления, совершенные странами-союзниками [Saito 2014: 175].

Коалиционное правительство не смогло долго удержаться у власти, и уже в следующем, 1994 г., к власти снова вернулась ЛДП. Теперь, однако, ей также пришлось сформировать коалиционное правительство, в которое, помимо небольшой партии Сакигакэ, вошла СПЯ, еще совсем недавно бывшая главным оппонентом ЛДП в условиях «системы 1955 года». Более того, даже пост главы правительства либерал-демократы были вынуждены уступить социалистам: премьер-министром стал председатель ЦИК СПЯ Мураяма Томиити.

Ради вхождения во власть социалисты, в свою очередь, пошли на ряд принципиальных программных уступок: так, они отказались от критики японо-американского Договора безопасности и согласились с существованием Сил самообороны. В конечном счете такой политический оппортунизм обошелся им очень дорого. Потеряв почти всех своих лояльных избирателей, СПЯ, с 1996 г. переименованная в Социал-демократическую партию (СДП) и всего за несколько лет до этого бывшая главной оппозиционной силой, уже во второй половине 1990-х годов превратилась в одну из мелких политических партий,

практически не имеющих существенного влияния в японской политической жизни.

Однако с точки зрения оценок военного прошлого короткое пребывание социалистов у власти оказалось важным рубежом. 15 августа 1995 г. на церемонии в честь годовщины окончания войны премьер Мураяма заявил: «В период не столь далекого исторического прошлого Япония, проводя ошибочную государственную политику, пошла по пути к войне, которая привела японскую нацию к роковому кризису. Действуя путем установления колониального господства и агрессии, Япония нанесла огромный ущерб и страдания многим странам, и особенно народам Азии. (...) Еще раз выражаю чувство глубокого сожаления и приношу искренние извинения»¹.

Но изменение официальной позиции по вопросу об ответственности Японии породило во второй половине 1990-х годов ответную реакцию со стороны представителей консервативных политических кругов, националистических общественных организаций и сочувствовавших им простых граждан, среди которых распространилась определенная «усталость от извинений». Они настаивали на том, что подобные шаги унижительны для Японии, аргументируя свои взгляды тем, что в преступлениях, в которых обвиняют японское государство, повинны и западные державы, в свое время также бывшие колониальными метрополиями.

Дополнительно усугубляло ситуацию то, что крах «экономики мыльного пузыря» и начало экономической рецессии в 1990-х годах лишили японское общество былого оптимизма, а потому подобные символические вопросы, связанные с ответственностью за события прошлого, стали восприниматься значительно острее. Сыграл свою роль и внешний фактор: демократизация в Южной Корее и перенос акцентов государственной идеологии в КНР с социализма на патриотизм привели к тому, что эти страны, на протяжении 1960–1970-х годов, как казалось тогда, окончательно закрывшие вопросы военного прошлого, начали вновь активно обвинять Японию в недостаточном раскаянии [Onuma 2003: 607–609].

Одним из наиболее ярких примеров подобного подъема ревизионизма в Японии рубежа столетий может послужить обострение так на-

¹ Русский перевод частично приведен по: [Стрельцов 2014: 16]. Полный текст см.: «Сэнго 50 сю:нэн но сю:сэн кинэмби ни ататтэ» (Иваюру Мураяма данва) («По случаю 50-летней годовщины окончания войны» (так называемое «Заявление Мураяма») // МИД Японии. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/danwa/07/dmu_0815.html (дата обращения: 27.01.2021).

зываемой «проблемы учебников», которая, впрочем, присутствовала в японском политическом поле еще с 1950-х годов. В декабре 1996 г. при участии ряда правых интеллектуалов и политических деятелей было образовано «Общество создания нового учебника истории» (*Атарасии рэкиси кё:касё о цукуру кай*). В принятой в январе 1997 г. декларации о намерениях организации говорилось: «С японцами обращаются как с преступниками, которым предначертано продолжать извиняться на протяжении многих поколений. После окончания холодной войны эта тенденция к самоистязанию усилилась, и в нынешних учебниках истории в качестве истины просто излагается пропаганда бывших стран-противников (Японии)»¹.

Помимо создания собственно школьного учебника истории, призванного представить более соответствующий ценностям членов организации взгляд на события недавнего прошлого и опубликованного как «Новый учебник истории» в 2001 г., организация также провела большое количество симпозиумов, конференций и лекций, некоторые из которых собирали до 1500 участников. Кроме того, организация и ее отдельные члены подготовили большое количество других публикаций, ставших коммерческими бестселлерами [Ку 2014: 266–267].

Тем не менее главной своей цели — добиться перелома в преподавании истории в японских школах — организации достичь так и не удалось. Японское Министерство образования одобрило подготовленный ее членами и опубликованный в 2001 г. «Новый учебник истории», многие положения которого оказались открыто ревизионистскими. Но лишь очень небольшое число школ стали использовать его в учебном процессе. При этом публикация учебника и его официальное одобрение со стороны министерства вызвали крайне жесткую реакцию со стороны и японских общественных организаций (в частности, профсоюзов учителей, которые в Японии традиционно близки к левым силам), и ряда стран-соседей Японии, особенно Южной Кореи. Ситуация во многом повторилась в 2005 г., когда Министерство образования одобрило пересмотренный вариант того же учебника: это снова вызвало крайне негативную реакцию японских и иностранных общественных организаций, и снова лишь очень малое количество школ приняли решение использовать этот учебник [Ку 2014: 275–277].

Эти и другие примеры общественных дискуссий по вопросам, связанным с трактовкой проблем исторического прошлого, отража-

¹ Атарасии рэкиси кё:касё о цукуру кай. Сюисё (Общество создания нового учебника истории. Декларация цели) // Атарасии рэкиси кё:касё о цукуру кай Official Web. URL: <http://www.tsukurukai.com/aboutus/syuisyo.html> (дата обращения: 26.01.2021).

ют важную особенность политического процесса в Японии: ведущую роль в артикуляции позиций с обеих сторон спора вокруг оценок военного прошлого играли не столько политические партии, сколько общественные движения. Подобная ситуация в японской политике далеко не ограничивается проблемами исторического прошлого: политическим партиям, за отдельными исключениями (к ним, в частности, относится Коммунистическая партия Японии), свойственна «политическая всеядность» [Стрельцов 2016: 83]. И сами политики, и поддерживающие их избиратели воспринимают партии не столько как инструмент проведения в жизнь конкретной идеологической программы, сколько как средство вхождения во власть. Соответственно, в большинстве случаев партии имеют либо персоналистский характер, являясь, по сути, клиентельной группой отдельного политического лидера (таковы многие мелкие партии), либо оказываются рыхлым конгломератом подобных группировок-фракций (такова структура правящей ЛДП).

В результате по такому чувствительному вопросу, как проблема ответственности Японии за преступления военного прошлого, можно услышать острые и даже провокационные высказывания отдельных политиков¹, но крупные политические партии и особенно правящая ЛДП ограничиваются довольно обтекаемыми заявлениями по этому вопросу — хотя, как будет показано ниже, определенные отличия в отношении различных партий к вопросу об ответственности Японии за войну все же присутствуют. И напротив, радикальные ревизионистские высказывания, как правило, воспринимаются почти всем японским обществом как категорически неприемлемые.

Именно это было продемонстрировано разразившимся в 2008 г. скандалом, известным как «дело Тамогами». Содержание его заключалось в следующем: как стало известно осенью 2008 г., начальник штаба ВВС Сил самообороны генерал Тосио Тамогами принял участие и получил первый приз на конкурсе эссе, организованном компанией APA Group (возглавляемой известным историческим ревизионистом Тосио Мотоя), на тему «Правдивый взгляд на новую и современную историю». В эссе, озаглавленном «Была ли Япония страной-агрессором?», генерал Тамогами оправдывал «продвижение» Японии в Корею

¹ Так, в 2013 г. мэр г. Осака Хасимото Тору, глава правопопулистской Партии возрождения Японии, заявил, что система «женщин для утешения» была необходима для отдыха и поддержания дисциплины японских солдат. Более подробно см.: *Sekiguchi T.* Osaka Mayor Stirs Anger by Calling Comfort Women Necessary Evil // Wall Street Journal. 14.05.2013. URL: <https://www.wsj.com/articles/BL-JRTB-13873> (accessed: 28.03.2021).

и Китай в первой половине XX в., утверждал, что Японская империя принесла народам Восточной Азии освобождение от западного колониализма, критиковал решения послевоенных трибуналов, судивших японских военных преступников, а также сетовал на то, что нынешние Силы самообороны не могут участвовать в коллективной самообороне и обладать наступательными вооружениями¹.

31 октября 2008 г., в тот же день, когда было объявлено, что это эссе получило первый приз на конкурсе, министр обороны Ясукадзу Хамада уволил Тамогами с поста начальника штаба ВВС, а 3 ноября Министерство обороны объявило об отставке генерала. Тем не менее сам Тамогами отказался признавать за собой вину и на пресс-конференции, собранной после его отставки, заявил, что позиция, высказанная в его эссе, исторически достоверна, сравнив примененные к нему санкции с ограничениями на свободу слова в КНДР. Вскоре стало ясно, что дело не ограничивалось одним эссе: как оказалось, следуя примеру Тамогами, почти сто офицеров ВВС Сил самообороны также приняли участие в этом конкурсе, подав на него работы, в которых высказывались сходные ревизионистские идеи. Более того, как оказалось, в бытность главой Колледжа Объединенного комитета начальников штабов Сил самообороны Тамогами организовывал для своих подопечных лекции, на которых пропагандировались ревизионистские и националистические взгляды.

11 ноября, будучи вызванным на слушания в парламенте, Тамогами снова подтвердил, что не отступится от своих взглядов и что, если необходимо, готов вызвать «тысячу» офицеров японских ВВС, которые поддержат его. Ситуация оказалась настолько скандальной, что 13 ноября, выступая в парламенте, премьер Асо Таро вынужден был оправдываться, заявив, что «считать это чем-то вроде государственного переворота было бы излишним преувеличением» [Hughes 2009: 61–64].

В результате, хотя на улицах японских городов и можно увидеть протестные акции представителей ультранационалистических группировок и движений (по-японски называемых *уёку дантай*, «правые группы»), какого бы то ни было реального влияния на политику страны они не имеют. Что же касается политического мейнстрима, то даже те из лидеров правящей ЛДП, кто сочувственно относится к националистическим и ревизионистским кругам, как правило, стараются излишне не акцентировать внимание на этих вопросах и огра-

¹ *Тамогами Т.* Нихон ва синряку кокка дзатта но ка» (Была ли Япония страной-агрессором?). 2008. URL: http://ronbun.apa.co.jp/images/pdf/2008jyusyou_saiyuusyu.pdf (дата обращения: 29.03.2021).

ничиваются отдельными, как правило, символическими жестами, руководствуясь прежде всего соображениями политического прагматизма. В полной мере это относится и к руководству правящей ЛДП и, в частности, наиболее видному японскому политику последнего десятилетия — Абэ Синдзо, занимавшему пост премьер-министра в 2012–2020 гг.

Самого С. Абэ часто характеризовали как националиста, и эта оценка не лишена основания: политик является одним из видных членов националистической организации «Ниппон кайги» («Японская конференция»), объединяющей многих представителей японской политической элиты. Но те шаги, которые он предпринимал в период пребывания у власти, и те заявления, которые он делал, позволяют говорить о том, что, к вопросам, связанным с проблемами исторического прошлого, он подходил с большой осторожностью.

Так, например, в декабре 2013 г. С. Абэ посетил храм Ясукуни, что стало первым таким визитом главы правительства с тех пор, как в августе 2006 г. святилище посетил премьер-министр Коидзуми Дзюнъитиро. Но в опубликованном после этого официальном заявлении была предпринята явная попытка смягчить возможную негативную реакцию со стороны японской и иностранной общественности. От имени премьера в нем, в частности, говорилось: «Япония больше никогда не должна начинать войны. Это мое убеждение основано на остром раскаянии за прошлое. Стоя перед душами погибших, я обновил свою решимость твердо держаться клятвы об отказе от войны». Кроме того, там особо подчеркивалось: «У меня совершенно нет намерения ранить чувства китайского и корейского народов. Мое желание состоит в том, чтобы (...) с уважением строить отношения дружбы с Китаем и Республикой Корея, как это делали все предыдущие премьер-министры, посещавшие храм Ясукуни»¹. И после того, как и это посещение святилища в 2013 г. вызывало волну критики внутри Японии и за ее пределами, премьер Абэ ни разу не посещал его лично, ограничиваясь отправкой подношений от своего имени.

Другое свидетельство того, что С. Абэ, с одной стороны, с сочувствием относится к взглядам консервативных кругов на военное прошлое Японии, сводящимся к тому, что необходимо наконец «подвести итоги войны», но, с другой стороны, подходит к этому вопросу с осторожностью — то, как от года к году менялись формулировки его высту-

¹ Заявление премьер-министра Японии С. Абэ «Клятва в вечном мире» (неофициальный перевод). 26.12.2013. URL: http://japan.kantei.go.jp/96_abe/statement/201312/inf/26danwa_ru.pdf (дата обращения: 28.03.2021).

плений 15 августа. В этот день, считающийся в Японии датой окончания Второй мировой войны, на арене Ниппон Будокан в центре Токио проводится церемония, носящая название «Всеяпонской мемориальной службы в честь погибших на войне». На церемонии присутствует императорская чета, представители различных политических, экономических, религиозных и иных организаций, представляющих разнообразные круги японского общества, а премьер-министр выступает с краткой речью. Речь эта в значительной степени ритуализирована, и многие ее части повторяются дословно из года в год, но тем более значимыми оказываются обновления тех или иных пассажей. Для исследователя это очень удобно, потому что благодаря этому ежегодное выступление премьер-министра 15 августа может служить своеобразным барометром официальной позиции японского правительства по вопросам оценки событий Второй мировой войны. Попробуем проследить, как менялась эта позиция за последние годы.

Естественно, что наиболее чувствительным вопросом для Японии является оценка действий Японии в Азии накануне и в период Второй мировой войны. И до С. Абэ каждый премьер-министр в своих выступлениях 15 августа характеризовал японскую агрессию в словах, которые, как правило, повторяли формулировку, содержащуюся в знаменитом «заявлении Мураяма» 1995 г.: «Япония нанесла огромный ущерб и страдания многим странам, и особенно народам Азии»¹. Далее следовали слова извинения, в большинстве случаев звучавшие следующим образом: «От имени народа Японии я выражаю чувства глубокого раскаяния и искренней скорби о жертвах войны». С незначительными вариациями эти слова повторяли премьер-министры, представлявшие как ЛДП (как, например, в целом известный своими подчас неоднозначными высказываниями Асо Таро, выступавший 15 августа 2009 г.), так и Демократическую партию, находившуюся у власти в 2009–2012 гг.

Но С. Абэ в своей первой такой речи, в 2013 г., опустил упоминание страданий, причиненных Японией народам Азии, и раскаяния за эти действия, сказав вместо этого: «В послевоенное время наша страна настойчиво шла по дороге мира, уважая свободу и демократию». По сути, с самого начала своего срока он таким образом обозначил, что собирается уделять меньше внимания традиции извинений за военное прошлое Японии, нежели многие его предшественники.

¹ Здесь и далее содержание речей цитируется по транскриптам, опубликованным на странице Канцелярии премьер-министра Японии. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/98_abe/statement/index.html.

Еще одно изменение, также связанное с вопросом моральной ответственности Японии, заключалось в том, что начиная с 2019 г. в выступлении премьера не было слов «со смирением смотреть в лицо истории», которые содержались практически во всех аналогичных речах, включая выступления самого С. Абэ вплоть до 2018 г. включительно. В 2019 и 2020 гг. премьер использовал другую фразу: «глубоко отпечатать в сердце уроки истории».

Более отчетливо проявляется в этих выступлениях премьера и идея о том, что Япония была, прежде всего, жертвой войны — идея, которая, как уже отмечалось выше, во многом является центральным элементом национальной памяти о Второй мировой войне. С 2019 г. в речи С. Абэ появился новый пассаж, в котором говорится об «атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки, воздушных налетах на Токио и другие города и наземных боях на Окинаве». Характерно, что страна, которая, собственно, бомбила Хиросиму, Нагасаки, Токио и другие города, не упоминается — учитывая акцент администрации С. Абэ на военнополитическом сотрудничестве с США это, по всей вероятности, было бы политически неблагоприятно.

Заслуживает внимания также то, что в последнем своем таком выступлении, состоявшемся 15 августа 2020 г., С. Абэ впервые упомянул идею «активного пацифизма», являвшуюся одним из столпов его внешнеполитического курса. Говоря о решимости Японии «играть еще более значимую роль в решении разнообразных проблем, с которыми сталкивается мир» и подчеркивая, что Япония собирается это делать «под знаменем активного пацифизма» и «рука об руку с международным сообществом», премьер-министр не только подводил внешнеполитические итоги своего срока (о своей отставке он заявил менее чем через две недели после этого выступления, и, скорее всего, к этому моменту соответствующее решение уже было принято), но и дополнительно легитимизировал новую, более активную внешнюю политику Японии, подчеркивая, что она основана на опыте страны, пережившей тяготы войны. В любом случае это еще одно свидетельство нацеленности правящей ЛДП на то, чтобы, признавая трагичность военного прошлого, стремиться тем не менее «закрыть» эту страницу и избавить Японию от довлеющего над ней бремени вины за военное прошлое.

Сменивший С. Абэ на посту председателя ЛДП и премьер-министра Суга Ёсихидэ всячески подчеркивает преемственность своего курса по отношению к политике своего предшественника, и есть все основания полагать, что и по вопросу оценки военного прошлого он

в общем и целом будет следовать направлению, заданному С. Абэ, — признавать трагичность Второй мировой войны для Японии и ее стран-соседей, но при этом не акцентировать вопрос об ответственности японского государства за войну. Свидетельством в пользу этого может послужить то, что всего спустя месяц после назначения премьер-министром Ё. Суга отправил подношение в храм Ясукуни¹, а в ноябре 2020 г. на встрече с представителями Южной Кореи он подчеркнул, что инициатива решения спора вокруг исторических проблем должна исходить от южнокорейской стороны².

Итак, японские консерваторы из ЛДП склоняются к тому, чтобы представлять Японию не как преступника, но как жертву войны, а также настаивают на необходимости окончательно «закрыть» вопрос об ответственности Японии. Но картина того, какие мнения относительно военного прошлого представлены в современном японском общественном дискурсе, была бы неполной без рассмотрения того, какие позиции по этому вопросу занимают представители других политических сил. И снова, чтобы сравнить их точки зрения, уместно сопоставить официальные заявления в аналогичных ситуациях, а именно в уже упомянутый выше день 15 августа, считающийся в Японии датой окончания Второй мировой войны.

Младший партнер ЛДП по коалиции, партия Комэйто (занимающая центристские позиции и тесно связанная с необуддистским движением Сока Гаккай), в своем заявлении от 15 августа 2020 г. достаточно прямо говорит об ответственности Японии: «Мы, Комэйто, помня об имевшей место в прошлом агрессии (Японии), решительно намерены и впредь продолжать рассказывать о жестокости войны»³. Это, впрочем, неудивительно, учитывая, что идеалы пацифизма были основой внешнеполитической программы партии на протяжении всей ее истории.

Еще более критическую позицию в отношении военного прошлого занимает придерживающаяся левоцентристских взглядов Конституционно-демократическая партия Японии (КДП), имеющая наибольшее

¹ Japan P. Suga sends offering to Yasukuni Shrine for war dead: NHK // Reuters. 2020. October 17. URL: <https://www.reuters.com/article/us-japan-yasukuni-suga-idUSKBN27134C>.

² Yamaguchi Mari. Japan P. meets top SKorea official, urges Seoul to solve row // AP News. 2020. November 10. URL: <https://apnews.com/article/yoshihide-suga-seoul-world-war-ii-tokyo-south-korea-7db228dcad19ef68e4e938cb013c1f8>.

³ Сю:сэн кинэмби дэ то: апи:ру. «Хэйва э но тикаи» арата ни (Обращение по случаю дня окончания войны. Повторена «клятва о мире») // Сайт партии Комэйто. 2020. 15 августа. URL: <https://www.komei.or.jp/komeinews/p117595/> (дата обращения: 28.03.2021).

количество мест в парламенте среди всех оппозиционных сил. В своей речи по случаю годовщины окончания войны лидер партии Эдано Юкио подчеркивал: «(Вторая мировая война на Тихом океане) стала фатальным кризисом для японского народа, а колониальное господство и агрессия причинили огромный ущерб и страдания многим странам, в особенности народам Азии»¹. Примечательно, что эта фраза является дословным повторением соответствующего пассажа из упоминавшегося выше «заявления Мураяма» 1995 г., и это, по всей видимости, должно подчеркнуть статус КДП как ведущей оппозиционной силы, продолжающей антивоенную традицию «прогрессивных»² политических сил.

Сходной критической позиции в отношении милитаристского прошлого придерживается и еще одна оппозиционная партия, лево-популистская «Рэйва синсэнгуми», образованная в 2019 г. и представленная двумя депутатами в палате советников. Ее лидер Ямамото Таро подчеркивает: «В прошлом вследствие череды ошибочных политических решений огромный ущерб был нанесен не только Японии, но и странам Азии»³.

В то же время другая крупная оппозиционная сила, «Партия возрождения Японии», придерживающаяся правопопулистских позиций, в своих заявлениях соблюдает максимальную сдержанность. Никакого осуждения японской агрессии или японского колониализма в них не содержится. Напротив, в своем заявлении от 15 августа 2020 г. лидер партии Мацуи Итиро сказал о чувстве скорби по «всем жертвам войны, отдавшим свою жизнь за родину» и подчеркивал: «нельзя ни на миг забывать, что мир и процветание, которые мы воспринимаем как нечто само собой разумеющееся, основаны на священных жертвах наших предшественников»⁴. Эта формулировка примечательна, как

¹ Сю:сэн но хи. Риккэнминсюто: Эдано Юкио дайхё: данва (День окончания войны. Речь председателя Конституционно-демократической партии Эдано Юкио) // Санкэй симбун. 2020. 15 августа. URL: <https://www.sankei.com/politics/news/200815/plt2008150004-n1.html> (дата обращения: 29.03.2021).

² В японском политическом дискурсе левые силы обычно называются «прогрессивными», а правые — «консервативными». Здесь эти пары понятий используются взаимозаменяемо.

³ Сю:сэн но хи. Рэйва синсэнгуми Ямамото Таро: дайхё: данва (День окончания войны. Речь председателя партии Рэйва синсэнгуми Ямамото Таро) // Санкэй симбун. 2020. 15 августа. URL: <https://www.sankei.com/politics/news/200815/plt2008150009-n1.html> (дата обращения: 29.03.2021).

⁴ Сю:сэн но хи. Ниппон исин но кай Мацуи Итиро: дайхё: данва (День окончания войны. Речь председателя Партии возрождения Японии Мацуи Итиро) // Санкэй сим-

минимум, по двум причинам. *Во-первых*, в своих словах политик сумел практически полностью обойти тот факт, что Япония была проигравшей страной во Второй мировой войне. *Во-вторых*, процитированная фраза с небольшими изменениями повторяет пассаж из официального заявления уже упоминавшейся выше националистической организации «Ниппон кайги», опубликованного пятью годами ранее, 6 августа 2015 г., по случаю 70-летия окончания Второй мировой войны¹.

Наиболее жесткие формулировки по вопросу о военном прошлом содержатся в заявлениях самой левой из представленных в японском парламенте политических сил — Коммунистической партии Японии. В заявлении от 15 августа 2020 г., опубликованном КПК, говорилось: «Мы выражаем глубокую скорбь по тем, кто в самой Японии и за ее пределами стал жертвой развязанных японским милитаризмом агрессивной войны и колониальной экспансии»². При этом практически вся оставшаяся часть заявления посвящена критике курса правительства С. Абэ, который, по мнению КПК, ведет к превращению Японии в «страну, которая будет вести войну». Японские коммунисты, таким образом, продолжают придерживаться курса, о котором говорилось ранее: хотя они и заявляют о преступности японского милитаризма и развязанной им войны, они тем не менее не говорят об ответственности японского народа в целом.

Можно сделать вывод, что мнения японских политических партий о Второй мировой войне и ответственности Японии в общем и целом коррелируют с их положением на политическом спектре. Правящие либерал-демократы, а также оппозиционные правые популисты делают акцент на трагичности войны и на жертвах, которые понесла Япония, но стараются избегать упоминаний японской агрессии — темы, которая более четко артикулируется в высказываниях представителей партий «прогрессивного» толка. Но даже несмотря на это, приведенные цитаты наглядно демонстрируют, что в общем и целом оценки военного прошлого различными политическими силами различаются не так уж и сильно. В политическом мейнстриме нет ни

бун. 2020. 15 августа. URL: <https://www.sankei.com/politics/news/200815/plt2008150007-n1.html> (дата обращения: 29.03.2021).

¹ Сю:сэн нана дзю: нэн ни ататтэ Ниппон кайги но кэнкай (Мнение «Ниппон кайги» по случаю 70-летия окончания войны) // Официальный сайт «Ниппон кайги». 2015. 6 августа. URL: <https://www.nipponkaigi.org/opinion/archives/7580> (дата обращения: 30.03.2021).

² Сю:сэн кинэмби ни ататтэ (По случаю дня окончания войны) // Коммунистическая партия Японии. 2020. 15 августа. URL: https://www.jcp.or.jp/web_policy/2020/08/75-syuusen-danwa.html (дата обращения: 29.03.2021).

по-настоящему ревизионистских сил, которые открыто оправдывали бы действия милитаристской Японии, ни тех, кто считал бы, что японский народ и японское государство должны относиться к своему военному прошлому так же, как к своему прошлому относится Германия, — а именно признать, что ответственность за преступления японского милитаризма лежит не только на части высшего руководства Японии того времени, но и на японском государстве в целом, а отчасти — и на всем японском народе.

* * *

Обзор процесса развития и трансформации оценок колониального и военного прошлого в японской политической и общественной жизни, а также нынешнего состояния этого вопроса в политической жизни Японии позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, в качестве ключевого элемента национальной памяти в Японии прочно укоренилось представление о японском народе как, прежде всего, жертве войны. Причем, как показывает обзор позиций различных политических сил, этот тезис разделяется представителями почти всех сегментов политического спектра. Разница лишь в том, что для «прогрессивных» сил, стоящих на пацифистских позициях, виновником войны является милитаристский режим, а правые ревизионисты (представленные, впрочем, не столько крупными политическими партиями, сколько общественными организациями или отдельными политическими деятелями) в той или иной степени готовы оправдывать японское правительство того времени, подчеркивая, что ответственность за развязывание войны несут и страны, против которых Япония воевала.

Во-вторых, в первые послевоенные десятилетия вопрос о собственной ответственности японского государства и общества за войну занимал в японской общественной и политической жизни относительно периферийную роль. Этому способствовали как геополитические условия — Япония оказалась в крайне выгодной для себя позиции ключевого союзника США в Восточной Азии, — так и специфика японской внутривнутриполитической ситуации, заключавшаяся в том, что правящей политической силой в стране оказались консервативные политики, многие из которых пришли во власть еще до 1945 г. и потому не были заинтересованы в том, чтобы поднимать вопрос об ответственности за те или иные действия милитаристского режима.

В-третьих, важным пунктом внутривнутриполитической повестки дня вопрос об ответственности за войну стал лишь к концу XX в. Опять-таки

это было обусловлено рядом причин внутреннего и внешнего характера: развитием деятельности неправительственных гуманитарных и правозащитных организаций, прекращением существования «системы 1955 года», экономической рецессией 1990-х годов, породившей кризис самоидентификации в японском обществе, а также все более активными претензиями со стороны стран-соседей Японии и распадом биполярной системы международных отношений в целом. Но активизация движения за признание ответственности Японии за военное и колониальное прошлое породила и ответную реакцию: представители националистических сил, тесно связанные с частью правящего консервативного лагеря, начали все более активно протестовать против того, что они воспринимали как унижительное и бесконечное «самоистязание».

Наконец, *в-четвертых*, на данный момент по вопросу о трактовке военного прошлого в японской политической и общественной жизни сложилось определенное равновесие: правящие консервативные силы в лице ЛДП в целом признают ответственность Японии, но предпочитают не акцентировать внимание на этом вопросе. В своих заявлениях они не отрицают тот факт, что Япония совершила ошибку, начав экспансию на континенте и вступив в войну, но подчеркивают не столько вину своей страны за прошлое, сколько ее обращенность в будущее и важность уроков войны с точки зрения сохранения приверженности Японии ценностям свободы, мира и демократии. По сути, это отражает и консенсус, сложившийся в общественном мнении к началу XXI в.: большинство японцев считают важным чтить память своих предков, павших на полях Второй мировой войны, но осуждают саму войну; они признают, что Япония принесла огромные страдания народам Кореи и Китая, но зачастую не поддерживают нынешние требования компенсаций и извинений, считая их избыточными [Fujiwara 2006: 152].

Открыто ревизионистские и оправдательные по отношению к милитаристской Японии взгляды по-прежнему остаются уделом политических маргиналов, но и того глубокого раскаяния в преступлениях тоталитарного прошлого, которое стало, по сути, элементом национальной идеологии в Германии, в японском обществе также практически не наблюдается. Представляется, что понимание этой специфики японского взгляда на проблемы исторического прошлого, в значительной мере обусловленной особенностями японской политической и общественной жизни, необходимо и для понимания истоков и перспектив разрешения споров между Японией и ее соседями, и для выстраивания конструктивного и плодотворного диалога по историческим вопросам между Японией и Россией.

Список литературы

На русском языке

Молодяков 2008 — *Молодяков В. Э.* Историческая память японцев // Ежегодник Японии. 2008. № 37. С. 285–301.

Стрельцов 2014 — *Стрельцов Д. В.* Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии // Ежегодник Японии. 2014. № 43. С. 7–27.

Стрельцов 2016 — *Стрельцов Д. В.* Система доминантной партии в Японии: некоторые уроки исторического опыта // Японские исследования. 2016. № 3. С. 70–85.

Стрельцов 2019 — *Стрельцов Д. В.* «Система 1955 года»: внешняя и внутренняя политика Японии эпохи холодной войны. М.: ИВЛ, 2019. — 239 с.

Рулинский 2011 — *Рулинский В. В.* «Проблема вины» в трудах Карла Ясперса // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 3(18). С. 160–166.

Ясперс 1999 — *Ясперс К.* Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии / Пер. с нем. С. Апта. М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. — 146 с.

На английском языке

Daqing Yang 2011 — *Daqing Yang.* Revisionism and the Nanjing Atrocity // Critical Asian Studies. Vol. 43. No. 4. P. 625–648.

Fujiwara 2006 — *Fujiwara K.* Imagining the Past: Memory Wars in Japan // Policy and Society. 25(4). P. 143–153.

Gerow 1998 — *Gerow A.* Consuming Asia, consuming Japan: The new neonationalist revisionism in Japan // Bulletin of Concerned Asian Scholars. 1998. Vol. 30. Issue 2. P. 30–36.

Hook 2015 — *Hook G. D.* The American eagle in Okinawa: the politics of contested memory and the unfinished war // Japan Forum. 2015. Vol. 27. Issue 3. P. 299–320.

Hughes 2009 — *Hughes C. W.* Japan's Remilitarisation. Oxon, N.Y.: Routledge. 2009. — 186 p.

Ikeda 2014. — *Ikeda K.* Okinawan War Memory: Transgenerational trauma and the war fiction of Medoruma Shun. Routledge, 2014. — 176 p.

Iwasaki 2008 — *Iwasaki M., Richter S.* The Topology of Post-1990s Historical Revisionism // Positions. Asia Critique. 2008. Vol. 16. No. 3. P. 507–538.

Ku Yangmo 2014 — *Ku Yangmo.* Japanese History Textbook Controversies, 1995–2010: Transnational Activism versus Neo-nationalistic Movement // Pacific Focus. 2014. Vol. 29. No. 2. P. 260–283.

Nelson 2008 — *Nelson C. T.* Dancing with the dead: Memory, performance, and everyday life in postwar Okinawa. Duke University Press, 2008. — 288 p.

Onuma 2002 — *Onuma Y.* Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan // Berkeley Journal of International Law. 2002. Vol. 20. P. 600–620.

Orr 2001 — *Orr J. J.* The Victim as Hero: Ideologies of Peace and National Identity in Postwar Japan. Honolulu: University of Hawaii Press, 2001. — 271 p.

Saito 2014 — *Saito H., Wang Y.* Competing Logics of Commemoration: Cosmopolitanism and Nationalism in East Asia's History Problem // *Sociological Perspectives*. 2014. Vol. 57 (2). P. 167–185.

Szczepanska 2014 — *Szczepanska K.* The Politics of War Memory in Japan: Progressive Civil Society Groups and Contestation of Memory of the Asia-Pacific War. Routledge, 2014. — 234 p.

Winter 2001 — *Winter J.* The memory boom in contemporary historical studies // *Raritan*. 2001. Vol. 21. No. 1. P. 52–66.

ГЛАВА 2

Установление японского колониального господства в Корее и его место в исторической памяти корейского народа

Настоящая глава посвящена вопросам установления японского господства в Корее в период 1904—1910 гг., с русско-японской войны до окончательной аннексии страны. Продолжающиеся высказывания японских политических лидеров, что аннексия была полностью юридически оправданной, создают серьезные дипломатические проблемы для современного состояния и ставят под угрозу будущие отношения между двумя странами.

Изучение проблем этого периода важно для понимания форм и методов колониального закабаления Кореи японским империализмом в начале XX в., особенностей исторического развития Кореи в условиях японского господства, изучения характера и значения национально-освободительной борьбы корейского народа в период протектората.

В главе освещены методы политического закабаления Кореи (подчинение японскими властями органов внешних сношений и внутреннего управления), фактически превратившие Корею в колонию Японии еще до ее аннексии в 1910 г., рассмотрены темы установления Японией в Корее военно-полицейского режима в период русско-японской войны, заключения договора о протекторате 1905 г., захвата Японией внешних сношений Кореи в 1905—1907 гг., создания аппарата Генерального резидента, экономической эксплуатации Кореи, дальнейшего наступления Японии на ее суверенитет, аннексии Кореи.

Установление Японией в Корее военно-полицейского режима в период русско-японской войны

В ночь с 8 на 9 февраля 1904 г. японский флот начал боевые действия в порту Инчхон против входивших в состав Тихоокеанской эскадры русской канонерской лодки «Кореец» и крейсера «Варяг». Тогда же

японские миноносцы внезапно атаковали российскую эскадру в Порт-Артуре. Так началась русско-японская война.

21 января 1904 г. корейский император при поддержке российских дипломатов, желая связать руки корейскому министру иностранных дел и другим сторонникам немедленного заключения с Японией навязываемого ею союзного соглашения и создать для себя прочный аргумент, позволивший ему решительно противостоять оказываемому на него давлению и отрезать себе путь к подписанию навязываемого ему соглашения о протекторате и союзе с Японией, обратился к министрам иностранных дел Австрии, США, Англии, Германии, Италии, Китая, России, Франции и Японии с телеграммами за подписью и печатью французского министра иностранных дел, заключающими заявление о том, что корейское правительство в случае столкновения между Россией и Японией приняло твердое решение «соблюдать строжайший нейтралитет, каков бы ни был результат ведущихся ныне между названными державами переговоров» [АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 52. Л. 58; Д. 53. Л. 88, 89; АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 15. Л. 13].

Корейским посланникам за границей по телеграфу же предписывалось сделать тождественные декларации правительствам, при которых они аккредитованы [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 15. Л. 14; АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 53. Л. 88об.].

Однако японское правительство отказалось признать нейтралитет Кореи. Провозглашение корейским императором нейтрального статуса не помешало Японии после начала войны с Россией приступить к прямой оккупации территории Кореи своими войсками. Высадив многочисленные десанты в Инчхоне, Вонсане, Цзиннампхо, Ионампо и других местах побережья Корейского полуострова, японские войска двинулись затем на север Кореи и далее в Южную Маньчжурию. Были захвачены Сеул, Пхеньян. Объявленный Кореей незадолго до этого нейтралитет был грубо нарушен японскими солдатами. Провозглашение корейским императором нейтрального статуса не помешало Японии после оккупации территории Кореи своими войсками навязать Сеулу ряд дискриминационных соглашений, по которым Корея становилась чуть ли не союзницей Японии в противоборстве с Россией. Действия Японии в Корее вызывали протесты со стороны России.

Уже 21 февраля 1904 г. всем российским представителям за границей было предписано обратить внимание держав на «насильственные

мероприятия» японского правительства в отношении Кореи, на то, что японское правительство в нарушение признанной всеми державами независимости и неприкосновенности Кореи, вопреки всем договорам, своим собственным обязательствам и в противовес «основным законам международного права», еще до открытия военных действий против России высадило свои войска в пределах Кореи и незаконно захватило власть в Корее, а также заявить, что российское правительство «с минуты незаконного захвата Японией власти в Корее» признает «недействительными все те распоряжения и заявления, которые последовали бы от имени корейского правительства» [Пак 2004: 201–202; АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 53. Л. 146–148].

Российскому посланнику А. И. Павлову уже 10 февраля 1904 г. японский посланник предложил покинуть Сеул и Корею немедленно. В телеграмме Павлову от (8) 21 февраля 1904 г. Ламздорф подчеркивал, что дипломатические сношения России с корейским правительством не были прерваны официально, а лишь временно затруднены вследствие незаконного захвата власти в Корее Японией, и потому желательно, чтобы он не покидал «Крайнего Востока», избрав местом пребывания Шанхай [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 1]. 12 февраля (30 января) весь состав российской дипломатической миссии выехал из Сеула на французском крейсере «Паскаль» в Шанхай.

Вплоть до середины августа 1906 г. у России в Корее не было своего дипломатического представителя. Позиции же Японии в Корее значительно укрепились.

Опираясь на силу своих штыков, японские оккупанты 23 февраля 1904 г. навязали Корее «Японо-корейский протокол», который обязывал договаривающиеся стороны оказывать друг другу взаимную поддержку, и Япония получила право использовать корейскую территорию в качестве базы для военных действий против России.

В марте 1904 г. крупнейший японский политик, ближайший советник императора Ито Хиробуми посетил Корею, после чего в мае японское правительство приняло следующие решения: 1) в свое время Корея делается протекторатом Японии, 2) до этого Япония должна стремиться для достижения практических результатов оказывать политическое, дипломатическое и военное покровительство и содействовать развитию японских интересов в Корее. И граф Кацура, премьер-министр, и барон Комура, министр иностранных дел, оба опасались, что при немедленном объявлении Японией этих решений, особенно в связи с декларацией о целях войны против России, могут быть воз-

ражения других держав, и поэтому приняли план более постепенных действий [Akagi 1936: 141].

В конце апреля — начале мая 1904 г. японские сухопутные силы нанесли значительное поражение русским частям в сражениях на р. Амноккан и перешли территорию Маньчжурии.

19 мая 1904 г. японцы заставили корейского императора издать указ об аннулировании всех договоров между Россией и Кореей. После опубликования этого указа император Коджон через французского представителя в Сеуле виконта де Фонтенэ сообщил русскому министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу, что он в течение трех месяцев сопротивлялся требованию японцев и уступил наконец, убедившись, что дальнейшее сопротивление поведет к свержению его с престола, но что «он по-прежнему всецело предан России и при первой возможности отменит указ, изданный им по принуждению японцев под давлением открытой силы» [Пак 2004: 366; АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 56. Л. 84—85].

Пользуясь отъездом французского поверенного в делах в Сеуле виконта де Фонтенэ в Европу ввиду возвращения в Сеул французского посланника Коллен де Планси, Коджон просил его лично вручить Николаю II письмо от своего имени. Одновременно с вручением письма корейский император передал виконту де Фонтенэ собственноручно написанную им «Программу личного доклада виконта де Фонтенэ» с перечислением фактов насилия, уже совершенных японцами, и новых требований, на удовлетворении которых они с угрозами настаивали. В нем содержались следующие пункты:

- «1. Поджог Дворца Кёнг ун гун.
2. Японцы хотели заставить Его Величество поселиться в старом дворце после пожара.
3. Японцы требовали публикации в “Официальном вестнике” (*La Gazette Officielle*) о разрыве русско-корейского договора.
4. Японцы забрали рисовые поля, принадлежащие молодому принцу (сыну мадам Ом), и рисовые поля в Чапугпо.
5. Японцы захватили все рыбные промыслы у берегов Кореи.
6. Японцы требуют концессии на земли, леса, горнодобывающие прииски, озера и железнодорожные линии на срок до 50 лет для развития промышленности и торговли.
7. Японцы домогаются признания за ними права устроить военный порт на о. Каргодо.
8. Японцы вынудили корейское правительство принять японских советников.

9. Японцы просят концессии на услуги почтовой и телеграфной связи Кореи.

10. Японцы требуют устройства во всей стране японской полиции и содержания во всех корейских городах японских гарнизонов.

11. Японцы назначают наместником в Маньчжурии (генерала Ояму и графа Аоки Сера его заместителем).

12. Японцы ослепили, а затем умертвили двух корейских губернаторов Ким Суна и Янг Тона.

13. Японцы завладели многочисленной собственностью, принадлежащей корейскому народу.

14. Японцы завладели железнодорожной линией от Сеула до Ёйджу».

[АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 60. Л. 141].

Аудиенция бывшему французскому поверенному в делах в Сеуле для личного доклада о корейских делах согласно перечню вопросов, приложенных к письму Коджона, состоялась 24 сентября 1904 г. [АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 60. Л. 139].

Ответ Николая II Коджону, пересланный секретной телеграммой Павлову Ламздорфом, гласил: «Благоволите передать Корейскому Императору путем, который признаете наиболее верным, следующее сообщение от имени Государя императора. «Виконт де Фонтенэ передал нам письмо, в коем Ваше Величество сообщает о перенесенных Вами тяжелых затруднениях. Могу заверить Ваше Величество, что судьбы Кореи по-прежнему дороги и близки НАШЕМУ сердцу и что чувства дружбы и искреннего расположения, которые Мы питали к Вашему Величеству, остаются неизменными. Относясь с полным участием к переживаемым Кореею испытаниям, надеемся, что для Империи этой вскоре настанут лучшие дни. Мы возобновляем при сем Вашему Императорскому Величеству НАШИ пожелания долгоденствия и уверения в неизменной привязанности, с коими навсегда пребываем» [АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 60. Л. 167].

Тем временем Япония последовательно осуществляла свой курс на установление полного контроля над экономикой и политикой Кореи через передачу в руки Японии важнейших внутри- и внешнеполитических функций.

9 (22) августа Корея была вынуждена подписать «Конвенцию о советниках», которая обязывала ее приглашать по рекомендации Японии финансового, дипломатического и других советников и принимать важные внутри- и внешнеполитические решения только после советов с ними. Согласно конвенции корейское правительство должно было

предварительно консультироваться с японским правительством при заключении договоров с иностранными державами и по другим важным дипломатическим вопросам, таким как дарование концессий или заключение контрактов с иностранцами [British documents on the origins of the war 1926: 112–113].

Этим договором Япония усилила начатые «Японо-корейским протоколом» от 23 февраля 1904 г. меры по контролю за экономикой и внешними сношениями Кореи. 25 августа (7 сентября) 1904 г. советник японской миссии в Корее г. Дурхам Уайт Стивенс (Durham White Stevens) был назначен советником корейского Министерства иностранных дел. Убеденный сторонник Японии американец Стивенс состоял к тому времени уже 22 года на службе японского правительства, из них 15 лет провел в Токио. Он занимал видную роль в управлении внешней политикой Кореи, будучи фактически министром иностранных дел корейского правительства. По мнению посланника в Вашингтоне Кассини, главная задача Стивенса состояла в том, чтобы быть посредником между корейским императором и японским правительством, в расчете на то, что Стивенсу как иностранцу легче будет оказывать влияние на Коджона [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 585. Л. 9]. Из других японских гражданских чиновников, назначенных для Кореи, прибыли главный дворцовый советник Като, финансовый советник Мегата Танэтаро. В Корею был назначен особый «Начальник военных сил» в лице генерала Хасегава, командира гвардейской дивизии. Вокруг него, по сведениям агента Министерства финансов в Шанхае Н. Роспопова, были сгруппированы начальники отдельных частей: генерал-майор Отиаи, начальник штаба; полковник Иокои, зав. медицинской частью; полковник Кусано, зав. интендантской частью и контролем; полковник Хара, зав. ветеринарной частью. 14 (27) сентября в Корею прибыли японский министр путей сообщения Оура; директор железнодорожного департамента Ямауци (или Яманоуци) и президент Сеуло-Фузанской железной дороги доктор Фуруици. Хотя, как сообщал Роспопов, официальное их назначение было инспектирование железных дорог, почт и телеграфов в Корее и Маньчжурии, но все трое, немедленно по прибытии, отправились в Масампо и бухту Цинхай (Чинхэ. — *Б. Л.*) [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 585. Л. 13].

Японские советники, назначенные во все корейские министерства и ведомства, установили строгий надзор за их деятельностью. Продолжалось систематическое завладение свободными землями по так называемой схеме Нагамори, подразумевавшей официальную отдачу

в эксплуатацию Японии всех необрабатываемых земель в Корее. Расширило сферу своей деятельности учрежденное в 1903 г. г. в Инчхоне «Общество развития земледелия в Корее» (Канкоку Канно Квай). Его председатель, Фудзимуро Цюске, выехал в Японию для сбора необходимого обществу капитала. Усиленными темпами шло сооружение железнодорожных линий Сеул—Фузан, Сеул—Ыйджу, Антунсян—Ляоян, Сеул—Гензан (Вонсан), Фузан—Масампо—Чинхэ, Пиньян—Сончин.

В результате японцы практически установили свой контроль над внешней политикой Кореи и получили возможность открытого вмешательства во внутренние дела страны [Пак 2004: 366].

В действиях японского правительства в Корее русский агент Н. Роспопов усматривал удивительно хорошо продуманную и выдержанную схему. Отозвание из действующей армии и назначение Хасегава, одного из старших боевых генералов, участвовавшего в боях под Цзюлянчэном и Ляояном, с целым штабом в Корею, где войска, за исключением небольшого гарнизона в Гензане (численностью около 3 тыс. человек), отрядов в Сеуле и на этапной линии по направлению через Пхеньян на Ыйджу, занимавшихся главным образом реквизицией продовольствия, вербовкой корейских кули, охраной и обслуживанием складов госпиталей и санатория, не было, по мнению Роспопова, свидетельствовало о наличии у японцев серьезного плана подготовить Корею для будущей оборонительной кампании [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 585. Л. 14об]. Задача генерала Хасегава и его штаба, как он небезосновательно считал, состояла в том, чтобы, *во-первых*, подготовить театр действий, разработать пути сообщения, выбрать лучшие позиции для выгоднейшей дислокации войск, обеспечить продовольствие, подавить враждебное брожение корейцев; *во-вторых*, создать такую базу, которая обеспечила бы тыл оперирующих в Корее войск, не только в чисто военном, но и продовольственном смысле. Лучшим пунктом для этого являлся Масампо-Каргодо, находящийся в самом богатом в Корее крае (Чолладо) и совершенно неприступный как с моря, так и с суши, владея которым японцы были уверены в полном разобщении и парализовании Порт-Артура и Владивостока [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 585. Л. 14об.].

Русско-японская война тяжело отразилась на положении в Корее. В стране был установлен свирепый японский жандармско-полицейский режим. Территория, по которой проходили японские войска, была разорена. На пути их следования население покидало дома и бежало в леса и горы. Крестьяне не засевали поля, зная, что урожай будет полностью отобран на нужды японской армии. Один из русских журна-

листов, сопровождавших конный отряд генерал-майора Мищенко, свидетельствовал: «...Что же касается тех мест, где мы теперь проходили, я не видел ни одного посева. Пахотная земля стоит оголенная, невозделанная. Кучи навоза, свезенного, очевидно, заранее, одиноко чернеют, и никто не принимается за удобрение. А беспощадные ди-фан-гуани (военные чиновники. — *Прим. авт.*) отбирают последние скудные запасы для многотысячной японской армии» [Козлов 1904: 54–55].

Заключение договора о протекторате 1905 г.

Поражение России в русско-японской войне и поддержка Великобритании и США, договорившихся с Японией о разграничении сфер влияния на Дальнем Востоке перед открытием мирной конференции в Портсмуте, создали благоприятные условия для окончательного решения японским правительством вопроса об аннексии Кореи. Личный представитель президента США военный министр Тафт в беседе с японским премьером в Токио 14 июля 1905 г. подтвердил согласие США на захват Японией Кореи. 30 июля был подписан новый англо-японский договор о союзе, которым Англия признавала за Японией право аннексировать Корею. Россия же оказалась в состоянии дипломатической изоляции.

На открывшейся 9 (22) августа 1905 г. в Портсмуте (США) мирной конференции, рассчитывая на поддержку Англии и США, Япония потребовала признания за ней преобладающих экономических, политических и военных интересов в Корее, эвакуации русских войск из Маньчжурии, уступки Сахалина, аренды Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и железной дороги до Харбина.

Царское правительство спешило заключить мир с Японией после поражения при Цусиме и сдачи Мукдена и чтобы развязать себе руки для борьбы с революцией.

Российское руководство считало необходимым включение в мирный договор условия признания Японией полной независимости Кореи, обязательства вывода ею оттуда своих войск и невозведения военных укреплений в районах, прилегающих к Приморской области, и на юге Корейского полуострова. Только при этом условии оно готово было признать преимущественное положение Японии в Корее.

Однако вопрос о суверенитете Кореи вызвал наибольшие возражения с японской стороны в ходе обсуждения статьи I Портсмутского договора. Русская делегация на конференции выступила с разоблачениями захватнического характера японских требований. Возглавлявший

русскую делегацию председатель совета министров Витте выступал за сохранение независимости Кореи.

После долгих споров, грозящих опасностью срыва конференции, японская сторона отказалась от ряда требований. По Портсмутскому мирному договору Россия признавала за Японией преобладающие политические, военные и экономические интересы в Корее. При этом по настоянию российской стороны в протоколе конференции было записано обязательство Японии не принимать без согласования с корейским правительством мер, затрагивающих суверенитет Кореи. Внесение в протокол конференции пункта, предусматривающего, что Япония может предпринимать в Корее меры, наносящие ущерб ее суверенитету, только с согласия корейского правительства, без всякого сомнения говорило об успехе российской дипломатии в переговорах о суверенитете Кореи. Согласно этой оговорке в протоколе японцы, проводя то или иное мероприятие в Корее, наносившее ущерб корейскому суверенитету, должны были предварительно согласовывать такое мероприятие с корейским правительством, иными словами, оформлять каждое такое мероприятие специальным японо-корейским договором. И если бы другие государства заняли в этом вопросе такую же позицию, как Россия, то насильственно вырванные японцами у корейского правительства договоры не получили бы международной санкции. Но по вопросу о судьбе Кореи Япония сговорилась с США и Англией.

Великобритания признала свободу рук Японии в Корее в англо-японском договоре 1905 г. В конце сентября 1905 г. японский посланник в Лондоне виконт Хаяси Гонскэ передал главе Форин-офиса Лансдауну, что японское правительство под предлогом, что корейское правительство нарушало японо-корейское соглашение от 22 августа 1904 г., заключая «неразумные договоры и входя в другие отношения с иностранными державами», «даже пока война была в самом разгаре», настаивало на том, что Япония вынуждена предпринять радикальные шаги, чтобы искоренить это зло в будущем, и японскому правительству не остается «другого выбора, как принять на себя заведывание внешними сношениями корейского правительства» и «вскоре принять к тому необходимые меры». Ссылаясь на положения нового союзного англо-японского договора, японское правительство выражало уверенность, «что оно получит полную поддержку». Лэнсдаун заверил Хаяси, что это правительство Великобритании полностью поддерживает развитие японского влияния в Корее и что «японское правительство не встретит никаких затруднений в осуществлении своей политики» со стороны британского правительства [British documents 1926: 112–113].

Американское правительство еще в конце июля 1905 г. меморандумом Тафт—Кацура признало свободу действий Японии в Корее. Президент США Теодор Рузвельт, будучи убежден, что «Япония должна завладеть» Кореей «в противовес расширению России», и признавая наибольшие политические, военные и экономические интересы Японии в Корее, проигнорировал послание императора Коджона, доставленное ему американским миссионером, редактором журнала «Korea repository» (1895) и «Korea review» (1901—1904) Гомером Б. Хальбертом (Homer Bezaleel Hulbert), в котором говорилось о незаконности японо-корейского договора и содержалась просьба о заступничестве США в силу статьи об оказании добрых услуг американо-корейского договора от 17 мая 1882 г. [Добрынин 1947: 346].

Не оказала поддержки России и Франция. России ничего не оставалось, как признать японские требования в отношении Кореи, добившись удовлетворения лишь своих минимальных требований.

Получив международные юридические гарантии невмешательства иностранных держав и признание своего протектората над Кореей в соглашениях с США, Англией и в вынужденном для России Портсмутском мирном договоре и устранив, таким образом, главное внешнеполитическое препятствие на пути к уничтожению независимости и территориальной неприкосновенности корейского государства, Япония приступила немедленно к реализации своих «прав» на полуострове. Своей главной задачей на первых порах японцы считали прекращение дипломатических сношений Кореи со всеми другими государствами — иными словами, реализацию соглашения Кацура—Тафт.

После вступления в силу Портсмутского договора Ито Хиробуми был направлен в Корею и заставил корейское правительство подписать второй японо-корейский договор. В это время в Сеуле уже находились японская кавалерия, подразделение жандармерии и артиллерийский дивизион. 17 ноября 1905 г. проект договора был подписан. Согласно договору учреждался пост японского генерального резидента и тем самым закреплялось колониальное правление. Корея лишалась права самостоятельных внешних сношений, международная политика была передана в ведение японского Министерства иностранных дел.

В преамбуле Договора о протекторате указывалось, что его положения будут действовать «до наступления того момента, когда будет признано, что Корея достигла национальной мощи». Согласно договору японское правительство через свое Министерство иностранных дел в Токио брало на себя впредь контроль и управление внешними сноше-

ниями и делами Кореи. К японскому правительству переходило наблюдение за выполнением существовавших тогда договоров Кореи с другими государствами, только при его посредстве корейское правительство могло отныне заключать какие-либо акты или обязательства международного характера. Подписанные ранее японо-корейские соглашения, если они не противоречили данному договору, оставались в силе.

Представителем японского правительства при дворе корейского императора становился по договору генеральный резидент, размещавшийся в Сеуле. В его руках сосредотачивалось общее руководство дипломатическими делами Кореи. Под его началом должны были находиться резиденты, назначаемые японским правительством в открытые порты и другие места, где они будут сочтены необходимыми. Им передавались полномочия, принадлежавшие прежде японским консулам в Корее, и поручалось «исполнять также обязанности, которые могут быть необходимы, чтобы привести в полную силу положения данного договора [Чосон кванге чояк чип 1949: 30; Korea. Treaties and Agreements 1921: 55–56].

О том, как японцы 4 ноября пытались вынудить корейского императора дать согласие на протекторат, Министерство иностранных дел России сообщало своим представителям за границей 14 ноября 1905 г.:

«Корейский император при посредстве своего представителя в Санкт-Петербурге сообщает о возмутительном насилии, совершенном над ним японцами в целях добычи протектората над Кореей. Японский посланник в Сеуле Хаяси, генерал Хасегава и маркиз Ито (Хиробуми) проникли ночью с военной силой во дворец императора и потребовали от него подписания документа о протекторате.

Когда император отказал им в этом, то названные лица ворвались в частное помещение монарха, захватили печать Императорскую и Министерства Иностранных Дел для приложения к составленному им акту, который Токийское правительство выдает за состоявшееся между Кореей и Японией соглашение о протекторате.

Император корейский продолжает отказывать в своей подписи и энергически протестует против произведенного Японией насилия и попрания основных законов международного права, обеспечивающих независимость Корейского Государства. Благоволите осведомиться у Правительства, при коем Вы аккредитованы, было ли ими получено подобное сообщение и как оно полагает отнестись к протесту Корейского Императора» [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 46].

Захват Японией внешних сношений Кореи в 1905–1907 гг.

После заключения Конвенции 1905 г. Коджон обратился к лидерам стран, с которыми Корея ранее заключила договоры о дружбе или торговле. Как минимум, пять раз в течение следующих нескольких лет Коджон обращался за помощью в восстановлении дипломатических прав Кореи [Yi Taejin 2008: 37–38]. Однако его усилия потерпели неудачу из-за отсутствия сотрудничества со стороны Великобритании и США.

Российское правительство не признало и договора о японском протекторате над Кореей, навязанного корейскому правительству в ночь с 4 (17) на 5 (18) ноября 1905 г., согласно которому Корея передавала японскому правительству и его дипломатическим представителям руководство внешними сношениями страны, а при корейском дворе в качестве японского представителя назначался генеральный резидент для заведования главным образом дипломатическими делами [Чосон кванге чояк чип 1948: 30; Korea. Treaties and Agreements 1921: 55–56]. Российское дипломатическое ведомство во главе с В. Н. Ламздорфом пыталось сохранить хотя бы ограниченный суверенитет Кореи, используя дипломатические средства, противостоять реализации соглашения Кацура–Тафт в части прекращения дипломатических сношений Кореи со всеми другими государствами. Получив 11 (24) ноября 1905 г. сообщение по телеграфу о состоявшемся соглашении между Японией и Кореей, оно пыталось убедить иностранные державы вмешаться и выразить протест против насильственно навязанного Корее договора о протекторате [Пак 2004: 381; АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 73. Л. 41].

Однако иностранные правительства, не желая осложнений с Японией, отказались от дипломатического представительства в Сеуле. Поспешность, с которой Японией был произведен переворот в Сеуле, иностранные представители объясняли опасением Японии, что Россия поспешит прислать в Сеул своего дипломатического представителя [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 61].

С целью сохранения существующего порядка дипломатических сношений российской дипломатией предпринимались попытки подтолкнуть правительства западных держав к совместному выступлению против настояний токийского правительства о назначении генеральных консулов в Сеуле в Токио, об упразднении корейских миссий при европейских дворах и о денонсировании им договоров иностранных держав с Кореей.

В условиях, когда иностранные державы отзывали своих посланников в Сеуле, российская дипломатия пыталась противостоять притязаниям японского правительства на установление полного контроля над внутренней и внешней политикой Кореи, подняв принципиальный вопрос о совместимости этих притязаний с договорными правами держав, стремилась сохранить форму иностранного представительства в Корее и возобновить деятельность российской миссии в Сеуле, ссылаясь на русско-корейские договоры. Российское правительство стремилось усилить свое присутствие в Корее в условиях усиленного развития японских войск на севере Корейского полуострова, граничащего с российским Приморьем, могущим стать ближайшим объектом нападения.

Стремясь к сохранению самостоятельного корейского государства и недопущению дальнейшего усиления японских позиций в Корее, МИД России решительно отвергал требования и заявления Японии о назначении консулов в Корею лишь на основании второй статьи Портсмутского договора на правах наиболее благоприятствуемой нации и об упразднении русско-корейских договоров по настоянию японского правительства; понижении ранга дипломатического представительства в Сеуле.

К началу 1906 г. в Корее уже не оставалось иностранных представителей в ранге посланников или министров-резидентов. Все они по собственному почину держав были заменены консулами.

Попытки МИД России возобновить деятельность российской миссии в Сеуле не были поддержаны другими державами и поэтому не увенчались успехом. Жесткая позиция, занятая министром иностранных дел Японии, вынудила МИД России согласиться на понижение ранга дипломатического представительства в Сеуле до уровня генерального консула, деятельность которого, однако, носила бы и «политический характер», и закрытие корейской миссии в Петербурге [Пак 2004: 385; АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 74. Л. 54–55].

Особо ожесточенный характер принял спор по вопросу о выдаче экзекватур иностранных консулов в Сеуле не главой государства, а японским правительством — вопрос, который считался краеугольным камнем отношений с Японией. МИД настаивал на том, что генеральному консулу как представителю России при корейском правительстве следует получить консульскую экзекватуру от корейского императора, а не от японского. Российская сторона исходила из того, что независимость Кореи была признана русско-японским соглашением 1898 г., подтверждена японо-корейским протоколом 23 февраля

1904 г. В поддержку своей точки зрения российская сторона выдвигала веские юридические основания, в отличие от японцев, ссылавшихся на образ действий других держав в аналогичных случаях.

МИД России и его представители за границей пытались привлечь внимание западных держав к тому факту, что требования Японии о выдаче экзекатуры генеральному консулу в Корее незаконно и противоречит установленной в международных отношениях практике и что Корея как суверенное государство имеет право непосредственных сношений с другими государствами, а иностранные консулы должны получать экзекатуры от территориального сюзерена. МИД также выступил с инициативой вынести корейский вопрос на международное обсуждение с целью добиться непризнания державами японского протектората и осуждения действий Японии в международном суде. Однако инициатива России не была поддержана.

Создание аппарата генерального резидента

Юридический статус японского генерального резидента в Корее определялся указом императора Японии от 20 декабря 1905 г. Ему предоставлялись полномочия, далеко выходящие за рамки, установленные договором о протекторате. Генеральный резидент, например, получал право приказать командующему японскими войсками применить вооруженную силу, когда сочтет это необходимым для «поддержания общественного спокойствия и порядка в Корее». Внося корейскому правительству предложения по выполнению им обязательств, предусмотренных договором, он должен был требовать их исполнения. Однако в экстренных случаях ему надлежало обращаться прямо к местным корейским властям и добиваться выполнения его указаний, лишь потом информируя обо всем правительство. Нарушителей своих приказов он мог подвергнуть тюремному заключению (на срок до 1 года) или крупному штрафу. Если генеральный резидент находил, что распоряжения корейского правительства расходятся с условиями договора, нанося ущерб «общественным интересам», нарушая полномочия японских властей, он был вправе их приостановить или вообще аннулировать [Василевская 1975: 37–38].

В провинциальных центрах и открытых портах Кореи вместо прежних японских консульств также учреждались резидентства. Местные резиденты подчинялись генеральному резиденту в Сеуле и, в пределах своей компетенции, обладали теми же, что и он, правами и полномочиями.

20 января (1 февраля) 1906 г. японская дипломатическая миссия была преобразована в Генеральное резидентство. Первым генеральным резидентом стал Ито Хиробуми. Его ближайшим помощником стал генерал Хасегава, командовавший японскими войсками в Корее численностью около 30 тыс. человек, а вместе с резервистами — около 100 тыс. Все японские консулы были назначены резидентами в корейских городах [Пак 2004: 384]. Таким образом, с 1 февраля 1906 г. Япония стала полновластной «хозяйкой» в Корее.

После установления Генерального резидентства были предприняты дальнейшие меры по подчинению ему остального государственного аппарата Кореи. Учрежденная генеральным резидентом комиссия из японских и корейских чиновников разработала мероприятия по «улучшению» местного управления, сводившиеся к усилению японского контроля за местными органами власти. В частности, упразднялись должности специальных уполномоченных императора, полицейских надзирателей в открытых портах. Наряду с этим предпринималась реорганизация по японскому образцу всей судебной системы Кореи. Первичный комплекс мер в указанном направлении был намечен вступившим в силу с 1 мая 1906 г. специальным циркуляром «О поддержании общественного порядка в Корее», устанавливавшим ранее перечисленные полномочия генерального резидента, ужесточавшим полицейские репрессии, цензуру прессы и т.д. Увеличивалась численность сил жандармерии и полиции. К ноябрю 1906 г. в Корее имелось 122 полицейских участка, в штатах которых были 1300 японских и 2067 корейских полицейских [Шипаев 1964: 86, 129; Василевская 1975: 40–42].

Экономическая эксплуатация Кореи

С превращением Кореи в протекторат Японии продолжился захват японским капиталом корейских земель и природных ресурсов, установлен контроль над промышленностью, внешней и внутренней торговлей Кореи. Тем самым создавались серьезные препятствия для развития корейского национального капитала, торговли и промышленности.

В результате развернутой японскими властями кампании по привлечению в Корею переселенцев из Японии за период 1907–1910 гг. численность японского населения Кореи выросла на 75% и достигла 171,5 тыс. [Annual report on Reforms and Progress in Chosen (Korea) (1911–1912) 1912: 34]. По требованию генерального резидента корейское правительство в октябре 1906 г. отменило прежний запрет иностранцам владеть в Корее землей. Иностранцами подданным, которы-

ми были преимущественно японцы, предоставлялось право совершать куплю-продажу и другие сделки с землей и другой недвижимостью, вступавшие в силу только после утверждения японскими резидентами. Владельцы земли, жилищ должны были доказать документально свои права на недвижимость, в противном случае их имущество подлежало конфискации. Многие корейские крестьяне не в состоянии были это сделать и лишались своих наделов.

В июле 1907 г. правительство разрешило частным лицам использовать за небольшую плату пустующие государственные земли с правом получения их впоследствии в полную собственность или вечную аренду. К концу 1909 г. такие участки были выделены 63 японским (3,1 тыс. тё) и 89 корейским (3,2 тыс. тё) землевладельцам [The Third Annual report on Reforms and Progress in Chosen (Korea) (1909–1910) 1910: 18]¹. В последующие годы их предоставление расширилось.

При содействии японского правительства создавались акционерные компании, крупнейшим из которых было Восточно-колониционное общество, учрежденное японцами в 1908 г. Уже в 1910 г. это общество владело более чем 15 тыс. тё лучшей земли в Корее [Шипаев 1964: 96–102].

К концу периода протектората в руки японцев перешли свыше 100 тыс. тё корейской земли: 11 тыс. тё японские власти конфисковали для «военных нужд» во время войны с Россией, 38 тыс. тё достались мелким японским землевладельцам, 52,4 тыс. тё были у японских помещиков [Василевская 1975: 81].

В условиях протектората увеличился приток в Корею японского капитала. В 1910 г. там действовали 102 японские компании и 25 филиалов компаний, центры которых располагались в Японии. В 1908 г. в Корее насчитывалось 79 японских предприятий, в 1910 г. — уже 107 [Шипаев 1964: 108–111, 121].

Усилиями японских колонизаторов Корея была превращена в основной источник сельскохозяйственного, продовольственного и промышленного сырья.

Изданные в 1906 г. «Общий закон о разработке недр» и «Закон о разработке золота» ставили горнодобывающую промышленность Кореи под контроль Генерального резидентства и вводили для японцев дополнительные льготы. После принятия этих законов с сентября 1906 до декабря 1909 г. правительство предоставило 575 концессий на разработку недр в Корее, в том числе 365 — японцам, 145 — корейцам, 34 —

¹ Тё (яп.) или чонбо (кор.) — мера земельной площади (0,99 га).

совместно японцам и корейцам [The Third Annual report on Reforms and Progress in Chosen (Korea) (1909–1910) 1910: 125].

Постоянный интерес проявляла Япония к морским ресурсам Кореи. К концу 1909 г. японцами было получено 2,8 тыс. разрешений на ловлю рыбы в корейских водах [The Third Annual report on Reforms and Progress in Chosen (Korea) (1909–1910) 1910: 82, 84, 131].

Японские предприниматели преобладали и в железнодорожном строительстве, сухопутном транспорте, средствах связи (прокладке телеграфных и телефонных линий).

На долю Японии приходилось около 65% внешней торговли Кореи. В экспорте Кореи Японии принадлежало 77,2%, Англии и США — около 2%. Доля Китая составляла 9,7% в импорте и 15,2% в экспорте. Россия в импорте не участвовала, занимала скромное место в экспорте из Кореи (5,8%) [Choi, Huchin 1988: 198, 201]. В экспорте из Кореи в Японию преобладала продукция сельского хозяйства.

Импорт в Корею из Японии нарастал преимущественно за счет ввоза машин, оборудования, различных материалов, необходимых для ведущихся японскими властями и предпринимателями в Корее строительных работ. Он увеличивался также в связи с быстрым ростом численности японских переселенцев — главных потребителей ввозимых предметов домашнего обихода, японского продовольствия и пр. Большинству корейского населения многие импортные товары были недоступны, что было связано с низкими ценами на рис и другие поставляемые ими продукты [The Third Annual report on Reforms and Progress in Chosen (Korea) (1909–1910). Seoul, 1910. P. 100].

Дальнейшее наступление Японии на суверенитет Кореи

Антияпонское сопротивление, не прекращавшееся в Корее и в годы русско-японской войны, усилилось с установлением протектората в начале 1906 г. В мае—июне 1906 г. в ходе борьбы японцев с народными волнениями против установления японского протектората был взят штурмом один из главных очагов восстания, г. Хонъчжин. Тогда же японцы напали на след обширного заговора с целью побудить иностранные державы вмешаться и спасти Корею, руководство которой исходило из дворца и было организовано с ведома и согласия самого корейского императора. Японскими жандармами в Сеуле были арестованы более 130 участников восстания, в числе которых были видные сановники — товарищи министра двора и внутренних дел Мин Ёнь Ик, долго живший в Петербурге, и Ли-Понъ-Юй, известный ученый

Ким Сенмунг и др., пытавшиеся при поддержке корейского императора осуществить планы освобождения Кореи от японского владычества при помощи русской армии. Главным посредником между императором и инсургентами японцы считали внука Нан Сакъ Чжо [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 16. Л. 19–21]. Японские газеты, искавшие в этом следы русских интриг, подняли шум и требовали от правительства «быстрых и строгих мер против виновных, — не исключая и Императора». *The Japan Times* дошла до прямых угроз, заявляя, что «японское правительство в Токио может быть принуждено удалить корейского монарха в место, где он будет изолирован от интриганов и заговорщиков, — или даже принять **более резкие меры**, соответствующие обстоятельствам» [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 909. Л. 99–100].

Случившееся еще раз показало, что корейский император оставался серьезной преградой на пути окончательного захвата Кореи. Срочно возвратившись в Сеул, воспользовавшись этими событиями, Ито провел реформу дворцового управления или, как выражались японские газеты, «чистку» корейского двора. Оттуда, прежде всего, были изгнаны все «лишние люди». Ито поспешил изолировать Коджона, ранее лишенного влияния на дела страны, но пока еще самостоятельного в сфере своего дворцового управления: он мог принять кого ему было угодно, давать аудиенции, окружить себя людьми по своему выбору и т.п. Однако и эти личные права его подверглись ограничению. Ито взял на себя полный надзор над дворцом, удалив всю корейскую дворцовую стражу и заменив ее японскими полициями, состоящими под его прямым начальством. Все дворцы были окружены японской стражей, и охрана их вверена начальнику полиции Маруяма, без разрешения которого никто не мог проникнуть во дворец и видеть императора, «уничтожив зловредное гнездо» заговоров «с согласия самого императора, и в интересах Его Величества» взяв на себя полный надзор над дворцом [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 909. Л. 131]. Близкая к японскому МИД *The Japan Times* выразила одобрение «сильным мерам» Ито, сравнивая отношение Японии к Корее с положением, занятым Англией в Египте [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 909. Л. 132].

Корейский император, не считая возможным примириться с насильственно навязанным Корее протекторатом, договор об установлении которого он так и не подписал, искал случая проявить свою личную самостоятельность и подчеркнуть независимый статус Кореи. Так, он связывал большие надежды с вынесением вопроса о деяниях японцев

в Корее на рассмотрение международного суда. Корейский император сделал последнюю попытку привлечь внимание великих держав и международного общественного мнения к судьбе корейского государства, отправив в апреле 1907 г. в Гаагу на 2-ю мирную конференцию своих уполномоченных, чтобы выступить на мировом форуме в Гааге с разоблачением действий японского империализма в защиту суверенитета Кореи, объявить представителям держав, что договор 17 ноября 1905 г. был навязан Корее и что корейское правительство хочет восстановить прямые дипломатические отношения с иностранными государствами [ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 163. Л. 57–58]. Для покрытия расходов делегатов Коджон снабдил их собственными средствами, заложив для этого, по данным японских газет, большое количество золотых слитков в 58-м банке [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 911. Л. 268].

Правительство России пригласило Корею на Гаагскую конференцию в октябре 1905 г. Однако с момента приглашения Кореи Россией на эту конференцию в октябре 1905 г. произошел целый ряд событий, заставивших Россию изменить свое отношение к вопросу об участии Кореи в конференции. 17 ноября 1905 г. был заключен Договор о протекторате, согласно которому Корея теряла право на проведение своей внешней политики, передавая дипломатические сношения с иностранными государствами в руки Японии, что российское правительство, после того как правительство Японии дало понять о своем намерении «относиться особенно чутко ко всему, что связано с положением дел в Корее и вообще к вопросам, касающимся последней войны», не могло не учитывать [Ли Бомджин 2002: 185].

Для участия в конференции были избраны трое наиболее близких соратников, выдающиеся деятели антияпонского движения — Ли Джун (бывший судебный следователь при Корейском Высшем суде), Ли Сансоль (бывший вице-президент Государственного Совета) и Ли Виджон — сын крупнейшего государственного деятеля, первого корейского посланника в России Ли Бомджина, окончившего Парижское военное училище, отличившегося до этого своим вкладом в дело освобождения Кореи.

Во внешней политике России с приходом А. И. Извольского начался поворот от противостояния к сближению с Японией. Подготовка к Гаагской конференции совпала с подготовкой русско-японского соглашения, подписанного в конце июля 1907 г. Секретная его часть фиксировала раздел Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) на русскую (северную) и японскую (южную) сферы влияния. Япония обязывалась не приобретать железнодорожных и телеграфных концессий в русской

зоне, Россия — в японской. По статье 2 секретного договора Россия обязывалась не чинить препятствий развитию отношений между Японией и Кореей [История дипломатии 1963: 610; Grimm 1927: 169–170]. Япония согласно статье 3 признавала наличие специальных интересов России во Внешней Монголии.

В этих условиях в секретной телеграмме от 11 июня (29 мая) 1907 г. Извольский предупреждал российского посла в Париже, будущего председателя на Гаагской конференции А. И. Нелидова: «Принимая во внимание, что вышесказанные корейцы не могут считаться облаченными каким-либо официальным положением или миссией, я счел бы долгом предупредить... Ваше Высокопревосходительство, дабы Вы могли воздержаться от сношений с ними на случай, если бы они действительно прибыли в Гаагу и обратились к Вашему посредничеству» [Пак 2004: 397].

Корейские уполномоченные приехали в Гаагу на мирную конференцию в конце июня 1907 г., но к ее работе не были допущены. Ли Виджон разослал письменный протест всем участникам конференции и просил ее председателя Нелидова принять его. Нелидов ответил отказом и объявил, что может принимать только делегации, имеющие официальные приглашения от нидерландского правительства [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 261]. Таким образом, российское правительство, пригласившее Корею для участия в Гаагской конференции, фактически бросило корейскую делегацию на произвол судьбы, предпочтя не портить отношения с Японией [Шулатов 2008: 101]. Отказались от встречи с корейскими делегатами и члены делегаций Англии, Франции, Германии [Ли Наен 1958: 180]. Министр иностранных дел Нидерландов ван Тет (D. A. W. Tets van Goudriaan) отказался от встречи с корейской делегацией на формальном основании, что она не была внесена Россией в число приглашенных [Koen de Coester 2007: 58]. Не последовал примеру других представителей, игнорирующих корейцев, лишь глава американской делегации Дж. Чоат (Joseph H. Choate) и посол США в Голландии Д. Хилл (David H. Hill). Приняв Ли Виджона «самым сердечным образом» и уверив в доброжелательном отношении Соединенных Штатов к Корее, он искренне признал, что не сможет помочь, посоветовав представить свои просьбы правительству в Вашингтоне [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 912. Л. 9].

Участники конференции отказались от официального признания корейской делегации и обсуждения корейского вопроса, выказав совершенное безразличие к судьбе Кореи. Будучи представителями ста-

рых колониальных держав, имевших собственные зависимые территории и сферы влияния, они, по-видимому, считали приемлемым многое из того, что делала в Корее Япония, и не собирались вмешиваться. К тому же глава японской делегации К. Цудзуки категорически предупредил участников конференции, что корейская делегация не может быть признана, так как она не была и не могла быть приглашена на конференцию нидерландским правительством¹. Державы не хотели портить отношений с Японией из-за Кореи, опасаясь за судьбу своих колоний в Восточной Азии, в том числе и в случае возможного вступления в конфликт Великобритании на стороне союзной Японии. Кроме того, разоблачения корейских делегатов могли поставить на повестку дня весьма щекотливый вопрос о правах поработанных народов колоний.

Не будучи допущены к участию в конференции, корейские делегаты вынуждены были использовать любую трибуну для изобличения японских колонизаторов. Корейская делегация привлекла внимание английского журналиста У. Т. Стэда (William Thomas Stead), пацифиста, выпускавшего во время конференции неофициальную газету *Courrier de la Conférence de la Paix*, освещавшую ее работу. Именно с его помощью, на устраиваемых им в период конференции мероприятиях пацифистского характера, корейская депутация получила возможность для активного выражения своих взглядов. С высоты этой трибуны корейские депутаты подняли свой голос, чтобы заклеить японское правительство и сорвать маску с его лицемерных союзников.

Особенно повышенный общественный интерес вызывали выступления самого молодого члена корейской делегации 21-летнего Ли Виджона, довольно популярного среди журналистов, освещающих Гаагскую конференцию. На собрании международного пацифистского клуба 8 июля Ли Виджон в своей речи, озаглавленной «Мольба за Корею» (*A Plea for Korea*), рассказал подробно о притеснениях, чинимых Корее со стороны японцев².

Аудитория, состоявшая в основном из журналистов, была глубоко тронута страстным выступлением Ли Виджона. Один из журналистов предложил резолюцию в поддержку корейцев и с критикой Японии. Стэд выступал против осуждения японцев. В итоге резолюция ограничилась выражением сочувствия к страданиям корейского народа. Резолюция включала пункт о «желании, чтобы скоро был создан между-

¹ Korea makes protest // The New York Times. 1907. June 30.

² Haagesche Courant, 10 July 1907; Oamaru mail. Vol. XXXIV, Issue 9665, 19 October 1907, Supplement (the source of the information is the National Library of New Zealand).

народный трибунал для рассмотрения и вынесения решения по таким делам, с тем чтобы установить истину и обеспечить справедливое правосудие» [Koen de Coester 2007: 62].

И хотя эти разоблачения, по словам Нелидова, не привели к заступничеству какого-либо правительства за Корею, они, несомненно, оказали влияние на европейское общественное мнение [Пак 2004: 398].

Реакция японских властей на прибытие и выступление в Гааге корейских делегатов, воспринятого как открытый вызов корейского императора Японии [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 269], была незамедлительной и резкой. Первое впечатление, произведенное гаагским разоблачением на японцев в Сеуле, было весьма сильно. Они не могли сдержать своего негодования.

Ито Хиробуми без промедления обратился к корейскому императору и объявил ему, что «его намерение отказаться от японского протектората подобными коварными средствами представляет собой кратчайший путь к объявлению войны с Японией» [Василевская 1975: 44].

Император заявил, что ничего не знает о депутации и ее деятельности. В дальнейших переговорах Ито указал, что «упорство императора в подобного рода интригах должно быть истолковано как враждебное отношение к японцам, которому должен быть положен предел» [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 263].

На состоявшемся 25 июня (7 июля) 1907 г. в присутствии императора Совете министров прояпонские министры возбудили вопрос о том, от кого корейские делегаты на Гаагской конференции получили свои полномочия.

В газетах появились статьи, громко требующие, чтобы корейский император лично поехал в Японию извиняться. Конечно, о выполнении таких требований нельзя было и думать: император охотнее согласился бы умереть. Между тем сам факт этого требования вызвал в Корее сильные волнения. Народ стал собираться толпами на улицах, прилегающих к императорскому дворцу, чтобы по старинному обычаю представить монарху свои прошения. Японская полиция атаковала толпу. Два дня подряд по всему городу раздавалась стрельба. Были вызваны войска из Пхеньяна, по углам некоторых улиц расставлены пулеметы и приняты другие чрезвычайные меры [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 17. Л. 130].

По словам российского посла в Токио, появление в Гааге корейцев, именующих себя официальными посланцами, было воспринято как открытый вызов Японии корейского императора [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 269].

Представители различных групп верхней палаты сделали Сайондзи устные представления о необходимости принять энергичные меры по отношению к Корее ввиду явного нарушения ею конвенции о протекторате, выразившемся в отправке делегации в Гаагу [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 273].

Японские власти также заочно приговорили Ли Виджона к пожизненному заключению. Не имея возможности вернуться на родину, Ли Виджон вместе с эмиссаром Ли Сансолом поехал в Лондон и Нью-Йорк, где направил петицию в адрес американского правительства.

Японское правительство использовало Гаагский инцидент в качестве повода для свержения Коджона. Пригрозив начать войну против Кореи, министр иностранных дел Японии Хаяси Тадасу и генеральный резидент Японии в Корее Ито Хиробуми потребовали от Коджона отречения от престола. Согласно данным российского генерального консула в Сеуле Плансона, на аудиенции 5 (18) июля 1907 г. генеральный резидент в отместку за Гаагский инцидент поставил императору ультиматум из трех пунктов: ему предложено было ратифицировать ноябрьский договор о протекторате, ехать в Японию извиняться и отречься от престола [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 274]. 5 июля вечером в Сеул, с целью подчеркнуть важность момента, прибыл японский министр иностранных дел Хаяси.

Тем временем во дворце подолгу заседали корейские министры, ставленники японского Генерального резидентства. После двухдневных настояний они убедили императора взять всю вину на себя и принести себя в жертву ради спасения отечества. В ночь с 5 на 6 (19) июля 1907 г. Коджон подписал манифест об отречении от престола в пользу передачи правления старшему сыну Сунджона [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 17. Л. 130]. Когда известие об этом распространилось, волнение народа в Сеуле усилилось. Ярость народа была направлена главным образом против корейских же министров за их приверженность японцам во вред корейского государства. 6 июля был разгромлен и сожжен дом первого министра Ли Ванъёна, а на следующий день дома других двух министров [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 17. Л. 130]. В вооруженных столкновениях приняли участие корейские солдаты.

24 июля 1907 г. Корее был навязан «Договор семи статей», текст которого был подписан Ито Хиробуми и Ли Ванъёном, о передаче в руки японского генерального резидента контроля над всей корейской законодательной и исполнительной властью, что было значительным шагом на пути к окончательной аннексии Кореи [Пак 2004: 394–400;

Он же. 2002: 57]. Договор, целью которого в пропагандистских расчетах называлось «скорейшее содействие могуществу и богатству Кореи», состоял в нижеследующем.

«1. Корейское Правительство должно будет руководствоваться указаниями Генерального Резидента в деле реформы управления.

2. Законы и главнейшие административные распоряжения Корейского Правительства должны изменяться не иначе как с согласия Генерального Резидента.

3. Судебное дело должно быть отделено от обыкновенных административных дел Корейского Правительства.

4. Высшие чиновники Кореи должны быть назначаемы или увольняемы с согласия Генерального Резидента.

5. Корейское Правительство будет принимать на свою службу всякого японца, рекомендованного Генеральным Резидентом.

6. Корейское Правительство не будет принимать на свою службу иностранцев без согласия Генерального Резидента.

7. Первая статья Японо-Корейского договора, подписанного 23 августа 37 года Мэйдзи /1904 г./, отменяется.

В удостоверение чего уполномоченные обоих Правительств подписали настоящий договор с приложением своих печатей. 11/24 июля 1907 г.

/Подп/ Генеральный Резидент Маркиз Ито Хиробуми. /М.П/

/Подп/ Первый министр, Кавалер ордена 2-й степени И-Ван-Ион /МП/»

[АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 912. Л. 9;
Чосон кванге чояк чип. 1949: 32–33;
Korea. Treaties and Agreements 1921: 58–59].

В июле 1907 г. по инициативе японцев марионеточное правительство усилило репрессивное законодательство против народного сопротивления захватчикам. С этой целью были изданы законы «О поддержании общественного спокойствия» и о прессе. Первый из них предоставлял полиции право в случаях «угрозы общественному порядку» запрещать печатную и устную пропаганду, разгонять массовые «сборища» и демонстрации. Суровые наказания предусматривались для тех, «кто своими бунтарскими речами и поступками нарушает общественное спокойствие, кто наущает, агитирует и подстрекает к этому других лиц». Второй закон допускал издание газет только с разрешения министра внутренних дел, вводил крупный «гарантийный

зalog», затруднявший издательскую деятельность корейцев, грозил газетам, нарушающим «общественное спокойствие», конфискацией, а их издателям — штрафами, тюрьмой и даже каторгой. Первоначально этот закон касался газет, выходивших в Корее на корейском языке, но в 1908 г. его распространяли на иностранные газеты и литературу, публикуемые в Корее и поступающие из-за рубежа, а в 1909 г. — на книги и другие печатные издания [Шипаев 1964: 86, 129; Василевская 1975: 51, 55–56].

Важным шагом на пути к аннексии Кореи стало уничтожение корейской армии, последнего оплота независимости Кореи. Поздно ночью 19 июля (1 августа) японцам удалось добиться от молодого императора подписания указа об упразднении армии. 1 августа 1907 г. корейская армия была разогнана. Мера эта, по данным российского генерального консула в Сеуле, давно проектировалась японцами. Но японцев останавливало опасение, чтобы такой решительный шаг не вызвал серьезных возражений как внутри страны, так и в особенности со стороны ведущих держав. Поэтому проект подобных реформ пришлось отложить до более благоприятного момента [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 17. Л. 135].

Такой момент настал после того, как державы—участницы Гаагской конференции фактически признали законность навязанного Корее протектората. Инцидент с корейскими посланцами в Гааге развязал японцам руки в достижении конечной цели. Гаагский инцидент показал, что японцам нечего опасаться вмешательства в Корее от западных держав. После этого японцы стали действовать без колебаний в отношении ликвидации последних признаков корейской независимости. При этом ими была допущена неслыханная жестокость.

20 июля (2 августа) рано утром генерал Хасегава спешно вызвал к себе начальников корейских воинских частей и приказал им немедленно вести свои части без оружия на военный плац, где люди должны были сдать амуницию, получая единовременное пособие в размере около 50 иен, и разойтись по домам как частные лица. Японцы действовали быстро, чтобы не дать никому опомниться. Большинство корейского войска выступило в полном порядке из своих казарм, которые тотчас же занимались японскими войсками. Но два гвардейских батальона и другие солдаты не явились на плац. Батальон 1-го гвардейского полка, служившего дворцовой охраной, не пожелал подчиниться. Командир батальона 1-го гвардейского полка, вернувшись в казармы от Хасегава с приказом о сдаче оружия, заявил своему батальону, что отказывается приводить этот приказ в исполнение,

и тут же покончил жизнь самоубийством. Батальон решил с оружием в руках защитить свою воинскую честь. Японцы окружили казармы и расстреливали людей из пулеметов. Отчаянный бой продолжался более двух часов. Бой был неравный. Восстание было подавлено с излишней жестокостью. Большая часть повстанцев была перебита, часть взята в плен, и около 200 человек скрылись от преследования в соседних домах. Затем на помощь войскам, ходившим по городу и разыскивавшим беглецов, явились японские соши. Они вытаскивали корейских солдат из домов, волокли их по улицам и избивали палками на глазах у публики [АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 17. Л. 135; История Кореи (с древнейших времен до наших дней). 1974: 396]. Те, кому удалось спастись, в большинстве влились затем в ряды партизан.

Разгон корейской армии сопровождался наращиванием в Корее сил полиции и жандармерии. Руководящие посты в полиции и жандармерии занимали исключительно японцы. Если в 1908 г. в Корее имелось 412 полицейских и 472 жандармских участка, то в 1909 г. их стало соответственно 484 и 499. В их штатах числилось в 1908 г. 4990 полицейских и 6608 жандармов, а в 1909 г. их было уже 5336 и 6691 [The Third Annual report on Reforms and Progress in Chosen (Korea) (1909–1910) 1910: 41–43]. С учетом японской армии (1–1½ дивизии) был создан мощный репрессивный аппарат поддержания власти японских колонизаторов в Корее.

Продолжалось переустройство корейского судопроизводства. В 1909 г. были упразднены корейские суды, оставлены только японские, в которых корейцы могли занимать лишь второстепенные должности [The Third Annual report on Reforms and Progress in Chosen (Korea) (1909–1910) 1910: 36]. Было упразднено военное министерство.

Подчинив себе по «Договору семи статей» центральные органы власти в Корее, японцы взяли под свой контроль и административные учреждения провинций. В 1909 г. началась замена японцами корейских начальников уездов. К 1910 г. вся система управления Кореи была узурпирована японцами.

Таким образом, японцы стали фактически правителями Кореи. Следующим шагом оставалась только аннексия Кореи.

Аннексия Кореи

Решение об окончательном захвате Кореи было принято в апреле 1909 г. на совещании премьер-министра Кацуры Таро, министра ино-

странных дел Комуры Дзютаро и Ито Хиробуми, генерального резидента в Корее [Пак 2004: 402].

В июле 1909 г. японское правительство решило осуществить аннексию Кореи. Был создан секретный Комитет по подготовке присоединения Кореи.

В конце 1909 г. военным министром Японии Тэраути Масатакэ был разработан план аннексии Кореи. При этом ставилась задача создать видимость того, что вопрос о присоединении Кореи к Японии исходит от самого корейского народа.

Реализация этой задачи, согласно плану, была возложена на про-японское общество «Ильчинхве». 4 декабря 1909 г. председатель этого общества Ли Ён Гу с ближайшими сторонниками вручил генеральному резиденту в Сеуле Сонэ Араскэ, который заменил Ито Хиробуми на этом посту, для передачи японскому императору петицию с ходатайством о присоединении Кореи к Японии. Эта петиция была представлена также корейскому императору Сунджону и премьер-министру Ли Ванъёну [Пак 2004: 404]. Однако петиция была встречена с возмущением, даже со стороны правительства, которое отказалось рассматривать ее и возвратило «Ильчинхве». Многолюдные митинги и собрания протеста против действий «Ильчинхве» прошли в ряде городов Кореи. Самая крупная манифестация в защиту независимости Кореи была устроена в Сеуле 6 января 1910 г. Помимо жителей столицы в ней участвовали люди из 40 близлежащих уездов. Были произведены нападения на лидеров «Ильчинхве». Ожилилось антияпонское сопротивление, бои отрядов Ёйбён с карателями [Mc Kenzie 1920: 174].

Японское правительство поспешило на словах отмежеваться от планов присоединения Кореи, приписав инициативу «Ильчинхве». На деле Япония продолжала готовить аннексию Кореи. 30 мая 1910 г. Сонэ Араскэ на посту японского генерального резидента в Корее сменил Тэраути Масатакэ, остававшийся одновременно военным министром Японии. 23 июля он прибыл в Сеул. При новом генерал-резиденте главное внимание уделялось военному обеспечению аннексии. Численность японских войск в Корее увеличили до 50 тыс. К берегам Кореи стягивались японские военные корабли. Были ужесточены репрессии против корейских политических и общественных организаций. Большая часть корейских газет была закрыта или конфискована.

Но бывший император Коджон и участники антияпонского движения в Корее продолжали надеяться на помощь и поддержку России. В 1908 г. его приближенными была сделана неудачная попытка орга-

низовать побег во Владивосток [Пак 2004: 404–405]. В конце октября было решено, что Коджон отправится на север Кореи к повстанцам Ыйбён провинции Хамгён и оттуда через русско-корейскую границу переправится в Россию. В мае 1910 г. Коджон тайно послал в Россию видного деятеля национально-освободительного движения Ли Гапа, поручив ему установить контакты с русскими властями [Пак 1967: 66].

Ответа на послание Коджона не последовало. Россия в ходе длительных переговоров пыталась добиться от японской стороны обязательства сохранить независимость Кореи, но японская сторона не шла ни на какие уступки. 4 июля 1910 г. было подписано русско-японское политическое соглашение, по которому Россия согласилась не препятствовать аннексии Кореи. Взамен Россия получала со стороны Японии признание сферой своих специальных интересов Северную Маньчжурию и Монголию.

В июне 1910 г. в Корею было создано Бюро колониальных дел, в ведение которого входили Тайвань, Южный Сахалин и Корея. Тем самым подчеркнули, что Корея фактически уже считается японской колонией.

8 июля 1910 г. японское правительство утвердило текст договора об аннексии Кореи. Решено было оформить ее как добровольную уступку корейским императором всех верховных прав японскому императору. 13 августа Тэраути пригласил к себе премьера Ли Ваньёна и потребовал подписать договор об аннексии. 18 августа требования Тэраути обсуждались корейским правительством и были приняты им, за исключением министра просвещения Ли Ён Сик. 22 августа было созвано совещание членов корейского правительства в присутствии императора Сунджона. На совещании были высшие чиновники Генерального резидентства и японские генералы во главе с командующим армией генералом Окубо. После совещания Тэраути и Ли Ваньён подписали договор об аннексии Кореи Японией. Опасаясь взрыва возмущения, его обнаружили только 29 августа.

Основные статьи договора гласили: «Его Величество Император Кореи совершает полную и на все времена уступку Его Величеству Императору Японии всех прав суверенитета над всей Кореей» и «Его Величество Император Японии принимает уступку, упомянутую в предыдущей статье, и соглашается на полную аннексию Кореи Японской империей». Остальные статьи определяли почести, привилегии и денежное содержание корейского императора, наследника престола, членов императорской фамилии и тех корейцев, которые

будут сочтены достойными «особого признания» [Ключников, Сабанин 1925: 346].

Договору об аннексии была предпослана декларация, объяснявшая его необходимость: «Несмотря на важную и трудную работу по реформированию администрации в Корее, которой правительства Японии и Кореи занимались более четырех лет после заключения Соглашения 1905 г., существующая система управления в этой стране совершенно непригодна для сохранения общественного порядка и спокойствия и к тому же дух подозрительности и опасения господствует на всем полуострове.

Чтобы сохранить мир и стабильность в Корее, содействовать процветанию и благосостоянию корейцев и в то же самое время обеспечить безопасность и спокойствие иностранцев, стало совершенно ясно, что фундаментальные изменения в современном режиме управления абсолютно необходимы. Правительства Японии и Кореи, будучи убеждены в настоятельной необходимости проводимых реформ, отвечающих требованиям ситуации и предоставляющих достаточные гарантии на будущее, с одобрения Его Величества Императора Японии и Его Величества Императора Кореи заключили через своих соответствующих уполномоченных договор, предусматривающий полную аннексию Кореи Японской империей» [Source materials on Korean politics and ideologies N.d.: 37–38].

Эти разъяснения и последующее содержание декларация целиком адресовала иностранным державам. В ней объявлялось об аннулировании договоров, заключенных прежде Кореей с другими странами. Действие договоров с Японией распространялось теперь и на Корею. Иностранцам, проживающим в Корее, предоставлялись те же права и иммунитеты, что и в самой Японии. Импортные и экспортные пошлины, тоннажные сборы с иностранных судов японское правительство обещало сохранять в прежних размерах в течение 10 лет. На такой же срок разрешалась государствам, имеющим договоры с Японией, прибрежная торговля между открытыми портами Кореи и между этими портами и любым открытым портом Японии. Открытые порты Кореи по-прежнему оставались открытыми для иностранных судов, для импорта и экспорта товаров. Перечисленные пункты декларации, очевидно, должны были успокоить Англию, США и другие страны, имевшие торгово-экономические интересы в аннексированной Корее.

Так, 29 августа 1910 г. вследствие навязанного силой договора об аннексии Корея официально стала колонией Японии.

День опубликования договора об аннексии Кореи в Сеуле прошел относительно спокойно. Но очень скоро повсюду вспыхнули сильные народные волнения и протесты против аннексии. Вот что писала российская газета «Уссурийская окраина» в те дни:

«В то время, когда европейские державы дали свое согласие на аннексию Японией Кореи, когда само корейское правительство безмолвно подчинилось своей участи и Корея стала японской провинцией, потеряв свою самостоятельность, далеко, как оказывается, не равнодушно к этому событию отнесся корейский народ. Он возмутился и восстал с оружием в руках.

В Корею, как сообщают местные корреспонденты, нечто неопишное. Японское правительство организовало карательные отряды, которые свирепствуют в городах, селах и деревнях, арестовывают и казнят инсургентов, а жилища их жгут и сравнивают с землей, между тем силы инсургентов все растут и растут.

Они дали клятву... отстоять свою родину от японского рабства и вернуть ей свободу и самостоятельность.

С этим взрывом народного чувства придется очень и очень считаться японцам, прежде нежели они водворят спокойствие в Корею и воспользуются плодами ее аннексии. Пока корейцы каждую пядь родной земли отстаивают своей кровью с оружием в руках, спешно скупаемым в Приамурье»¹.

В Корею продолжают помнить о периоде утраты национального суверенитета в связи с колониальным закабалением страны. И сегодня, как показывают события последних лет, они по-прежнему очень эмоционально и болезненно воспринимают описанные в данной главе события исторического прошлого, считая японское колониальное господство в Корею незаконным. Отказ японских правящих кругов признать насильственный характер аннексии даже спустя более 70 лет после освобождения Кореи вследствие роста правых настроений в Японии с 1990-х годов препятствует урегулированию прошлых обид и нормализации отношений.

Список литературы

На русском языке

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 53. Л. 88: Телеграмма корейского министра иностранных дел Yi Tchi Yong генеральному консулу Корейской империи в Чифу Герину. Сеул, 15 января 1904.

¹ Уссурийская окраина. 16.09.1910.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 53. Л. 88об.: Секретная телеграмма дсс Павлова. Сеул, 5/18 января 1904 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 53. Л. 146—148: Секретная циркулярная телеграмма министра иностранных дел российским представителям за границей. СПб., 8 (21) февраля 1904 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 56. Л. 84—85.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 58. Л. 14: Программа личного доклада Виконта де Фонтенэ // АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 60 Л. 141; Секретная телеграмма д.с. Павлова. Шанхай. 2/15 мая 1904 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 60. Л. 139: Всеподданнейшая записка министра иностранных дел Ламздорфа. СПб., 22 сентября 1904 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 60. Л. 141: Программа личного доклада Виконта де Фонтенэ.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 60. Л. 167: Проект секретной телеграммы д.с. Павлову в Шанхай. Высочайше утв. Царское Село, 28 сентября 1904 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 73. Л. 41: Секретная телеграмма Нелидову в Париж, Остен-Сакену в Берлин, Розену в Вашингтон. СПб., 11 (24) ноября 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 74. Л. 54—55.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 15. Л. 13: Телеграмма № 1 корейского министра иностранных дел Yi Tchi Yong к министрам иностранных дел Австро-Венгрии, Бельгии, Дании, Китая, США, Франции, Великобритании, Италии, России и Японии. Сеул, 15 января 1904. Приложение № 2 к депеше Павлова от 12 января 1904 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 16. Л. 19—21: Донесение генерального консула в Сеуле Плансона министру иностранных дел Извольскому. Сеул, 15 (28) августа 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 17. Л. 130: Донесение Плансона Извольскому. Токио, 12 июля 1907 г. № 44.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 17. Л. 135: Донесение Плансона Извольскому. Сеул, 26 июля 1907 г. № 46.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 1: Проект секретной телеграммы д.с. Павлову в Шанхай. Сеул, 8 февраля 1904 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 46: Проект секретной телеграммы Российским представителям заграницею.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 61: Депеша д.т.с. Покотилова. Пекин, 28 ноября (10 декабря) 1905 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 93.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 261: Телеграммы С.-Петербургского телеграфного Агентства. Ночной бюллетень 16 июня 1907 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 269: Секретная телеграмма Бахметьева. Токио, 30 июня 1907 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 263: Телеграмма С.-Петербургского телеграфного Агентства. Ночной бюллетень. 22 июня (5 июля) 1907 г. Сеул, 22 июня // АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 269: Секретная телеграмма Бахметьева. Токио, 30 июня 1907 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 273: Телеграмма С.-Петербургского телеграфного Агентства. Утренний бюллетень. 3 июля 1907 г. Токио, 2 июля.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 274: Секретная депеша ст. сов. Плансона. Сеул, 6/19 июля 1907 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 585. Л. 9: Депеша Гр. Кассини. Бархарбор 7/20 сентября 1904 г. № 50.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 585. Л. 13: Копия донесения кол. сов. Роспопова из Шанхая от 9/22 окт 1904 г. № 20; Секретное письмо министра финансов Гр. В. Н. Ламздорфу от 1 декабря 1904 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 585. Л. 14 об.: Копия донесения кол. сов. Роспопова из Шанхая от 9/22 окт 1904 г. № 20.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 909. Л. 99–100: Секретная телеграмма Бахметьева. Токио, 6/19 июня 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 909. Л. 131: Секретная телеграмма Бахметьева. Токио, 23 июня 1906 г. № 41.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 911. Л. 268: Донесение Бахметьева Извольскому. Токио, 29 июня 1907 г. № 68.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 912. Л. 9: Донесение Бахметьева Извольскому. Токио, 7 июля 1907 г. № 70.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 912. Л. 11.

Василевская 1975 — *Василевская И. И.* Колониальная политика Японии в Корее накануне аннексии (1904–1910). М.: Наука, 1975.

ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 163. Л. 57–58: Секретная депеша Плансона. Сеул, 29 декабря 1906 г. № 18.

Добрынин 1947 — *Добрынин А. Ф.* США и независимость Кореи (1904–1905 гг.) // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1947. Т. IV. С. 343–354.

История дипломатии. Т. II. М.: Госполитиздат, 1963.

История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. I. Ин-т востоковедения АН СССР. М.: «Наука» ГРВЛ, 1974.

Ключников, Сабанин 1925 — *Ключников Ю., Сабанин А.* Международная политика Новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1. М, 1925.

Козлов 1904 — *Козлов В. Д.* В тылу у японцев (набег партизанов в Корею). СПб.: Коммерческая типолитография М. Виленчика, 1904.

Ли Бомджин / Сост. Б. Д. Пак. Серия «Российские корейцы». М.: ИВ РАН, 2002.

Пак 2002 — *Пак Б. Д.* Жизнь и деятельность выдающегося корейского политика и дипломата Ли Бомджина // Ли Бомджин. Серия «Российские корейцы». М.: ИВ РАН, 2002.

Пак 1967 — *Пак Б. Д.* Освободительная борьба корейского народа накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1967.

Пак 2004 — *Пак Б. Д.* Россия и Корея. 2-е изд., доп. М.: ИВ РАН, 2004.

Уссурийская окраина. 16.09.1910.

Шипаев 1964 — *Шипаев В. И.* Колониальное закабаление Кореи японским империализмом. (1895–1917). М.: Академия наук СССР, Институт народов Азии, 1964.

Шулатов 2008 — *Шулатов Я. А.* На пути к сотрудничеству: Российско-японские отношения в 1905–1914 гг. Хабаровск: ИВ РАН, 2008.

На корейском языке

Ли Наен 1958 — *Ли Наен.* Чосон минджок хэбан тхуджэнса (История национально-освободительной борьбы корейского народа). Пхеньян, 1958.

Чосон кванге чояк чип. 1876–1945 (Сборник договоров, имеющих отношение к Корее. 1876–1945). Пхеньян, 1949.

На английском языке

Akagi 1936 — *Akagi R. H.* Japan's Foreign Relations 1542–1936. A Short History. Tokyo, 1936.

Annual report on Reforms and Progress in Chosen (Korea) (1911–1912). Seoul, 1912.

British documents on the Origins of the War, 1898–1914. (1926). Vol. IV / Ed. by G. P. Gooch, H. W. V. Temperley. L.: HMSO.

Choi Hochin 1988 — *Choi Hochin.* The Economic History of Korea. Seoul: Sekyungsa, 1988.

Korea. Treaties and Agreements. Washington, 1921.

Grimm 1927 — *Grimm E. D.* The collection of treaties and other documents on history of the international relations in the Far East (1842–1925). M., 1927.

Koen de Coester 2007 — *Koen de Coester.* The Dutch Government and Media reaction to the Korean Mission to the 1907 Hague Peace Conference // Минджон мунхваёнгуwon чхансоль 50 чунён кинем кукче хаксультъвей чарёчип «1907 нен Хэйгы пхёнхва хвейи ва Тэхан чегук, кыриго ёлган» (Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 50-летию основания Института национальной культуры, «Гаагская мирная конференция, Корейская империя и великие державы»). Сеул: Институт национальной культуры, 2007. С. 55–66.

Korea // Japan Daily Mail. 1907. July 11.

Korea. Treaties and Agreements. Washington, 1921.

Korea makes protest // The New York Times. 1907. June 30.

Mc Kenzie 1920 — *Mc Kenzie F.* Korea's Fight for Freedom. N.Y., 1920.

Oamaru mail. Vol. XXXIV. Issue 9665. 19 October 1907. Supplement (the source of the information is the National Library of New Zealand).

Source materials on Korean politics and ideologies (Source books on Far Eastern Political Ideologies). Compiled by Donald George Tewksbury. Vol. II of the Series,

Source books on Far Eastern Political Ideologies. International Secretariat, Institute of Pacific Relations, New York. N.d.

The Third Annual report on Reforms and Progress in Chosen (Korea) (1909–1910). Seoul, 1910.

Yi Taejin 2008 — *Yi Taejin*. Forced Treaties and Japan's Annexation of the Great Korean Empire: An Argument for the Illegality of the Annexation // International Legal Issues in Korea-Japan Relations. Seoul: Northeast Asian History Foundation, 2008. P. 13–60.

На французском языке

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 15. Л. 14: Télégramme № 2 aux Ministres Plénipotentiaires représentant le Gouvernement de Sa Majesté l'Empereur de Corée à Berlin, Pékin, Washington, Paris, Londres, Tokio et St.Pétersbourg. Yi Tchi Yong, Ministre des Affaires Etrangères. Séoul, le 15 janvier 1904.

На нидерландском языке

Haagesche Courant. 1907. July 10.

Г Л А В А 3

Историческое прошлое в современных отношениях Японии со странами Корейского полуострова

Период японской аннексии 1910—1945 гг. в коллективной памяти корейского народа запечатлелся как время угнетения и национального унижения. Это не могло не отразиться и на восприятии Японии в корейском обществе. Оно оказывается негативным не только у поколения непосредственных свидетелей колониальной эпохи, но и у их сегодняшних внуков и правнуков. На эмоциональное восприятие соседа, похоже, влияет и экономическая и культурная конкуренция с ним, нараставшая по мере выдвижения Японии и Южной Кореи в число лидеров регионального развития в конце XX в. При этом Токио и Сеул во многом зависят друг от друга: велик объем взаимной торговли и инвестиций, а в военно-политическом смысле оба государства, будучи союзниками Вашингтона, находятся в американском «лагере», что «обрекает» их на сотрудничество.

Сложные вопросы прошлого не только влияют на общественное мнение, но и находят свое отражение в политике, определяя высказывания и действия власти. В последние десятилетия споры по поводу прошлого все чаще переходят в международно-дипломатическую плоскость и отравляют корейско-японские отношения.

Так, и Сеул, и Пхеньян осуждают периодическое «паломничество» японских политиков в святилище Ясукуни, где в качестве божествами почитаются японские военные, погибшие в конфликтах конца XIX — начала XX в., в том числе признанные преступниками по итогам Второй мировой войны. Нередко корейские политические деятели разного уровня выступают с требованиями компенсаций и извинений за те или иные исторические эпизоды.

В последнее время Сеул особенно активно обращался к двум из них. *Во-первых*, это проблема сексуального рабства кореянок в японских военных борделях в годы Второй мировой войны, *во-вторых* — вопрос

о принадлежности скал Лианкур (корейское название — остров Токто, японское — Такэсима). Разногласия по этим, казалось бы, оставшимся в прошлом сюжетам нередко останавливали политическое и военное сотрудничество.

Проблема «женщин для утешения» в южнокорейско-японских отношениях: история и современное состояние

В годы президентства Пак Кынхе Республика Корея стала весьма активно использовать в политике проблему сексуальной эксплуатации корейских женщин в японских полевых борделях в 1930–1940-х годах.

Система военных публичных домов (или же, как они официально именовались, «станций утешения») появилась в японской армии в 1930-х годах. Таким образом японское руководство боролось с изнасилованиями, чтобы уменьшить количество конфликтов между военнослужащими и населением на оккупированных территориях. Кроме того, «станции утешения» были призваны поддерживать боевой дух солдат, а контроль над их работницами исключал возможность шпионажа через проституток и позволял защитить личный состав от венерических болезней [Piper 2001: 161]. В борделях оказывались девушки 15–20 лет из стран, попавших под японскую зависимость. Точные данные о численности и национальном составе работниц получить невозможно; приводимые в литературе оценки варьируют в пределах от десятков тысяч до почти полумиллиона человек. Считается, что большую их часть составляли кореянки. Кроме того, в их рядах оказывались китайянки, филиппинки, девушки из Индонезии (в том числе голландки); встречались и японки [Kim 2014: 83].

По-японски девушек, работавших на станциях, называли «ианфу» (慰安婦), что обычно переводят как «женщина для утешения» или «комфорта»; встречается и вариант «комфортантка». Корейское чтение этих же иероглифов — «вианбу» (위안부); это название стало терминологичным в корееведческой литературе. Интересно, что этим же эвфемизмом впоследствии именовали проституток, которых посещали размещенные в Южной Корее американские военнослужащие (Lee 2015: 344).

Пути попадания «комфортанток» на станции были различны. Какая-то часть, по-видимому, самая меньшая, поступила на службу добровольно, в полной мере осознавая ее специфику. Большинство девушек оказались обмануты, откликнувшись на предложение высо-

кооплачиваемой работы в метрополии. Были и случаи насильственного «рекрутирования» либо продажи девушки ее же семьей [Varga 2009: 289].

Довольно затруднительно составить общую картину условий пребывания и работы на станциях. Судя по всему, они разнились в зависимости от военной части. Во многих свидетельствах описывается сочетавшийся с жестоким обращением и побоями тюремный режим. На таких станциях девушки фактически оказывались армейским имуществом и обращение с ними было соответствующее. По словам других выживших *вианбу*, их служба была строго регламентирована, но они располагали свободным временем, им выделялись деньги на личные расходы и т.п. Во всех случаях регулярно проводились осмотры, а при выявлении венерических заболеваний оказывалась медицинская помощь, хотя и примитивными средствами. Основным мотивом было, разумеется, не беспокойство о благополучии самих «комфортанток», а необходимость обеспечивать их «работоспособность» и забота о здоровье японского личного состава. Солдаты и офицеры платили за посещение борделей, и, теоретически, девушки должны были получать вознаграждение за свои услуги, однако в реальности это происходило далеко не всегда, по-видимому, в таких случаях деньги оставались в руках начальства станции [True Stories 1995: 200].

Условия найма, труда и жизни *вианбу* закономерно становились хуже с течением войны. Возможности покинуть службу у «комфортанток» фактически не было. Если бы командование и «отпустило» работницу, девушке некуда было бы идти: как правило, станции располагались вдали от их родины. В итоге выжило меньшинство: после капитуляции Японии эвакуацией «женщин для утешения» никто не занимался, многие не смогли вернуться домой и пропали без вести, а часть были убиты отступающими войсками.

Одной из целей создания станций было стремление снизить неприязнь к японцам непосредственно в местах дислокации войск через сокращение взаимодействия между военными и населением. По иронии истории, многие годы спустя именно проблема *вианбу* стала одним из ключевых факторов формирования и самоподдержания антияпонских настроений в регионе.

Считается, что вопрос «комфортанток» оформился как общественно-политическая проблема только в начале 1990-х годов. В качестве знакового момента обычно указывают выход в свет воспоминаний одной из *вианбу*, Ким Хаксун, в 1991 г. Вслед за ней о своем опыте рассказали и другие женщины. Возникает очевидный вопрос: почему они

ждали так долго? Обычно для объяснения указывают на гнет традиционной морали и патриархальное устройство корейского общества [Lee 2015: 347–348]. В конце концов, обвинения в адрес жертвы не редки при обсуждении случаев сексуального насилия и сегодня (причем не только в Корее).

Представление о проблеме *вианбу* как о сравнительно новом явлении распространено не только в обывательской среде, но и в литературе, однако оно все же не совсем верно. Действительно, до начала 1990-х годов вопрос не обсуждался политиками, однако это не означает, что никаких сведений о «женщинах для комфорта» до этого времени не встречается.

Определенную дурную славу приобрели мемуары Ёсиды Сэйдзи, изданные в 1977 и 1983 гг., где он рассказал о системе «станций утешения» и своем участии в их организации. Хотя в 1990-е годы эти публикации стали основой для дискуссии и привлекли внимание корейской и японской общественности, вскоре в воспоминаниях были обнаружены многочисленные фактические ошибки и несоответствия [Nozaki 2005]. В ответ автор заявил, что его книги носят скорее художественный характер. Из-за возникшей путаницы японское правое крыло считает историю *вианбу* мифом, который создал Ёсида, а его признание — доказательством несостоятельности претензий к Токио [Reexamining 2015].

Тем не менее корейскому обществу все же было известно о проблеме и до 1990-х годов, она даже довольно регулярно упоминалась в газетах. Так, исследователь Ёсиката Уэки обнаружил в южнокорейской центральной прессе с 1945 г. по 1960-е годы 23 упоминания о «женщинах для комфорта» (преимущественно в 1960-е годы), а в 1970–1980-е годы их количество выросло примерно до трех сотен [Yoshikata 2015].

У того, что тема *вианбу* зазвучала именно в начале 1990-х годов, были конкретно-исторические причины. В конце 1980-х — начале 1990-х годов южнокорейское общество только начинало демократизироваться. Нарождавшееся движение правозащитников-феминистов смогло воспользоваться этим сюжетом, чтобы заявить о себе, когда критика внутренних проблем оставалась делом непростым [Асмолов 2017]. Попав в поле зрения государства, вопрос быстро перестал быть чисто гуманитарным или историческим. К слову, японские сторонники феминизма в целом с сочувствием отнеслись к жалобам и требованиям кореянок, проявив в этом случае идеологическую, а не национальную солидарность [Wöhr 2005: 68–71].

Итак, в начале 1990-х годов проблема *вианбу* стала достоянием широкой общественности и стремительно превращалась в международ-

но-политическую. В 1991 г., вскоре после публикации воспоминаний Ким Хаксун, три кореянки из числа бывших «комфортанток» подали в японский суд иск на правительство страны. Токио был вынужден отреагировать. Правительство организовало расследование, и по его итогам в 1993 г. генеральный секретарь кабинета министров Коно Ёхэй выступил с официальным заявлением. В нем Япония признала существование проблемы, а также то, что набор девушек и их служба, «как правило», происходили не добровольно. Кроме того, Токио принес бывшим *вианбу* извинения и пообещал не отворачиваться от исторических фактов. В заявлении Коно указывалось, что набором *вианбу* в основном занимались частные лица, но «в некоторых случаях» в процесс также было вовлечено гражданское и военное руководство¹.

В 1995 г. для предоставления компенсаций жертвам был создан Фонд женщин Азии. Средства частично предоставлялись японским правительством, и бывшие *вианбу* могли получить через него около 5 млн иен каждая. Однако и известная уклончивость заявления Коно, и формат компенсаций не устроили южнокорейскую сторону. У общественности и власти сложилось впечатление, что официальный Токио хочет дистанцироваться от проблемы и снять с себя ответственность, создав негосударственный фонд [Kim 2014: 89].

Принципиальным и постоянным элементом позиции Токио является утверждение, что все спорные исторические вопросы были закрыты в ходе нормализации японо-южнокорейских отношений с подписанием в 1965 г. соглашения по урегулированию проблем, касающихся собственности, претензий и экономического сотрудничества [Лобов 2015: 118–119]. В нем указывается, что все «вопросы, касающиеся собственности, прав и интересов двух высоких договаривающихся сторон и их народов... решены полностью и окончательно»².

Республика Корея, стремясь привлечь широкое международное внимание к проблеме *вианбу*, старалась вывести его за рамки двусторонних отношений, и это нередко удавалось. Так, в 1996 г. Комитет ООН по правам человека подготовил доклад, в котором осудил систему

¹ Statement by the Chief Cabinet Secretary Yohei Kono on the result of the study on the issue of “comfort women”. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/women/fund/state9308.html> (accessed: 25.07.2019).

² Тэханмингуква ильбонгане чэсан мит чхонгукквоне кванхан мунчжее хэгёльва кёнчхехёмнёге кванхан хёпчон 대한민국과 일본국간의 재산 및 청구권에 관한 문제의 해결과 경제협력에 관한 협정 = Соглашение между Республикой Корея и Японией по урегулированию проблем, касающихся собственности, претензий и экономического сотрудничества. URL: <http://www.law.go.kr/trtyInfoP.do?mode=4&trtySeq=3678&chrClsCd=010202&vSct> (дата обращения: 25.07.2019).

японских полевых борделей и, несмотря на протесты Токио, квалифицировал ее как сексуальное рабство¹. Сеул длительное время лоббировал проведение через американский Конгресс резолюции о «комфортантках» с призывом к Японии признать ответственность за ситуацию [Kim 2014: 90]. Политический смысл такого подхода очевиден: США являются союзником обеих стран, нередко влияют на внешнюю политику и Сеула, и Токио, поэтому южнокорейские и японские элиты порой видят в Вашингтоне авторитетного арбитра. Когда американский парламент в итоге принял соответствующий документ², это закономерно стало знаковым моментом для Республики Корея.

«Внутренним» фактором поддержания актуальности вопроса стало постановление конституционного суда Республики Корея от 2011 г. В нем указывалось, что власти страны недостаточно деятельно защищают государственные интересы по проблеме *вианбу* и такая пассивность противоречит конституции³. Документ не был международным, но содержал и ответ на возражения Японии: южнокорейский суд объявлял ссылки на соглашение 1965 г. неуместными. По его мнению, поскольку на момент его подписания проблема «женщин для утешения» была малоизвестной, нельзя, опираясь на него, лишать жертв права получить компенсацию.

Усиление международного давления и эмоционального накала, однако, произвело эффект, обратный ожидаемому: среди японских элит нарастало раздражение по поводу непрекращавшихся требований ко-

¹ United Nations Commission on Human Rights. Report on the mission to the Democratic People's Republic of Korea, the Republic of Korea and Japan on the issue of military sexual slavery in wartime. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/commission/country52/53-add1.htm> (accessed: 25.07.2019).

² H.Res.121 — A resolution expressing the sense of the House of Representatives that the Government of Japan should formally acknowledge, apologize, and accept historical responsibility in a clear and unequivocal manner for its Imperial Armed Forces' coercion of young women into sexual slavery, known to the world as "comfort women", during its colonial and wartime occupation of Asia and the Pacific Islands from the 1930s through the duration of World War II. URL: <https://www.congress.gov/bill/110th-congress/house-resolution/121/text> (accessed: 25.07.2019).

³ Тэханмингукхва ильбонгане чэсан мит чхонгукквоне кванхан мунчжее хэгёльгва кёнчжехёмнёге кванхан хёпчон чесамчжо пучжагви вихонхвагин 대한민국과 일본국간의 재산 및 청구권에 관한 문제의 해결과 경제협력에 관한 협정 제3조 부작위 위헌확인 = Подтверждение неконституционности бездействия по вопросу третьей статьи Соглашения между Республикой Корея и Японией по урегулированию проблем, касающихся собственности, претензий и экономического сотрудничества // Конституционный суд Республики Корея. Официальный сайт. URL: <http://www.ccourt.go.kr/cckhome/kor/info/precedent/selectRealmPrecedentInfo.do?searchClassSeq=366> (дата обращения: 25.07.2019).

рейцев. В Японии у власти в 2006–2007 гг., а также в 2012–2020 гг. находился Абэ Синдзо. Он придерживался националистических взглядов и не считал, что Япония должна продолжать публичное покаяние по поводу событий более чем полувековой давности [Hein 2016: 447–448]. Южнокорейскую общественность весьма настораживали его взгляды, высказывания и действия, что, в свою очередь, становилось причиной подозрений в неискренности Японии по вопросу *вианбу*.

Японские политики правого толка вообще не склонны рассматривать ситуацию «женщин для утешения» как уникальную или достойную внимания. Обычно она подается как часть реальности любой войны или военный вариант подконтрольной государству проституции (такая система появилась в Японии в XIX в.) [Неспокойное соседство 2015: 176]. Нередко говорится и о нецентрализованной природе явления: существование станций признается, но их создание не рассматривается как государственная политика, что принципиально для корейцев. В качестве организаторов и выгодоприобретателей обычно называется частный бизнес, при этом утверждается, что и сами девушки получали значительное вознаграждение, а значит, речь идет не о рабстве, а о добровольной проституции.

Решение конституционного суда Республики Корея 2011 г., казалось, вдохнуло новую жизнь в уже затихавшее обсуждение проблемы. Большой резонанс вызвала инициатива южнокорейских общественных активистов по установке памятников *вианбу*. Первый из них появился в Сеуле перед японским посольством, причем расположен он таким образом, чтобы идущие на работу дипломаты обязательно проходили мимо. Монумент представляет собой девушку, сидящую на стуле в напряженной, молчаливо обвиняющей позе, будто ожидающую извинений. Пустующий стул рядом — символ погибших «комфортанток». Памятник тут же стал объектом повышенного внимания: зимой статую одевают в теплую одежду, а периодические демонстрации неуважения к ней массово осуждаются.

В 2013 г. президентом Южной Кореи была избрана Пак Кынхе. Несмотря на постоянный и активный характер японо-южнокорейского сотрудничества, новый лидер не стремилась устанавливать диалог с Токио, среди причин указывая беспокойство по поводу правых воззрений Абэ Синдзо и неоднозначную позицию его аппарата по *вианбу*.

Действительно, позиция японского руководства была неоднозначной. Периодически из Токио звучали заявления о пересмотре сделанных ранее «уступок» (например, заявления Коно). Премьер-министр Абэ Синдзо в публичных выступлениях уходил от темы ответственно-

сти Японии, то предпочитая говорить о проблеме *вианбу* лишь как об одной из печальных сторон войн вообще, то подчеркивая, что нет доказательств того, что девушек принуждали к работе [Hein 2016: 454–455]. Это раздражало и беспокоило корейскую общественность и власть.

Сближение стало возможным благодаря вмешательству Вашингтона. США с беспокойством следили за ссорой своих ближайших азиатских союзников и оказывали давление на обе стороны, чтобы исключить влияние проблем прошлого на современные военно-политические отношения. Американской дипломатии удалось убедить двух лидеров встретиться лишь к 2014 г.

Тем не менее развитие южнокорейско-японских связей оказывалось невозможным без урегулирования разногласий по *вианбу*, и компромисса удалось достичь только к концу 2015 г. Японская сторона вновь выступила с извинениями, а Республика Корея обещала удалить памятник от места работы японских дипломатов. Выжившие *вианбу* должны были получить новые компенсации из создаваемого Южной Кореей фонда, куда японское правительство направляло 1 млрд иен. Токио, видимо, предчувствуя, как будут развиваться события, неоднократно подчеркивал, что договоренность 2015 г. окончательно закрывает эту давнюю проблему¹.

Однако как японские, так и южнокорейские оппозиционеры не смогли принять компромисс и обвинили руководство в излишней уступчивости. Соглашение повисло в воздухе и в итоге так и осталось невыполненным.

Сеульская статуя не была перемещена, а в 2016–2017 гг. стараниями активистов корейской диаспоры новые памятники появились в Пусане перед японским консульством, а также в нескольких городах мира (Сиднее, Сан-Франциско и близ Лос-Анджелеса). Большинство были копиями сеульского монумента.

В Республике Корея логика межпартийной борьбы вообще не предполагает компромиссов: оппозиция отвергает многие шаги правящей партии по принципиальным соображениям. Документ 2015 г. не приняли южнокорейские прогрессисты, получившие после успеха на выборах 2016 г. коалиционное большинство в Национальном собрании².

¹ Announcement by Foreign Ministers of Japan and the Republic of Korea at the Joint Press Occasion. URL: http://www.mofa.go.jp/a_o/na/kr/page4e_000364.html (accessed: 25.07.2019).

² Lee B. South Korea-Japan Comfort Women Agreement: Where Do We Go From Here? // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2016/09/south-korea-japan-comfort-women-agreement-where-do-we-go-from-here/> (accessed: 25.07.2019).

После импичмента Пак Кынхе на досрочных президентских выборах 2017 г. все пять кандидатов заявили о планах пересмотреть соглашение.

Занявший в итоге пост главы государства оппозиционер Мун Чжэ Ин не поддерживал сделку 2015 г. *Во-первых*, содержание документа не устраивало непримиримо настроенную часть южнокорейского общества. *Во-вторых*, соглашение уже ассоциировалось с дискредитировавшей себя Пак Кынхе, от наследия которой новая власть спешила отстраниться.

Мун Чжэ Ин не стал рисковать и открыто заявлять об отказе от соглашения, однако Сеул стал саботировать его реализацию. Новый фонд так и не начал работу, и переведенные японским правительством средства были демонстративно возвращены. Обещанные женщинам компенсации южнокорейские власти решили выплачивать самостоятельно. Несмотря на протесты Токио, совместный фонд, по словам Мун Чжэ Ина, «увял»¹ и закрылся к середине 2019 г.²

Установка новых памятников *вианбу* на какое-то время прекратилась, хотя в 2018 г. свои варианты монументов появились на Филиппинах и Тайване.

Новая сеульская администрация продолжила давление на Токио по вопросам прошлого по внешнеполитическим каналам. Так, в меню торжественного ужина в честь посещавшего Сеул в 2017 г. Д. Трампа были демонстративно включены креветки, выловленные около острова Токто, а на сам прием приглашена одна из «бабушек-вианбу»³. Корейская пресса опубликовала фото, где американский президент обнимает почетную гостью, а затем не без удовольствия следила за японскими протестами⁴. Для Сеула важно было создать впечатление, что США, старший союзник обеих спорящих стран, разделяет именно южнокорейскую позицию.

«Новшеством» Мун Чжэ Ина стало обращение к ранее редко вспоминавшемуся сюжету сложного прошлого. В 2018–2019 гг. южнокорейские суды вынесли ряд приговоров по искам об использовании

¹ Choe Sang-Hun. South Korea Signals End to 'Final' Deal With Japan Over Wartime Sex Slaves // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2018/11/21/world/asia/south-korea-japan-sex-slaves.html?module=inline> (accessed: 25.07.2019).

² South Korea formally closes Japan-funded 'comfort women' foundation. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/07/05/national/politics-diplomacy/south-korea-formally-closes-japan-funded-comfort-women-foundation/> (accessed: 10.01.2021).

³ Ильчонбу токтосэу вианбу хальмони итхыль ёнсок хани 日정부, '독도새우-위안부 할머니' 이틀연속항의: [Японское правительство два дня подряд протестует против «креветок с Токто» и «бабушки-вианбу»] // Чосон ильбо조선일보. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2017/11/09/2017110900984.html (дата обращения: 25.07.2019).

⁴ Там же.

японскими компаниями принудительного или низкооплачиваемого труда корейских рабочих в колониальный период. Как и в 2011 г., суд обвинил и административную власть (в данном случае — администрацию Пак Кынхе) в преступном бездействии и даже препятствовании защите прав рабочих¹. Японский бизнес отказался выплачивать компенсации за события почти столетней давности, что поддержали и власти. В ответ Сеул арестовал корейские активы провинившихся фирм.

Раздражение Японии по поводу новых сложностей вылилось в конкретные шаги. Ссылаясь на возможность попадания запрещенных санкциями материалов в руки Пхеньяна, Токио отменил действовавший для Республики Корея льготный режим экспорта химикатов, необходимых для производства полупроводников. Южнокорейские компании оказались вынуждены отдельно получать разрешение на каждую поставку. Токио исправно одобрял заявки, но показал Республике Корея, что та зависит от него технологически и экономически [Современная Корея 2021: 141].

Осенью Республика Корея заявила, что не будет продлевать соглашение с Японией по обмену разведывательной информацией, у которого к концу ноября 2019 г. истек срок действия². Документ удалось подписать в 2016 г. как раз благодаря урегулированию вопроса о *вианбу*. В последний момент Сеул под американским давлением объявил, что не будет расторгать договоренность, и заморозил процедуру выхода из нее [Современная Корея 2021: 141–142]. Возможно, такая дипломатическая новация была вдохновлена маневрами КНДР по поводу Договора о нераспространении ядерного оружия в 1990-е годы: Пхеньян так же «заморозил» выход из документа на несколько лет.

В июле 2020 г., когда политическая карьера Абэ Синдзо уже подходила к концу, в южнокорейском городке Пхёнчхан установили новый памятник *вианбу*. Монумент под названием «Вечное покаяние» в целом напоминает растиражированный столичный оригинал, однако перед девушкой на коленях склонился мужчина в костюме, будто бы умоляя о прощении. Лицо новой фигуры сильно напоминает японского премьер-министра, однако владелец статуи Ким Чханнэль заявил,

¹ Arrington C. Japan claims it's restricting exports to South Korea because of 'national security.' Here's the real reason why // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/2019/07/18/japan-claims-its-restricting-exports-south-korea-because-national-security-heres-real-reason-why/?utm_term=.bb89eaff1eb8 (accessed: 25.07.2019).

² Scott Harold. Why South Korea Should Rethink GSOMIA Withdrawal. The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2019/11/why-south-korea-should-rethink-gsomia-withdrawal/> (accessed: 10.11.2019)

что она символизирует любого, кто мог бы принести искренние извинения за сексуальное рабство, — будь то Абэ Синдзо, отец девушки или кто-либо еще. Творчество корейских провинциальных скульпторов не осталось без внимания Токио. Генеральный секретарь кабинета министров Ёсихидэ Суга, будущий преемник Абэ на посту лидера страны, назвал установку памятника непростительным нарушением международной вежливости, которое повлияет на состояние японо-корейских отношений¹.

На протяжении истории проблемы *вианбу* замечен устойчивый рост ее присутствия в общественном дискурсе в целом и в японо-южнокорейских отношениях в частности. Первые газетные публикации 1940–1980-х годов не привлекали достаточного внимания, хотя их число с годами росло. В 1990–2000-х годах компенсации «женщинам для утешения» и защита их прав были скорее заботой общественных организаций и активистов — заявление Коно было сделано в первую очередь под их давлением.

В 2010-х годах общественные организации перешли на «акционистскую» работу — так, именно они являлись инициаторами и исполнителями установки памятников *вианбу*. Пики и спады их активности, скорее всего, не случайно совпадают с колебаниями «генеральной линии» Сеула (похожая картина наблюдается и в работе общественных структур, отправляющих с Юга на Север пропагандистские материалы на воздушных шарах). Власть таким образом отстраняется от тех или иных резких шагов, но и не пресекает их, ссылаясь на невозможность регулировать политическую активность сознательных граждан в демократической стране.

При этом южнокорейские власти не слишком терпимы к тем, кто высказывает отличную от официальной точку зрения. В 2013 г. цензуре подверглась книга о «женщинах для утешения», в которой *вианбу* не описывались исключительно как жертвы. Автор работы, Пак Юха, была приговорена к штрафу. Весной 2017 г. Сунчхонский университет уволил профессора, заявившего, что некоторые девушки могли устраиваться на станции утешения добровольно [Современная Корея 2021: 108].

Спорные вопросы прошлого, ранее остававшиеся «на полях» межгосударственных отношений, в последние годы стали ключевым сюжетом взаимодействия Сеула и Токио. С одной стороны, и Южная Корея,

¹ Japan fumes over 'comfort women' statue in South Korea said to resemble Abe. URL: <https://www.dw.com/en/japan-fumes-over-comfort-women-statue-in-south-korea-said-to-resemble-abe/a-54357341> (accessed: 10.01.2021).

и Япония безальтернативно встроены в американскую систему региональной безопасности, и обе страны удовлетворены таким положением вещей. С другой стороны, в последние десятилетия все нарастает политическая и экономическая конкуренция между Токио и Сеулом. В этой ситуации разногласия по поводу истории позволяют им «выпускать пар», а также становятся средством дискредитации оппонента в тех пределах, которые очерчены союзом с США.

Хотя проблема *вианбу* до сих пор оказывала столь мощное влияние именно на южнокорейско-японские отношения, сама ее история говорит о том, что подход к решению должен быть более широким, а в рамках двусторонней дорожки ее не удастся снять полностью. Так, очевидно, что найденное Сеулом и Токио потенциальное решение наверняка не удовлетворит Пхеньян, который также весьма активно выступает по проблеме. Кроме того, помимо Кореи, «комфортанток» набирали также в Китае и странах Юго-Восточной Азии.

Конфликты, основанные на сложностях общей истории, являются характерной чертой политической культуры Северо-Восточной Азии в целом. Хотя в некоторых случаях (например, корейско-японском) они более заметны, исторические претензии от моральных до территориальных есть у всех стран региона ко всем соседям. Активно политизируются, как правило, более обоснованные обиды, однако логика некоторых из них порой не связана фактами, а общий «запас» обычно велик и может быть актуализирован в пору обострения отношений.

Кроме того, исторические вопросы нередко становятся и средством внутренней политики. Как показывают южнокорейский и японский примеры, «нерадивость» власти в защите исторической чести страны нередко эксплуатируется оппозицией. С ама власть путем обращения к болезненным проблемам прошлого порой «перенаправляет» обращенное изначально против нее недовольство масс [Дьячков 2013: 105–106].

Устойчивость, неисчерпаемость исторических вопросов отчасти обусловлены их политической «функциональностью»: будучи поставлены однажды, они редко закрываются окончательно и регулярно используются для решения текущих задач. В этом смысле нельзя не отметить непримиримость Сеула, раз за разом находящего изъяны в позиции Токио: размытость формулировок, неоднозначность признаний, неполноту извинений. С другой стороны, и в Республике Корея, и в Японии элиты с определенного момента становятся заложниками ими же перегретой ситуации: давление избирателей

и эскалационная логика лишают политиков прямого контроля над конфликтом.

Это вкупе с иррациональной природой националистических чувств, а также несовершенством системы региональной безопасности делает вопросы прошлого реальной угрозой стабильности в настоящем.

Переходя к чисто научным аспектам, можно сказать, что проблема *вианбу* мало разработана в отечественной литературе и потенциально интересна для неполитического исследования, однако на пути историка неизбежно возникнет ряд трудностей.

Круг доступных источников ограничен почти исключительно воспоминаниями самих *вианбу*. Какие-либо официальные документы как центрального японского правительства, так и местных военных и гражданских властей недоступны. Во многих случаях они попросту не сохранились (колонияльные архивы целенаправленно уничтожались после капитуляции), а те, что дошли до наших дней, могут оставаться секретными по очевидным политическим причинам. В воспоминаниях женщин описывается более-менее один и тот же вариант организации станций, что позволяет сделать предположение о централизованном характере явления. Однако прояснить этот достаточно принципиальный момент при помощи документов, увы, невозможно.

Сами свидетельства «комфортанток» оставляют желать лучшего как исторический источник. Непосредственных жертв тех событий осталось крайне мало, и все они как минимум старше 85 лет. По их воспоминаниям трудно составить сколько-нибудь целостную картину явления. Нет станций, описанных в двух разных источниках, не редкость — фактические несостыковки или более поздние «добавления». Нельзя исключить, что общественная дискуссия и разгоревшийся международный скандал так или иначе повлияли на содержание свидетельств.

Той же участи не избежала и литература. Немалое количество публикаций по *вианбу* (в том числе англоязычных) не являются чисто научными по своим целям, а создаются для подкрепления политической позиции той или иной стороны. Гипотетическое нейтральное исследование, скорее всего, не удовлетворит обоих оппонентов и будет ими истолковано как пропагандистская диверсия или попытка оскорбить достоинство нации. Здесь следует отметить, что заметно более сбалансированного подхода придерживаются те исследователи, которые изначально берутся за вопрос не с национальных, а с более общих идеологических позиций — например, гендерных.

Чувствительность и сложность проблемы увеличиваются из-за наличия смежных или параллельных сюжетов. Так, уже после освобождения от Японии, в годы Корейской войны 1950–1953 гг. в южно-корейской армии были «особые отряды утешения» (возможно, сохранившиеся как остаток японской системы) [Soh 2008: 215–216]. Как уже упоминалось, позднее вокруг американских военных баз существовала местная «индустрия» сексуального обслуживания [см.: Moon 1997], причем соответствующие заведения и их работницы по-корейски назывались так же — *виансо* и *вианбу*. Подобное явление было характерно и для Японии времен американской оккупации [Wöhr 2005: 68]. Или же — во Вьетнаме и Корее сейчас проживает более тысячи людей смешанного корейско-вьетнамского происхождения (расхожее, но политически некорректное обозначение — «*лай дай хан*») [Moon 2015: 18]. Значительная часть из них появилась на свет в годы Вьетнамской войны в 1964–1973 гг. в результате изнасилований вьетнамцев южнокорейскими военнослужащими, а также проституции, которая, возможно, носила организованный характер¹. Возражения корейской стороны (отрицание централизованного характера явления, его «естественность» для военных времен и пр.) напоминают японскую позицию по *вианбу*.

Несмотря на все перечисленные сложности, только комплексное историческое исследование подобных проблем способно установить, а не сконструировать истину, стать действительным памятником жертвам и свидетельством о преступлениях. Корея и Япония — не единственные две страны, разделенные общей историей. С такими же трудностями приходилось сталкиваться, например, России и Польше — для их преодоления была создана Группа по сложным вопросам истории, которая после нескольких лет работы подготовила фундаментальное исследование «Белые пятна — черные пятна» [Белые пятна 2010]. Общение и работа ученых лучше любых политических договоренностей могут помочь совместно найти истину и примирить народы друг с другом, а также со своим и общим прошлым.

Историко-территориальная проблема скал Лианкур в политике Сеула

Другой «неуходящий» исторический вопрос в японо-южнокорейских отношениях — проблема принадлежности скал Лианкур

¹ Gil Yun-hyung. Did S. Korea operate “comfort stations” in the Vietnam War? // Hankyoreh. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_international/688436.html (accessed: 25.07.2019).

(также известных как остров Токто или Такэсима). В отечественной корееведческой литературе спорные острова обычно называют по-корейски, «Токто», поскольку фактически они принадлежат Республике Корея. Дальнейший текст будет придерживаться этой традиции. Кроме того, следует отметить, что скалы Лианкур на самом деле являются группой из двух крупных и нескольких мелких островов, но вслед за азиатской топонимикой и для простоты нередко именуется просто «остров».

Различные официальные структуры и общественные организации Республики Корея прилагают немалые усилия для продвижения своей точки зрения на историю острова, в то время как сам предмет разногласий и без того контролируется Сеулом. Конфликт является отражением и следствием склонности руководящих элит эксплуатировать коллективную память и националистические настроения для достижения краткосрочных политических целей.

Южнокорейская позиция по острову Токто весьма широко представлена в разнообразных материалах, как традиционных, так и цифровых, выпускаемых официальными структурами и различными общественными организациями. На сайте МИД Республики Корея есть весьма обширный соответствующий раздел, который представлен на 12 языках, включая русский¹. Немало материалов публикует Фонд истории Северо-Восточной Азии, занимающийся продвижением южнокорейской точки зрения на спорные вопросы истории [см.: Northeast Asian Peace 2016]. В Сеуле еще в 1997 г. открылся Музей Токто, который активно ведет информационную работу. Также можно выделить Корейский морской институт, выпускающий, среди прочего, ежеквартальный «Журнал исследований Токто», оформленный как научный. В целом структур различного уровня и типа, занимающихся этим вопросом, настолько много, что составить их полный список не представляется возможным. В агитационную работу по данному вопросу вовлечены немалые средства и ресурсы. Высказывания японских политиков и чиновников, содержание японских учебников тщательно анализируются, и порой конфликт перерастает в дипломатический.

В центре распространяемого Сеулом нарратива о принадлежности Токто находится утверждение, что остров издревле был корейской землей. Обычно за точку отсчета берут 512 г., когда, согласно летописи «Самгук саги» (данный раздел хроники составлен в 1145 г.), государство Силла покорило государство Усангук, располагавшееся на остро-

¹ Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. Dokdo. URL: <http://dokdo.mofa.go.kr> (accessed: 22.01.2020)

ве Уллындо [Dokdo 2012: 25–26]. Уллындо — сравнительно крупный и давно обитаемый остров близ корейского побережья Японского моря. Указывается, что Усангук было несколько варварским, но все же корейским государством, воевавшим с японцами (оставим в стороне вопрос о том, насколько раннесредневековые политические образования и этносы вообще соотносимы с сегодняшними нациями). Нужно отметить, что исторические хроники сравнительно редко упоминают Токто напрямую (и всегда под другими, старыми названиями), а его принадлежность обычно выводится из близости к часто упоминаемому и «гарантированно» корейскому острову Уллындо. На этом уязвимом месте нередко акцентируют внимание японские публикации [10 пунктов 2008: 3–4]. Корейские авторы же утверждают, что указанная область гораздо позже и реже начинает упоминаться в японских средневековых документах, при этом вплоть до конца XIX в. Токто определяется как часть Кореи даже в них¹.

Вопрос географической близости составляет отдельную группу аргументов, подаваемых специфическим образом. Корейские источники подчеркивают, что Токто ближе всего к Уллындо (87,4 км) и виден с него в ясную погоду (из этого простого факта порой выводится, что Токто «использовался» корейцами даже в глубокой древности [Dokdo 2012: 18]), а ближайшие японские о-ва Оки почти вдвое дальше (157 км). Обычно не акцентируется внимание на том, что Токто чуть ближе к японскому острову Хонсю, чем к матерiku (211 и 216,8 км соответственно).

Для японской позиции по спорным островам принципиальны события 1905 г., когда Япония объявила Токто «ничейной землей» (*terra nullius*) и включила в состав префектуры Симанэ². Поводом для этого стала Русско-японская война 1904–1905 гг. (к слову, причиной войны в корейских материалах указываются имперские амбиции Токио³): остров стал одной из опорных точек для флота⁴. При этом об изменившемся статусе скал Лианкур корейцы узнали не непосредственно, а по

¹ Обоснование принадлежности Токто Кореи. Министерство иностранных дел Республики Корея. URL: <https://dokdo.mofa.go.kr/ru/dokdo/reason.jsp> (дата обращения: 22.01.2020)

² Данное событие, его предыстория и последствия весьма подробно изложены в ряде публикаций [напр., Yeh 2013].

³ Прекрасный остров Кореи, Токто. МИД РК. URL: https://dokdo.mofa.go.kr/ru/pds/video_list.jsp (дата обращения: 22.01.2020).

⁴ К слову, наблюдательные посты появились также в материковой части Кореи и на острове Чечжудо (Десять истин 2014: 13).

бюрократическим каналам¹. Вообще в эти годы Корея попадала во все большую зависимость от Токио. Уже в конце 1905 г. Япония установила над ней свой протекторат, а в 1910 г. целиком аннексировала полуостров, поэтому вопрос о принадлежности Токто потерял смысл на десятилетия.

Вновь актуальным он стал лишь после освобождения полуострова и подведения итогов Второй мировой войны. В военных и послевоенных документах упоминания острова весьма редки, что не слишком удивительно. Порой складывается впечатление, что даже вопрос устройства *всей* Кореи в то время не был приоритетным для великих держав, более занятых европейскими событиями. В Каирской декларации 1943 г. говорится только о достижении независимости Кореи «в должное время». Страна вообще не упомянута напрямую в ялтинских и потсдамских документах 1945 г., а Сан-Францисский договор 1951 г. среди корейских территорий напрямую указывает под устаревшим названием «Дажелет» более крупный остров Уллындо, но не близлежащий Токто. На этот последний факт нередко ссылается японская сторона, в то время как корейцы указывают на формулировку Каирской декларации: «Япония будет также изгнана со всех других территорий, которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности»². Притязания на Токто, по мнению Сеула, равносильны отрицанию японских военных преступлений и непризнанию независимости Кореи³. Это, к слову, весьма созвучно с выдвигаемым Россией в адрес Токио требованием признать итоги Второй мировой войны в рамках обсуждения курильского вопроса.

Особый вес для обеих сторон спора о Токто имеют военные и послевоенные внутренние документы США — «старшего» союзника Сеула и Токио. Из них, впрочем, довольно трудно составить сколько-нибудь ясное представление о позиции Вашингтона. Очевидно, консолидированного мнения о принадлежности Токто у американцев не было, а те или иные фигуры и структуры выносили решение не на основании исторических изысканий, а исходя из практических надоб-

¹ Обоснование принадлежности Токто Кореи. Министерство иностранных дел Республики Корея. URL: <https://dokdo.mofa.go.kr/ru/dokdo/reason.jsp> (дата обращения: 22.01.2020).

² Коммюнике совещания (Каирская декларация) от 3 декабря 1943 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М.: Госполитиздат, 1955. С. 105–106.

³ Special Message by President Roh Moo-hyun on Korea-Japan Relations. 2006. URL: http://16cwnd.pa.go.kr/cwd/kr/archive/archive_view.php?meta_id=hot_dip_etc&id=6acd4bd3647383f285862e6 (accessed: 22.01.2020).

ностей или вообще без особых размышлений. Так, американские военные карты не включали Токто в состав Японии [Иванов 2016: 106] (хотя и упоминали его под японским названием «Такэ(сима)» [Десять истин 2014: 14]), что важно для корейцев, в то время как приводимые японскими авторами заметки некоторых американских дипломатов утверждают о принадлежности острова Японии [10 пунктов 2008: 10–12].

В 1952 г., вскоре после подписания Сан-Францисского мирного договора, президент Ли Сын Ман (1948–1960) в одностороннем порядке расширил границы территориальных вод Республики Корея, внутри этой так называемой линии мира оказался и Токто¹. С японской точки зрения именно этот момент считается отправной точкой территориального спора [Taijudo 1968: 1]. Хотя к 1965 г. в результате переговоров о нормализации отношений с Японией Сеул отказался от лисынмановского новшества на море, остров с тех пор и до настоящего момента остался под фактическим контролем Южной Кореи. С тех пор и до нашего времени страна «закрепляла» свое присутствие на Токто: там появилась транспортная инфраструктура, символическое «гражданское население». Остров превращен в историко-туристический объект.

Ли Сын Ман «подогревал» антияпонские настроения в стране для укрепления своего достаточно шаткого внутриполитического положения и дополнительного давления на Токио в ходе переговоров по нормализации. Кроме того, южнокорейский лидер, будучи в прошлом активным деятелем освободительного движения, сам с искренней неприязнью относился к бывшей метрополии. В эти годы благодаря действиям власти распространяется и закрепляется восприятие Токто как «первой жертвы японской оккупации Корейского полуострова²», а его включение в состав префектуры Симанэ в 1905 г. трактуется как первый этап плана по захвату всей страны.

Здесь нельзя не вспомнить, что, хотя корейские элиты *боролись* за независимость (по тем или иным причинам — в основном из-за рубежа), *освобождение* Кореи было результатом действий великих держав — СССР, разгромившего Квантунскую группировку собственно на полуострове, и США, подавивших остальные японские силы. Такое «отстранение» национально-освободительных сил от решающей

¹ Presidential Proclamation of Sovereignty over Adjacent Seas, 18 January 1952 // Situation, Documents, and Commentary on Recent Developments in the International Law of the Sea. Vol. LI. Washington: US Government Printing Office, 1957. P. 476–478.

² Цитата тогдашнего министра иностранных дел Республики Корея Пён Ён Тхэ по: Прекрасный остров Корея, Токто. МИД РК. URL: https://dokdo.mofa.go.kr/ru/pds/video_list.jsp (дата обращения: 22.01.2020).

победы подталкивает коллективное сознание к разыскиванию примет своего вклада в нее, и поэтому Токто естественным образом становится символом борьбы с колониализмом, а его возвращение знаменует *корейский* триумф над Японией. Так, президент Но Му Хён (2003–2008) назвал остров символом «полного восстановления суверенитета» страны¹.

В литературе нередко спор по поводу острова объясняется его объективной ценностью. Окружающие воды якобы особо богаты рыбными ресурсами [Неспокойное соседство 2015: 176] (хотя не очень ясно, в чем преимущество именно этого участка моря), сам Токто может быть опорным пунктом для гражданского или военного флота, а в его акватории были обнаружены запасы газовых гидратов [Cho 2009: 372]. Разумеется, в зависимости от того, кому будет принадлежать остров, изменятся морские границы в регионе. Тем не менее, даже если самые оптимистичные авторы недооценивают богатства Токто, его символическая, эмоциональная значимость многократно превосходит реальную.

Однако при этом не «защита Токто» становится для государства целью или идеалом, а, скорее, «вопрос Токто» наряду с другими историческими проблемами становится внутри- и внешнеполитическим инструментом. Обращение к нему используется для внутренней мобилизации, отвлечения от проблемных для власти сюжетов или давления на Японию. Так, в ходе нормализации южнокорейско-японских отношений в 1960-е годы проблему принадлежности острова (уже перегретую на фоне общих антияпонских протестов) «вынесли за скобки» [Лобов 2017: 156]. Схожая динамика наблюдается и в обращении государства с другими сложными вопросами прошлого, например «женщинами для утешения» [Дьячков 2019].

Что же касается «исторической правды», она мало интересует обе стороны: нарратив конструируется исходя из заведомо заданной позиции. Нетрудно заметить, что Сеул и Токио в своих материалах оперируют одними и теми же фактами и, не отрицая реальности событий или подлинности документов, дают им диаметрально различные интерпретации². Некоторые авторы в особом внимании к письменным источникам видят некую культурную особенность восточной цивилизации

¹ Цит. по: Special Message by President Roh Moo-hyun on Korea-Japan Relations. 2006. URL: http://16cwnd.pa.go.kr/cwd/kr/archive/archive_view.php?meta_id=hot_dip_etc&id=6acd4bd3647383f285862e6 (accessed: 22.01.2020).

² Яркий пример — «парные» издания: 10 пунктов для понимания проблемы о-вов Такэсима. Токио / Отдел СВА Департамента стран Азии и Океании МИД Японии,

[Гурьева 2017: 391], но выбор в пользу таких аргументов, скорее, основан попросту на их большей убедительности для масс.

Тем не менее до превращения проблемы Токто в политическую в XX в. сам остров был если не «ничьим», то мало востребованным (что, кстати, признается и корейцами [Десять истин 2014: 10]). Географически и исторически он действительно был ближе к Корее, и уж точно не может идти речь о японских «первооткрывателях» в 1905 г. — Токто действительно был известен издревле. Однако вряд ли небольшая скалистая группа островов, к которой причалить непросто и, по большому счету, незачем, могла сильно заинтересовать средневековых мореплавателей. В этом смысле примечательно, что западное название, «Лианкур», дано скалам в честь *едва не разбившегося* о них в середине XIX в. французского корабля. Чтобы завести спор о принадлежности, необходимо было, чтобы у соперников появились, *во-первых*, возможность, *во-вторых*, причины «дотянуться» до труднодоступного острова. По большому счету, до рубежа Нового и Новейшего времени Токто был и не слишком нужен, и не слишком доступен.

Проблема острова «тлела» в течение всего послевоенного периода. Периодические обострения, например, в 1970-х и 1990-х годах были связаны с практическо-экономическими факторами — в частности, неурегулированностью вопроса исключительных экономических зон (ИЭЗ) в спорной акватории [Коо 2005: 84—140]. В начале XXI в., однако, вопрос существенно обострился и стал звучать в первую очередь как историко-политический.

Так, президент Но Му Хён в 2006 г. в обращении к нации, специально посвященном проблеме принадлежности островов, делал акцент именно на ее связи с другими спорными вопросами истории (хотя разграничение ИЭЗ им тоже было упомянуто). Вопрос Токто встает в ряд с другими подобными претензиями Сеула: освещением общих сюжетов в японских школьных учебниках, визитами политиков в святилище Ясукуни и прочими моментами, воспринимаемыми корейцами как попытки сакрализации позорного прошлого¹.

Фоном и поводом для корейской реакции стали утверждения о суверенитете над спорными скалами, которые с середины первого десятилетия 2000-х годов все чаще стали встречаться в японских образова-

2008. — 14 с.; Десять истин об островах Докдо, искажаемых Японией. Сеул: Фонд истории Северо-Восточной Азии, 2014. — 24 с.

¹ Special Message by President Roh Moo-hyun on Korea-Japan Relations. 2006. URL: http://16cwnd.pa.go.kr/cwd/kr/archive/archive_view.php?meta_id=hot_dip_etc&id=6acd4bd3647383f285862e6 (accessed: 22.01.2020).

тельных, а также официальных политических и военных материалах [Гринюк 205: 124]. Предметом особого раздражения Сеула стало объявление в 2005 г. законодательным собранием префектуры Симанэ 22 февраля «Днем острова Такэсима» [Коо 2005: 2]¹ (аналогичный «День острова Токто» учрежден в Республике Корея пятью годами ранее).

Стороны продолжили пикировку в сходном ключе и после прихода к власти Ли Мён Бака (2008–2013). В 2008 г., после принятия в Японии очередных рекомендаций о продвижении «правильной» точки зрения в школах, Республика Корея отозвала посла из страны [Неспокойное соседство 2015: 176]. В 2012 г. своего представителя из Сеула отозвал уже Токио в ответ на посещение острова южнокорейским президентом (не исключено, что Ли Мён Бак был вдохновлен визитом президента Д. Медведева на Курилы в 2010 г.) [Дьячков 2013: 102]. Интересно, что при этом политический диалог с Японией на высшем уровне в годы президентства Ли Мён Бака был довольно интенсивным, а стороны в интересах сотрудничества были готовы закрыть глаза на разногласия (например, при встрече лидеров двух стран на саммите АТЭС во Владивостоке в 2012 г.).

В 2013 г. пост главы южнокорейского государства заняла Пак Кынхе. Спецификой ее подхода к отношениям с Токио стали резкое усиление давления по всем «историческим» темам и активная борьба за корейскую версию «правильного понимания» прошлого [Лобов 2016: 222–224]. Центральное место занял конфликт по поводу «женщин для утешения». Однако без внимания не остались и острова: так, Республика Корея продолжила проводить начатые еще в 2008 г. учения по обороне Токто [Гринюк 205: 124]. К этому моменту среди японских элит уже накопилась достаточно сильная усталость от непрекращающихся требований извинений. Кроме того, с 2012 г. кресло премьера Японии вновь занял Абэ Синдзо, который придерживается консервативных националистических взглядов и не настроен идти на уступки Сеулу [Дьячков 201: 77]. Итогом стал кризис двусторонних отношений: контакты между Республикой Корея и ее восточным соседом на высшем уровне стали весьма редкими, а отсутствие политического взаимопонимания начало вредить сотрудничеству и в остальных сферах.

После прихода к власти президента Мун Чжэ Ина (2017) эта тенденция только усилилась. В 2019 г. Сеул окончательно расторг заключенное в 2015 г. с большим трудом японо-южнокорейское соглашение

¹ *Koo Min Gyu. Scramble for the Rocks: The Disputes Over the Dokdo/Takeshima, Senkaku/Diaoyu, and Paracel and Spratly Islands. Berkeley: University of California, 2005. P. 2.*

о «женщинах для утешения», а также стал наращивать давление по вопросу принудительного труда корейцев на предприятиях метрополии в колониальный период. Последовавшее во второй половине 2019 г. обострение отношений обернулось введением Японией символических, но значимых экономических санкций в отношении Южной Кореи. Сеул же в ответ угрожал выходом из соглашения по обмену разведанными, однако отступил после вмешательства Вашингтона. В этом смысле оказались пророческими слова бывшего президента Но Му Хёна, что экономическое сотрудничество и культурные обмены все же не способны сломить историко-политический барьер¹.

На фоне увлечения другими историческими темами вопрос Токто в последние годы ушел на вторые роли, однако пикировка по его поводу прекратиться уже не может. Выше уже упоминались пресловутые «креветки с острова Токто», поданные на торжественном ужине в честь сеульского визита Д. Трампа². Другой пример — в начале 2020 г. Силы самообороны Японии выпустили видеоролик, в котором остров отнесен к защищаемой ими территории³, что вызвало предсказуемо негативную реакцию корейцев. Регулярно — дважды в год — проходят южнокорейские учения по обороне Токто (от кого — одновременно неясно и прекрасно понятно), препятствием для них не стала даже пандемия коронавирусной инфекции.

Несмотря на принципиальные разногласия по большинству вопросов между сменявшими друг друга южнокорейскими администрациями от Ли Сын Мана до Мун Чжэ Ина, за прошедшие 70 лет по вопросу Токто не поменялась не только позиция Сеула, но и вся сопутствующая идеологическая «фразеология».

В японском дискурсе проблема Токто реже звучит на общегосударственном уровне: особенно активна в первую очередь префектура Симанэ. С другой стороны, центральные официальные структуры — Министерство иностранных дел, Силы самообороны и т.д. — повторяют эту позицию и защищают ее. Скорее всего, причина, *во-первых*, в боль-

¹ Special Message by President Roh Moo-hyun on Korea-Japan Relations. 2006. URL: http://16cwnd.pa.go.kr/cwd/kr/archive/archive_view.php?meta_id=hot_dip_etc&id=6acd4bd3647383f285862e6 (accessed: 22.01.2020).

² Ильчонбу токтосэу вианбу хальмони итхыль ёнсок хани 日 정부, ‘독도새우·위안부 할머니’ 이틀 연속 항의: [Японское правительство два дня подряд протестует против «креветок с Токто» и «бабушки-вианбу»] // Чосон ильбо조선일보. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2017/11/09/2017110900984.html (дата обращения: 25.07.2019).

³ Japan Self-Defense Force Marks Dokdo as Japanese Territory in P. Video. KBS World Radio. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=e&Seq_Code=150927 (accessed: 30.01.2020).

шей важности вопроса для местной идентичности приграничного региона, *во-вторых*, возможно, речь идет о «делегировании» спорного вопроса негосударственному институту, как это порой делается в сходных ситуациях в Республике Корея. В самой Корее, однако, проблема Токто, без преувеличения, один из центральных элементов национального самосознания, поэтому не приходится говорить об особой роли провинции Северная Кёнсан, к которой относится остров.

Вообще же, хотя Токто контролируется Республикой Корея, по внутреннему накалу страстей порой может сложиться впечатление, что японцы пытаются его активно отнять. При этом Сеул не признает существования территориального спора и не считает возможным обсуждать принадлежность острова, утверждая, что он однозначно корейский [Лобов 2018: 293]. Японская сторона считает такой подход неконструктивным и представляет его как доказательство несостоятельности южнокорейских претензий [10 пунктов 2008: 14]. Трудно сказать, насколько переговоры могли бы помочь взаимоприемлемому решению вопроса. Например, все попытки снять разногласия по «женщинам утешения» заканчивались ничем. Даже «окончательное» соглашение 2015 г. осталось невыполненным, а недовольство Сеула документом обернулось мощным кризисом двусторонних отношений в 2019 г.

Невозможность урегулировать исторические разногласия чисто политическим путем объясняется, *во-первых*, тем, что оппозиция всегда готова обвинить власть в «соглашательстве» и излишней уступчивости, воспользовавшись распространенностью националистических настроений в обществе. *Во-вторых*, как ни парадоксально, для самой власти обычно выгодно оставлять такие проблемы спорными.

Корейский национализм (существующий в трех «ипостасях»: южный, северный и «общий» [Olsen 2008: 4–21]) по историческим причинам самоопределяется через противопоставление окружающим «великим державам» — в первую очередь, Японии. Японский национализм по-прежнему не удовлетворен итогами Второй мировой войны и последовавшим «унижением» страны и поэтому крайне негативно относится к идее дипломатических уступок, тем более бывшим колониям [Akaha 2008: 156].

Такой настрой обеих сторон препятствует «спокойному» урегулированию проблемы Токто. С одной стороны, любая уступка будет воспринята партнером как слабость. С другой стороны, «предательство» иррациональных, эмоциональных ожиданий населения станет для любого излишне активного лидера политическим самоубийством

[Иванов 2013: 117]. Пак Чон Хи в свое время достаточно справедливо заметил, что единственный способ снять вопрос — взорвать спорный остров.

Проблему дополнительно усложняет демократизация политической системы в сегодняшней Республике Корея и Японии: элиты должны с особым вниманием относиться к колебаниям общественного мнения. Поэтому и Токио, и Сеул не могут проигнорировать даже ритуальные действия противной стороны, а самые малозначительные события могут стать поводом для новой эскалации. В этом смысле показателен пример из не столь давнего прошлого: нормализация южно-корейско-японских отношений в 1965 г. стала возможна отчасти потому, что тогдашний лидер Республики Корея Пак Чон Хи (1962–1979), руководствуясь внешнеполитическими интересами страны, авторитарными методами подавил внутренние протесты.

Тем не менее и авторитарные, и демократические режимы одинаково готовы использовать исторические и территориальные проблемы для отвлечения населения от своих ошибок или решения других вопросов. Как уже упоминалось, такой опорой были антияпонские настроения для Ли Сын Мана. Нельзя также не вспомнить, что обострение проблемы Токто и вопросов правильного понимания истории в годы президентства Ли Мён Бака нередко примечательным образом совпадало с пиками недовольства населения действиями власти, например, излишне активным продвижением соглашения о свободной торговле с США.

Непрекращающиеся исторические и территориальные споры являются не просто отражением сложного прошлого Северо-Восточной Азии, но и частью региональной международно-политической культуры. Они «предназначены» не для решения, а для постоянного обсуждения — если обмен колкостями можно считать таковым. Помимо того что подобные «вялотекущие» конфликты дают политикам эффективный и гибкий инструмент для решения частных задач, для страны они становятся средством повышения престижа, создания «солидного» имиджа и поддержания лица. У всех стран региона есть те или иные территориальные претензии к соседям, и порой складывается впечатление, что их отсутствие воспринималось бы как признак слабости.

При этом у каждой страны к каждому из соседей есть целый спектр притязаний — от тех, что могут быть так или иначе подкреплены историческими аргументами (пусть и порой неоднозначными или мало-

применимыми в современной ситуации), до полувыдуманных, полуреальных проблем¹ и чистых националистических мифов (например, некоторые корейские и китайские маргинальные ультранационалисты предъявляют претензии на все зауральские территории России).

Как правило, чем «экзотичнее» идея, тем меньше вероятность, что она будет выражена на официальном уровне, однако даже самые абсурдные утверждения при необходимости могут быть «переосмыслены» и включены во внутренний или международный политический дискурс. Линия между историческим мифом и исторической реальностью в Восточной Азии нередко оказывается весьма нечеткой, о чем можно судить хотя бы по качеству аргументов, предлагаемых сторонами в территориальных спорах. Иными словами, даже самые странные националистические фантазии можно считать потенциальным поводом для беспокойства.

До сих пор ситуация вокруг Токто была достаточно стабильной. Отчасти потому, что этот вопрос воспринимается в первую очередь как дискурсивный, отчасти потому, что стороны все же не хотят довести ситуацию до открытого столкновения, поддерживая конфликт в вялотекущем состоянии. Тем не менее политическая игра с националистическими настроениями весьма опасна, поскольку они в любой момент могут выйти из-под контроля.

Исторические претензии КНДР к Японии

Объединяющая сила антипатий к Японии в корейском политическом поле настолько велика, что они порой являются точкой для сближения позиций даже Севера и Юга [Курбанов 2018: 77]. Пхеньян и Сеул выступают с единых антияпонских позиций по вопросам прошлого, несмотря на то что межкорейские отношения в целом остаются сложными, а периодически переживают и существенные обострения.

Северокорейские официальные публикации хотя и несколько отличаются от южнокорейских по стилю², но весьма похожи по содержанию и регулярно выходят в ориентированной на зарубежного читателя

¹ Таков, например, вопрос исчезнувшего более ста лет назад острова Ноктундо в устье реки Туманная на российско-корейской границе: он урегулирован через договоренность с Пхеньяном, которую не признает Сеул.

² Знаменитая «цветистость» северокорейских агитационных текстов частично объясняется тем, что при переводе они не адаптируются стилистически, в отличие от южнокорейских. В оригинале и северные, и южные политические воззвания довольно близки по стилю и средствам выражения.

прессе. Так, антияпонскими статьями традиционно завершаются номера журналов «Корея сегодня» и «Кымсугансан», заметки с критикой Токио размещают государственные сайты «Ури минчжок ккири»¹, «Нэ нара»² и др. Связи Северной Кореи с Японией уже долгое время остаются на крайне низком уровне, поэтому Токио становится объектом дежурного осуждения исключительно регулярно. В то же время критика США или Республики Корея в материалах, рассчитанных на внешнюю аудиторию, обычно приглушается, когда этого требует политическая ситуация в пору улучшения отношений с Сеулом или Вашингтоном.

Статьи не всегда посвящены исключительно историческим сюжетам, часто в них критикуются современная жизнь в Японии³ или политические шаги Токио (особенно северокорейцев пугают пересмотр конституции и укрепление Сил самообороны⁴, совместные с США военные учения⁵). КНДР регулярно осуждает те действия властей, которые трактуются Пхеньяном как притеснение близкой ему Ассоциации корейцев Японии («Чхоннён»)⁶.

В большинстве случаев сегодняшнее «предосудительное» поведение Японии выводится из ее прошлых грехов⁷, нежелания современного политического руководства страны признать прошлое и раскаяться, а также подразумеваемой прямой преемственности между деятелями милитаристской эпохи и нынешними японскими лидерами⁸. Так, в ряде публикаций подчеркивается, что дед бывшего премьер-министра Абэ Синдзо, Киси Нобусукэ, являлся военным преступником (хотя подсудимым на Токийском процессе он не был).

Что касается исторических претензий, их набор достаточно стандартен. Одна из статей излагает его почти исчерпывающе (здесь и далее орфография и характерный стиль перевода сохранены): «Японские империалисты зверски убили более миллиона корейцев, насильственно,

¹ 우리민족끼리 = Ури минчжок ккири [«Внутри нашей нации»]. URL: <http://www.uriminzokkiri.com/> (дата обращения: 10.01.2021).

² 내 나라는 Нэ нара [«Моя страна»]. URL: <http://www.naenara.com.kp> (дата обращения: 10.01.2021).

³ *Ким Чи Сон*. Суицид в Японии стал социальной проблемой // Кымсугансан. 2019. № 6. С. 56.

⁴ Безрассудство Японии // Корея сегодня. 2020. № 9. С. 47.

⁵ *Ким Иль Бон*. Неизменные замыслы Японии // Корея сегодня. 2020. № 9. С. 48.

⁶ Крайний национал-шовинизм не доведет до «блестящего будущего» // Корея сегодня. 2020. № 9. С. 48.

⁷ Куда стремится Япония // Корея сегодня. 2020. № 12. С. 48.

⁸ Крайний национал-шовинизм не доведет до «блестящего будущего» // Корея сегодня. 2020. № 9. С. 48.

путем похищения и соблазнения угнали 8,4 млн на агрессивный¹ войну в качестве пушечного мяса и на средневековый каторжный труд, навязали 200 тыс. корейским женщинам позорную участь сексуальных рабынь. Кроме того, они провели бактериологическую войну, навязали рабский труд, душили корейскую культуру и хищнически грабили природные ресурсы Кореи»².

Как видно даже из этого перечисления, отдельные сюжеты имеют наибольший вес и нередко освещаются северокорейской прессой отдельно: проблема *вианбу*³, проблема принудительного труда. Для продвижения северокорейской точки зрения создаются специализированные общественные организации, например Корейский комитет для принятия мер по вопросу пострадавших сексуальных рабынь и насильственной вербовки⁴ и Общество пострадавших корейцев от насильственной вербовки и их семей⁵, от лица которых публикуются воззвания в адрес Токио.

В заявлениях этих структур и в прессе повторяется утверждение, что Япония не признала ответственность, не принесла извинения и не выплатила компенсации за прошлую агрессию и колониальный период⁶. Это отчасти объяснимо тем, что все подобные шаги Токио совершал в рамках отношений с Южной Кореей, а КНДР оставалась в стороне.

Не остается без внимания и проблема Токто. Северокорейцы называют его в своих русскоязычных материалах «остров Ток» и утверждают, что эта территория «как священная земля корейской нации неразрывно связана с ее 5-тысячелетней историей»⁷. КНДР, проявляя общенациональную солидарность, признает суверенитет Южной Ко-

¹ Так в оригинале.

² Цит. по: Куда стремится Япония // Корея сегодня. 2020. № 12. С. 48.

³ Непростительные нечеловеческие преступления Японии // Корея сегодня. 2020. № 5. С. 48.

⁴ Представитель Корейского комитета для принятия мер по вопросу пострадавших сексуальных рабынь и насильственной вербовки опубликовал заявление по случаю 75-летия поражения японского империализма. URL: <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?lang=rus&ptype=cfodoc&mtype=view&no=29869> (дата обращения: 12.01.2020).

⁵ Представитель Общества пострадавших корейцев от насильственной вербовки и их семей потребовал вскрыть всю истину инцидента судна «Укисимамару». URL: <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?lang=rus&ptype=cfodoc&mtype=view&no=30025> (дата обращения: 12.01.2020).

⁶ См., напр.: Не расставшись с ответственностью за преступное прошлое, нельзя жить сегодня // Корея сегодня. 2020. № 7. С. 46.

⁷ Территориальные притязания Японии // Кымсугансан. 2019. № 9 (343). С. 56.

реи над островами [Трансформация 2019: 267] и в своих материалах даже иногда «защищает» их от японских «притязаний»¹.

В списке претензий КНДР есть и моменты, которые реже звучат в Республике Корея. Порой Пхеньян глубже погружается в историю, например, обвиняя японцев в воровстве корейских колоколов в эпоху Корё (935–1392) и в годы Имджинской войны (1592–1598)². Северяне чаще вспоминают об антикорейских погромах после землетрясения в Канто в 1923 г.³, а также о гибели судна «Укисимамару», на котором в 1945 г. возвращалась на родину группа корейцев (по версии северян, судно намеренно потопили японцы)⁴.

Эти сюжеты, безусловно, известны и на Юге, но там к ним не столь активно обращаются при обсуждении сложного прошлого. Тем не менее центральная южнокорейская пресса порой перепечатывает северо-корейские материалы⁵, судя по всему, выражая таким образом сочувствие им.

У Пхеньяна, в отличие от Сеула, нет официальных отношений с Токио, поэтому реальному сотрудничеству постоянная критика не мешает: этого сотрудничества попросту нет. Однако, у Японии есть встречные претензии, из-за которых нормализация северо-корейско-японских отношений в последнее время окончательно застопорилась. Это проблема похищенных спецслужбами КНДР в XX в. семнадцати японских граждан — конкретно-политический вопрос, стремительно превращающийся в проблему исторической памяти и взаимного восприятия.

После официального признания КНДР проблемы в 2002 г. для Токио она стала центральной. Информационная поддержка была организована с размахом, напоминая старания Республики Корея по продвижению своей точки зрения на проблему Токто. Так, при под-

¹ См., напр.: Территориальные притязания Японии // Кымсугансан. 2019. № 8. С. 56.

² Японцы воровали колокола в Корею. URL: <http://www.naenara.com.kp/main/index/ru/news> (дата обращения: 12.01.2020).

³ Разоблачается на весь мир национал-шовинистическая резня Японии. URL: <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?ptype=cfonew&stype=0&ctype=0&page=1&lang=rus&mtype=view&no=30338> (дата обращения: 12.01.2020).

⁴ Представитель Общества пострадавших корейцев от насильственной вербовки и их семей потребовал вскрыть всю истину инцидента судна «Укисимамару». URL: <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?lang=rus&ptype=cfodoc&mtype=view&no=30025> (дата обращения: 12.01.2020).

⁵ См., напр.: N. Korea demands Japan's apology over killing of Korean forced workers in 'Ukushima Maru sinking'. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200824001700325> (accessed: 12.01.2020).

держке МИД Японии регулярно выпускаются материалы самого различного формата — от брошюр до анимационных фильмов, а на сайте дипломатического ведомства появился обширный раздел на 10 языках, посвященный похищенным¹.

Япония не осталась удовлетворена возвращением на родину пяти-рых похищенных в 2002 г. и надеется узнать судьбу остальных (Пхеньян утверждает, что они умерли). Двусторонние консультации по этому вопросу продолжались до середины 2010-х годов, однако особо не продвинулись, и КНДР в итоге прекратила расследование. И без того не слишком активные северокорейско-японские отношения оказались фактически свернуты. Жесткая позиция по проблеме похищенных повлияла на действия Токио в рамках многостороннего урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова на шестисторонних переговорах, став одним из факторов их остановки [Дьячков 2016: 168].

КНДР, видимо, не готова обсуждать похищенных далее, поскольку власти страны уже, по их мнению, пошли на серьезные уступки в этом вопросе, взамен получив лишь обрыв связей и дополнительные требования. Раздраженность Пхеньяна хорошо видна и по публикуемым им публичным материалам, где нередко указывается, что историческая вина Японии перед Кореей настолько велика, что Токио не имеет морального права выдвигать свои претензии².

Беспокойство Японии о судьбе своих граждан хорошо понятно и объяснимо, однако трудно сказать, насколько такая позиция конструктивна: проблему будет трудно решить без нормализации отношений с Севером, а саму нормализацию Токио считает невозможной без возвращения похищенных. Стремление подменить осуждением вопроса о похищенных усилия по решению ядерной проблемы — особенно тогда, когда эти двусторонние разногласия заводят в тупик общерегиональную работу.

* * *

Конфликты, основанные на сложностях общей истории, являются характерной чертой политической культуры Северо-Восточной Азии в целом. Они активно используются как инструмент внутренней и внешней политики. Эта особенность вкупе с иррациональной при-

¹ Abductions of Japanese Citizens by North Korea. MOFA Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/na/kp/page1we_000069.html (accessed: 12.01.2020).

² Страна-попирательница прав человека // Кымысугансан. 2019. № 4 (339). С. 56.

родой националистических чувств, а также несовершенством системы региональной безопасности делает вопросы прошлого реальной угрозой стабильности в настоящем.

В последние годы в корейско-японских отношениях исторические споры стали оказывать прямое негативное влияние на практическое сотрудничество. В случае Сеула и Токио это происходит, несмотря на все сдерживающие факторы — в том числе экономическую взаимозависимость и недовольство США неуживчивостью своих союзников. Остается надеяться, что у Японии и корейских государств хватит благоразумия воздержаться от дальнейшей политической эксплуатации национализма и в и без того неспокойном регионе не будет прибавляться проблем.

Список литературы

На русском языке

Асмолов 2017 — *Асмолов К.* Корейские «женщины для утешения» и скандал с Пак Ю Ха. URL: <https://ru.journal-neo.org/2017/02/13/korejskie-zhenshiny-dlya-utesheniya-i-skandal-s-pak-yu-ha/> (дата обращения: 25.07.2019).

Белые пятна 2010 — Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. акад. А. В. Торкунова, проф. А. Д. Ротфельда. М.: Аспект Пресс, 2010. — 823 с.

Гринюк 2015 — *Гринюк В. А.* Япония — Южная Корея: глубокий кризис межгосударственных отношений // Корея: 70 лет после освобождения. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 121–130.

Гурьева 2017 — *Гурьева А. А.* К вопросу о восприятии роли текста в современной корейской культуре // Корея перед новыми вызовами. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 383–395.

Десять истин 2014 — Десять истин об островах Докдо, искажаемых Японией. Сеул: Фонд истории Северо-Восточной Азии, 2014. — 24 с.

10 пунктов 2008 — 10 пунктов для понимания проблемы о-вов Такэсима. Токио: Отдел СВА Департамента стран Азии и Океании МИД Японии, 2008. — 14 с.

Дьячков 2013 — *Дьячков И. В.* Спор по поводу о. Токто (Такэсима): международно-политическое измерение национализма в СВА // XVII Научная конференция корееведов России и стран СНГ «Корея: уроки истории и вызовы современности». М.: ИДВ РАН, 2013. С. 102–112.

Дьячков 2016 — *Дьячков И. В.* «Немирный атом» Северо-Восточной Азии: корейский узел. Монография. М.: МГИМО-Университет, 2016. — 239 с.

Дьячков 2019 — *Дьячков И. В.* Историческая память и политика: проблема «женщин для утешения» в современных южнокорейско-японских отношениях // Японские исследования. 2019. № 4. С. 72–87.

Иванов 2013 — *Иванов А. Ю.* Территориальные притязания Японии к России и Республике Корея: сравнительный анализ // Корея: уроки истории и вызовы современности. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 112–120.

Иванов 2016 — *Иванов К. В.* История колониальной Кореи: политика, опрокинутая в прошлое // *Корейский полуостров в эпоху перемен.* М.: ИДВ РАН, 2016. С. 94–103.

Курбанов 2018 — *Курбанов С. О.* Северокорейская интерпретация проблемы прав человека и корейская традиционная культура // *КНДР и РК — 70 лет.* М.: ИДВ РАН, 2018. С. 74–83.

Лобов 2015 — *Лобов Р.* Подготовка и подписание Договора об основах отношений между Республикой Корея и Японией // *Корея: 70 лет после освобождения.* М.: ИДВ РАН, 2015. С. 113–120.

Лобов 2016 — *Лобов Р. Н.* Республика Корея и Япония: некоторые закономерности развития взаимоотношений // *Россия и Восточная Азия через 70 лет после окончания Второй мировой войны: доклады, представленные на III Международной конференции молодых востоковедов в ИДВ РАН (Москва. 11–12 ноября 2015 г.).* М.: ИДВ РАН, 2016. С. 220–225.

Лобов 2017 — *Лобов Р. Н.* Процесс нормализации двусторонних отношений между РК и Японией в 1960–1965 гг.: факторы, движущие силы, результаты // *Корея перед новыми вызовами.* М.: ИДВ РАН, 2017. С. 149–157.

Лобов 2018 — *Лобов Р. Н.* Взаимоотношения в треугольнике КНДР–РК–Япония после холодной войны: основные тренды и проблемы развития // *КНДР и РК — 70 лет.* М.: ИДВ РАН, 2018. С. 290–301.

Неспокойное соседство 2015 — *Неспокойное соседство: проблемы Корейского полуострова и вызовы для России /* Под ред. Г. Д. Толорая. М.: МГИМО-Университет, 2015. — 344 с.

Торкунов 2021 — *Торкунов А. В., Толорая Г. Д., Дьячков И. В.* Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.). М.: Просвещение, 2021. — 448 с.

Трансформация 2019 — *Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России /* Под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2019. — 432 с.

На английском языке

Akaha 2008 — *Akaha Tsuneo.* The Nationalist Discourse in Contemporary Japan: the Role of China and Korea in the Last Decade // *Pacific Focus.* 2008. Vol. XXIII. No. 2. P. 156–188.

Cho 2009 — *Cho Jinman.* The Dokdo/Takeshima Dispute between Korea and Japan: Understanding the Whole Picture / Jinman Cho, Hee Min Kim, Jun Young Choi // *Pacific Focus.* 2009. Vol. XXIV. No. 3. P. 365–378.

Dokdo 2012 — *Dokdo Museum Seoul Exhibition Book.* Seoul: North East Asia History Foundation, 2012. P. 118.

Hein 2016 — *Hein Patrick.* Unresolved Comfort Women Issue: How Pragmatism Precludes Reconciliation // *The Korean Journal of International Studies.* 2016. Vol. 14. No. 3. P. 447–460.

Kim 2014 — *Kim Mikyoung.* Memorializing Comfort Women: Memory and Human Rights in Korea-Japan Relations // *Asian Politics and Policy.* 2014. Vol. 6. No. 1. P. 83–96.

Koo 2005 — *Koo Min Gyu*. Scramble for the Rocks: The Disputes Over the Dok-do/Takeshima, Senkaku/Diaoyu, and Paracel and Spratly Islands. Berkeley: University of California, 2005. — 574 p.

Lee 2015 — *Lee C. Y., Crowe J.* The Deafening Silence of the Korean “Comfort Women”: A Response Based on Lyotard and Ingaray // *Asian Journal of Law and Society*. 2015. Vol. 2. Issue 2. P. 339–356.

Moon 1997 — *Moon K. H. S.* Sex Among Allies: Military Prostitution in U.S.-Korea Relations. N.Y.: Columbia University Press, 1997. — 336 p.

Moon 2015 — *Moon K. H. S.* South Korea’s Demographic Changes and their Political Impact. Washington: Brookings, 2015. — 24 p.

Northeast Asian Peace 2016 — *Northeast Asian Peace and Historical Issues*. Seoul: North East Asia History Foundation, 2016. — 148 p.

Nozaki 2005 — *Nozaki Yoshiko*. The “Comfort Women” Controversy: History and Testimony // *The Asia-Pacific Journal*. 2005. Vol. 3. Issue 7. URL: <https://apjif.org/-Yoshiko-Nozaki/2063/article.pdf> (accessed: 25.07.2019).

Olsen 2008 — *Olsen Edward A.* Korean Nationalism in a Divided Nation: Challenges to US Policy // *Pacific Focus*. 2008. Vol. XXIII. No. 1. P. 4–21.

Piper 2001 — *Piper N.* Transnational Women’s Activism in Japan and Korea: the Unresolved Issue of Military Sexual Slavery // *Global Networks*. 2001. No. 1 (2). P. 155–170.

Reexamining 2015 — Reexamining the “Comfort Women” Issue. An Interview with Yoshimi Yoshiaki // *The Asia-Pacific Journal*. 2015. Vol. 13. Issue 1. No. 1. URL: <https://apjif.org/-Yoshimi-Yoshiaki/4247/article.pdf> (accessed: 25.07.2019).

Soh 2008 — *Soh C. S.* The Comfort Women: Sexual Violence and Postcolonial Memory in Korea and Japan. Chicago: University of Chicago Press, 2008. — 384 p.

Taijudo 1968 — *Taijudo Kanae*. The Dispute between Japan and Korea Respecting Sovereignty over Takeshima // *The Japanese Annual of International Law*. 1968. No. 12. P. 1–12.

True Stories 1995 — *True Stories of the Korean Comfort Women* // *Korean Council for Women Drafted for Military Sexual Slavery by Japan* / Ed. by K. Howard. L.: Cassell, 1995. — 200 p.

Varga 2009 — *Varga A.* National Bodies: The ‘Comfort Women’ Discourse and its Controversies in South Korea // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2009. Vol. 2. No. 2. P. 287–303.

Wöhr 2005 — *Wöhr Ulrike*. A Touchstone for Transnational Feminism: Discourses on the Comfort Women in 1990s Japan // *Japanstudien*. 2005. 16:1. P. 59–90.

Yeh 2013 — *Yeh Youngjune*. The Chronicle of Dokdo. 1905. Seoul: Chagbat, 2013. — 260 p.

Yoshikata 2015 — *Yoshikata Veki*. ‘Comfort Women’ Denial and the Japanese Right // *The Asia-Pacific Journal*. 2015. Vol. 13. Issue 30. No. 2. URL: <https://apjif.org/-Yoshikata-Veki--Norma-Field--Tomomi-Yamaguchi/4350/article.pdf> (accessed: 25.07.2019).

Г Л А В А 4

Японское колониальное наследие на Тайване как проблема исторического прошлого

Вопросы исторического прошлого, связанные с экспансией Японской империи в Азии в первой половине XX в., до сих пор сохраняют свою актуальность во взаимоотношениях Японии со своими соседями — ее бывшими колониями и странами, подвергшимися военной оккупации в период Второй мировой войны. В первую очередь это относится к Китайской Народной Республике и Республике Корея — странам, противоречия с которыми на почве интерпретации военного прошлого Японии не утихают последние несколько десятилетий. Пекин считает, что японская сторона не понесла всей полноты ответственности за военную агрессию на территории Китая, а действующее руководство не извлекло должных уроков из событий прошлого. На фоне усиления консервативных настроений и пересмотра оценок военных событий, наблюдающихся в Японии в последние десятилетия, власти КНР неизменно требуют от Токио подтвердить свою ответственность за преступления, совершенные японской армией в военное время. Среди основных вопросов, остающихся весьма чувствительными для Китая, — это признание Японией своей вины за беспрецедентную жестокость при захвате Нанкина в декабре 1937 г. (Нанкинская резня), преуменьшение в учебниках истории военных преступлений японской армии, а также проблема визитов представителей властей в синтоистский храм Ясукуни, где, как считается, покоятся души японцев, отдавших свою жизнь за родину. Отдельно стоит отметить территориальный спор между Пекином и Токио по поводу принадлежности островов Дяоюйдао (釣魚島)/ Сэнкаку (尖閣諸島), который также является следствием расхождений в понимании двумя странами итогов Второй мировой войны.

Как видно, основные претензии КНР к Японии в связи с интерпретацией событий прошлого затрагивают, прежде всего, период 1937–1945 гг. — японское вторжение в материковую часть Китая, т.е. анти-

японскую войну (или, как ее называют в КНР, войну сопротивления японским захватчикам). При этом остров Тайвань, который по итогам японо-китайской войны 1894–1895 гг. был передан цинскими властями Японии и находился под ее управлением в течение полувека вплоть до окончания Второй мировой войны, оказался вне «памяти о войне». Такое явление, главным образом, обусловлено идеологическим антагонизмом, возникшим между материковой и островной частями Китая вскоре после окончания войны с созданием в 1949 г. Китайской Народной Республики.

Впоследствии Тайвань и его колониальное прошлое стали появляться в риторике руководства КНР только в контексте «мирного объединения Родины»¹. Тайваньский вопрос — проблема особого статуса островной провинции и де-факто самостоятельного государства — Китайской Республики (КР), является важным фактором во внешней политике КНР на протяжении всего послевоенного периода, однако акцент на связи этой проблемы с историческим прошлым Японии появился в сравнительно недавнее время. Япония предпочитает воздерживаться от прямых заявлений по поводу статуса КР, не желая осложнять тесные японо-тайваньские отношения. Такая неоднозначность позиции Токио всегда воспринималась чувствительно в Пекине, а в последнее время напрямую увязывается с вопросом ответственности за ошибки прошлого. В глазах китайского руководства Япония представляется как страна, не только не желающая отвечать за агрессивную политику в прошлом, но и препятствующая законному воссоединению материка с островом, который когда-то находился под ее колониальным управлением. Тесные торгово-экономические и культурные связи Японии и Тайваня, которые, как правило, проецируются и на политическую сферу — наряду с усилением прояпонских настроений на острове обычно происходит усиление антикитайских и даже сепаратистских настроений, — воспринимаются Пекином как «колониальный шлейф» в современной политике Японии и ее нежелание окончательно принять итоги Второй мировой войны.

Что же касается самого Тайваня, то подходы к оценке его колониального прошлого и внешней политики Японии в годы Второй миро-

¹ Си Цзиньпин: цзай цин чжу чжун хуа жэнь минь гун хэ го чэн ли 70 чжоу нянь да хуэй шан дэ цзын хуа (Речь Си Цзиньпина на торжественной церемонии по случаю 70-й годовщины образования Китайской Народной Республики) // Сайт Министерства иностранных дел КНР. 01.10.2019. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/t1704673.shtml (дата обращения: 11.01.2020).

вой войны, распространенные на острове, значительно отличаются от тех, что приняты в КНР. Даже несмотря на то что тайваньское общество прошло иной путь, нежели китайское общество на материке, и развивалось в принципиально иных условиях, нежели коммунистический Китай, пятидесятилетнее колониальное правление под началом Японской империи, казалось бы, должно было оставить глубокий отпечаток в памяти местных жителей, длительное время находившихся в условиях дискриминации и полной зависимости от чужого государства. Однако этого не произошло. Тайвань в силу ряда факторов до сих пор остается единственным регионом, жители которого не акцентируют внимание на негативных сторонах колониального периода. Кроме того, восприятие японцев в тайваньском обществе на протяжении всего послевоенного периода и до сих пор остается положительным, что заметно контрастирует с преимущественно отрицательным имиджем Японии в современной Корее, также в прошлом бывшей колонией Японской империи, не говоря уже о явно отрицательном восприятии японцев в КНР.

Формированию коллективной памяти о японском присутствии на Тайване способствовали как внутривнутриполитические, так и внешнеполитические факторы. Несомненно, международная обстановка, сложившаяся к середине XX в., разделение мира на два противоборствующих лагеря и сохраняющаяся угроза военного присоединения острова к коммунистическому Китаю главным образом влияли на выстраивание японо-тайваньских отношений после 1945 г., а с ним и на формирование в обществе коллективной памяти о японском периоде. Вместе с тем антагонизм между материковой и островной частями Китая, будучи в первые десятилетия после войны только лишь дипломатической повесткой в отношениях Тайваня с внешним миром, с началом демократизации острова в 1990-х годах постепенно перешел во внутривнутриполитический дискурс и стал поводом для переоценки собственного колониального прошлого.

Основные дискуссии по поводу трактовок японского присутствия на Тайване и итогов Второй мировой войны, как правило, ограничиваются двумя вопросами — это требование признания Японией своей вины перед тайваньскими женщинами, которые в военные годы были отправлены в публичные дома для «утешения» солдат японской армии (так называемые «женщины для утешения» *вэйаньфу* 慰安婦), требование денежных компенсаций для таких женщин, а также оспаривание суверенитета над островами Дяюйдао/Сэнкаку (или Дяюйтай 釣魚臺,

как их называют на Тайване). Важно отметить, что все эти вопросы имеют отношение не ко всему периоду японского правления, а к военному времени (проблема *вэйаньфу*) либо к трактовке итогов войны (территориальный спор). Обсуждения в обществе и СМИ по поводу аспектов собственно колониальной политики на острове в основном происходили в 1990-е и начале 2000-х годов в ходе дискуссий по поводу компенсаций «женщинам для утешения», которые, в свою очередь, как считают многие исследователи, были сильно политизированы и нередко переходили на уровень межпартийного противостояния — главным образом, между Гоминьданом и Демократической прогрессивной партией (ДПП).

Претензий к Токио со стороны Тайбэя, которые касались бы самого колониального правления, по сути, нет, хотя отрицательных проявлений японской политики на острове за 50 лет было достаточно. Такая «память» о колониальном периоде заметно отличается от той, что сохраняется в Корее, бывшей под управлением Японии более короткий промежуток времени (1910—1945 гг.), где этот период запечатлелся в памяти народа как время угнетения и национального унижения. Помимо основных претензий к Токио (по проблеме «женщин для утешения» и спора о принадлежности островов Токто/Такэсима) правительством Республики Корея поднимался вопрос и о колониальной эксплуатации населения, в частности, о компенсациях за принудительный труд корейцев на японских фабриках, а также вопрос о признании договора о присоединении Кореи к Японии в 1910 г. нелегитимным [Стрельцов 2020: 82—83]. Ничего подобного применительно к жителям Тайваня либо юридическому статусу острова в составе Японской империи властями Китайской Республики никогда озвучено не было. На фоне претензий к Токио с корейской стороны дискуссионный характер проблемы «женщин для утешения» на Тайване и формальные претензии Тайбэя на суверенитет над островами Дяоюйдао/Сэнкаку при неизменно хороших японо-тайваньских отношениях выглядят скорее одним из аспектов внутривнутриполитических дискуссий, ориентированных преимущественно на «внутреннего потребителя».

Рассмотрим подробнее, какое место занимает коллективная память о японском периоде на Тайване в восприятии собственной истории жителями острова и как она влияет на развитие современных отношений между Токио и Тайбэем. Вопросы, связанные с исторической памятью в КР, особенно важны, поскольку они тесно связаны с явлением тай-

ваньского национализма, перспективами снижения напряженности между двумя берегами Тайваньского пролива, установлением доверительных отношений между странами Восточной Азии и безопасностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Память о колониальном прошлом в японо-тайваньских отношениях в 1950–1980-е годы

Восстановление дипломатических отношений между Японией и Тайванем происходило в период явного антагонизма между материковой и островной частями Китая — усилия каждой из сторон были направлены на мобилизацию сил для объединения страны под своим началом. На подписании мирного договора Токио с Тайбэем настаивали США, так что, несмотря на то, что значительная часть японского парламента выступала против осложнения отношений с КНР и осуждала ориентацию внешней политики на режим Чан Кайши, договор с Тайванем был подписан 28 апреля 1952 г. [Цзя Чаовэй 2011: 54–55]. Необходимость международного признания КР и потребность Чан Кайши в японской и американской поддержке обусловили основные принципы мирного договора, согласно которым Япония подтверждала право Гоминьдана на управление Тайванем, не противодействовала сохранению политического режима на острове и его международных позиций (в том числе становлению КР членом ООН). Китайская Республика, в свою очередь, отказывалась от претензий на компенсацию за ущерб, нанесенный Японией в ходе ее военного вторжения в Китай¹. Еще одной уступкой со стороны Чан Кайши явилось признание невинным командующего Экспедиционной армией в Китае генерала Окамура Ясудзи, также известного как создателя «станций для утешения» (慰安所 *вэйаньсо*) — системы публичных домов для солдат японской армии в период военных действий в Азии [Цзя Чаовэй 2011: 49].

Неопределенность статуса Тайваня, вытекающая из Сан-Францисского договора (и позже подкрепленная в китайско-американском Шанхайском коммюнике 1972 г.), формально предоставляла Японии возможность выбора, с кем устанавливать официальные отношения — с КНР или КР. Эта неопределенность позволяла Японии поддерживать отношения одновременно с Тайванем и матери-

¹ Китайская сторона в ходе переговоров не смогла добиться того, чтобы в тексте мирного договора было указано, что КР имеет право требовать компенсацию за ущерб, хотя и отказывается от этой компенсации [Цзя Чаовэй 2011: 58–59].

ковым Китаем, реализуя принцип «разделения политики и экономики». Основу политического курса Японии составляло укрепление связей с США и Тайванем, а также борьба с коммунизмом и сдерживание КНР — об этих положениях Токио неоднократно заявлял в «Посланиях Ёсида»¹.

На протяжении всего периода официальных отношений Токио и Тайбэя особую роль в японо-тайваньских связях играли японо-китайские отношения. Попытки Японии поддерживать экономические связи с КНР нередко встречали резкую критику со стороны тайваньского руководства (вплоть до прекращения реализации отдельных проектов и даже предупреждения со стороны Тайваня о возможности разрыва двусторонних отношений). Связи с материковым Китаем на тот момент являлись важнейшим, а иногда и определяющим фактором во взаимодействии Токио и Тайбэя, то отдаляя их друг от друга (когда японо-китайские связи укреплялись), то способствуя их значительному сближению (когда отношения между Пекином и Токио были осложнены).

Статус японо-тайваньских отношений был кардинально изменен в 1972 г., когда Япония установила официальные отношения с КНР. Теперь ситуация оказалась обратной относительно той, что была предыдущие 20 лет — теперь не Тайбэй, а Пекин стал требовать от Токио признания легитимности своей власти и негативно реагировать на укрепление неофициальных отношений Японии с противоположным берегом Тайваньского пролива (после 1972 г. — Японии и Тайваня). Если же говорить о торгово-экономических связях, то на их развитии переход статуса японо-тайваньских отношений от официального к неофициальному практически не сказался — в экономике и торговле между Токио и Тайбэем сохранялась тесная взаимосвязь, созданная еще в колониальный период.

Внешняя политика Гоминьдана с самого начала автономного существования Тайваня была достаточно компромиссной, что позволило КР найти поддержку в лице США и Японии, рассчитывать на тесные торгово-экономические связи с этими странами и даже на прямую

¹ «Послания Ёсида» — два соглашения (1952 и 1964 гг.), подписанные между КР и Японией в подтверждение того, что Токио признает правительство Чан Кайши единственно легитимным. Кроме этого, страны договаривались укреплять японо-тайваньские связи и проводить политику сдерживания КНР. Чан Кайши придавал этим документам большое значение и рассматривал их как дополнение к мирному договору между Тайванем и Японией.

экономическую помощь от них. При этом основной курс внутренней политики — сплочение жителей острова на базе китайского национализма — реализовывался на антияпонской основе. Путем четкого разделения внутренней и внешней политической повестки властям удавалось, с одной стороны, сохранять доверительные отношения КР со своими союзниками и, с другой стороны, использовать нужную идеологию во внутривнутриполитических целях¹.

Антияпонская риторика проявлялась в первую очередь в подходах к пониманию колониального прошлого Тайваня. Рассмотрение сопротивления тайваньцев японским властям в контексте общей борьбы китайского народа против японских захватчиков служило дополнительным подтверждением сплочения материкового и островного Китая в борьбе против милитаристской Японии и, в более широком смысле, единства всего китайского народа, частью которого были и тайваньцы. Иными словами, антияпонская риторика играла важную роль в развитии «китайской идентичности» у жителей острова. Более того, такая политика «вращения» китайского самосознания нередко переходила в «перевоспитание» тайваньцев, «идеологически травмированных японским колониальным правлением»².

В период с 1950-х до конца 1980-х годов японское правление представлялось исключительно в темных тонах. В учебниках истории особое внимание уделялось теме общей борьбы против японских агрессоров, которая начиналась с первой японо-китайской войны в 1894–1895 гг., после чего с приходом колониальных властей продолжалась на Тайване всю первую половину XX в. и начиная с 1930-х годов параллельно велась и на материке (после оккупации Маньчжурии в 1931 г. и с началом полномасштабных наступательных действий Японии в Китае в 1937 г.). Большое внимание уделялось антияпонским восстаниям на Тайване, особенно если организаторы этих восстаний были тем или иным образом связаны с китайцами на материке или получали от них материальную помощь. Акцентировалось внимание на том, что и китайцы, и тайваньцы в равной мере пострадали от агрессивной политики Японской империи и в равной мере стремились к ликвидации японской власти

¹ Добавим к этому еще тот факт, что в первые годы после образования КНР китайский национализм должен был стать опорой для Чан Кайши не только в поддержании контроля над островом, но и в реализации его амбиций по возвращению материка под управление республики и объединение всего Китая под своим контролем.

² О факте пренебрежительного отношения материковых китайцев к тайваньцам говорят многие ученые [Хуан Гочан 1995: 119; Rigger 1997: 316; Huang Chih-huei 2003: 313].

[Vickers 2007: 214—216]. Культивирование китайского самосознания проявлялось и в том, что местная история Тайваня, как правило, рассматривалась в контексте истории материка и не представляла собой отдельной темы для исследований [Suzuki 2011: 238].

Еще раз отметим, что на протяжении периода правления Гоминьдана во второй половине XX столетия (вплоть до начала 1990-х годов) политика сплочения нации проводилась на антияпонской основе, при этом отрицательная оценка японского колониального правления никак не сказывалась на дружественных отношениях с Японией, ставшей для КР важнейшим торгово-экономическим партнером и одним из гарантов ее безопасности. Налаживая тесные экономические связи с Токио, Гоминьдан одновременно прилагал большие усилия для того, чтобы искоренить на острове проявления японской культуры и японский язык, ставшие неотъемлемой частью культуры и традиций тайваньского постколониального общества. Антияпонская риторика была адресована местному населению и использовалась с целью сплочения нации на основе общности судьбы китайского и тайваньского народа, а не с целью пропаганды отрицательного имиджа послевоенной Японии, тесными связями с которой дорожили в Тайбэе.

Переосмысление колониального прошлого и укрепление японо-тайваньских связей с началом демократизации в 1990-е годы

С приходом к власти нового президента Ли Дэньхуэя (李登輝 1988—2000 гг.), представителя партии Гоминьдан и уроженца Тайваня, на острове были проведены демократические реформы, существенно укреплены связи с союзниками, а КР стала заявлять о своем стремлении к независимости. На волне демократизации общества и власти в КР происходило переосмысление собственной истории, а вместе с этим и пересмотр оценок японского колониального правления. 1990-е годы стали временем активного развития японо-тайваньских отношений, почти каждый год был отмечен новым прорывом — уровень встреч японских и тайваньских представителей неизменно повышался, одновременно с этим увеличивалось и число взаимных визитов.

Развитию отношений между Токио и Тайбэем во многом способствовали личные связи и тесные контакты президента КР со многими японскими политическими деятелями. Ли Дэньхуэй, родившийся на

Тайване в колониальный период, до 22 лет носил японское имя, получил образование в Императорском университете в Киото, с 1944 г. служил в японской армии и считал себя настоящим японцем. Президент в значительной мере способствовал созданию благоприятного образа Тайваня — демократического, идеологически близкого Японии государства. Он продвигал идею о том, что тайваньцы — это «практически те же самые японцы», поскольку они переняли элементы японской культуры и разделяют те же ценности либерализма, демократии и капитализма¹. Конечно, такие заявления следует рассматривать в контексте осложнившихся отношений с КНР, когда Тайваню было необходимо заручиться поддержкой Японии и США. В Токио Ли Дэнхуэя рассматривали как партнера одного уровня с японскими лидерами, а его избрание на пост президента в прессе было названо «успешным развитием демократии на Тайване» [Wang Qingxin Ken 2000: 360].

Апелляция Ли Дэнхуэя к демократическим ценностям и его лояльное отношение к проблемным вопросам исторического прошлого привлекало в ряды симпатизирующих Тайваню политиков не только представителей консервативного крыла японского истеблишмента, но и прагматиков, поскольку КР стала активно выступать в роли противовеса КНР — традиционному стратегическому сопернику Японии. После осложнения отношений между Токио и Пекином из-за кризиса в Тайваньском проливе² японская молодежь, как правило, не обремененная чувством вины перед материковым Китаем за военное прошлое, также поддерживала протайваньские настроения [He Yinan 2014: 489]. Что касается самого Тайваня, то 1990-е годы были отмечены модой на все японское, в том числе на литературу и фильмы. Своеобразный «японский бум» проявился даже в приоритетах футбольных болельщиков — известно, что большинство тайваньцев болели за японскую команду, а не за сборную КНР [Huang Chih-huei 2003: 311]. У старшего поколения жителей Тайваня, которые застали колониальное правление, своеобразная ностальгия по японскому периоду проявилась на фоне авторитарной власти Гоминьдана в первые годы после окончания войны, особенно после жесткого подавления

¹ Подробнее об отношении Ли Дэнхуэя к колониальному периоду, перспективам развития японо-тайваньских отношений и будущего КР см. в его мемуарах: [Ли Дэнхуэй 2000].

² В 1995–1996 гг. произошла временная эскалация военной активности в зоне Тайваньского пролива — в период подготовки президентских выборов на Тайване вооруженные силы КНР провели учебные пуски боевых ракет вблизи пролива, после чего США в качестве ответной силовой демонстрации направили в эту зону боевые корабли.

властями антиправительственного восстания 28 февраля 1947 г.¹ Для тайваньской молодежи образ Японии стал особенно притягательным благодаря воздействию японской поп-культуры (популяризация японской музыки, еды, фильмов, караоке, компьютерных игр и комиксов *манга*), на фоне которой китайская поп-культура заметно проигрывала [Lam Peng-Er 2004: 253].

В отношении военного прошлого Японии Ли Дэнхуэй неоднократно заявлял о том, что стране больше не нужно извиняться за военные действия в Азии, и отмечал существенный вклад колониальных властей в модернизацию острова. Ли Дэнхуэй разделял мнение многих японских политиков консервативного толка о том, что Японии следует оставить «политику извинений» за военную агрессию, отойти от «мазохистского» понимания собственной истории и начать укреплять свои позиции на международной арене [Norrens 2018a: 53]. В частности, он считал, что страна могла бы взять на себя лидирующую роль в поддержании безопасности в АТР и стать первой экономикой в регионе, поддерживал идею, выдвинутую Японией, о создании Азиатского валютного фонда для преодоления азиатского кризиса 1997 г. [Lam Peng-Er 2004: 257–258].

С тех пор как Тайвань встал на путь демократического развития, его внутренняя политика стала неразрывно связана с внешнеполитическими приоритетами. Курс на укрепление связей со своими союзниками, которые могли гарантировать безопасность в Тайваньском проливе и автономию острова, тесно переплетался с политикой «тайванизации» — культивированием «тайваньской идентичности» (台灣意識) и отказом от «прокитайского» понимания собственной истории [Law Wing-Wah 2002: 75]. Политика «тайванизации» стала одним из важных элементов общего курса властей, направленного на сплочение нации. Как и в предыдущие десятилетия, народное единство достигалось путем формирования коллективной памяти о том, как жители острова совместно противостояли внешним захватчикам. В период Гоминьдана до конца 1980-х годов к числу внешних агрессоров относили голландцев (занимавших остров в 1622–1661 гг.) и японцев, а с 1990-х годов — еще и китайские власти (в первую очередь авторитарное правление Чан Кайши). Причем если ранее акцент

¹ Антиправительственное восстание 28 февраля 1947 г. («Инцидент 228» 二二八事件) стало реакцией местного населения на откровенно авторитарные методы управления китайских властей. Восстание было жестоко подавлено, по разным оценкам, количество жертв варьируется от 10 до 25 тыс. человек.

был сделан на борьбе китайского и тайваньского народа с японскими захватчиками, то теперь он сместился на сопротивление местного населения насажденной извне власти материковых китайцев. Новое прочтение получило восстание 28 февраля 1947 г. («Инцидент 228» 二二八事件), о деталях которого предыдущие власти предпочитали замалчивать [He Yinan 2014: 484].

Навосстании 1947 г. в период 1990-х годов и до конца 2000-х годов было сфокусировано основное внимание в учебниках истории, поскольку именно оно стало символом угнетения тайваньцев представителями материкового Китая [Suzuki 2011: 237]. «Тайваньская идентичность», таким образом, оттенялась иной, «не своей» китайской культурой и языком, которые насаждались Гоминьданом в первые послевоенные десятилетия, и подтверждалась желанием многих коренных жителей острова противостоять внешним — материковым — захватчикам.

Что же касается японского периода, то помимо негативных черт, которые всегда отмечали в предыдущие годы (создание полицейского государства под контролем японцев и дискриминация местных жителей), в учебниках истории стали упоминать и о вкладе колониальных властей в развитие острова (экономическая модернизация, упорядочивание законодательства, санитарные меры и отмена устаревших китайских обычаев). Противопоставление японского и китайского правления четко прослеживается в содержании экспозиций «Мемориального музея 228» (Музея памяти восстания 28 февраля 1947 г.), в котором и Гоминьдан (в первые годы после окончания войны), и японские колониальные власти представлены как внешние захватчики Тайваня, однако особый акцент сделан на преступлениях китайских властей. В зале японской экспозиции подводится итог: «...Несмотря на то что тайваньцы находились под гнетом колониального правления, японские власти верили, что такие меры были оправданы интересами самого острова в модернизации инфраструктуры и экономики. (...) Японцы стремились сохранить природные ресурсы Тайваня, изучали местные традиции, развивали транспортное сообщение, внедряли современное образование, улучшали санитарно-гигиеническую обстановку. Помимо этого, власти создали хорошую законодательную базу и повысили общий уровень жизни» [Suzuki 2011: 239].

Примечательно, что в 1990-е годы наряду с пересмотром колониального прошлого на Тайване и выявлением ряда положительных черт японского правления наблюдалось усиление внимания к преступлениям японской армии в военное время, в частности к проблеме «жен-

щин для утешения» (慰安婦 *вэйаньфу*). Одной из основных причин замалчивания проблемы насильственной отправки тайваньских девушек для нужд японской армии была необходимость администрации КР налаживать послевоенные политические и экономические связи с внешним миром, в том числе и со своим союзником и торгово-экономическим партнером — Японией. В 1990-х годах вопрос по поводу компенсаций бывшим «женщинам для утешения», хотя и вышел на уровень общественно-политической проблемы, не стал фактором, серьезно осложняющим японо-тайваньские отношения. Периодические «всплески» интереса к этой проблематике если и отмечались на Тайване, то далеко не всегда были напрямую обусловлены попытками японской стороны пересмотреть собственную историю или «выбелить» отдельные эпизоды военной агрессии в Азии. Такие действия традиционно вызывали резкую критику со стороны КНР и Южной Кореи, которые нередко выступали «единым фронтом» в борьбе с фальсификацией истории, однако на Тайване они, как правило, не вызывали решительного общественного осуждения и никогда не перерастали в антияпонские волнения. Это связано не только с традиционно тесными японо-тайваньскими связями, но и с нежеланием Тайбэя выступать на стороне материкового Китая в его противостоянии Токио в те моменты, когда японо-китайские отношения осложнялись из-за проблем исторического прошлого. Усугубляющим фактором становилось и то, что в такие моменты Пекин неизменно пытался оказывать на Тайвань давление, с тем чтобы он присоединился к антияпонским акциям под руководством материка и выступил совместно с КНР с критикой действий японского правительства.

О проблеме «женщин для утешения» впервые заговорили открыто после того, как в 1990 г. были опубликованы материалы, которые доказывали непосредственную причастность японских властей к организации системы «станций для утешения». Вслед за этим в 1991 г. были опубликованы воспоминания кореянки Ким Хаксун, которая первой из бывших «женщин для утешения» решила публично рассказать о своем опыте пребывания на такой станции. В конце 1991 г. этот вопрос приобрел юридическую форму, когда с корейской стороны тремя бывшими *вэйаньфу* был подан первый иск против правительства Японии [Стрельцов 2019: 130–131; Дьячков 2019: 75]. В январе 1992 г. японский профессор Ёсими Ёсиаки опубликовал ряд документов из военных архивов, которые подтверждали системный характер организации досуга японских солдат на «станциях для утешения» [Hicks 1999: 117–118].

Вскоре после публикации этих документов представительница Социал-демократической партии Японии, парламентарий Ито Хидэко опубликовала в феврале 1992 г. обнаруженные ею в архивах новые материалы, касающиеся практики привлечения тайваньских девушек в публичные дома [Hicks 1999: 119; Chou Ching-yuan 2009: 194–196]. После их публикации в СМИ тайваньский МИД призвал Японию «принести извинения и продемонстрировать раскаяние за свои преступления перед “женщинами для утешения”», а также заявил о требовании компенсаций бывшим жертвам [Suzuki 2011: 226]. В марте 1992 г. министерство открыло «горячую линию» для пострадавших женщин, которые могли бы заявить о себе и дать дополнительные показания по этому делу. Сбор информации происходил через неправительственную организацию — Тайбэйский фонд спасения женщин (婦女救援基金會).

По общим оценкам, всего за время военных действий Японии в Азии на «станции для утешения» было отправлено примерно 2 тыс. тайваньских девушек, однако на момент 1992 г. по итогам работы Фонда на Тайване удалось найти 48 бывших *вэйаньфу*. Некоторые из них (22 человека) были уверены, что они отправлялись для выполнения хозяйственных работ, в качестве официанток либо для работы с детьми, другие предполагали работать в метрополии медсестрами, и лишь трое женщин были заранее осведомлены о том, на какую работу их на самом деле нанимают. 10 человек заявили, что их отправили в военные бордели насильно, некоторых девушек «рекрутировали» через посредников, иных на подработку в метрополию отправляли сами родственники [Чжу Дэлань 2009: 4]. В числе тайваньских *вэйаньфу* были как женщины китайского происхождения, так и представительницы туземного населения острова. Как правило, это были девушки из малообеспеченных или неблагополучных семей, работницы гостиниц, ресторанов или увеселительных заведений [Hicks 1999: 119–120].

В ответ на волну претензий со стороны азиатских стран Токио официально принес извинения бывшим жертвам насилия и предпринял попытку решить вопрос о компенсациях «женщинам для утешения», создав в 1995 г. Фонд женщин Азии, через который должны были поступить выплаты бывшим *вэйаньфу*. Хотя фонд был основан по государственной инициативе и находился под прямым контролем кабинета министров, большую часть его материальных средств составляли частные пожертвования. Именно эта особенность стала формальной причиной отказа многих бывших *вэйаньфу* принимать деньги и пись-

ма с извинениями от японских властей. Как правило, женщины, отказавшиеся от выплат, объясняли свое решение тем, что компенсации должны были поступить из государственных источников, поскольку неформальный характер таких выплат снимает ответственность с официальных властей и оставляет вопрос о признании вины государства в организации «станций для утешения» открытым [Wada Haruki 2008]. Важно отметить, что к такому решению бывших *вэйаньфу* подтолкнула и политика властей. Например, южнокорейские власти предложили этим женщинам более крупную сумму выплат в случае, если те откажутся от компенсаций из Фонда женщин Азии [Стрельцов 2019: 131]. На Тайване Законодательный юань постановил выплатить каждой из отказавшихся от выплат женщин (13 человек все же получили деньги из японского фонда) по 500 тыс. тайваньских долларов. К этой сумме были еще добавлены частные пожертвования от тайваньского бизнеса, так что в итоге каждая бывшая «женщина для утешения» получила по 1 млн тайваньских долларов (около 30 тыс. долл. США) [Suzuki 2011: 227].

Несмотря на то что вопрос денежных компенсаций бывшим *вэйаньфу* был, казалось бы, решен — они получили выплаты либо из Фонда женщин Азии, либо непосредственно от государства, некоторые общественные организации Тайваня продолжали настаивать на том, чтобы японское правительство принесло извинения и перечислило выплаты бывшим жертвам насилия. Вместе с тем внимание широкой общественности на Тайване к проблеме «женщин для утешения» было мимолетным и стремительно ослабло с завершением выплаты компенсаций в 1995–1996 гг. Несмотря на то что КР примкнула к числу тех стран, которые стали активно заявлять о защите прав женщин, в том числе и прав «женщин для утешения», это не отражалось на общей положительной оценке японского колониального правления на Тайване. Публикации в СМИ, которые появились в 1990-е годы в связи с актуализацией проблемы бывших *вэйаньфу*, в основном касались вопроса о том, стоит ли женщинам принимать денежные компенсации от японского негосударственного фонда, и не рассматривали эту проблему в более широком контексте [Suzuki 2011: 227–228].

То, что проблема «женщин для утешения» не стояла на Тайване остро ни в момент ее возникновения, ни позднее, подтверждается еще и тем, что эта тема освещалась в учебниках по истории неподробно и без эмоциональной окраски. В 1990-е годы в учебной литературе основной тенденцией стал отход от сугубо отрицательной оценки японского правления к выявлению положительных черт колониального освоения

острова, кроме того, гораздо больше внимания уделялось теме угнетения тайваньцев при Гоминьдане в послевоенный период, чем проблемным аспектам японского периода. Ученые склонны объяснять это тем, что на Тайване проблема *вэйаньфу*, равно как и само колониальное правление, не воспринималась как национальное унижение, что было характерно для Кореи. Явный дисбаланс в освещении этих двух эпизодов тайваньской истории был также связан с определенной обидой жителей острова на материковых китайцев за то, что после 1945 г. «свои» власти обошлись с ними еще хуже, чем «чужие» — японские.

Большой акцент на авторитарности правления Гоминьдана обусловлен в том числе нежеланием тайваньцев в какой-либо форме интегрироваться с коммунистическим Китаем, их стремлением противопоставить себя КНР и ассоциировать себя с западным обществом, которое разделяет либерально-демократические ценности. Помимо этого, вопрос «женщин для утешения», в отличие от инцидента 28 февраля 1947 г., не являлся сугубо внутренней проблемой интерпретации собственной истории, а был связан также и с внешней политикой — с отношениями со своими стратегическими партнерами, США и Японией, тесные связи с которыми для КР до сих пор жизненно необходимы. Следует также учитывать, что про-тайваньски настроенные политические силы в Японии, на поддержку которых может рассчитывать Тайбэй, состоят преимущественно из представителей консервативного крыла, которые нередко выступают инициаторами пересмотра истории японского колониализма и «приукрашивания» негативных проявлений внешней политики Японии в военное время. Иными словами, для Тайваня, не обладающего такими же рычагами воздействия на своих партнеров, какие есть, скажем, у КНР, актуализация проблемы «женщин для утешения» оказывается крайне невыгодной и сопряженной с риском потерять внешнеполитическую поддержку.

Вопросы исторического прошлого в период активного взаимодействия Токио и Тайбэя при президенте Чэнь Шуйбяне (2000–2008)

Связи между Токио и Тайбэем значительно активизировались после победы на президентских выборах в 2000 г. представителя Демократической прогрессивной партии (ДПП), сторонника получения Тайванем независимости Чэнь Шуйбяня (陳水扁). В отличие от своего предшественника Ли Дэньхуэя, новый президент КР в большей мере склонялся в отношениях с Японией в политическую и военно-strate-

гическую сферу сотрудничества, что еще больше усилило прояпонскую и антикитайскую риторику на Тайване как во внешней, так и во внутренней политике.

Период правления ДПП в начале 2000-х годов характеризуется стремлением Тайбэя к углублению политических отношений с Токио, помимо этого, КР стала проявлять интерес к сотрудничеству по военной линии, в это же время произошло значительное расширение официальных контактов между политиками, возникло множество организаций, направленных на укрепление двусторонних связей, в их числе: Ассоциация дружбы Японии и Тайваня (臺日友好協會), Союз дружбы между парламентариями Японии и Тайваня (臺日國會議員友好聯盟), в Законодательном юане была создана межпартийная группировка «Общество дружбы и взаимодействия с Японией» (臺日交流聯誼會) [Гордеева 2012: 40]. В это же время увеличился интерес японских СМИ к Тайваню — ведущие японские новостные агентства поддерживали тесные контакты с тайваньским Центральным агентством новостей (CNA) и другими СМИ. Они обычно представляли КР как «успешную, процветающую и демократическую» страну, а их, как правило, позитивные репортажи о жизни острова во многом способствовали созданию положительного имиджа Тайваня в Японии [Гордеева 2015: 79].

На фоне ухудшения отношений Токио и Пекина при премьер-министре Коидзуми Дзюнъитиро (2001–2006) Япония стала больше склоняться к идее укрепления политических связей с КР и поддержки ее стремления к представительству в международных организациях. Японская сторона способствовала вступлению Тайваня в организации экономического профиля — АТЭС, Азиатский банк развития, ВТО, а также оказывала содействие в попытках вступить во Всемирную организацию здравоохранения¹. Вместе с тем Токио не спешил поддерживать Тайбэй становиться участником крупных международных организаций, занимающихся в том числе и решением политических

¹ Еще в мае 2000 г. Япония предложила рассмотреть кандидатуру Тайваня для вступления в ВОЗ, а в 2003 г. в период эпидемии SARS подтвердила свою поддержку КР в ее попытке вступить туда в качестве наблюдателя. Похожая ситуация сложилась и в 2020 г., когда в период пандемии COVID-19 Тайбэй, заявивший об эффективной борьбе с вирусом, вновь попытался вступить в эту организацию, в чем его вновь поддержала Япония (вступлению Тайваня в ВОЗ неизменно противодействует КНР). Жи бэнь дуй тай вань цань юй ши цзе вэй шэн цзу чжи дэ чжи чи (Япония поддерживает стремление Тайваня вступить во Всемирную организацию здравоохранения) // Pans Today. 20.05.2020. URL: <https://parstoday.com/zh/news/world-i52241> (дата обращения: 28.10.2020).

вопросов — таких, как ООН или региональный форум АСЕАН [Lam Peng-Er 2004: 261].

Тесное взаимодействие Токио и Тайбэя, несомненно, оказывало влияние и на подход тайваньского руководства к решению проблем исторического прошлого. Чэнь Шуйбянь полностью разделял позицию своего предшественника Ли Дэньхуэя, который считал, что японское колониальное правление имело больше положительных проявлений, чем отрицательных, и, в сравнении с авторитарной властью Гоминьдана в первые десятилетия после войны, дало острову гораздо более существенное развитие как в экономике и промышленности, так и в сфере просвещения, законодательного регулирования и здравоохранения.

В оценках японского колониализма были практически полностью исключены его отрицательные стороны, делался акцент на модернизации острова, поэтому термины «угнетение» (壓迫), «дискриминация» (歧視) и «оккупация» (占領) из текстов учебников по истории были удалены. Если раньше колониальное правление и восстановление китайской власти на острове выступали на контрасте в виде «японская оккупация» (日據) и «славное возрождение (Тайваня)» (光復), то теперь они были заменены на менее эмоциональные термины — «японское правление» (日治) и «переход под контроль Гоминьдана» (國民黨的接收). В описание событий 28 февраля 1947 г. было добавлено много дополнительного материала, проводилось сравнение колониального правления при японцах и послевоенного китайского правления. Что касается оценки режима Гоминьдана в 1980–1990-е годы, то в учебниках превалировала нейтральная позиция — с одной стороны, подтверждалось, что власти активно развивали экономику и промышленность, с другой стороны, их критиковали за недостаточно демократические методы управления (He Yinan 2014: 484).

В начале 2000-х годов вопросы исторического прошлого были в числе основных проблем во взаимодействии Японии со странами Азии. В первую очередь это касалось отношений с КНР и Южной Кореей, которые были возмущены регулярными посещениями синтоистского святилища Ясукуни японским премьер-министром Дз. Коидзуми. После таких визитов Пекин обычно заявлял официальный протест, иногда отменяя запланированные встречи с японскими коллегами и прекращая действие некоторых совместных проектов. Руководство Тайваня реагировало на посещение Ясукуни гораздо спокойнее, обычно в таких случаях власти КР призывали проявить терпимость и смотреть в будущее без оглядки на спорные вопросы прошлого. В своих

заявлениях Тайвань подтверждал усилия послевоенной Японии в поддержании мира и стабильности в АТР¹.

Проблема Ясукуни не стала актуальной на Тайване главным образом потому, что она не имела прямого отношения к колониальной политике японцев на острове. Почитание в этом храме воинов, павших в бою за свою страну и императора, в том числе и тех, кто проводил захватническую политику в странах Азии в период Второй мировой войны, практически никак не затрагивало чувства тех тайваньцев, которые в военные годы продолжали жить под контролем колониальных властей, оставаясь в составе Японской империи. Известно, что в военный период около 200 тыс. тайваньцев воевали на стороне Японии, в том числе и добровольцы, из них погибло примерно 30 тыс. человек, имена которых также были внесены в списки поминаемых в храме [Lam Peng-Er 2004: 252]. Неоднозначное отношение тайваньцев к проблеме святилища Ясукуни проявилось в 2005 г., когда председатель Тайваньского союза солидарности Су Цзиньцян (蘇進強) совершил паломничество в этот храм. Визит ожидаемо вызвал резкую критику со стороны КНР и Гоминьдана, однако общественного резонанса этот инцидент не получил [He Yinan 2014: 488].

Дискуссии по поводу дальнейшего политического курса КР, выход на передний план проблемы «тайваньской идентичности» и переосмысление в связи с этим собственной истории приобрели особенно острый характер в ходе споров относительно проблемы «женщин для утешения», вспыхнувших в феврале—марте 2001 г. Поводом послужило заявление тогдашнего советника президента Сю Вэньлуна (許文龍) о том, что эти женщины, возможно, не подвергались насилию во время их пребывания на «станциях для утешения». Само заявление не было официальным, а было озвучено его автором в конце 2000 г. в интервью известному художнику-карикатуристу, представителю консервативного крыла Кобаяси Ёсинори (小林善紀), который включил его в свою книгу-комикс по мотивам некоторых эпизодов тайваньской истории («О Тайване» 臺灣論). В книге были описаны достижения колониальных властей на Тайване, их особая роль в модернизации и просвещении жителей острова, однако вместе с этим комикс содержал провокационные иллюстрации, в которых преуменьшались или искажались негативные стороны японского правления (в частности, было указано, что в 1930—1940-х годах девушки добровольно отправлялись на «станции для утешения»).

¹ Taiwan News. 2002. April 24.

Книга «О Тайване» была основана на материалах из интервью Ё. Кобаяси с рядом тайваньских политиков и бизнесменов, которые поддерживали идею независимости Тайваня и были настроены прояпонски. В числе таких людей оказался не только Сю Вэньлун, основатель и бывший глава торгово-промышленной корпорации Ци Мэй (奇美集團), но и другие гиганты бизнеса, например крупный предприниматель, активный сторонник юридического отделения Тайваня от КНР и спонсор ряда объединений, добивавшихся независимости КР, Цай Куньцань (蔡焜燦), который неоднократно заявлял о важности опыта японской модернизации на Тайване [Sejrup 2016: 86]. После того как тайваньское издательство Avanguard (前衛出版社) опубликовало китайский перевод книги Ё. Кобаяси [Кобаяси 2001], Сю Вэньлуна подвергли жесткой критике, которая была адресована ему не только как представителю властей и правящей ДПП, но и как одному из тайваньских предпринимателей, которые не только проявили излишнюю толерантность к «японским выходкам», но и были лишены всякого чувства национальной гордости. При этом критики нередко апеллировали к той самой «тайваньской идентичности», о которой повествовалось в книге, но которую они, по-видимому, понимали иначе, чем автор комиксов. В частности, представители Гоминьдана заявляли, что «Сю Вэньлун заискивает перед японцами», тем самым «ущемляя национальную гордость тайваньцев и заставляя их терять свою национальную идентичность»¹.

Одновременно с нарастанием критики советника президента и публикацией в некоторых СМИ призывов бывших «женщин для утешения» снять с должности Сю Вэньлуна в его поддержку высказывались активисты, выступавшие за независимость Тайваня. В частности, другой советник Чэнь Шуйбяня, Цзинь Мэйлин (金美齡), активная сторонница отделения КР от материкового Китая, пояснила, что Сю Вэньлун не имел в виду, что все «женщины для утешения» добровольно «служили» в японской армии. Она также заявила, что до сих пор нет достаточных доказательств для того, чтобы сказать наверняка, что те женщины подвергались насилию, поэтому все дискуссии на эту тему сильно политизированы и представляют собой не более чем разыгрывание «исторической карты» против Японии. В ответ на это заявление противники независимости КР обвиняли власти Тайваня и ДПП в том, что они «оправдывают японский милитаризм», и требовали снять

¹ Чжун го ши бао. 2001. February 22.

с должности обоих советников президента¹. В условиях нарастания общественного недовольства Сю Вэньлун принес извинения за свое высказывание, а Ё. Кобаяси был объявлен на Тайване *persona non-grata*². Однако после этого власти подверглись критике со стороны «зеленой» коалиции³ из-за ущемления их прав на свободу слова, поэтому санкции в отношении автора комикса вскоре были отменены и критика администрации Чэнь Шуйбяня понемногу сошла на нет.

Таким образом, историческая проблема «женщин для утешения», а вместе с ней и вопрос о национальной идентичности тайваньцев перешли в область политики, став поводом для межпартийной критики и выяснения отношений между сторонниками и противниками независимости Тайваня. Критика Сю Вэньлуна имела в большей мере внутриполитический подтекст и, как отмечают исследователи, была использована Гоминьданом для дискредитации власти ДПП [Suzuki 2011: 242]. Более того, некоторые ученые придерживаются мнения о том, что Гоминьдан осознанно муссировал проблему *вэйаньфу*, чтобы противопоставить ее памяти об инциденте 28 февраля 1947 г., который являлся сильным фактором для сплочения «тайванецентричных» сил и сторонников отделения КР от материкового Китая [Fleischauer 2007: 384].

Так или иначе, дискуссии вокруг публикации книги Ё. Кобаяси свидетельствовали об отсутствии консенсуса в тайваньском обществе по вопросам исторического прошлого, а сложившаяся политическая подоплека этих дискуссий установила определенные ограничения для тех активистов, которые пытались поднять вопрос о «неприглядных» сторонах японского правления. Теперь такие общественные деятели все чаще стали восприниматься тайваньцами как проводники политики Гоминьдана. На фоне значительного ослабления интереса общества к обсуждению японского колониального наследия движение за права «женщин для утешения» также постепенно сходило на нет, становясь все менее популярно среди населения.

Говоря о влиянии «дела Сю Вэньлуна» на японо-тайваньские отношения, можно с уверенностью сказать, что Токио и Тайбэй сохра-

¹ Чжун ян жи бао. 2001. March 9.

² Тай вань дан цзюй цзюэ дин цзинь чжи «Тай вань лунь» цзо чжэ сяо линь шань цзи фу тай (Тайваньские власти приняли решение о запрете въезда на Тайвань для автора книги «О Тайване» Кобаяси Ёсинори) // Sohu.com. URL: <http://news.sohu.com/97/43/news144224397.shtml> (дата обращения: 28.10.2020).

³ «Зеленая» коалиция (绿营) — группа политических партий на Тайване во главе с ДПП, выступающая за независимость острова. Оппозиционная ей группа партий — «синяя» коалиция (蓝营) во главе с Гоминьданом, которая отстаивает идею объединения Тайваня с материковым Китаем.

нили тот же уровень политических и экономических контактов без каких-либо изменений. Японские СМИ, освещая вспыхнувшие на Тайване дискуссии по поводу «женщин для утешения», подчеркивали, что эти споры не затрагивают дружественные отношения Японии и КР [Lam Peng-Er 2004: 251]. Неслучайно основная критика по вопросу *вэйаньфу* на Тайване была адресована Сю Вэньлуну, а не японским властям, которые позволили выйти в свет провокационной книге-комиксу. Критику представителей консервативного крыла японского истеблишмента в этот период можно найти лишь в публикациях китайских СМИ¹.

Очевидное смещение в приоритетах внешней политики Тайваня в 1990-х и начале 2000-х годов в сторону Японии и вместе с этим культивирование среди жителей острова особой островной идентичности, которая совмещала в себе элементы как китайской, так и японской традиции, были обусловлены не столько стремлением сильно сблизиться с Японией, сколько желанием максимально отдалиться от материкового Китая. Поэтому тема исторического прошлого — модернизация острова в период колониального правления — стала важным аргументом в пользу уникальности истории и культуры Тайваня, а значит, и перспектив его развития в статусе независимого государства. Проблема «женщин для утешения» если и проявлялась на Тайване, то оставалась на уровне общественных дискуссий в пределах острова, не имея существенного влияния на отношения между Токио и Тайбэем.

Обновление исторической памяти в период президентства Ма Инцзю (2008–2016)

Победа Ма Инцзю (馬英九) на выборах в 2008 г. означала возвращение к власти Гоминьдана после восьмилетнего правления ДПП. Внешняя политика Тайваня с этих пор характеризовалась значительной сдержанностью в его отношениях с материковым Китаем и желанием избежать конфликтных ситуаций для построения взаимовыгодного сотрудничества. Если в предыдущие годы власти проводили прояпонскую политику, ориентируясь на тесные связи с Токио при президентах Ли Дэньхуэ и Чэнь Шуйбяне, то Ма Инцзю придерживался «золотой середины», стремясь развивать одинаково хорошие отношения как

¹ The Straits Times. 2001. February 28; Жэньминь жибао. 2001. March 2; Жэньминь жибао. 2001. March 3; Жэньминь жибао. 2001. March 4; Жэньминь жибао. 2001. March 6.

с Японией, так и с КНР. На фоне предыдущих 20 лет, когда политика КР носила явно антикитайский характер, в результате чего отношения Тайбэя и Пекина существенно осложнились, политический курс Ма Инцзю стал «прекращением огня» в противостоянии КР и КНР. Новый президент избрал политику соблюдения «Консенсуса 1992 г.» (договоренности, предполагающей признание обеими сторонами единства и единственности Китая: «Китай и Тайвань — не отдельные государства» 一个中国, 各自表述), что предполагало возврат японо-тайваньских отношений к формату полностью неофициальных.

В период правления Ма Инцзю КР впервые за долгие годы вновь стала заявлять о своих претензиях на острова Дяоюйдао/Сэнкаку — группу из восьми островов в Восточно-Китайском море, суверенитет над которыми помимо Тайваня оспаривают Япония и КНР. Претензии КР в отношении этих территорий основываются на тех же аргументах, которые приводит КНР в свою пользу: в эпоху Цин острова были частью китайской провинции Тайвань, впоследствии по итогам японо-китайской войны 1894—1895 гг. они в составе этой провинции перешли Японской империи и потом так и остались закрепленными за Тайванем, от которого по итогам Второй мировой войны отказалась Япония. В силу того что по условиям Сан-Францисского мирного договора 1951 г. статус Тайваня остался неопределенным, КР считает острова Дяоюйдао/Сэнкаку своей территорией, а КНР — своей, вместе с Тайванем и прочими прилегающими к нему более мелкими островами.

КР впервые заявила о том, что она имеет право на эксплуатацию запасов нефти на шельфе в районе этих островов, в 1969 г., вскоре после того, как там обнаружили запасы углеводородов. В 1970 г. тайваньские власти объявили острова принадлежащими КР. В 1971 г., в период подготовки договора о передаче американской администрацией островов Рюкю (вместе с островами Сэнкаку) под юрисдикцию Японии, власти КР выступили против подписания этого соглашения, считая включение Дяоюйдао в состав японской префектуры Окинава незаконным [Киреева 2013: 4—5]. С этого момента Тайвань, так же как и КНР, стал оспаривать суверенитет над островами Дяоюйдао.

В самом начале 1970-х годов после пролонгации японо-американского Договора безопасности в 1970 г. и возвращения Японии Окинавы по договору 1971 г. возникло «Движение в защиту островов Дяоюйдао» (*баодяо* 保釣/保釣愛國運動) — патриотическое движение в защиту суверенитета Китая над этими территориями, объединяющее активистов в материковом Китае, Макао, Гонконге, на Тайване и китайскую диаспору за рубежом. Участники движения *баодяо* регулярно проводили

акции протеста, приближаясь на катерах и рыболовецких судах к спорным территориям, нередко совершая попытки высадки на берег¹.

Одним из подобных инцидентов стало потопление корабля движения *баодяо* 10 июня 2008 г., когда рыболовецкое судно КР «聯合號» столкнулось с японским патрульным катером вблизи островов Дяюйдао/Сэнкаку, в результате чего тайваньское судно было пробито и затонуло. Реакция властей Тайваня после этого инцидента была достаточно жесткой — МИД опубликовал официальное заявление из четырех пунктов, основной смысл которых следующий: острова Дяюйтай являются территорией Китайской Республики; КР неизменно защищает суверенитет над этими территориями; власти Тайваня заявляют решительный протест в связи с задержанием судна, нанесением ему вреда и арестом капитана корабля; КР требует от японской стороны прекратить задержание капитана судна, извинений и возмещения материального ущерба; Тайвань намерен укрепить боеспособность таможенной патрульной службы². На следующий день после публикации этого заявления японская сторона выпустила из-под ареста капитана рыболовецкого судна и принесла свои извинения за случившееся. Вместе с тем 14 июня Токио также опубликовал заявление, в котором он возлагал вину за инцидент на экипаж тайваньского судна и, в свою очередь, тоже требовал компенсаций. В ответ на это КР отозвала своего официального представителя в Японии [He Yinan 2014: 495].

Это был первый случай за предшествующие 20 лет, когда власти КР официально заявили о своей принципиальной позиции по вопросу принадлежности островов. Инцидент с потоплением тайваньского корабля вызвал волну протеста под началом активистов движения *баодяо*. 15 июня 2008 г. участники этого движения одновременно вышли в море на катерах из портов Гонконга, Тайваня и КНР (из г. Сямэня) и в качестве акции протеста проплыли вблизи островов Дяюйдао (тайваньское судно обогнуло острова). Важной особенностью этой акции

¹ Впоследствии активисты этого движения стали присоединяться к антияпонским протестам в Китае и за рубежом, не связанным напрямую с территориальным спором.

² Чжэнь дуй жи бэнь хай шан бао ань тин сюнь ло цзянь чжуань чэнь во го хай дяо чуань лянхэ хао ши цзянь вай цзяо бу чжан оу хун лянхэ чжао цзянь жи бэнь цзяо лю се хуэй дай бяо чи тянь вэй бяо да янь чжэн кан и (Министр иностранных дел Оу Хунлянь во время встречи с представителем Ассоциации по взаимным обменам Икэда Тадаси выразил решительный протест в связи с инцидентом потопления тайваньского рыболовецкого судна «Лянь хэ» в результате его столкновения с патрульным кораблем береговой охраны Японии) // МИД КР. 12.06.2008. URL: https://www.mofa.gov.tw/News_Content_M_2.aspx?n=8742DCE7A2A28761&sms=491D0E5BF5F4BC36&s=312E81BE37A69132 (дата обращения: 04.08.2020).

было то, что тайваньская сторона хотя формально и участвовала в ней, однако постаралась максимально дистанцироваться от остальных активистов — судно прошло в сопровождении фрегата в тот же день, но в другое время, на борту корабля могли присутствовать только тайваньцы, кроме того, власти КР заявляли, что Тайвань отстаивает свой суверенитет над островами и защищает права тайваньских рыбаков, которые столетиями занимались рыбной ловлей в районе этих островов. Акция прошла без каких-либо происшествий, однако Токио впоследствии осудил Тайбэй за вторжение в территориальные воды Японии [He Yinan 2014: 494–495].

Довольно жесткая реакция Тайбэя на инцидент с потоплением рыбацкого судна была не столько показателем того, что КР кардинально пересматривает свое отношение к Японии, сколько стремлением показать, что Гоминьдан гораздо решительнее, чем ДПП, отстаивает интересы Тайваня на международной арене. Одновременно с этим тайваньские власти давали понять, что не желают выступать с КНР «единым фронтом» и противопоставлять КР Японии, находясь при этом в «одном лагере» с материком. Традиционное давление со стороны Пекина на власти КР примкнуть к антияпонским акциям в моменты, когда японо-китайские отношения обострялись на почве вопросов исторического прошлого (в частности, территориального спора), снова привело к тому, что Тайвань демонстративно отделился от материка, заявив о «собственном споре с КНР» [Гордеева 2015: 109–110].

Вместе с тем нагнетание напряженности в японо-тайваньских отношениях после инцидента с потоплением судна не поддерживалось широкой общественностью в КР — президента критиковали за излишне строгие меры по отношению к Токио и сознательное осложнение двусторонних отношений. Впрочем, Ма Инцзю не собирался отказываться от тесных торгово-экономических связей с Японией. Президент заявлял, что является «лучшим другом» этой страны, и прилагал значительные усилия для укрепления двусторонних связей. Характеризуя японо-тайваньские отношения как «специальное партнерство», президент КР способствовал поддержанию контактов между Токио и Тайбэем в различных областях, несмотря на их неофициальный статус [Цзя Чаовэй 2011: 106–107].

Обострение отношений между Токио и Пекином в 2010–2012 гг. по вопросу принадлежности островов Дяюйдао/Сэнкаку в целом практически не отразилось на характере того же территориального спора между Токио и Тайбэем — позиция Тайваня оставалась прежней: КР будет отстаивать свой суверенитет над островами, так как она обязана «защи-

шать права тайваньских рыболовов, веками осуществлявших рыбный промысел в районе островов Дяюйтай», кроме того, Тайвань намеревался решать вопрос островов «в соответствии с собственными национальными интересами»¹. За период 2010–2012 гг. тайваньские участники движения *баодяо* на катерах и рыболовецких судах несколько раз проводили акции протеста, подплывая к островам, иногда пытаясь на них высадиться и объявляя через громкоговорители о принадлежности островов Дяюйтай Китайской Республике. Японские патрульные корабли береговой охраны, в свою очередь, заставляли тайваньские корабли развернуться обратно и препятствовали высадке активистов на берег. В этих случаях Токио обычно заявлял в устной форме о неприемлемости нарушения тайваньской стороной суверенитета Японии над островами.

Следует отметить, что акции протеста, как правило, проходили после обострения отношений Токио и Пекина. Например, после инцидента со столкновением китайского рыболовецкого судна с патрульными кораблями береговой охраны Японии 7 сентября 2010 г. тайваньские корабли в ответ на это происшествие 13 сентября также приблизились к островам Дяюйдао/Сэнкаку. После национализации Японией спорных территорий 11 сентября 2012 г. тайваньские участники «Движения в защиту островов Дяюйдао» 25 сентября провели свою акцию протеста: 50 кораблей под лозунгами движения *баодяо* (рыболовецкие суда с надписями «Острова Дяюйтай — тайваньские») в сопровождении 10 патрульных катеров вошли в 12-мильную зону вокруг островов².

Для урегулирования вопроса о праве ведения рыболовного промысла тайваньскими судами в районе Дяюйдао/Сэнкаку Япония неоднократно выступала с предложением о предоставлении КР особых условий для ловли рыбы в этом районе. Тайваньские власти, как правило, отклоняли эти предложения под предлогом того, что КР отстаи-

¹ Жи бэнь цзяо лю се хуэй ли ши чжан цзинь цзин чжэн бай хуэй вай цзяо бу бу чжан ян цзинь тянь шо мин жи бэнь чжэн фу «го ю хуа» дяо юй тай ле юй чжэн цэ (Глава Ассоциации по взаимным обменам Имаи Тадаси во время встречи с министром иностранных дел Ян Цзиньтянем прокомментировал «национализацию» японским правительством группы островов Дяюйтай) // МИД КР. 25.09.2012. URL: https://www.mofa.gov.tw/News_Content_M_2.aspx?n=8742DCE7A2A28761&sms=491D0E5BF5F4BC36&s=7ACE3D5DDE29D6DA (дата обращения: 04.08.2020).

² Тай юй чуань цзинь жу дяо юй дао хай юй, сянь жи хань хуа: чжэ ши тай вань лин ту (Тайваньское рыболовецкое судно зашло в акваторию, прилегающую к островам Дяюйдао, и открыто заявило: «Это территория Тайваня») // Тэн сюнь синь вэнь. 25.09.2012. URL: <https://news.qq.com/a/20120925/000802.htm> (дата обращения: 04.08.2020).

вает собственный суверенитет над островами и, следовательно, имеет полное право заниматься рыбным промыслом вблизи этих островов. Впрочем, 10 апреля 2013 г. японо-тайваньское соглашение о рыболовстве все же было подписано. По условиям этого договора Тайвань мог вести беспрепятственную ловлю рыбы в акватории, прилегающей к островам Дяюйдао/Сэнкаку (на морском пространстве площадью примерно 4,5 тыс. кв. км), вместе с тем заходить в 12-мильную территориальную зону судам КР запрещалось¹.

Подписание японо-тайваньского соглашения о рыболовстве, которое значительно снизило напряженность в отношениях между Токио и Тайбэем по вопросу спорных территорий, вызвало резкое осуждение со стороны КНР. Раздражающим фактором для Пекина являлось не только то, что Тайвань отказывался на какое-то время оспаривать у японской стороны принадлежность Дяюйдао/Сэнкаку, но и сам факт проведения японо-тайваньских переговоров. Хотя эти переговоры проходили под эгидой неофициальных представительств и позиционировались как неофициальные, в них тем не менее принимали участие сотрудники официальных ведомств (в том числе МИДа) Японии [Гордеева 2015: 110].

В условиях переориентации внешней политики Тайваня с японо-американского направления на более сбалансированные отношения с КНР при сохранении тесных связей со своими стратегическими союзниками Ма Инцзю занял более «центристскую» позицию и в отношении «тайваньской идентичности» — проблемы, которая предыдущие десятилетия была неразрывно связана с аспектами как внутренней, так и внешней политики КР. Президент акцентировал внимание на китайской составляющей национальной идентичности жителей острова, что проявлялось в более расширенном изучении китайской истории и культуры молодым поколением тайваньцев. Путем того, что жителям напоминали об их китайских корнях, власти стремились лишить основы идею независимости Тайваня, которая базировалась на исторической и культурной уникальности острова. В период правления Ма Инцзю было популярно считать себя и китайцем, и тайваньцем (более 50% населения), по крайней мере, доля тех, кто считал себя только тайваньцем, существенно снизилась по сравнению с тем, как было до 2008 г. [He Yinan 2014: 491–492].

¹ The Implications of the Japan-Taiwan Fisheries Agreement // Nippon.com. 05.06.2013. URL: <http://www.nippon.com/en/currents/d00081> (accessed: 04.08.2020).

Власти КР вновь подняли вопрос о сопротивлении тайваньцев колониальной администрации и связи этого сопротивления с анти-японской борьбой всего китайского народа в период 1937–1945 гг. В 2011 г. в Тайбэе был открыт мемориал, посвященный победе в анти-японской войне и «славному возрождению» Тайваня (抗日戰爭勝利暨臺灣光復紀念碑), где был отмечен вклад острова в дело борьбы с японскими захватчиками¹. В 2015 г. Ма Инцзю выступил с инициативой отметить 70-летие окончания Второй мировой войны и годовщину победы Тайваня над Японией, однако это предложение вызвало неоднозначную реакцию в обществе — в частности, бывший президент КР Ли Дэньхуэй, выступавший против этой идеи, в качестве аргумента приводил тот факт, что Тайвань, в отличие от материкового Китая, не находился в состоянии войны с Японской империей [Norrens 2018a: 55].

В целом японское правление в учебниках истории оценивали достаточно нейтрально — хотя термин «оккупация» был возвращен в текст и вновь упоминалось об угнетении и дискриминации жителей острова, было уделено значительное внимание успехам колониальной администрации, модернизации и просвещению Тайваня [He Yinan 2014: 491]. В подтверждение того, что тайваньцы помнят и ценят усилия колониальных властей по благоустройству острова, в 2011 г. в Тайнани был открыт еще один памятник — известному японскому инженеру Хатта Ёити (八田與一), под руководством которого на острове было налажено водоснабжение, сооружены водохранилища, ирригационные системы, водоотводы, создана система канализации в Тайбэе².

¹ Мемориал был запланирован к установке еще в 1995 г., к 50-й годовщине окончания Второй мировой войны, однако из-за сопротивления части общества он был установлен лишь в 1999 г., причем по решению Законодательного юаня монумент остался без какой-либо надписи под предлогом того, что история антияпонского сопротивления имеет слишком дискуссионный характер для того, чтобы быть четко интерпретированной. В 2011 г. памятная надпись была установлена, мемориал был открыт заново.

² В апреле 2017 г. статуя была обезглавлена сторонниками объединения Тайваня с КНР, однако в течение одного месяца памятник был отреставрирован и торжественно открыт вновь в присутствии потомков Хатта Ёити. Этот случай вызвал неоднозначную реакцию в обществе — после инцидента с памятником Хатта Ёити некоторые статуи Сунь Ятсена и Чан Кайши были обезглавлены и облиты краской. Тайнань «ба тянь юй и тун сянь» цзао кань тоу («Бронзовая статуя Хатта Ёити» в Тайнани обезглавлена) // Huaxia.com 19.04.2017. URL: <http://www.huaxia.com/jjtw/jjtd/jrtw/04/5283355.html> (дата обращения: 04.08.2020).

Неизменно хорошее отношение тайваньцев к японцам, которое проявляли жители острова на протяжении всего послевоенного периода вне зависимости от текущей внутривластной обстановки, подтверждалось результатами социологических опросов и в период правления Ма Инцзю. Причем ответные благоприятные чувства японцев по отношению к тайваньцам значительно усилились в период обострения отношений Пекина и Токио в 2010–2012 гг. — количество тех, кто симпатизировал жителям КР, оказалось даже больше, чем в период особенно тесных японо-тайваньских связей при президенте Чэнь Шуйбяне (около 70% японцев испытывали симпатию по отношению к жителям КР). В это же время 52% тайваньцев считали Японию наиболее привлекательной для них страной («любимой страной»), изъявляли желание поехать туда в качестве туристов — 44% и более 60% заявили о чувстве близости к Японии [Гордеева 2015: 91–92]. При этом многие считали, что в будущем Тайваню следует развивать более тесные отношения с КНР, а не с Японией, как это было ранее [He Yinan 2014: 492]. Все это говорит о том, что тайваньцы выступали за поддержание хороших отношений с материковым Китаем не из-за того, что чувствовали антипатию к Японии или ощущали себя «больше китайцами, чем тайваньцами», а скорее потому, что не желали обострения ситуации в Тайваньском проливе. Еще раз отметим, что в данном случае некоторое улучшение отношения жителей КР к материковому Китаю никак не повлияло на традиционно высокие показатели имиджа Японии на Тайване.

По мере укрепления связей с материковым Китаем Ма Инцзю, имевший и ранее репутацию прокитайского политика, со временем все больше стал восприниматься обществом как проводник интересов КНР на Тайване. Значительное падение его рейтинга к концу второго президентского срока ожидаемо привело к возобновлению популярности идеи «тайваньской идентичности» на антикитайской основе, усилению симпатий жителей Тайваня к Японии и склонности общества поддержать на предстоящих выборах ДПП. Хотя сами по себе вопросы исторического прошлого в 2008–2016 гг. не мешали развитию японо-тайваньского сотрудничества, на фоне разочарования населения в прокитайской политике президента, его более сбалансированный подход в интерпретации вопросов прошлого тоже перестал устраивать общественность. Критика Ма Инцзю не ограничивалась только лишь внутривластными аспектами и «китайским фактором», недовольство стала вызывать и его принципиальная позиция по территориальному спору с Японией. Это касалось не только

инцидентов с заходом тайваньских судов в зону островов Дяоюйдао/Сэнкаку, но и появившегося в самом начале 2016 г. спора между тайваньской и японской сторонами по поводу определения кораллового атолла Окинотори, расположенного в территориальных водах Японии. Тайбэй заявил о том, что этот атолл является не островом, как считает Токио, а скалой, что исключает возможность отсчитывать от его границы исключительную экономическую зону (этой же позиции придерживается и КНР) [Norrens 2018a: 55].

Важно отметить, что в 2010-х годах существенным фактором в формировании внешней и внутренней политики КР являлась усиливающаяся в регионе роль материкового Китая, который более активно стал претендовать не только на региональное, но и на мировое лидерство. Принципиальная позиция КНР по спорным территориальным вопросам, более пристальное внимание Пекина к Тайваньскому вопросу и значительное осложнение японо-китайских отношений в 2010–2013 гг., по сути, подталкивали КР к укреплению связей с японо-американским альянсом и решительному отказу от навязываемой экономической интеграции с материком и, как следствие, приводили к усилению прояпонских настроений в обществе и желанию Тайваня быть «ближе» к Японии, нежели к Китаю.

Уверенная победа ДПП на президентских и парламентских выборах в 2016 г., которая означала возвращение к власти сторонников укрепления связей КР с США и Японией, подтвердила намерение тайваньского общества дистанцироваться от коммунистического Китая и двигаться дальше по пути демократического развития. После вступления в должность нового президента от партии ДПП Цай Инвэнь (蔡英文) японо-тайваньские отношения ожидаемо получили большое развитие, а вопросы исторического прошлого были еще больше «приглушены» на фоне укрепления столь важных для Тайбэя связей с Токио.

«Приглушение» проблем исторического прошлого на фоне активизации японо-тайваньского взаимодействия при президенте Цай Инвэнь

Активное укрепление связей Тайваня со своими главными союзниками — США и Японией — было обусловлено стремлением КР дистанцироваться от материкового Китая как в политическом, так и в экономическом плане. Обеспокоенность в обществе по поводу излишне

тесных связей с КНР, которые были установлены в период президентства Ма Инцзю, и опасения «поглощения» китайской экономикой Тайваня привели к тому, что КР вновь переориентировалась на своих западных партнеров и Японию. Стремление отдалиться от материка и диверсифицировать экономические связи проявилось в особой позиции нового руководства КР по отношению к КНР: Цай Инвэнь не приемлет политику «одного Китая» и не признает «Консенсус 1992 г.», на базе которого осуществлялись контакты с материковым Китаем, и выступает за выработку нового соглашения. Цай Инвэнь не поддерживает идею приобретения Тайванем независимости *de jure*¹ (в отличие от предыдущего президента от ДПП Чэнь Шуйбяня), но вместе с тем предпринимает ряд мер, направленных на «расширение» международного пространства для Тайваня (в частности, стремление КР к представительству в международных организациях, налаживание экономического и научно-технического сотрудничества со странами Европы и ЮВА), иными словами, как образно описывают эту ситуацию некоторые зарубежные исследователи, «*making Taiwan matter*» (стремится «сделать Тайвань значимым (для остальных стран мира)»)².

Непризнание новым руководством Тайваня «Консенсуса 1992 г.» стало одной из главных причин осложнения отношений с материковым Китаем, который принял решение прекратить контакты с островом по линии двух важнейших ведомств, отвечающих за взаимодействие между Пекином и Тайбэем, — Ассоциации за развитие связей между берегами Тайваньского пролива (со стороны КНР) и Фонда обменов через Тайваньский пролив (со стороны Тайваня)³, и ограничил туристические потоки с материка на остров⁴. Более того, с этого

¹ Некоторые исследователи полагают, что достаточно сдержанная позиция Цай Инвэнь по вопросу взаимодействия с КНР и отказ от претензий на юридическую независимость КР связана с опытом ее работы на предыдущей должности — главы Совета по делам материкового Китая при президенте Чэнь Шуйбяне. Вероятно, опыт выстраивания отношений между двумя берегами Тайваньского пролива заставляет Цай Инвэнь занять более прагматичную позицию (по сравнению с предыдущим президентом от ДПП) в отношениях с материком (Duchâtel 2017: 1–2).

² Taiwan's Tsai Ing-wen begins her second term amid a pandemic. Round table / J. deLisle, J. T. Dreyer, V. Wei-Cheng Wang, T. J. Shattuck // Foreign policy research Institute. URL: <https://www.fpri.org/article/2020/05/taiwans-tsai-ing-wen-begins-her-second-term-amid-a-pandemic/> (accessed: 09.01.2021).

³ РИА «Новости». 2016. 25 июня.

⁴ Выборы на Тайване в ноябре 2018 г.: победа Пекина или просчет администрации Цай Инвэнь? // Сайт РСМД. 10.12.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/danil-bochkov/34473/> (дата обращения: 09.01.2021).

момента власти КНР ставят предварительным условием «разморозки» отношений между китайскими и тайваньскими властями изменение устава ДПП, где Тайвань назван независимым государством [Дикарев 2021: 124]. Такое стремительное осложнение отношений с КНР оказалось вполне закономерным, учитывая, что последние несколько лет председатель Си Цзиньпин проводит более жесткую политику в отношении Тайваньского вопроса, демонстрируя решимость в достижении цели воссоединения материка и острова [Киреева 2019: 232–233].

Усугубляющим фактором в возникших противоречиях между КНР и КР стала активизация американо-тайваньского взаимодействия после прихода к власти Дональда Трампа. Телефонный разговор между Цай Инвэнь и победившим на выборах Д. Трампом в декабре 2016 г. и последовавшее за этим заявление в январе 2017 г. президента США о том, что принцип «одного Китая» остается дискуссионным вопросом, ожидаемо вызвало негативную реакцию Пекина. Обеспокоенность КНР в связи с активной поддержкой американскими властями стремления Тайбэя к самостоятельности еще больше усилилась после того, как в марте 2018 г. в США был принят Акт о путешествиях на Тайвань, который предоставил возможность посещать остров официальным лицам США любого уровня [Киреева 2019: 233]. Во всех этих действиях китайские власти усматривают фактическое нарушение американской стороной принципа «одного Китая»¹, а в укреплении сотрудничества между Вашингтоном и Тайбэем — угрозу изменению статус-кво в Тайваньском проливе.

В сложившейся ситуации внимание общественности и международных экспертов сосредоточено в основном на отношениях между Тайванем и КНР, американо-тайваньских и американо-китайских отношениях, а также роли США в осложнении обстановки в Тайваньском проливе. Реже говорят о взаимодействии между Токио и Тайбэем, хотя японо-тайваньские связи в определенной степени тоже сказываются на ситуации в Тайваньском проливе и, как правило, являются еще одним индикатором того, насколько самостоятельной позиционирует себя КР на международной арене. В настоящее время сближение между Токио и Тайбэем происходит на фоне явного ухудшения отношений Тайваня с материком и осложнения взаимоотношений между Пекином и Вашингтоном. Как отмечают некоторые эксперты, одним из факторов такого сближения является то, что политики, находившиеся у вла-

¹ South China Morning Post. 2018. March 17.

сти в 2016–2020 гг. в США и Японии (президент Д. Трамп и премьер-министр Абэ Синдзо), были настроены на значительное укрепление связей с Тайванем и были готовы усиливать кооперацию с Тайбэем, в том числе и по линии оборонных ведомств (в случае с США).

За период 2016–2020 гг. японо-тайваньские политические связи получили значительное развитие. Несмотря на недовольство Пекина в связи с укреплением контактов Токио с Тайбэем, японская сторона неоднократно проводила встречи с представителями тайваньских властей даже на фоне усилий КНР противодействовать этим встречам. В частности, несмотря на протест китайской стороны, на полях саммита АТЭС во Вьетнаме в ноябре 2017 г. состоялась полчасовая беседа С. Абэ со спецпредставителем Тайваня Джэймсом Суном (Сун Чуюем 宋楚瑜)¹. Помимо этого, состоялось несколько визитов на Тайвань японских политиков достаточно высокого уровня, в их числе: заместитель министра внутренних дел и коммуникаций Акама Дзиро, посетивший КР в марте 2017 г.², бывший премьер-министр Мори Ёсиро, который дважды за 2020 г. побывал на Тайване³, парламентарий Киси Нобуо⁴, также посетивший КР за 2020 г. дважды — в январе после переизбрания Цай Инвэнь на должность президента⁵, и в июле, когда он прибыл в составе японской делегации во главе с Мори Ёсиро для участия в церемонии прощания с бывшим президентом КР Ли Дэньхуэем⁶.

¹ Abe meets with Taiwan envoy at APEC summit despite warning from Xi // The Japan Times. 2017. November 12. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2017/11/12/national/politics-diplomacy/abe-meets-taiwanese-lawmaker-apec-summit-vietnam-despite-warning-xi/> (accessed: 09.01.2021).

² Japanese deputy minister visits Taiwan / Taiwan News. 25.03.2017. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3125546> (accessed: 09.01.2021).

³ МИД приветствует визит на Тайвань бывшего премьер-министра Японии Мори и членов возглавляемой им делегации // Тайваньская панорама. 2020. 21 сентября. URL: https://taipanorama.tw/news.php?post=185649&unit=133&utm_source=Taiwan%20Info%208&utm_medium=email&utm_content=Последние%20известия%20textlink (дата обращения: 09.01.2021); Чжун хуа ши бао. 09.08.2020.

⁴ Киси Нобуо (младший брат Абэ Синдзо) на протяжении долгого времени осуществлял контакты между тайваньским и японским руководством, возглавляет Ассоциацию парламентариев по продвижению экономических и культурных обменов между Японией и Тайванем.

⁵ President Tsai meets Japanese House of Representatives Member Nobuo Kishi // Сайт Администрации президента Китайской Республики. 12.01.2020. URL: <https://english.president.gov.tw/News/5955> (accessed: 09.01.2021).

⁶ Президент Цай обязуется хранить и развивать наследие покойного президента Ли // Тайваньская панорама. 2020. 22 сентября. URL: https://taipanorama.tw/news.php?post=185799&unit=133&utm_source=Taiwan%20Info%208&utm_

Визит на Тайвань в марте 2017 г. Акама Дзиро стал значимым событием в японо-тайваньских отношениях — это был первый визит чиновника такого высокого уровня с момента прекращения официальных отношений между Токио и Тайбэем в 1972 г. Формально заместитель министра приехал для участия в мероприятиях, посвященных культурным и туристическим обменам между Тайванем и Японией (в рамках проведения туристической ярмарки в Тайбэе), однако основной целью его визита было проведение консультаций с тайваньскими властями по вопросу отмены эмбарго на импорт японских продуктов из зон, пострадавших во время аварии АЭС в Фукусиме в 2011 г. В тайваньских СМИ приезд Акама Дзиро был представлен как подтверждение того, что Япония собирается поддерживать с Тайбэем тесные торгово-экономические отношения¹.

По мере укрепления связей между Токио и Тайбэем при президенте Цай Инвэнь проблема принадлежности островов Дяоюйдао/Сэнкаку не стояла на повестке японо-тайваньских отношений. Хотя КР формально продолжает отстаивать свой суверенитет над этими территориями, с тех пор, как Ма Инцзю подписал соглашение о рыболовстве 2013 г., Тайбэй, по сути, отказался от активного противостояния Токио в этом вопросе. Последние несколько лет не были отмечены какими-либо значимыми инцидентами. Исключением можно считать переименование района Тоносиро (префектура Окинава), к территории которого Япония относит острова Сэнкаку, в «Тоносиро Сэнкаку». Такое решение было принято властями города Исигаки (префектура Окинава) 22 июня 2020 г., после этого как материковый Китай, так и Тайвань выступили с решительным протестом². Еще в тот момент, когда в японских СМИ появилась информация о том, что вопрос о переименовании района был вынесен на повестку заседания городского совета, КР через свое представительство в г. Наха связалась с мэрией города и предупредила о недопустимости переименования без согласования

medium=email&utm_content=Последние%20известия%20textlink (дата обращения: 09.01.2021).

¹ Japanese deputy minister visits Taiwan // Taiwan News. 2017. March 25. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3125546> (accessed: 09.01.2021); Цзы ю ши бао. 25.03.2017. URL: <https://news.ltn.com.tw/news/politics/breakingnews/2016048> (accessed: 09.01.2021).

² Taiwan President Asserts Sovereignty Over Disputed Islands Claimed by Japan and China // The Diplomat. 2020. June 26. URL: <https://thediplomat.com/2020/06/taiwan-president-asserts-sovereignty-over-disputed-islands-claimed-by-japan-and-china/> (accessed: 09.01.2021); Чжун хуа ши бао. 22.06.2020.

с тайваньской стороной. Мэр города пояснил, что решение о смене названия было принято еще летом 2018 г. и лишь откладывалось до настоящего времени, сейчас же процесс переименования был ускорен в связи с участвовавшими случаями захода китайских судов в акваторию спорных островов¹.

Еще одним территориальным вопросом, сохраняющим актуальность в двусторонних отношениях, является определение кораллового атолла Окинотори: Тайбэй, в отличие от Токио, не считает атолл островом и заявляет о своих правах на ведение в его акватории рыболовного промысла. В апреле 2016 г. японская береговая охрана задержала тайваньское рыболовецкое судно, которое прошло вблизи атолла и, по мнению Токио, оказалось в пределах исключительной экономической зоны Японии (Swanström 2020). Впрочем, сильного резонанса этот инцидент не получил — практически сразу после случившегося стороны приступили к переговорам и в конце 2017 г. подписали Меморандум о взаимопонимании, согласно которому корабли каждой из сторон получили право беспрепятственного прохода вблизи атолла в случае чрезвычайных ситуаций². Как считают эксперты, подписанный меморандум хотя и не решил вопрос полностью, тем не менее позволил снизить некоторую напряженность, которая возникла в связи с инцидентом в апреле 2016 г. [Swanström 2020].

Способность Токио и Тайбэя поддерживать друг с другом конструктивный диалог и договариваться о практических решениях в вопросах территориального характера (Соглашение о рыболовстве 2013 г., Меморандум о взаимопонимании 2017 г.) лишний раз подтверждает то, что стороны заинтересованы в поддержании тесных связей друг с другом и стремятся избегать любого обострения ситуации. Несомненно, за последние несколько лет такую заинтересованность в большей мере демонстрирует именно Тайбэй, который полагается на поддержку со стороны США и Японии в период обострения отношений с материковым Китаем. В условиях напряженности в отношениях между берегами Тайваньского пролива опора на своих стратегических союзников

¹ Тайвань протестует против переименования Японией островов Дяоюйтай // Русская служба Международного Радио Тайваня (МРТ). 15.06.2020. URL: <https://ru.rti.org.tw/news/view/id/93260?fbclid=IwAR2dBcrqdf48cNYYVNvJa97SCgSJNMikyRyoFszkK9xY2XallyAJBUwGDl8#.XudThiKy1Ls.facebook> (дата обращения: 09.01.2021).

² Taiwan, Japan sign marine emergency and rescue operations MOU // Focus Taiwan. 2017. December 20. URL: <https://focustaiwan.tw/politics/201712200009> (accessed: 09.01.2021).

и укрепление сил самообороны становятся важнейшими задачами внешней и внутренней политики, стоящие перед администрацией Цай Инвэнь. С 2016 г. был возобновлен трехсторонний диалог (Вашингтон—Токио—Тайбэй) по вопросам обороны и безопасности в АТР, на котором одной из важных тем обсуждения неизменно является вопрос о более активном взаимодействии оборонных ведомств США, Японии и Тайваня, а также техническое обновление ВМФ Китайской Республики [Dreyer 2016: 606].

На фоне активизации взаимодействия Тайбэя с Вашингтоном и Токио по вопросам безопасности на Тайване все чаще раздаются голоса в пользу укрепления двустороннего сотрудничества с Японией по вопросам обороны. С учетом того, что запрет на экспорт вооружений был снят в Японии еще в 2014 г., власти КР считают, что Токио мог бы играть более значимую роль в обеспечении безопасности в Тайваньском проливе, например, за счет передачи тайваньской стороне технологий, обмена техническими специалистами, проведения совместных учений и, возможно, поставок компонентов или целых единиц военной техники в КР [Dreyer 2016: 606; Hoppe 2018a: 59]. Впрочем, эта инициатива не встречает одобрения с японской стороны — даже после назначения в сентябре 2020 г. на должность министра обороны Киси Нобуо, известного как протайваньски настроенного политика, Токио вновь подтвердил свое намерение сотрудничать с Тайванем по вопросам безопасности и обороны только при участии США¹. Такую позицию можно объяснить тем, что Япония, принимая во внимание негативную реакцию КНР на сближение Токио и Тайбэя, не готова идти на серьезное обострение отношений с Пекином ради еще более тесного сотрудничества с КР.

Продолжение курса на демократизацию Тайваня под руководством Цай Инвэнь вновь выдвинуло концепцию «тайваньской идентичности» на передний план. Политика «декитаизации» (去中國化), начатая еще при президенте Чэнь Шуйбяне, так же как и раньше, ориентирована не только на ослабление торгово-экономической зависимости от КНР, но и на популяризацию идеи о том, что тайваньское общество является, по сути, мультикультурным и существенно отличается от китайского общества на материке. Проявлениями такой политики стали пересмотр учебников истории и школьных программ в целом, акцент

¹ PM Suga's Choice of Defense Minister Signals a Taiwan-Friendly Administration // Japan Forward. 2020. October 7. URL: <https://japan-forward.com/pm-sugas-choice-of-defense-minister-signals-a-taiwan-friendly-administration/> (accessed: 09.01.2021).

на модернизаторской и просветительской роли японского колониального правления, отказ от празднования памятных дат китайской истории, вплоть до переименования некоторых ведомств и организаций, в которых содержалось слово «китайский» [Chou Chih-Chieh 2018: 137; Noppens 2018b].

Важно отметить, что эта политика встречает одобрение в обществе. Данные социологических опросов подтверждают неуклонный рост числа жителей КР, которые ассоциируют себя только с Тайванем: более 90% населения считают себя полностью или частично тайваньцами (т.е. идентифицируют себя как «тайваньцы», либо как «и тайваньцы, и китайцы»). Помимо этого, около 70% жителей КР полагают, что Китай и Тайвань — два независимых государства, эту же идею разделяет большинство тайваньской молодежи. Именно молодое поколение и люди в возрасте до 40 лет, как считается, составляют основную долю населения, которая поддерживает сохранение статус-кво в Тайваньском проливе, разделяет либерально-демократические ценности и поддерживает ориентацию внешней политики КР на западные страны и Японию [Дикарев 2021: 129–131].

Активизация японо-тайваньских связей, политика «декитаизации» и рост популярности идеи «тайваньской идентичности», а также укоренение в сознании жителей Тайваня идеи о том, что КР следует в большей мере ориентироваться на сотрудничество с западными странами и Японией, привели к тому, что проблемы исторического прошлого отошли на второй план. Вопрос о принадлежности островов Дяюйдао/Сэнкаку, равно как и проблема компенсаций бывшим «женщинам для утешения» в период президентства Цай Инвэнь, не стояли на повестке двусторонних отношений, оставаясь в пределах внутривнутриполитических дискуссий в КР. Хотя оба эти вопроса до сих пор формально остаются на Тайване открытыми, в обществе не сложилось однозначного подхода к их решению. В частности, нет консенсуса по проблеме *вэйаньфу* — в то время, когда часть общества стремится сохранять память о них, другая считает это пережитком прошлого и намеренным осложнением отношений между Токио и Тайбэем.

За последние несколько лет вопрос о компенсациях «женщинам для утешения» попытался решить Ма Инцзю в конце своего второго президентского срока. После того как в конце 2015 г. было подписано японо-южнокорейское соглашение по проблеме «женщин для утешения», в котором Токио приносил дополнительные извинения и обязывался выплатить компенсации в размере 10 млн долл. США

(1 млрд иен) [Дьячков 2019: 78], президент КР обращался к японской стороне с просьбой заключить подобное соглашение и с Тайванем, однако Токио ответил, что ситуация с «женщинами для утешения» в Корее и на Тайване отличается принципиальным образом, давая понять, что японская сторона, по всей видимости, не намерена обсуждать этот вопрос с Тайбэем [Dreyer 2016: 601]. На фоне некоторого усиления внимания к проблеме «женщин для утешения» при поддержке Тайбэйского фонда спасения женщин и Гоминьдана готовился к открытию музей памяти бывших *вэйаньфу* — музей «Ама» 阿嬤家 (в переводе с тайваньского языка «ама» означает «бабушка» и употребляется при обращении к оставшимся в живых *вэйаньфу*). Музей, официально открытый в сентябре 2016 г., просуществовал всего четыре года и был закрыт в ноябре 2020 г. из-за финансовых сложностей в связи с малым числом посетителей, особенно в период пандемии COVID-19¹.

Действующие тайваньские власти и президент Цай Инвэнь до сих пор не озвучивали четкую позицию по вопросу «женщин для утешения», за что их нередко критикует оппозиция². Летом 2016 г. из уст премьер-министра КР Линь Цюаня (林全) прозвучали слова о том, что девушки, попадавшие в военные бордели японской армии, делали этот шаг осознанно. Это заявление, впрочем, нельзя считать официальной позицией властей, поскольку под давлением общественности он вскоре отказался от своих слов и принес извинения³. Несомненно, далеко не все тайваньцы разделяют мнение Линь Цюаня по проблеме *вэйаньфу*, и память о них все еще сохраняется в обществе, вместе с тем консенсуса по этому вопросу до сих пор нет. Очередным подтверждением такого явления стал инцидент со статуей *вэйаньфу*.

¹ Тайваньский музей «женщин для утешения» закроется в связи с финансовыми трудностями // Русская служба Международного Радио Тайваня (МРТ). 07.07.2020. URL: https://ru.rti.org.tw/news/view/id/93326?fbclid=IwAR1i9C13zrUjiTodqlGczXe4QyU4i6hI55s2LXW-_EVImlsejD2TZEWo7hPU#.XwRC9yKw_5k.facebook (дата обращения: 15.07.2020).

² Ма Инцзю пи Цай Инвэнь дуй жи бэнь жуань жо: и юй «вэй ань фу» вэнь ти цзю бьянь я ба (Ма Инцзю критикует Цай Инвэнь за ее излишнюю уступчивость по отношению к Японии: всякий раз, сталкиваясь с проблемой «женщин для утешения», президент КР теряет дар речи) // Finance.sina.com. 14.08.2019. URL: <http://finance.sina.com.cn/roll/2019-08-14/doc-ihytcern0845906.shtml> (дата обращения: 09.01.2021).

³ Complicating Taiwan's love affair with Japan // The Japan Times. 2016. September 3. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2016/09/03/commentary/complicating-taiwans-love-affair-japan/> (accessed: 09.01.2021).

Бронзовая статуя «женщины для утешения» была установлена в Тайнане в августе 2018 г., и ее появление сразу же вызвало негативную реакцию со стороны «синей коалиции». Администрация Цай Инвэнь и ДПП открыто критиковали появление памятника, подчеркивая, что правительство не имеет к его установке никакого отношения, поскольку он был открыт на народные средства. Представитель КР в Японии Се Чантин (谢长廷), критикуя Гоминьдан за помощь в установке монумента, заявил, что такие действия «портят дружественные японо-тайваньские отношения»¹.

Через месяц после открытия памятника Токио направил на Тайвань делегацию для обсуждения проблемы «женщин для утешения» — в Тайнань приехала группа из представителей японской организации народного движения за установление справедливости в отношении проблемы *вэйаньфу* (慰安妇之真相国民运动组织)², которые должны были урегулировать этот вопрос с местными властями (главным образом с представителями Гоминьдана). Однако переговорам не суждено было состояться из-за инцидента, случившегося в канун запланированной встречи. 6 сентября 2018 г. один из членов японской делегации, Фудзии Мицухико, проходя мимо бронзовой статуи, внезапно ударил ее ногой. Этот момент попал на камеры наружного наблюдения, после чего запись попала в Интернет, вызвав волну негодования среди многих тайваньцев. Критика действий японского представителя за пренебрежительное отношение к памяти о «женщинах для утешения» довольно быстро переросла в критику действующих властей. Отсутствие каких-либо официальных заявлений властей КР и самой Цай Инвэнь после произошедшего инцидента освещалось в некоторых СМИ как поражение правящей партии, которая не стала выступать с осуждением подобных действий. Властей обвиняли в коррумпированности, от-

¹ Жи дай бяо цзяо чуай вэй ань фу ту пянь бао гуан (Опубликованы фотографии, подтверждающие тот факт, что японский представитель ударил ногой статую «женщины для утешения») // hxnews.com. 10.09.2018. URL: <http://www.hxnews.com/news/gj/gjxw/201809/10/1608601.shtml> (дата обращения: 09.01.2021); Жи бэнь сяо чоу цзай тай вань ти «вэй ань фу» тун сян, ши шэй гэи та дэ дань цзы (Где набрался смелости тот негодяй из Японии, который пнул на Тайване бронзовую статую «женщины для утешения»?) // Sohu.com. 12.09.2018. URL: https://www.sohu.com/a/253381541_521483 (дата обращения: 09.01.2021).

² Организация, представляющая интересы консервативной части японского общества, появившаяся в 2013 г. Целью ее создания являлись защита репутации Японии и восстановление положительного имиджа страны в связи с актуализацией вопросов исторического прошлого, в том числе проблемы «женщин для утешения».

сутствии национальной гордости и неспособности защитить интересы жителей Тайваня¹.

Несмотря на то что инцидент с бронзовой статуей, очевидно, задел чувства многих тайваньцев, он не привел к каким-либо крупным акциям протеста, в то время как в СМИ нередко излагались противоположные друг другу подходы к проблеме «женщин для утешения» и перспективам урегулирования инцидента с памятником. Действующие власти, не проявив внимания к произошедшему, способствовали тому, чтобы дискуссии по вопросам исторического прошлого оставались на уровне общественных обсуждений, не выходящих на официальный уровень и тем более на уровень внешнеполитической проблемы. Токио и Тайбэй, как и ранее, сохранили хорошие отношения, высокий уровень доверия друг к другу и тесное взаимодействие во многих отраслях.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что оценка колониального правления и действий Японии в период Второй мировой войны, как правило, являлась на Тайване одним из аспектов дискуссии по поводу путей развития КР, ее статуса и перспектив укрепления связей с ближайшими соседями и партнерами — в первую очередь, с КНР, США и Японией. На внутриполитической повестке проблемы исторического прошлого обычно появлялись в контексте прочих вопросов, имеющих отношение к национальной идентичности, переосмыслению собственной истории, поиску моделей дальнейшего развития общества и государства на Тайване. С учетом того, что власти часто использовали проблемы прошлого для повышения собственного рейтинга внутри острова, эти вопросы, приобретая явно политизированный характер, стали существенно меньше привлекать внимание широкой общественности, которая все больше стала воспринимать их как элемент межпартийного противостояния. Как правило, сторонники более тесных отношений

¹ Ма Инцзю пи Цай Инвэнь дуй жи бэнь жуань жо: и й «вэй ань фу» вэнь ти цзю бьянь я ба (Ма Инцзю критикует Цай Инвэнь за ее излишнюю уступчивость по отношению к Японии: всякий раз, сталкиваясь с проблемой «женщин для утешения», президент КР теряет дар речи) // Finance.sina.com. 14.08.2019. URL: <http://finance.sina.com.cn/roll/2019-08-14/doc-ihytcerh0845906.shtml> (дата обращения: 09.01.2021); Жи дай бяо цзю чуай вэй ань фу ту пянь бао гуан (Опубликованы фотографии, подтверждающие тот факт, что японский представитель ударил ногой статую «женщины для утешения») // hxnews.com. 10.09.2018. URL: <http://www.hxnews.com/news/gj/gjxw/201809/10/1608601.shtml> (дата обращения: 09.01.2021).

с КНР (в частности, Гоминьдан) чаще акцентируют внимание на отрицательных проявлениях колониального управления, тогда как сторонники независимого Тайваня (например, ДПП) обычно указывают на модернизацию острова под контролем японцев, противопоставляя ее «белому террору» китайских властей в первые годы после окончания войны. В настоящее время, пока у власти в КР находятся представители ДПП — сторонники усиления взаимодействия с Вашингтоном и Токио и противоборства с материковым Китаем, вопросы исторического прошлого едва ли выйдут на уровень внешнеполитической проблемы и будут играть значимую роль в отношениях между Японией и Тайванем.

Список литературы

На русском языке

Гордеева 2012 — *Гордеева И. В.* Об особенностях современной позиции Японии в отношении Тайваня // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 1. С. 38–48.

Гордеева 2015 — *Гордеева И. В.* Политика Японии в отношении Тайваня: история и современность: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015.

Дикарев 2021 — *Дикарев А. Д., Лукин А. В.* «Тайваньская нация»: от мифа к реальности? // Сравнительная политика. 2021. № 1. С. 118–133.

Дьячков 2019 — *Дьячков И. В.* Историческая память и политика: проблема «женщин для утешения» в современных южнокорейско-японских отношениях // Японские исследования. 2019. № 4. С. 72–87.

Киреева 2013 — *Киреева А. А.* Японо-китайский спор: Сэнкаку или Дяюйдао? // Азия и Африка сегодня. 2013. № 10. С. 2–9.

Киреева 2019 — *Киреева А. А.* Роль и место Китая в международных отношениях в Северо-Восточной Азии // Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / Под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 212–262.

Ли Дэнхуэй 2000 — *Ли Дэнхуэй.* Позиция Тайваня. М.: Изд-во МГУ, Институт стран Азии и Африки, 2000.

Стрельцов 2019 — *Стрельцов Д. В.* Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии с Китаем и Республикой Корея // Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / Под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 119–136.

Стрельцов 2020 — *Стрельцов Д. В.* Память о войне как самостоятельный фактор в отношениях Японии со странами-соседами: к 75-летней годовщине капитуляции Японии // Японские исследования. 2020. № 4. С. 78–97.

На китайском языке

Кобаяси 2001 — *Кобаяси Ёсинори.* Тай вань лунь (О Тайване) / Пер. Лай Цинсун, Сяо Чжицян. Тайбэй: Цянь вэй чу бань шэ, 2001.

Хуан Гочан 1995 — *Хуан Гочан*. Чжун го и ши юй тай вань и ши (Китайская идентичность и тайваньская идентичность). Тайбэй: У нань ту шу чу бань гун сы, 1995.

Цзя Чаовэй 2011 — *Цзя Чаовэй*. Жи тай гуан си дэ ли ши хэ сянь чжуан (История японо-тайваньских отношений и их развитие на современном этапе). Пекин, 2011.

Чжу Дэлань 2009 — *Чжу Дэлань*. Тай вань вэй ань фу (Тайваньские «женщины для утешения»). Тайбэй: У нань ту шу чу бань гун сы, 2009.

На английском языке

Chou Chih-Chieh 2018 — *Chou Chih-Chieh*. Contending notions of the Cross-Strait status quo in Taiwan and across the Strait: impacts on U.S.-Taiwan relations // The China Review. 2018. Vol. 18. No. 3. P. 121–148.

Chou Ching-yuan 2009 — *Chou Ching-yuan*. A cave in Taiwan: comfort women's memories and the local identity // Places of pain and shame: dealing with "difficult heritage" / Ed. by W. Logan and K. Reeves. L.: Routledge, 2009. P. 194–224.

Dreyer 2016 — *Dreyer J. T.* Taiwan and Japan in the Tsai era // Orbis. 2016. Vol. 60. Issue 4. P. 592–608.

Duchâtel 2017 — *Duchâtel M., Drun J., et al.* Taiwan between Xi and Trump. Report. European Council on Foreign Relations. 2017. URL: www.jstor.org/stable/res-rep21522 (accessed: 09.01.2021).

Fleischauer 2007 — *Fleischauer S.* The 228 Incident and the Taiwan independence movement's construction of a Taiwanese identity // China Information. 2007. Vol. 21. No. 3. P. 373–401.

He Yinan 2014 — *He Yinan*. Identity politics and foreign policy: Taiwan's relations with China and Japan, 1895–2012 // Political Science Quarterly. 2014. Vol. 129. No. 3. P. 469–500.

Hicks 1999 — *Hicks G.* The Comfort Women Redress Movement // When sorry isn't enough: The controversy over apologies and reparations for human injustice / Ed. by R. L. Brooks. N.Y.: New York University Press, 1999. P. 113–125.

Hoppens 2018a — *Hoppens R.* Japan-Taiwan Relations under Abe and Tsai in historical context // Expert Voices on Japan: Security, Economic, Social and Foreign Policy Recommendations, U.S.-Japan Network for the Future Cohort IV / Ed. by A. Arthur. Washington D.C.: The Maureen and Mike Mansfield Foundation, 2018. P. 49–64.

Hoppens 2018b — *Hoppens R.* Contemporary Japan-Taiwan Relations in Historical Context // Asia Dialogue. University of Nottingham Asia Research Institute. July 13, 2018. URL: <https://theasiadialogue.com/2018/07/13/contemporary-japan-taiwan-relations-in-historical-context/> (accessed: 07.11.2020).

Huang Chih-huei 2003 — *Huang Chih-huei*. The transformation of Taiwanese attitudes toward Japan in the Post-colonial Period // Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895–1945 / Ed. by Li Narangoa, R. Cribb. L.: Routledge Curzon, 2003. P. 296–314.

Lam Peng-Er 2004 — *Lam Peng-Er*. Japan–Taiwan Relations: Between Affinity and Reality // Asian Affairs: An American Review. 2004. Vol. 30. No. 4. P. 249–267.

Law Wing-Wah 2002 — *Law Wing-Wah*. Educational reform in Taiwan: a research for a 'national' identity through democratisation and Taiwanisation // *Compare: A Journal of Comparative and International Education*. 2002. Vol. 32. Issue. 1. P. 61–81.

Rigger 1997 — *Rigger S.* Competing conceptions of Taiwan's identity: The irresolvable conflict in Cross-Strait relations // *Journal of Contemporary China*. 1997. Vol. 6. No.15. P. 307–317.

Sejrup 2016 — *Sejrup J.* One or the other: synecdoche and representation in Taiwan-Japan controversies // *Taiwan: self vs. other* / Eds.: Jens Damm and Isabelle Cheng. Zürich: Lit Verlag, 2016. P. 85–104.

Suzuki 2011 — *Suzuki Shogo*. The competition to attain justice for p.st wrongs: the "comfort women" issue in Taiwan // *Pacific Affairs*. 2011. Vol. 84. No. 2. P. 223–244.

Swanström 2020 — *Swanström N., Heck L.* Taiwan-Japan (Unofficial) Relations: In a Sea of Troubles // *Institute for Security and Development Policy. Issue and Policy Briefs*. June, 2020. URL: <https://isdpeu/publication/taiwan-japan-unofficial-relations-sea-troubles/> (accessed: 09.01.2021).

Vickers 2007 — *Vickers E.* Frontiers of memory: conflict, imperialism, and official histories in the formation of p.st-Cold war Taiwan identity // *Ruptured Histories: war, memory, and the p.st-Cold war in Asia* / Ed. by S. M. Jager and R. Mitter. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007. P. 209–232.

Wada Haruki 2008 — *Wada Haruki*. The comfort women, the Asian Women's Fund and the digital Museum // *The Asia-Pacific Journal*. 2008. February 1. Vol. 6. Issue 2. URL: <https://apjif.org/-Wada-Haruki/2653/article.html> (accessed: 15.12.2020.)

Wang Qingxin Ken 2000 — *Wang Qingxin Ken*. Taiwan in Japan's relations with China and the United States after Cold War // *Pacific Affairs*. 2000. Vol. 23. No. 5. P. 353–373.

Г Л А В А 5

Вопросы исторического прошлого на повестке дня современных японо-китайских отношений

Несмотря на то что с момента капитуляции Японии прошло более 70 лет, а со времени нормализации японо-китайских отношений и подписания «Китайско-японского договора о мире и дружбе» — почти полвека, вопросы исторического прошлого не теряют своей актуальности для этих двух стран, как и для в не меньшей степени пострадавших от японской агрессии Республики Корея и Тайвань. Более того, историческая память возвращается с новой силой и становится частью международной политической повестки и даже повседневной жизни народов двух стран, будучи достаточно частой темой публикаций СМИ, важной составляющей общественного мнения, предметом обсуждения и беспокойства для всех, кто так или иначе сталкивается со страной-соседом.

Благоприятным фоном, способствовавшим «возвращению» исторической памяти, ее выходу на повестку дня после периода относительного затишья, стал бум экономических, политических и культурных связей Японии и Китая¹ в последние десятилетия, который, с одной стороны, способствовал сближению двух стран, с другой — обнажил существующие проблемы и усложнил характер японо-китайских отношений.

Как известно, память появляется по прошествии времени. За капитуляцией Японии и завершением войны на Тихоокеанском фронте

¹ Говоря о «Китае» в данной главе, мы будем иметь в виду только материковый Китай. Как отмечает В. А. Перминова, Тайвань, который был передан Японии по итогам японо-китайской войны 1894–1895 гг. и находился под ее управлением до окончания Второй мировой войны, оказался вне «памяти о войне». В первые послевоенные десятилетия это было обусловлено идеологическим антагонизмом между материковой и островной частями Китая. Впоследствии Тайвань и его колониальное прошлое стали появляться в риторике руководства КНР только в контексте «мирного объединения Родины» [Перминова 2020]. Проблема памяти о военном прошлом на Тайване является отдельной темой исследования.

последовал период восстановления региона. Не сразу решился вопрос компенсации материального и морального ущерба странам, пострадавшим от японской агрессии: согласование репараций в индивидуальном порядке началось только после подписания Японией Сан-Францисского мирного договора в 1951 г., причем с Китаем, как будет показано далее, решение этого вопроса приобрело не совсем традиционную форму. Не сразу были принесены извинения: слова сожаления о войне произносились высшими должностными лицами Японии по разным поводам, однако считается, что формулировка извинений японской стороной была не такой исчерпывающей и своевременной, как в случае Германии [Lind 2009: 132–133]. Так или иначе, пока многие вопросы, связанные с войной, не устоялись в общественном сознании, историческая память о военных событиях находилась в процессе формирования.

Важно и то, что отсутствие дипломатических отношений между Японией и КНР на протяжении 1949–1972 гг. способствовало отдалению стран друг от друга, снятию с повестки дня и временному «забвению» насущных проблем. Японские исследователи отмечают, что после нормализации двусторонних отношений Китай представлялся послевоенному поколению, выросшему в условиях отсутствия контактов с некогда близким соседом, «неинтересной» и «отсталой» страной, которая была совершенно не близка и знакома лишь по обрывочным воспоминаниям из детства [Хиракава 2006: 4–6]. Похожая ситуация наблюдалась и в КНР. Помимо общей информационной изоляции, тема военного прошлого в своем негативном смысле в стране практически не поднималась. Более того, в 1950–1960-е годы Мао Цзедун подчеркивал положительную роль японского вторжения в «пробуждении» китайского народа и победе над Гоминьданом [Ван 1998: 210]. Впоследствии, при встрече с премьер-министром Японии Танакой Какуэем в Нанкине (1972), Мао отказался от японских репараций.

Взаимное восприятие японского и китайского народов до начала 1990-х годов было в целом положительным. В первое десятилетие после нормализации японо-китайских отношений (1970-е годы) лейтмотивом взаимодействия двух стран было дружеское сотрудничество. Жители КНР находились в благоприятном информационном поле и после тяжелого периода культурной революции с жадностью и восхищением восприняли информацию о зажиточной и прогрессивной стране Японии [Цуй 2011: 56].

Как отмечает китайский исследователь японо-китайских отношений Цуй Шигуан, немногочисленные японские посетители КНР

(в основном представители интеллигенции) трепетно и с большим сожалением относились к недавней истории. Знания о Китае, которые они привозили на родину, и основанные на этих знаниях публикации СМИ сыграли весомую роль в формировании положительного имиджа КНР в Японии. Все это вызывало естественную положительную реакцию и в КНР [Там же: 57].

Политика «реформ и открытости» и успешные экономические преобразования, начавшиеся в 1979 г. по инициативе Дэн Сяопина, способствовали активизации японо-китайских контактов в различных сферах. В КНР устремился японский предпринимательский капитал и японские товары. Одновременно начали расширяться двусторонние связи в науке и культуре. Всестороннее развитие дружеского взаимодействия в 1980-е годы называют «медовым месяцем» в японо-китайских отношениях. В этот период у обоих народов появилось еще больше возможностей узнать страну-соседа с положительной стороны.

На протяжении 1980-х годов китайские СМИ в основном писали о Японии в положительном ключе, хотя и затрагивая время от времени политическую повестку, связанную с войной. Так, именно в это десятилетие спор о содержании учебников истории вылился в дипломатический конфликт между Японией, Китаем и Кореей. В это же время бурную реакцию со стороны Китая впервые вызвал визит в храм Ясукуни японского высшего должностного лица (речь идет о посещении храма премьер-министром Я. Накасонэ в 1985 г.). Помимо этого, в 1980-е годы обострился спор между КНР и Китайской Республикой (Тайванем) по поводу собственности на здание студенческого общежития Гуанхуа, расположенное в г. Киото в Японии. Таким образом, с одной стороны, на повестку дня начали выходить проблемы, связанные с исторической памятью, с другой стороны, в результате разрыва дипломатических отношений Японии с Китайской Республикой (Тайванем)¹ накалилась международная обстановка в целом.

Все это не могло не наложить отпечаток и на взаимное восприятие японского и китайского народов, однако положительные факторы по-прежнему преобладали. Под влиянием фильмов, аниме, телевизионных передач и новостей, доступности японских товаров и расширившихся возможностей общения с японцами у жителей КНР складывалось благоприятное впечатление о японской экономике и культуре. Большой популярностью стали пользоваться японские бренды — Тойота, Мацу-

¹ Официальные отношения Японии с Тайванем стали невозможны после нормализации отношений с Китайской Народной Республикой в 1972 г.

сита, Тосиба, Сони и др. Экономические успехи Японии привлекали всеобщее внимание вплоть до того, что в Китае можно было все чаще слышать призыв «учиться у Японии». Резко возрос поток в Японию китайских студентов [Там же: 57].

Не омраченное грузом исторического прошлого отношение японцев к КНР и жителям этой страны также достигало впечатляющих показателей. По данным опроса общественного мнения Кабинетом министров Японии, в 1980-е годы до 80% японцев испытывали дружеские чувства к своему соседу¹.

Данный период также знаменателен тем, что Япония начала оказывать КНР официальную помощь развитию (ОПР) в виде грантов, именных займов и технологической помощи, которые, хотя официально и не позиционировались как компенсация за ущерб, причиненный в годы войны, представляли собой своеобразную замену репараций, от которых ранее отказался Мао Цзэдун. Будучи страной, в наибольшей степени пострадавшей от японской агрессии, Китай справедливо занимал особое место среди реципиентов японской ОПР, получив за 1979–2008 гг.² 20% японских средств [Ковригин 2012: 10]. Хотя отношение к японской помощи в Китае неоднозначно, известно, что средства, полученные от Японии, были использованы при строительстве важных инфраструктурных объектов: железных дорог, морских портов и аэропортов, включая Международный аэропорт Пекина «Шоуду», а также пекинского метро. Впоследствии японская ОПР будет все чаще обсуждаться в негативном ключе по мере ухудшения климата в японо-китайских отношениях и обострения проблем, связанных с исторической памятью.

Довольно стремительное нарастание напряженности в отношениях Японии и Китая, выражающееся в учащении конфликтов по политическим вопросам и падении взаимного доверия, можно наблюдать с начала 1990-х годов. В политической повестке начинают все чаще всплывать проблемы исторического прошлого, в первую очередь — недовольство китайской стороны частыми визитами высших должностных лиц Японии в храм Ясукуни, достигшее своей кульминации

¹ Хэйсэй 29 нэндо гайко: ни кансүру ёрон тё:са но гайё:. Тю:гоку ни тайсуру синкин-кан (Краткое изложение опроса общественного мнения по дипломатическим проблемам за 2017 г. Дружеские чувства по отношению к Китаю) // Найкакуфу (Кабинет министров Японии). 25.12.2017. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/h29/h29-gaiko/gairyaku.pdf> (дата обращения: 10.08.2020). (На яп. яз.)

² В 2008 г. объем японской ОПР Китаю был существенно сокращен, а в 2018 г. она была полностью прекращена.

в начале 2000-х годов, когда у власти находился премьер-министр Коидзуми Дзюнъитиро, а также конфликт вокруг спорных островов Сэнкаку/Дяоюйдао, вылившийся в масштабные антияпонские демонстрации в 2012 г. после их национализации японским правительством. В последние десятилетия для японо-китайских отношений характерно стремительное нарастание негативных тенденций во взаимном восприятии: на смену благоприятному впечатлению двух народов друг о друге и порыву к сближению, возникшему через некоторое время после завершения войны, пришли холодное отношение и дистанция.

Опрос общественного мнения, проведенный в декабре 1996 г. газетой «Китайская молодежь» («Чжунго цинняньбао»), показал, что все больший вес в восприятии Японии и японцев китайским населением приобретают факторы, связанные с японской агрессией. Подавляющее число респондентов отметили, что «отношение Японии к агрессивной войне» серьезно препятствует развитию японо-китайских отношений. Совместный опрос общественного мнения, проведенный годом позже японской газетой «Асахи» и Китайским народным университетом, подтвердил, что 1990-е годы стали переломным моментом в восприятии Японии жителями КНР [Цуй 2011: 60]. Параллельно стало ухудшаться отношение к Китаю в Японии.

В начале XXI в. дистанция между странами продолжала увеличиваться: число людей, испытывающих дружеские чувства к стране-соседу, стремительно падало, а тех, кто по тем или иным причинам испытывал неприязнь, — росло в обеих странах. Эти тенденции отражены в ежегодных обследованиях японского аналитического центра *Genron NPO*, проводимых совместно с китайской стороной начиная с 2005 г. В 2013 г. доля китайских респондентов, плохо относящихся к Японии, достигла максимального значения 92,8%, а японцев, испытывающих неприязнь к КНР, — значения 90,1%. Хотя в последующие годы ситуация немного улучшилась, существенная часть аудитории как в Японии, так и в Китае по-прежнему относится к своему соседу «негативно» или «скорее негативно»¹, и о возвращении к «медовому месяцу» в японо-китайских отношениях пока не может быть и речи.

Особое место в обследованиях *Genron NPO* с самого первого года, ввиду своей возросшей актуальности, занимали вопросы историческо-

¹ Дай 16-кай ниттю: кё:до: ёрон тё:са: (16-е совместное исследование общественного мнения в Японии и Китае) // The Genron NPO. 2020. URL: <https://www.genron-npo.net/world/archives/9354-2.html> (дата обращения: 08.12.2020). (На яп. яз.)

го прошлого: череда неприятных эпизодов сделала память о военных событиях неотъемлемой частью японо-китайских отношений на современном этапе. До сих пор большинство респондентов *Genron NPO* (в 2019 г. — около 90%) считают, что историческая память является серьезной проблемой японо-китайских отношений и мешает их поступательному развитию. При этом состав проблем, требующих решения, остается неизменным и включает отношение к войне и ее наиболее болезненным эпизодам (Нанкинская резня, «женщины для утешения»), осознание японской стороной своей вины, компенсация за нанесенный ущерб, освещение военных событий в японских и китайских учебниках истории, высказывания политиков и публикации СМИ¹. При этом, если китайская сторона считает неприемлемым недостаточное раскаяние в своих агрессивных действиях со стороны Японии, то негативную реакцию в Японии вызывает постоянная критика со стороны Китая.

Напомним, что главным предметом конфликта сторон является ущерб, нанесенный японской армией китайскому государству и мирному населению в период японо-китайской войны 1937–1945 гг. (кит. — «войны сопротивления японским захватчикам»)², и отношение к этому ущербу. Немаловажно, что ущерб измеряется не только количественными показателями, но и жестокостью японских военных. Кровавой страницей истории стало шестинедельное наступление японской армии в Нанкине в конце 1937 — начале 1938 г., которое сопровождалось массовыми убийствами гражданского населения и изнасилованиями. По разным оценкам, число погибших в Нанкинской резне составило от 40 тыс. до 500 тыс. человек. Известно также о применении при наступлении в Китае тактики «трех всех» («убить все, сжечь все, ограбить все»), деятельности японского «Отряда 731», производившего жестокие эксперименты над мирными жителями с научными целями, об учрежденных японцами многочисленных «станциях утешения», эксплуатировавших труд сексуальных рабынь («женщин для утешения»).

Согласно китайским источникам, всего за 8 лет войны сопротивления японским захватчикам были убиты 35 млн китайских граждан,

¹ Дай 15-кай ниттю: кё:до: ёрон тё:са: (15-е совместное исследование общественного мнения в Японии и Китае) // The Genron NPO. 2019. URL: <https://www.genron-npo.net/pdf/15th.pdf> (дата обращения: 28.04.2019). (На яп. яз.)

² К войне 1937–1945 гг. в китайских источниках часто присоединяют японскую экспансию в Маньчжурии, на Корейском полуострове и на Тайване, начавшуюся в 1894 г. Тогда продолжительность непрерывной японской агрессии оценивается в 51 год (см., напр.: [Сунь 2006: 2]).

большая часть из которых — мирное население¹. Хотя эта цифра выше оценки японских и западных историков, будучи озвученной китайской стороной, она отражает степень обиды Китая на японскую агрессию.

Главной проблемой, касающейся отношения стран к военному прошлому, можно считать компенсацию материального и морального ущерба. Как премьер-министры Японии, так и японские императоры (сначала Хирохито, затем — Акихито) в разное время упоминали о войне и выражали свое сожаление. Тем не менее жители КНР считают, что извинения принесены слишком поздно и недостаточно искренне. Как было в 2015 г. отмечено в одной из публикаций агентства «Синьхуа», «в действительности, не такое большое число государственных лидеров Японии принесли после Второй мировой войны извинения за агрессивные действия страны»². В том же году китайский сайт газеты «Нью-Йорк таймс» выразил надежду, что премьер-министр С. Абэ отличится от своих предшественников и, в связи с 70-летней годовщиной окончания Второй мировой войны, по-новому заявит об ответственности Японии за военные преступления³.

В 2015 г. эти надежды не оправдались. Что же касается предшественников С. Абэ, то адресные извинения Японии перед пострадавшими странами действительно стали звучать не сразу после войны, а только при нормализации с ними дипломатических отношений. Так, «глубокое сожаление о печальном периоде истории» было выражено корейскому народу премьер-министром Э. Сиина лишь в 1965 г. при подписании Базового договора об отношениях между Японией и Южной Кореей [Yamazaki 2006: 140]. Слова сожаления о серьезном ущербе, нанесенном китайскому народу, были включены в «Совместное коммюнике правительства Японии и Китайской Народной Республики» при нормализации отношений двух стран в 1972 г. На церемонии подписания коммюнике премьер-министр К. Танака также выразил

¹ Си Цзиньпин цзай наньцзин датуша сынаньчжэ гоцзя гунцзиини шан дэ цзяньхуа (Речь Си Цзиньпина на национальной траурной церемонии в память о жертвах Нанкинской резни) // Агентство Синьхуа. 13.12.2014. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2014-12/13/c_1113630100.htm (дата обращения: 19.07.2020). (На кит. яз.)

² Эрчжаньхоу чжэнши даоцянь дэ жибэнь чжэньяо доу ю шэй? (Кто из ведущих политиков Японии приносил извинения после Второй мировой войны?) // Агентство Синьхуа. 13.08.2015. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-08/13/c_128126240.htm (дата обращения: 10.01.2021). (На кит. яз.)

³ Аньбэй Цзиньсань буюань чжэнши дэ эрчжань лиши (История Второй мировой войны, которой Абэ Синдзо не хочет придавать должного значения) // The New York Times (китайская версия). 19.08.2015. URL: <https://cn.nytimes.com/opinion/20150819/c19french-inyt/> (дата обращения: 10.01.2021). (На кит. яз.)

«глубокое сожаление в связи с огромными горестями, причиненными китайскому народу», и отметил, что на протяжении долгого времени японо-китайские отношения «шли по несчастливому пути» [Такэнака 2018: 108].

Отсутствие публичных слов раскаяния от имени императора Хирохито принято связывать с его особым статусом в японской политической системе и стремлением Союзных войск дистанцировать императора от ответственности как ключевую фигуру японской политической системы¹. Вплоть до своей смерти в 1989 г. император Хирохито практически ни разу публично не заявил о чувстве вины за военные действия. Известно лишь об упоминании им о «несчастливых событиях» в истории японо-китайских отношений во время визита в Японию Дэн Сяопина в 1978 г., что было воспринято тогда китайской стороной как косвенное извинение. Эту же мысль выражал и следующий император Японии Акихито, также упоминавший о войне как о «несчастливой странице истории» (сначала в 1989 г. при встрече с прибывшим в Японию премьером Госсовета КНР Ли Пэном, затем в 1992 г., когда сам посетил КНР) [Там же: 112].

Подобные формулировки воспринимаются Китаем как недостаточно прямолинейные и, следовательно, недостаточно искренние. Как отмечает в одной из недавних публикаций агентство «Синьлан», «начиная с 50-х годов XX в. правительство Японии последовательно размышляло проблему ответственности императора Сёва за войну, ...в будущем эту проблему, вероятно, продолжат отодвигать на второй план, и с течением времени она утонет в реке истории»².

Прошло немало времени, пока официальное отношение Японии к военным событиям было четко сформулировано премьер-министром Т. Мураемой в 1995 г. Речь Т. Мураемы по случаю 50-летия окончания Второй мировой войны получила известность как первое чистосердечное признание государственного лидера Японии в том, что страна своим колониальным господством и агрессией причини-

¹ От императора во многом зависела стабильность, необходимая как японскому государству, так и Союзным войскам в период оккупации Японии (1945–1952). Будучи связанным обязательствами перед японским народом, с одной стороны, и перед американской администрацией — с другой, император был вынужден лавировать между интересами обеих сторон (Сигрейв 2005: 31).

² Жибэнь чжаньбайхоу тьяньхуан цзюцзин жухэ таото чжаньчжэн дэ цзуйцзэ? (Каким образом император Японии избежал ответственности после поражения Японии в войне?) // Синьлан цзюньши. 17.08.2020. URL: <https://mil.news.sina.com.cn/history/2020-08-17/doc-iivhvpwy1455134.shtml> (дата обращения: 10.01.2021). (На кит. яз.)

ла огромный ущерб и страдания народам других стран, в особенности азиатских. Речь премьер-министра Т. Мураямы была положительно воспринята народами Азии, включая китайский, и стала официальным воплощением чувства глубокого сожаления о войне на уровне японского государства.

Говоря о войне, последующие премьер-министры Японии употребляли те же ключевые слова и ссылались на коммюнике 1972 г. и речь Т. Мураямы. Однако со временем происходило изменение акцентов и общей тональности высказываний, которое стало особенно заметным в позиции С. Абэ. Используя те же формулировки, что и Т. Мураяма («колониальное правление», «агрессия», «глубокий самоанализ», «чистосердечные извинения»), С. Абэ в своей речи по случаю 70-летия окончания войны объяснял действия Японии внешними факторами, ища для них оправдания и подчеркивая, что Япония тоже была пострадавшей стороной. Если Т. Мураяма говорил о глубокоом самоанализе и чистосердечных извинениях от первого лица, то у С. Абэ звучали собирательные отсылки к «нашей стране» и «предшествующим кабинетам министров» [Там же: 121]. Такие формулировки снимают ответственность за военное прошлое с современного руководства Японии.

Все это характеризует С. Абэ как политика правого толка, для которого характерна консервативная трактовка исторического прошлого и ревизионистский подход к истории [Гринюк 2016: 121]. Однако нельзя сказать, что точка зрения премьер-министра не соответствует генеральной линии правительства Японии. Еще одной ключевой мыслью С. Абэ, на которую обратили внимание соседние страны Азии, было то, что будущие поколения «не должны нести на себе бремя постоянных извинений» за войну. МИД Японии также подчеркивает, что нельзя ставить современных жителей Японии и их потомков в положение, когда они «будут вынуждены продолжать извиняться»¹. Мнение о том, что в дальнейших извинениях нет необходимости, так как они принесены в достаточном объеме, высказывались в Японии и ранее. Дискуссии вызывала еще речь Т. Мураямы, у которой были свои противники в кабинете министров. Однако С. Абэ вывел эту позицию на новый уровень, заявив, что в настоящее время 80% жителей страны не имеют к войне никакого отношения, так как родились после ее окончания.

¹ Рэкиси мондай Q&A (Исторические проблемы: вопросы и ответы) // МИД Японии. 06.04.2018. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/taisen/qa/index.html> (дата обращения: 02.08.2020). (На англ. яз.)

Как показал опрос 2015 г., общественное мнение соответствует государственной установке: 77,2% японцев считают извинения японского правительства достаточными¹.

Это вступает в резкое противоречие с точкой зрения китайской аудитории, которая не только обвиняет Японию в задержке с извинениями, но и считает их неискренними. Возмущение вызывают в первую очередь слишком общие и неконкретные формулировки. Во многих случаях японская сторона не указывает, перед кем она извиняется, адресуя речи народам Азии в целом или «народам Азии, в том числе китайскому», за какие именно действия, за какой период истории и т.п. Недовольство вызывают, в частности, слово «сожаление» (вместо «извинение») и выражение «несчастливый (период истории)». Недовольство связано еще и с тем, что многие выступления высших должностных лиц Японии не были подкреплены официальными документами. Так, дипломатической ноты не было ни после известной речи Т. Мураямы в 1995 г., ни после речи Дз. Коидзуми в 2001 г., которая, в отличие от речи Т. Мураямы, была адресована не народам Азии в целом, а конкретно Китаю².

Таким образом, за 75 послевоенных лет проблема компенсации Китаю морального ущерба не только не приблизилась к своему решению, но обострилась, и в КНР сформировалось представление о Японии как о стране, которая «не хочет извиняться» за военные преступления.

Еще одной стороной той же проблемы является компенсация Китаю материального ущерба, которая, как было отмечено ранее, приобрела не совсем традиционную форму. В отличие от других стран, пострадавших во время войны, КНР не получила от Японии репараций в общепринятом понимании этого слова: их своеобразной заменой стала ОПР, предназначенная для содействия развивающимся странам в процессе модернизации.

Отказ Мао Цзэдуна от репараций был связан с политическими причинами. Важное стратегическое значение для «нового Китая» имели в то время признание со стороны мирового сообщества и изоляция Тайваня. Впоследствии лидеры двух стран хорошо понимали историю

¹ Саки но тайсэн ва синряку сэно: датта то кангаэмасу ка (Думаете ли вы, что прошедшая мировая война была агрессивной войной?) // Нихон кэйдзай симбун. 23.05.2015. URL: <https://www.nikkei.com/news/survey/vote/result/?uah=DF220520153858> (дата обращения: 10.01.2021). (На яп. яз.)

² Жан гоцзя вэй лиши цзуйго даоцян даоди ю донань (Как сложно заставить страну извиниться за свои исторические грехи) // BBC News (китайская версия). 29.03.2019. URL: <https://www.bbc.com/zhongwen/simp/world-47721207> (дата обращения: 06.08.2020). (На кит. яз.)

проблемы и смысл ОПР. Так, в 1984 г. в ответ на благодарность генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана за экономическое сотрудничество премьер-министр Я. Накасонэ отметил, что это «способ рефлексии над ошибками, вылившимися в причинение Китаю невероятной боли и ущерба» [Ху 2013: 80–81].

И все же такая форма компенсации ущерба не могла быть принята китайским обществом как чистосердечное признание всей полноты ответственности. В первую очередь обращают на себя внимание практические соображения предоставления помощи. Исследователь экономических отношений Японии и Китая Е. Б. Ковригин, помимо гуманитарного подхода, вытекающего из моральных обязательств по отношению к Китаю, выделяет в предоставлении ОПР мотив продвижения и защиты японских экономических интересов. В этом смысле помощь можно считать инвестициями особой важности, обеспечивающими создание инфраструктуры и комфортных условий для японских предпринимателей. Наряду с экономическими интересами отмечаются политико-стратегические: финансовая и технологическая поддержка должна была способствовать превращению Китая в полноценного члена глобальной экономической системы с мирной и предсказуемой внешней политикой [Ковригин 2012: 13–14]. Косвенным подтверждением этого является постепенное сворачивание ОПР, когда Китай достиг достаточного уровня развития и начал представлять угрозу для других мировых лидеров, в том числе Японии.

Произошедшая со временем политизация ОПР привела к ухудшению отношения к ней китайской общественности. В 1995 г., после проведения КНР ядерных испытаний, правительство Японии сначала пообещало сократить объем предоставляемых Китаю грантов, а затем заморозило их, используя, таким образом, помощь как инструмент политического давления. Санкции Японии вызвали в Китае резко негативную реакцию. В одной из популярных книг¹, опубликованных в то время, было выражено сожаление о том, что руководство страны отказалось от репараций и вынуждено теперь терпеть такое отношение от бывшего агрессора [Ху 2013: 86–87].

Нерешенность других вопросов исторического прошлого и сочетание ОПР с другими конфликтными ситуациями (о которых пойдет речь далее в этой главе) также заставляли усомниться в искренности

¹ Речь идет о вышедшей в 1996 г. книге националистического толка Сун Цяна, Чжан Цзанцзана, Цяо Бяня и других авторов под названием «Китай может сказать нет. Политический и эмоциональный выбор после Холодной войны».

помощи и ее связи с репарациями. В этих условиях предоставление ОПР выглядело не чем иным, как способом сгладить шероховатости в японо-китайских отношениях, а не компенсацией ущерба за потери в войне.

Отношение к ОПР в Китае сводится к тому, что она считается дешевой заменой репараций. Китайские СМИ подчеркивают, что, *во-первых*, стороны никогда не фиксировали связь помощи с репарациями в официальных документах, *во-вторых*, что ОПР не была бескорыстной и принесла Японии немалую выгоду, *в-третьих*, что нравственное значение ОПР преувеличено. Речь идет о том, что простое взаимовыгодное сотрудничество «превознесено» Японией до уровня «благодарности за отказ от репараций»¹. Очевидно, что о признании этого жеста в качестве репараций не может быть и речи.

Точка зрения китайских научных кругов в отношении материального и морального ущерба, причиненного Китаю Японией в годы войны, состоит в том, что уровень ответственности японского народа и страны в целом с самого начала был недостаточно высоким. Так, исследователь Ван Гуантао (яп. О: Кодзю) пишет, что в послевоенные десятилетия в Японии не было массового осознания вины перед другими государствами. Внимание политиков, предпринимателей, ученых и журналистов, как утверждает Ван, было сосредоточено на внутренних проблемах, связанных с восстановлением страны, а выплата репараций ассоциировалась исключительно с тем, что Япония проиграла в войне, а не с необходимостью возмещать ущерб за вторжение на территорию другого государства (О: 2016: 61).

Одним из свидетельств того, что Япония не осознала тяжесть военных преступлений на государственном уровне, являются, по мнению Китая, визиты первых лиц японского государства в храм Ясукуни. Это еще одна тема, которая все чаще находит отражение в международной повестке в последние десятилетия.

Конфликт связан с тем, что в число почитаемых в храме погибших военных включены души преступников «класса А», причастных к массовым убийствам китайского гражданского населения и осужденных Международным военным трибуналом для Дальнего Востока (МВТДВ). По этой причине Ясукуни считается символом японской

¹ Жибэнь дуйхуа чжэнфу кайфа юаньчжу (ODA) сяньму юй чжаньчжэн пэйкуань ю гуаньши ма? (Связаны ли проекты официальной помощи развитию (ОПР) Китаю с репарациями?) // Sohu. 27.10.2018. URL: https://www.sohu.com/a/271485243_166075 (дата обращения: 08.08.2020). (На кит. яз.)

агрессии, а любые визиты в него — подтверждением того, что дух милитаризма по-прежнему жив в сознании японцев.

Премьер-министры Японии неоднократно посещали храм Ясукуни и в статусе официальных лиц, и в статусе частных лиц после своей отставки. Это относится и к последним десятилетиям, когда в числе почитаемых в святилище душ уже были военные преступники (об их включении в списки Ясукуни было объявлено в 1978 г.). С 1978 г. до середины 1980-х годов было зафиксировано около 20 официальных визитов в храм японских премьеров, однако только в 1985 г., после визита Я. Накасонэ, китайская сторона начала делать из этого серьезную дипломатическую проблему [Молодякова 2007: 62]. С тех пор храм Ясукуни оставался поводом для постоянных конфликтов между Японией и соседними странами Азии в связи с воспоминаниями о японской агрессии.

Своей кульминации проблема Ясукуни достигла в годы нахождения у власти лидера Либерально-демократической партии Японии Коидзуми Дзюньитиро (2001–2006), который посещал храм в статусе премьер-министра на регулярной основе. Первый визит состоялся уже через несколько месяцев после вступления Дз. Коидзуми в полномочия, 13 августа 2001 г. Обещание посетить храм 15 августа, в годовщину окончания войны, будущий премьер-министр дал еще в ходе предвыборной кампании. Однако из-за негативной реакции в Японии и за рубежом (в первую очередь резких протестов в Китае и Р. Корея) дату визита было решено сдвинуть на два дня. Впоследствии, вплоть до ухода со своего поста, Дз. Коидзуми наносил в храм Ясукуни по одному визиту в год, также избегая этой нежелательной даты, и только 15 августа 2006 г., в последний год своего премьерства, полностью выполнил свое предвыборное обещание.

Несмотря на выбор нейтральных дат, регулярность визитов накалила японо-китайские отношения до предела. В мае 2005 г. вице-премьер КНР У И досрочно покинула Японию «для решения вопросов внутренней политики» и отменила планировавшуюся ранее встречу с Дз. Коидзуми (в действительности, как сообщило японское телевидение, не желая обсуждать с ним проблему храма Ясукуни)¹. В октябре того же года не состоялся визит в КНР министра иностранных дел Японии Н. Матимуры. Как объяснил представитель МИД КНР, «учитывая сложившуюся серьезную ситуацию», китайская сторона сочла этот ви-

¹ Vice Premier cancels meeting with Koizumi // China Daily. 2005. May 23. URL: http://www.chinadaily.com.cn/english/doc/2005-05/23/content_444911.htm (accessed: 29.10.2019).

зит «несвоевременным», и ей было «неудобно его принять»¹. В декабре 2005 г., в преддверии саммита АСЕАН в Малайзии, МИД КНР вновь исключил возможность переговоров, заявив, что двухсторонняя встреча лидеров Японии и Китая на саммите не может состояться². Что касается взаимных визитов лидеров двух стран друг к другу, то за все время нахождения Дз. Коидзуми на своем посту не состоялось практически ни одного визита, за исключением поездки премьер-министра в КНР в октябре 2001 г. вскоре после его избрания.

В апреле 2005 г. по всем крупным городам Китая прошли массовые антияпонские демонстрации, которые привели к большим потерям для японского бизнеса. Среди событий, спровоцировавших социальный взрыв, были не только визиты в Ясукуни, но и утверждение новой редакции японских учебников истории со слишком мягкой, по мнению КНР, оценкой японской агрессии, обострение спора о принадлежности островов Сэнкаку/Дяюйдао и предложение о предоставлении Японии места постоянного члена Совета Безопасности ООН³. Тем не менее почва для протестов была подготовлена именно накопившимся за несколько предшествующих лет напряжением в связи с ситуацией вокруг храма Ясукуни и односторонней отменой встреч на высшем уровне китайской стороной. Антияпонские демонстрации существенно подрывали доверие жителей Японии к Китаю как к направлению предпринимательской деятельности и туризма.

Столь серьезные проявления проблемы на государственном и социальном уровнях свидетельствуют о глубоком непонимании сторон по вопросу Ясукуни: очевидно, что с китайской стороны сохраняется чувство глубокой обиды на Японию за военное прошлое, с японской же стороны можно наблюдать достаточно жесткое неприятие позиции КНР и нежелание идти на уступки. При этом точка зрения КНР является не менее жесткой и бескомпромиссной.

В то же время, по оценкам экспертов, протесты были связаны и с внутривнутриполитическими и социальными процессами в КНР, а также с интересами внешней политики. Так, существует мнение о том, что

¹ Вайцзяобу цзю Сяоюань каньбай Цзинго шэньшэ дэн да цзичжэвэнь (Ответы МИД на вопросы журналистов о посещении Коидзуми храма Ясукуни и других проблемах) // Агентство Синьхуа. 18.10.2005. URL: <http://news.sina.com.cn/c/2005-10-18/20378045254.shtml> (дата обращения: 29.10.2019). (На кит. яз.)

² China Rules out Meeting with Koizumi // China Daily. 30.11.2005. URL: http://www.chinadaily.com.cn/english/doc/2005-11/30/content_499205.htm (accessed: 29.10.2019).

³ Будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН, КНР препятствует включению туда Японии.

китайское правительство не сдерживало стихийно возникшие акции протеста, поскольку это могло быть воспринято обществом как поддержка Японии. По другой версии, акции протеста, наоборот, были неофициально санкционированы правительством КНР, чтобы помешать вступлению Японии в Совет Безопасности ООН¹.

Противостояние сторон по проблеме Ясукуни ярко проявилось на всех уровнях японо-китайских отношений — от официальных протестов правительств двух стран до резких заявлений СМИ и вышеупомянутых народных волнений.

В октябре 2005 г., после пятого посещения храма премьер-министром Дж. Коидзуми, министр иностранных дел КНР Ли Чжаосин выразил протест послу Японии, заявив, что правительство Китая и жители страны «решительно возмущены такого рода ошибочными действиями, намеренно оскорбляющими чувства и достоинство народов пострадавших государств и наносящими серьезный ущерб японо-китайским отношениям». В заявлении паломничество в храм, где почитаются военные преступники «класса А», названо «дерзким» и отмечено, что японский милитаризм нанес самый серьезный ущерб китайскому народу в истории современного Китая².

В ответной позиции МИД Японии утверждается, что посещение храма связано не с намерением «возвеличить милитаризм» или почтить память преступников «класса А», а с желанием выразить уважение и благодарность многочисленным жертвам войны. При этом японская сторона осознает, что народам Азии причинены огромные страдания, «понимает необходимость смиренного принятия исторической правды, глубокого раскаяния и сохранения в сердцах людей чувства вины»³.

По всей видимости, ключевым расхождением во взглядах является само отношение к храму Ясукуни или к тому, что он воплощает для

¹ China Is Pushing and Scripting Anti-Japanese Protests // The New York Times. 2005. April 15. URL: <https://www.nytimes.com/2005/04/15/world/asia/china-is-pushing-and-scripting-anti-japanese-protests.html> (accessed: 29.10.2019).

² Чжунго вайцзюбу фабяо шэнмин яньли цянцэ Жиэнь шоусян Сяоюань Чуньилан цзайцы цаньбай Цзинго шэньшэ (МИД КНР опубликовал заявление с резкой критикой очередного посещения храма Ясукуни премьер-министром Японии Дз. Коидзуми) // МИД КНР. 17.10.2005. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676836/xgxw_676842/t216903.shtml (дата обращения: 11.10.2019). (На яп. яз.)

³ Ясукуни дзиндзя сампай-никансуру сэйфу-но кихонтэки татиба (Базовая позиция правительства Японии по вопросу посещения храма Ясукуни) // МИД Японии. 10.2005. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/taisen/yasukuni/tachiba.html> (дата обращения: 11.11.2019). (На яп. яз.)

каждой из сторон. Если для КНР Ясукуни — символ милитаризма, то для Японии это историческое место памяти о погибших за родину, независимо от того, кем они были при жизни. Здесь проявляются такие особенности японского отношения к проблеме, как консервативность и приверженность традициям, а также принятое в Японии отношение к смерти¹. Немаловажную роль играет и сформировавшийся в послевоенный период комплекс виктимности [Стрельцов 2016: 337], связанный с тем, что Япония тоже пострадала в войне. Учитывая болезненную реакцию китайской стороны, поведение Дз. Коидзуми, его настойчивость выглядят демонстративными, в том числе когда премьер-министр идет на уступки и специально переносит свои визиты с 15 августа на нейтральные даты.

Еще более рельефно противостояние по проблеме Ясукуни предстает в китайских и японских СМИ. В китайских публикациях нельзя найти практически ни одного оправдания действиям Дз. Коидзуми. Храм Ясукуни представляется абсолютным злом и воплощением страданий, причиненных странам региона во время войны. В статье, опубликованной Центральным телевидением Китая, храм назван «символом внешней агрессии и экспансии Японии»², а в статье «Жэньминь жибао» — «духовной опорой внешней агрессии и экспансии японского милитаризма»³. В обеих публикациях, сделанных в день первого посещения храма вновь избранным премьер-министром, подчеркивается, что визит состоялся, несмотря на яростные протесты в Японии и за рубежом. И хотя Дз. Коидзуми намеренно избежал болезненной даты 15 августа, «Жэньминь жибао» настаивает, что посещение храма неприемлемо для Китая ни в какой форме: «независимо от того, когда и кто посещает храм, каждый визит является серьезным оскорблением и надругательством над чувствами народов Азии, подвергшихся грубому вторжению японского милитаризма». При этом в публикации

¹ Согласно традиционным японским поверьям, души умерших теряют свою индивидуальность и сливаются с главным духом предков. Помимо этого, считается, что, какие бы грехи человек ни совершил за свою жизнь, смерть освобождает от ответственности и служит искуплением вины: как говорят по-японски, синэба хотокэ («умерев, человек превращается в Будду»).

² Жибэнь шоусян Сяоцюань каньбай Цзинго шэньшэ (Премьер-министр Японии посетил храм Ясукуни) // CCTV. 13.08.2001. URL: www.cctv.com/special/515/3/23729.html (дата обращения: 28.12.2019). (На кит. яз.)

³ Жибэнь цзюньго чжуи дэ чжаохунышэ — Цзинго шэньшэ (Храм Ясукуни — место поклонения душам милитаризма) // Жэньминьван. 13.08.2001. URL: www.peopledaily.com.cn/GB/guojia/22/82/20010813/534350.html (дата обращения: 28.12.2019). (На кит. яз.)

CCTV отмечено, что в число почитаемых душ включены не только 14 военных преступников «класса А», но и более 2000 преступников «классов В и С»¹.

Судя по дальнейшей реакции, в том числе на публикацию позиции МИД Японии и другие комментарии по рассматриваемой проблеме, китайская сторона считает любые объяснения и формулировки неискренними. Так, по мнению журналиста Гуань Кэцяна, повторное посещение храма премьер-министром 21 апреля 2002 г. перечеркивает все сказанное Дз. Коидзуми за полгода до этого, когда премьер-министр принес извинения и признал факт японской агрессии². В августе 2006 г., после последнего и наиболее провокационного (поскольку он пришелся на 15 августа) визита Дз. Коидзуми в храм в статусе премьер-министра Японии, «Хуаньцю шибао» пишет, что звучавшие на протяжении предшествовавших лет оправдания о том, что это якобы «личное дело» Коидзуми, «внутренняя политика» страны, «молитва о мире» и т.п., были обманом и характеризуют премьер-министра как безответственного государственного лидера³.

Мнение японских СМИ в отношении действий Дз. Коидзуми было более разнородно и зачастую критично. Однако это лишь подчеркивало непримиримость позиции премьер-министра и его вызывающее поведение. На протяжении всего периода премьерства Дз. Коидзуми в Японии можно было наблюдать разброс мнений от открытой поддержки официальных визитов и даже больших надежд именно на 15 августа как на важную дату с точки зрения национального единства Японии⁴ до жесткой критики, близкой к позиции китайской стороны. Так, газета «Асахи» отмечала, что, если раскаяние в японской агрессии, выраженное премьер-министром ранее, было искренним, ему следовало отказаться от посещения храма⁵.

¹ Преступники, осужденные за менее тяжкие военные преступления другими военными трибуналами.

² Сяоцюань юаньхэ чжи цаньбай Цзинго шэньшэ (Почему Коидзуми выразил желание посетить храм Ясукуни) // Жэньминьван. 24.04.2002. URL: <http://www.people.com.cn/GB/guoj/24/20020424/716047.html> (дата обращения: 30.12.2019). (На кит. яз.)

³ Хуаньцю шибао: Сяоцюань Чуньилан дэ цзиншэнь шицзе (Газета «Хуаньцю шибао»: Духовный мир Коидзуми Дзюньтитиро) // Жэньминьван. 16.08.2006. URL: <http://world.people.com.cn/GB/1030/4708611.html> (дата обращения: 29.12.2019). (На кит. яз.)

⁴ См., напр.: Рокунэн гози кокуэки мамору (На протяжении 6 лет защищать национальные интересы) // Санкэй симбун. 16.08.2006. (На яп. яз.)

⁵ Мими о фусаги, мэ о тодзаси (Заткнуть уши, закрыть глаза) // Асахи симбун. 16.08.2006. (На яп. яз.)

С приходом к власти С. Абэ в японо-китайских отношениях наступило потепление. Первая официальная поездка премьер-министра в КНР после вступления в полномочия, которая состоялась в октябре 2006 г., получила в китайских СМИ название «визита, сломавшего лед». Хотя, как было отмечено ранее, риторика С. Абэ относительно ответственности страны за прошлую агрессию и чувства вины у современных поколений отличалась от того, что говорили его предшественники, в вопросе храма Ясукуни С. Абэ проявлял большую дипломатичность и осторожность. Более деликатно вели себя после Дз. Коидзуми и другие премьер-министры Японии.

Между первым и вторым сроками премьерства С. Абэ ситуация была сравнительно спокойной. Последователь С. Абэ Фукуда Ясуо обязался больше никогда не посещать Ясукуни, что было с воодушевлением воспринято соседями Японии¹. Находящиеся у власти в 2009–2012 гг. лидеры Демократической партии Японии Хатояма Юкио, Кан Наото и Нода Ёсихико также отказались от официального посещения храма, причем Ю. Хатояма объяснил свое решение тем, что в число почитаемых в нем военных включены преступники, осужденные МВТДВ². Н. Кан повел себя еще более сдержанно, рекомендовав всему кабинету не посещать храм в годовщину капитуляции Японии, а Ё. Нода объявил, что последует примеру своих предшественников.

Тем не менее нельзя сказать, что с течением времени реакция КНР на визиты в храм высших должностных лиц Японии поменялась. Когда С. Абэ впервые за годы своего премьерства посетил Ясукуни в декабре 2013 г., китайская сторона вновь выразила решительный протест, заявив, что, «обеляя свою агрессию и колониальную историю, Япония оскверняет (декларируемые ею) демократию, мир и свободу»³. В последующие годы С. Абэ от визитов в храм воздерживался и посетил его только в 2020 г., уже после ухода в отставку по состоянию здоровья.

¹ Несмотря на то что в апреле 2008 г. Ясукуни посетили 62 члена японского парламента, среди которых были бывший министр сельского хозяйства Симамура Ёсинобу и специальный советник премьер-министра Яматани Эрико, Я. Фукуда от визита отказался (The Japan Times. 23.04.2008), и в период его премьерства ситуация в японо-китайских отношениях улучшилась.

² Hatoyama Pledges No. to Visit Yasukuni Shrine // The Wallstreet Journal. 2009. April 12. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB125001588907223315> (accessed: 28.11.2020).

³ Вайцзяобу цзю жи шоусян Аньбэй Цзиньсянь цаньбай Цзингошэньшэ дэн да цзич-жэ вэнь (МИД отвечает на вопросы журналистов о визите премьер-министра Японии Синдзо Абэ в храм Ясукуни) // Центральное народное правительство КНР. 26.12.2013. URL: http://www.gov.cn/xwfb/2013-12/26/content_2555092.htm (дата обращения: 28.11.2020). (На кит. яз.)

Новый премьер-министр Японии Суга Ёсихидэ, согласно традиции¹, отправил в Ясукуни 17 октября 2020 г. ритуальное подношение (украшенную лентами ветку японского вечнозеленого дерева *сакаки*). Однако, учитывая относительно благоприятную ситуацию в японо-китайских отношениях, он не планирует личных визитов, чтобы не провоцировать негативную реакцию соседей².

Период нахождения у власти Дз. Коидзуми можно считать наиболее показательным с точки зрения характеристики современного взгляда китайской стороны на проблему храма Ясукуни. В это время обстановка накалилась до предела, что позволило каждой из сторон выразить свою позицию в исчерпывающей форме. В современных условиях проблема Ясукуни остается болезненной составляющей исторической памяти, и можно предполагать, что, если храм посетит премьер-министр Ё. Суга, это вызовет столь же резкую и негативную реакцию, как и прежде.

Еще одним аспектом исторического прошлого, который периодически проявляет себя в японо-китайских отношениях, является проблема учебников истории. Эта проблема воплощает в себе историческую память в широком смысле, поскольку, *во-первых*, связана с освещением в учебниках всех болезненных как для Японии, так и для пострадавших стран событий войны (начиная от определения самого понятия японской агрессии до освещения конкретных действий японской армии, включая Нанкинскую резню, использование труда «женщин для утешения», работу «Отряда 731» и т.д.), *во-вторых*, касается передачи этих знаний последующим поколениям и формирования отношения общества к событиям военного прошлого. Не случайно страны Азии, которые сильнее всего пострадали в военный период (в первую очередь КНР и Р. Корея), выражают резкий протест в связи с недостаточно полным освещением военной истории в японских учебниках. Однако, как и в случае с храмом Ясукуни, обстановка вокруг учебников истории начала накаляться только в 1980-е годы, а в предшествовавшие десятилетия эта проблема не вызывала столь выраженной международной реакции.

Содержание японских учебников истории начало подвергаться корректировкам практически сразу после войны. Американские окку-

¹ 17 октября в храме отмечается один из главных ритуальных праздников, каннамэсай, связанный с осенним сбором урожая.

² Japan P. Suga sends offering to war-linked Yasukuni shrine // KYODO NEWS. 17.10.2020. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2020/10/5f97158b9de0-update1-suga-sends-offering-to-war-linked-yasukuni-shrine.html> (accessed: 30.11.2020).

пационные власти старались исключать из них информацию об агрессивной политике Японии, чтобы как можно скорее искоренить «милитаристский дух» из японского общественного сознания [Мелькина 2015: 185]. В дальнейшем в Японии была сформирована многоступенчатая система сертификации учебников, и их содержание стало предметом внутривластного противостояния консервативных и левых сил страны [Стрельцов 2014: 18].

Оппонентами Министерства образования в этой борьбе выступали представители японской либеральной интеллигенции, и наибольшую известность получили судебные процессы профессора Токийского университета Иэнага Сабуро против Министерства образования Японии. С. Иэнага подавал в суд в 1965, 1978 и 1993 гг. в связи с неодобрением содержания написанного им учебника. Цензуре подверглись описания Нанкинской резни, деятельности «Отряда 731», а также окинавского сражения, в ходе которого имели место инспирированные японской армией массовые самоубийства жителей Окинавы. Только в 1950-е годы Министерство образования требовало внести в текст С. Иэнага более 200 поправок [Saito 2017: 35–36]. Первые два иска были безрезультатными, и только в третий раз суд пришел к решению о незаконном характере отдельных требований о внесении изменений, в частности тех, которые касались «Отряда 731» и описания изнасилований в Нанкине. Тем не менее сама процедура утверждения учебников была признана конституционной.

В 1982 г. возник первый дипломатический конфликт в связи с корректировкой содержания учебников истории Министерством образования Японии: КНР и Р. Корея выразили официальный протест после того, как газета «Асахи» сообщила о требовании Министерства образования заменить в одном из учебников слово «агрессия» (яп. *синряку* 侵略) на слово «продвижение (войск)» (яп. *синсюцу* 進出). Напряженность была усилена словами министра образования, науки и культуры Огава Хэйдзи о том, что сложившаяся ситуация «является скорее внутренним вопросом Японии, чем дипломатической проблемой», а также заявлением одного из японских политиков¹ о том, что «в корейских учебниках истории тоже могут быть ошибки», и, «учитывая внутреннюю ситуацию в Корее в военный период, правомерность употребления слова “агрессия” корейской стороной также вызывает сомнения». Сообщения об этом быстро распространились в корейских

¹ Речь идет о критическом заявлении начальника управления земель и ресурсов Японии Мацуно Юкиясу о корейских учебниках.

и китайских СМИ, а через месяц министру образования Японии было официально отказано в планировавшемся ранее визите в КНР [Кимура 2014: 14].

Результатом возникшего конфликта стали извинения от имени правительства Японии и обещание пересмотреть рекомендации по содержанию учебников в интересах дружбы и стабильности в Азии и во всем мире. В заявлении генерального секретаря кабинета министров Японии Миядзава Киити в августе 1982 г. говорилось, что «Япония остро осознает ответственность за серьезный ущерб, нанесенный китайскому народу во время войны, и глубоко упрекает себя (за это)» и что страна «обратит должное внимание на критику (связанную с описанием исторических событий в японских учебниках) и, в интересах развития дружеских отношений с соседними государствами, внесет в них исправления под ответственность правительства»¹. В этом же году в список рекомендаций Министерства образования было включено «положение о соседних странах» (*кинрин сёкоку дзё:ко*: 近隣諸国条項), подразумевающее, что автор любого учебника должен проявить необходимую заботу о международном понимании и согласии со странами Азии по вопросам, касающимся новой и новейшей истории.

После двух десятилетий относительного спокойствия в 2001 г. возник новый кризис в японо-китайских отношениях в связи с интерпретацией событий прошлого в учебниках. Причиной стала публикация «Обществом по созданию нового учебника истории» (далее — «Общество»)² книги националистического содержания. Хотя известно, что число школ, сделавших выбор в пользу этой альтернативы среди всех предлагаемых вариантов, не велико (при первых двух изданиях, в 2001 и 2005 гг., оно не достигало 1%)³, выход учебника вызвал бурную реакцию в КНР и Республике Корея.

¹ Statement by Chief Cabinet Secretary Kiichi Miyazawa on History Textbooks // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 1982. August 26. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/postwar/state8208.html> (accessed: 02.12.2020).

² Общество по созданию нового учебника истории (*Атарасий рэкиси кё:каё-о цукуру кай* 新しい歴史教科書をつくる会) было основано в 1997 г. Оно ставит своей целью публикацию и распространение учебника, используя который дети смогут чувствовать гордость за свою страну, взамен учебников с «нездоровым» содержанием, представляющих Японию в необоснованно плохом свете. Одним из последних достижений, отмеченных Обществом, стало одобрение публикации в апреле 2016 г. учебника без упоминаний о Нанкинской резне. URL: <http://www.tsukurukai.com/aboutus/ayumi.html>.

³ По данным сайта «Общества», отметку в 1% удалось преодолеть только в 2009 г. после решения об использовании учебника Городским советом образования Иёкогамы. URL: <http://www.tsukurukai.com/aboutus/ayumi.html>.

16 мая 2001 г. представитель Департамента Азии МИД КНР встретился с сотрудником японского посольства в Пекине и потребовал, чтобы правительство Японии приняло меры для исправления «серьезных ошибок» в содержании «правых учебников истории». В частности, по его словам, китайская сторона обнаружила, что авторы «снимают (с японского государства) ответственность за развязывание полномасштабной агрессивной войны против Китая, обеляют колониальное господство японского милитаризма в Северо-Восточном Китае, скрывают историческую правду о Нанкинской резне, подвергают нападениям справедливые решения МВТДВ в отношении японских военных преступников и т.п.»¹.

Второе издание учебника «Общества», вышедшее в 2005 г., вызвало новую волну возмущения. Китайские СМИ отмечали, что после внесения поправок Министерства образования (которые, как утверждается, «основаны на объективных научных результатах и исторической правде») подход, характеризующийся отрицанием истории и оправданием японской агрессии, не изменился. Так, в принятых к публикации учебниках издательства Фусося было подчеркнуто изначальное намерение японской стороны мирно разрешить Инцидент на мосту Лугоу, который стал поводом для начала войны; Нанкинская резня была переведена в категорию «инцидента», а точная оценка ее масштабов и обстоятельств названа сомнительной; о «женщинах для утешения», «Отряде 731» и политике «трех всех» не упоминалось вовсе. Последнее касалось и учебников других издательств — эксплуатация сексуальных рабынь, жестокие эксперименты над местным населением и тактика выжженной земли будто стали запретными темами. Если в 1995 г. одно из семи уполномоченных издательств еще упоминало в своих учебниках о «женщинах для утешения», то к 2000 г. осталось только одно такое издательство, а к 2005 г. даже в этом единственном случае употреблялась расплывчатая формулировка «женщины, направленные на станции утешения во время войны»².

Сообщения о японских учебниках истории подогрели антияпонские настроения в КНР и вместе с накопившимся недовольством в связи

¹ Жибэнь икоу цзюйцзюэлэ чжунго тичу дэ сюгай юи цзяокэшу дэ яоцю (Япония категорически отклонила требование Китая об исправлении содержания «правых» учебников истории) // Жэньминьван. 17.05.2001. URL: http://japan.peopledaily.com.cn/2001/05/17/jiben20010517_5987.html (дата обращения: 02.12.2020). (На кит. яз.)

² Жибэнь юи цзяокэшу чулун цянхуоу: вайшюй шиши юйгай мичжан (До и после публикации японских «правых» учебников истории: попытки скрыть факты искажения истории) // Синьлан цзюньши. 12.04.2005. URL: <http://mil.news.sina.com.cn/2005-04-12/1309280419.html> (дата обращения: 02.12.2020). (На кит. яз.)

с визитами в Ясукуни и предложением о включении Японии в СБ ООН привели к масштабным антияпонским выступлениям. В толпе китайских демонстрантов бросались в глаза плакаты с лозунгами «Не забудем национальное унижение» и «Долой японский милитаризм!».

Китайская сторона по-прежнему внимательно следит за содержанием японских учебников истории и болезненно воспринимает любые неточные формулировки. Большое беспокойство вызывает и распространение вышеупомянутого националистического учебника «Общества по созданию нового учебника истории». «Общество» изначально рассчитывало, что со временем 10% школьных учебников будут «новыми» и патриотичными. В этом направлении удалось достичь определенных успехов: к 2011 г. было завоевано 4% рынка учебников (по данным сайта «Общества»). Анализируя динамику распространения учебника, Жэньминьван отмечает, что этому способствовал состав комиссии по его утверждению, которая была сформирована из специалистов правого толка¹.

В 2000-е годы страны региона начали предпринимать совместные усилия для поиска точек соприкосновения в интерпретации событий прошлого и создания учебника с более взвешенной оценкой военной истории. Имевшие место к настоящему времени межправительственные инициативы включают совместное исследование истории японскими и корейскими учеными, которое проводилось в два этапа (с 2002 по 2005 г. и с 2007 по 2010 г.), и аналогичную инициативу правительства Японии и правительства КНР.

В случае с Китаем предложение было выдвинуто японской стороной, а именно — министром иностранных дел администрации Дз. Коидзуми Н. Матимурой (который до этого был министром образования, науки, спорта и культуры). О запуске проекта было официально объявлено в ходе встречи высших должностных лиц КНР и Японии в 2006 г., во время известного визита С. Абэ, «сломавшего лед» в японо-китайских отношениях. Это стало своего рода знаком, что после длительного периода «холода» из-за регулярных посещений премьер-министром Японии храма Ясукуни стороны приложат усилия для того, чтобы наконец решить проблему исторического прошлого. Проект продолжался до декабря 2009 г. Его формат подразумевал публикацию японскими и китайскими авторами работ по сходной тематике после предварительного обсуждения. Направления исследований включали

¹ Жибэнь цзяоэкэшу даоди шэньмэянь? (Как выглядят японские учебники истории?) // Жэньминьван. 01.10.2014. URL: <http://www.people.com.cn/32306/366956/373562/> (дата обращения: 03.12.2020). (На кит. яз.)

историю японо-китайских отношений с древности до 1945 г., в том числе изучение проблем взаимного восприятия двух народов, социокультурного взаимодействия двух стран и экономических и политических связей в регионе, однако акцент был сделан именно на событиях Второй мировой войны. По итогам проекта обеими сторонами было написано около 30 работ, которые были опубликованы в коллективных монографиях в формате «японская точка зрения» — «китайская точка зрения»¹.

Китайские исследователи, знакомые с содержанием публикаций², отмечают, что, хотя по некоторым вопросам мнения сторон разошлись, по принципиальным проблемам им удалось прийти к консенсусу. Военные события в японских публикациях анализируются с ракурса «японская агрессия — китайская война сопротивления», политика «трех всех» квалифицируется как жестокая расправа с местными жителями, нарушающая нормы международного права, а Нанкинская резня — как антигуманный поступок, заключающийся в массовых убийствах невинного гражданского населения. Это в целом совпадает с точкой зрения китайских коллег. Однако трактовка обстоятельств начала войны по-прежнему остается предметом существенных расхождений: так, японская сторона считает «инцидент 7 июля» (известный как Инцидент на мосту Лутоу) и Мукденский инцидент случайными событиями, а свое вторжение в Китай — реакцией на внешние обстоятельства. Хотя понимание сущности Нанкинской резни у сторон совпадает, не достигнуто единство мнений относительно ее масштабов: если китайские исследователи считают, что число жертв «превышает 300 тыс. человек», то японские ученые утверждают, что жертв «не более 200 тыс.», и объясняют расхождение цифр сложностью верификации данных в материалах и статистике. В целом обеим сторонам рекомендуется заимствовать опыт друг у друга и активнее обмениваться мнениями для создания более открытой и свободной исследовательской атмосферы (Линь 2010: 60).

Еще одним, уже негосударственным проектом стало совместное исследование ученых из Японии, Республики Корея и КНР в 2002—

¹ Ниттю: рэкиси кё:до: кэнкю: (гайё:) (Совместное исследование истории Японии и Китая (обзор)) // МИД Японии. 09.2010. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/china/rekishi_kk.html (дата обращения: 04.12.2020). (На яп. яз.)

² Далее приводится анализ профессора Линь Сяогуана, специалиста по международным отношениям в Восточной Азии, истории китайской дипломатии и истории японо-китайских отношений (Линь 2010).

2005 г., в результате которого был опубликован учебник «История — окно в будущее» (англ. *History to Open the Future*). Здесь достигнутый консенсус проявился в том, что японская сторона согласилась признать свою прошлую агрессивно-захватническую политику при условии, что, как и другие участники войны, Япония будет представлена пострадавшей стороной [Мелькина 2015: 185].

Как показали итоги масштабных совместных проектов, к полному взаимопониманию сторонам прийти так и не удалось. С выходом на повестку дня проблемы спорных островов Сэнкаку/Дяоюйдао¹ после их частичной национализации японским правительством в 2012 г. территориальная принадлежность островов стала еще одной болезненной темой в связи с содержанием учебников. Китайские СМИ обращают внимание, что после национализации островов Япония стала чаще заявлять о своем суверенитете в учебниках истории, одобренных Министерством образования. Как сообщила в апреле 2015 г. газета «Чжунго цинняньбао», в новом списке учебников для средней школы по 18 разным предметам (включая географию, историю, обществознание и другие гуманитарные науки) острова Токто (яп. Такэсима)² и острова Дяоюйдао (яп. Сэнкаку) были названы японской территорией. При этом в 14 случаях — в два раза чаще, чем ранее, — употреблялась формулировка «исконно японская территория». Помимо этого, как и прежде, китайские журналисты обращают внимание на описание Нанкинской резни, а именно — на намеренное смягчение связанной с ней формулировки (например, на то, что как написано в новом учебнике Нанкинская резня «распространилась на военнопленных и местных жителей», а не «привела к истреблению большого числа военнопленных и местных жителей», как в предыдущем издании), и делают вывод о том, что в новых редакциях учебников воплощена идея администрации С. Абэ о «проблеме территорий в образовании» (яп. *рё:до кё:ику* 領土教育) и «патриотическом образовании» (яп. *айкокусин кё:ику* 愛国心教育)³.

¹ Острова, которые являются предметом спора между Японией, Китайской Народной Республикой и Китайской Республикой (Тайвань) и о которых пойдет речь далее в этой главе.

² Группа небольших островов в западной части Японского моря, которые являются предметом спора между Южной Кореей и Японией.

³ Жибэнь цзайцы сюгай цзяокэшу сыи цуаньгай лиши. Аньбэй хочэн дицюй лии чумайчжэ (Япония вновь изменила содержание учебников истории, самовольно исказив исторические факты) // Агентство Синьхуа. 08.04.2015. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-04/08/c_127667894.htm (дата обращения: 06.12.2020). (На кит. яз.)

В марте 2020 г. «Хуаньцю шибао» и ряд других китайских СМИ вновь выразили свое возмущение содержанием учебников, одобренных для школьников на следующий год. В частности, «Хуаньцю шибао» заявила, что японцы «присваивают острова даже через учебники», и привела слова представителя пресс-службы МИД КНР о том, что «принадлежность Дяоюйдао Китаю останется неизменным фактом, что бы ни говорила и ни делала Япония»¹.

Таким образом, учебники до сих пор остаются полем для столкновения взглядов двух стран по ключевым вопросам исторического прошлого. Пока хотя бы малая часть японских школ используют учебники националистического содержания и описание военных событий хотя бы немного расходится с запечатленной в китайском общественном сознании памятью о войне, сохраняется повод для серьезных международных конфликтов.

Нельзя не отметить, что содержание учебников истории в соседних странах Азии воспринимается Японией не менее критично. Более половины японских респондентов в последних опросах *Genron NPO* (в 2019 г. 59,8%, а в 2020 г. — 65,5%) неизменно указывают на националистическое, антияпонское образование как на проблему японо-китайских отношений, требующую решения. Помимо этого, многие японцы (26,7% в 2019 г. и 29,3% в 2020 г.) считают серьезной проблемой восприятие Нанкинской резни в КНР. Как было упомянуто ранее, одной из главных причин негативного отношения к КНР в Японии являются постоянные нападки китайской стороны в связи с историческими проблемами, и очень болезненно в связи с этим воспринимаются сообщения китайских СМИ, где можно увидеть немало критики в адрес японских учебников истории (на эту проблему указали 37,0% респондентов в 2019 г. и 41,0% в 2020 г.)². Очевидно, что принятое в 1982 г. «положение о соседних странах» не имело ожидаемого эффекта.

Администрация С. Абэ старалась дистанцироваться от проблемы учебников истории. Подчеркивая преимущество своей позиции по

¹ Чжэчжун шихоу Жибэнь хайю жэнь цун цзяокэшу ли “Щеюй дяоюйдао” (В такое время в Японии еще есть люди, которые «присваивают Дяоюйдао» в учебниках) // Синьлан цзюньши. 25.03.2020. URL: <https://mil.news.sina.com.cn/2020-03-25/doc-iimxxsth1612324.shtml> (дата обращения: 06.12.2020). (На кит. яз.)

² Дай 16-кай нитто: кё:до: ёрон тё:са: (16-е совместное исследование общественного мнения в Японии и Китае) // The Genron NPO. 2020. URL: <https://www.genron-npo.net/world/archives/9354-2.html> (дата обращения: 08.12.2020). (На яп. яз.)

отношению к предшествовавшим премьер-министрам Японии и необходимость осторожного обращения с историей, С. Абэ заявил в 2014 г., что «вопросы исторического прошлого не должны политизироваться и превращаться в дипломатические проблемы», а «исследования истории должны быть доверены знающим людям и специалистам»¹. Это означает, что глобальное изменение ситуации в ближайшем будущем маловероятно.

Проблема принадлежности островов Сэнкаку/Дяоюйдао в Восточно-Китайском море имеет длительную историю и связана с событиями, предшествовавшими Второй мировой войне. Однако итоги этой войны, не дав исчерпывающего обоснования суверенитета ни для одной из заинтересованных сторон (помимо КНР и Японии на острова претендует Тайвань), послужили импульсом к развитию конфликта на протяжении второй половины XX и начала XXI в.

Притязания КНР сводятся к тому, что архипелаг издревле был китайской территорией и еще при династиях Мин и Цин был включен в юрисдикцию Китая вместе с Тайванем. В конце XIX в., после китайско-японской войны 1894–1895 гг., остров Формоза (Тайвань) и относящиеся к нему небольшие острова, в числе которых Дяоюйдао, перешли Японии согласно Симоносэксскому договору. В ходе Второй мировой войны предшествующие договоры Китая с Японией были аннулированы, а Каирская декларация 1943 г. четко зафиксировала, что территории, отторгнутые у Китая, должны быть возвращены Китайской Республике. Кроме того, 8-я статья Потсдамской декларации от июля 1945 г. гласит, что условия Каирской декларации должны быть выполнены и японский суверенитет должен быть ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку, а также теми менее крупными островами, которые будут указаны. Подписывая акт о капитуляции 2 сентября 1945 г., Япония заявила о готовности принять Постдамскую декларацию, следовательно, острова Дяоюйдао должны быть возвращены Китаю².

Япония же настаивает, что никаких следов контроля династии Цин на островах не было, и они были включены в ее состав в 1895 г. на ос-

¹ Сангиин ёсан иинкай (Хэйсэй 26 нэн 3 гацу 14 ка) ни окэру Абэ со:ри то:бэн (Ответы премьер-министра Абэ на вопросы на заседании бюджетного комитета Палаты советников 14 марта 2014 г.) // МИД Японии. 14.03.2014. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/gp/page23_000875.html (дата обращения: 08.12.2020). (На яп. яз.)

² Чжунго дуй Дяоюйдао вэньти дэ личан (Позиция Китая по проблеме Дяоюйдао) // МИД КНР. 19.04.2012. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/cein/chn/xwfw/xxfb/t969481.htm> (дата обращения: 27.02.2021). (На кит. яз.)

нове принятого в международном праве принципа первоочередного занятия территории. Сэнкаку не были ни частью острова Тайвань, ни частью Пескадорских островов, переданных Японии цинским Китаем в соответствии с Симоносэским договором. После Второй мировой войны Сэнкаку не были в числе территорий, от которых Япония отказалась согласно Сан-Францисскому мирному договору 1951 г. Напротив, в соответствии со статьей 3 данного договора, Сэнкаку вместе с другими островами Нансэй были переданы под опеку США, а впоследствии, в 1971 г., возвращены Японии¹.

Касательно Сан-Францисского мирного договора китайская сторона утверждает, что архипелаг Нансэй в его условиях не включал Сэнкаку и правительство США в одностороннем порядке расширило свою юрисдикцию. Только поэтому при возвращении Японии контроля над Окинавой в 1971 г. Сэнкаку были включены в территории, подлежащие возвращению. Ситуация осложняется тем, что не будучи стороной, подписавшей Сан-Францисский договор (представителей Китая не пригласили из-за неопределенности, связанной с гражданской войной), КНР считает этот договор недействительным, следовательно, для Китая не имеют силы и все последующие действия, связанные с островами.

Территориальный спор вокруг Сэнкаку/Дяоюйдао возник сразу же после подписания Токио и Вашингтоном соглашения о возвращении Японии контроля над Окинавой. В июне 1971 г. о своих правах на острова заявил Тайбэй, в декабре того же года с аналогичным заявлением выступил Пекин, а в марте 1972 г. свою позицию обозначил Токио. Хотя при нормализации японо-китайских отношений в 1972 г. КНР не выражала своих претензий в явной форме, подписание Договора о мире и дружбе между странами в 1978 г. было ознаменовано масштабной демонстрацией возле островов с участием 140 китайских судов и джонок (Семин 2008: 70). Известно, однако, что во время своего официального визита в Японию в октябре 1978 г. Дэн Сяопин предложил оставить спор последующим поколениям, «которые будут более мудрыми и смогут найти решение, приемлемое для обеих сторон»².

Конфликт был отложен, но мог напомнить о себе в любой момент, и через 14 лет после заявления Дэн Сяопина, в апреле 1992 г., Китай

¹ Сэнкаку сёто: ницуитэ (Об островах Сэнкаку) // МИД Японии. 03.2015. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/senkaku/pdfs/senkaku.pdf> (дата обращения: 27.02.2021). (На яп. яз.)

² Там же.

в одностороннем порядке принял внутренний Закон о территориальных водах и морской прибрежной зоне КНР, включив Дяоюйдао в свой состав. В ответ на это правительство Японии выразило решительный протест с требованием изменения закона или его отмены¹.

С японской стороны с тех пор, как в 1895 г. архипелаг Сэнкаку был включен в состав Японии, четыре его наиболее крупных острова находились в безвозмездной аренде, а затем в собственности у частного лица, остальные же острова находились в собственности у государства. Одним из наиболее резонансных событий японо-китайских отношений последнего десятилетия стала национализация островов Сэнкаку правительством Японии, о которой было объявлено в сентябре 2012 г. Этот неслыханный по своей дерзости шаг вызвал масштабные анти-японские демонстрации во всех крупных городах Китая, заставив китайский народ вспомнить и остальные проблемы, связанные с историческим прошлым.

Обида Китая была особенно серьезной, учитывая, что национализация островов была проведена в преддверии 18-го съезда КПК, прошедшего в ноябре 2012 г., на котором проходила смена власти в стране. По этой причине КНР посчитала действия японского правительства провокационными, так как национализация создавала конфликтную ситуацию с первых дней работы пятого поколения руководителей. В то же время быстрое урегулирование ситуации и подавление волнений не представлялись возможными, так как ставили китайские власти перед риском получить имидж непатриотичного и слабого руководства [Перминова 2020].

С точки зрения интересов всех причастных сторон проблема Сэнкаку/Дяоюйдао неразрывно связана с разграничением акватории в Восточно-Китайском море и освоением ресурсов. Первые сообщения об обнаружении нефти на шельфе островов появились еще в 1968 г. Консультации между сторонами по разработке нефтегазовых месторождений не увенчались успехом, и со временем обстановка все больше накалялась. Отсутствие согласованной сторонами морской границы привело к конфликтам, связанным с установкой буровых платформ на спорных территориях, проведением трубопроводов к побережью, разграничением сфер влияния между нефтегазовыми компаниями. Китайские компании *CNPC*, *Sinopec* и *CNOOC* оценивают Восточно-Китайское море как перспективную зону добычи сырой

¹ Getting Senkaku History Right // The Diplomat. 26.11.2013. URL: <https://thediplomat.com/2013/11/getting-senkaku-history-right/> (accessed: 11.12.2020).

нефти и природного газа, и японская сторона отмечает, что в последние годы с их стороны участились случаи односторонней разработки месторождений¹.

Япония наблюдает за активностью буровых установок вблизи спорного архипелага и выражает Китаю протест за протестом. Так, в июне 2018 г. министр иностранных дел Японии Т. Коно выразил глубокое сожаление в связи с появлением новой плавучей буровой платформы китайской компании вблизи условной границы эксклюзивных зон КНР и Японии², а в марте 2019 г. генеральный секретарь правительства Японии Ё. Суга выразил протест в связи с односторонним бурением со стороны Китая в спорном районе³.

Еще одной сферой пересечения интересов сторон являются рыбные ресурсы. Столкновения рыболовецких судов в акватории Сэнкаку/Дяоюйдао приводят к постоянным конфликтам, которые используются в том числе и как средство утверждения суверенитета. В июле 2020 г. Китай заявил, что японские рыболовецкие суда зашли в его территориальные воды. Ранее подобные обвинения чаще предъявлялись японской стороной, и этот шаг был расценен Японией как попытка КНР изменить статус-кво и ослабить ее контроль над островами⁴. Патрулирование судов в Восточно-Китайском море является постоянной практикой. С тех пор как Япония национализировала Сэнкаку, корабли КНР периодически демонстративно заходят в зону, которую Токио считает своими территориальными водами. В июле 2020 г. китайская береговая охрана провела в территориальных водах Японии рекордные 39 часов 23 минуты, а при очередном столкнове-

¹ Тю:гоку ни окэру хигаси сина кай дэ но иппотэки сигэн кайхацу но гэндзё (Текущее состояние односторонней разработки ресурсов Китая в Восточно-Китайском море) // МИД Японии. 30.09.2020. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/china/higashi-shina/tachiba.html> (дата обращения: 12.12.2020). (На яп. яз.)

² Япония и Китай делят недра Восточно-Китайского моря. Токио недоволен появлением новой китайской буровой // Нефтегазовая вертикаль. 2018. 29 июня. URL: http://www.ngv.ru/news/yaponiya_i_kitay_delyat_nedra_vostochno_kitayskogo_morya/?sphrase_id=1955150 (дата обращения: 12.12.2020).

³ Япония заявила очередной протест Китаю из-за бурения в спорном районе Восточно-Китайского моря // Neftegaz.RU. 22.03.2019. URL: <https://neftgaz.ru/news/politics/193572-yaponiya-zayavila-ocherednoy-protest-kitayu-iz-za-bureniya-v-spornom-rayone-vostochno-kitayskogo-mor/> (дата обращения: 12.12.2020).

⁴ China demands Japanese fishing boats not “trespass” in its waters // KYODO NEWS. 2020. July 19. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2020/07/804ccd6d1f49-china-demands-japanese-fishing-boats-not-trespass-in-its-waters.html> (accessed: 12.12.2020).

нии с японским рыболовецким судном в октябре того же года побила этот рекорд¹.

* * *

Как можно заключить из предшествующего обзора основных проблем японо-китайских отношений, историческая память вышла на повестку дня не сразу после войны, а по прошествии нескольких десятилетий после ее завершения. Так, ранее говорилось о том, что визит премьер-министра Японии в храм Ясукуни вызвал официальный протест со стороны Китая только в 1985 г. Содержание японских учебников истории впервые стало предметом дипломатического конфликта в 1982 г., а в начале 1990-х годов новый импульс получил давний спор о территориальной принадлежности островов Сэнкаку/Дяоюйдао.

Наращение напряженности стало стимулом к тому, чтобы, имея в виду приближающуюся важную дату — 50-летие окончания Второй мировой войны, — подвести своеобразный итог и попытаться поставить точку в событиях прошлого. Именно поэтому в 1995 г. прозвучала речь Т. Мураямы с официальными извинениями японского государства в адрес народов Азии. Необходимо также упомянуть о произнесенной в августе 1993 г. речи генерального секретаря кабинета министров Японии Ё. Коно, где были озвучены результаты исследования правительства Японии по вопросу «женщин для утешения». Ё. Коно заявил об официальном признании проблемы японской стороной и принес извинения. Тем не менее, как показало дальнейшее развитие событий, ни в одном из вопросов исторического прошлого точку поставить не удалось.

Причина, по которой историческая память не вышла на повестку дня в 1950-е, 60-е и 70-е годы, достаточно очевидна и связана с переходным периодом между капитуляцией Японии и нормализацией ее отношений со странами Азии. В это время происходило экономическое и политическое восстановление отдельных стран и всего региона. Большой интерес представляет современная ситуация, отражающая отношение сторон к историческим событиям по прошествии времени.

¹ Chinese ships stay for record time in Japan waters off Senkaku. Two vessels attempt to approach Japanese fishing boat // Nikkei Asia. 2020. October 13. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Chinese-ships-stay-for-record-time-in-Japan-waters-off-Senkakus> (accessed: 12.12.2020).

В первую очередь необходимо отметить, что в обеих странах память о войне подверглась трансформации, результатом которой стало наблюдаемое в настоящее время серьезное расхождение взглядов на ключевые события военного периода. Если говорить о Японии, то этим процессом было постепенное стирание памяти, или забвение, которое происходило, с одной стороны, естественным образом, с другой — под влиянием целенаправленных действий сначала американской администрации, а затем — правительства Японии.

Быстрое восстановление экономики и стремительный рост уровня жизни населения в послевоенные десятилетия, известные под названием «периода высоких темпов роста», или «японского экономического чуда», способствовали постепенному стиранию памяти об ужасах войны. В то же время формирование исторической памяти в стране происходило в условиях курса на обеспечение социальной стабильности и смягчения военной травмы.

Яркой иллюстрацией этого можно считать политику утверждения учебников истории комиссиями Министерства образования, о которой шла речь ранее в этой главе. В том же русле происходило развитие массовой культуры в послевоенный период. Так, кинематограф 1950–1960-х годов акцентировал внимание на событиях, более выигрышных для формирования позитивного национального самосознания. Предпочтение в японских фильмах отдавалось не китайскому фронту, а другим частям Тихоокеанского театра военных действий (см., например, «Подводная лодка I-57 не сдастся» 1959 г. или «Крылья Тихого океана» 1963 г.). Японские солдаты изображались, как правило, мужественными и дисциплинированными, война же была представлена беспорядочной и несправедливой. Все это позволяло изобразить японскую армию как жертву обстоятельств [Wilson 2013: 539].

Безусловно, Китай не был исключен из поля зрения японских кинорежиссеров. В качестве примера можно назвать, например, эпическую кинотрилогию «Удел человеческий» Кобаяси Масаки (1959–1961), действие которой разворачивается в том числе в Маньчжурии. Однако на первый план в этой киноэпопее выведены линии пацифизма и гуманизма. Японский солдат Кадзи не поддерживает империалистическое вторжение Японии в Китай, протестует против зверств милитаристов и всячески пытается облегчить участь китайского народа.

Такой ракурс вместе с сознательным умалчиванием о наиболее болезненных эпизодах войны способствовал формированию нейтрального, не отягощенного чувством вины отношения к военному прошлому у японского народа. Это дополнялось искусственно под-

держиваемым комплексом виктимности и активно пропагандируемым духом пацифизма.

Под комплексом виктимности понимается ощущение жертвенности, создающее чувство психологического комфорта [Стрельцов 2016: 337]. Бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, в которых, по японским оценкам, погибли соответственно 140 тыс. и 70 тыс. мирных жителей Японии (включая тех, кто умер позже от радиации), создали объективные предпосылки для того, чтобы японское общество могло воспринимать собственную страну не только как агрессора, но и как жертву военных событий. По мнению некоторых японских исследователей, это стало одной из главных причин отсутствия в Японии национального чувства вины за военные преступления, в отличие от Германии [Ogawa 2000: 43]. Комплекс виктимности поддерживался консервативными научными кругами и властями Японии, которые периодически ставили вопрос о необходимости «патриотического воспитания» в стране [Стрельцов 2016: 337].

Еще одна особенность сформировавшегося в Японии отношения к историческому прошлому состоит в том, что потери, понесенные в войне, считаются фундаментом, на котором держится мир и процветание страны. Дух пацифизма был лейтмотивом всего периода послевоенного развития Японии, и в умах современного поколения до сих пор жива идея о том, что главным результатом войны было установление мира, доставшегося большой ценой.

При этом нельзя не отметить, что молодые японцы мало знают о войне и проявляют некоторую отстраненность от событий военного прошлого. Показательными в этом отношении были результаты проекта Специальной японо-китайской комиссии по исследованию учебников истории, приуроченного к 50-летию окончания войны [Нихон но сэйто 1996]. Комиссией был проведен опрос учащихся разных ступеней обучения с целью выявления степени их осведомленности о ключевых военных событиях. Результаты опроса позволили также сделать выводы об отношении к войне и ракурсе, с которого воспринимается участие в ней Японии.

Среди ключевых выводов исследования можно отметить следующие. *Во-первых*, учащиеся больше знали о действиях США и европейских союзников в Тихоокеанском театре военных действий, чем о событиях, связанных с наступлением в Китае.

Во-вторых, осведомленность респондентов о датах и событиях, связанных с переходом Японии в статус жертвы и с ее поражением в войне, была выше, чем о событиях, связанных непосредственно

с агрессией. Так, значительно больше учащихся смогли назвать точную дату капитуляции Японии, дату бомбардировки Хиросимы и дату атаки на Пёрл-Харбор, чем даты японо-китайской войны и Мукденского инцидента, послужившего началом захвата Маньчжурии.

В-третьих, в вопросах, отражающих оценку военных событий (что послужило причиной войны и на ком лежит ответственность за войну), у респондентов наблюдалась значительная доля сомнения: учащиеся не могли с уверенностью судить о том, лежала ли ответственность на императоре Японии, на правительстве и войсках Японии, на японском народе, на правительстве Китая, на китайском народе, на других народах Азии или же на западных державах.

По большинству предложенных вариантов порядка половины учащихся выбрали неопределенные ответы («ничего не могу сказать» или «не знаю») или же вовсе проигнорировали предложенный вариант ответа [Нихон но сэйто 1996: 1–27].

Учитывая, что исследование проводилось 25 лет назад, его участники входят в настоящее время в тот костяк японского общества, который формирует общественное мнение по ключевым политическим проблемам. Это делает понятной наблюдаемую в Японии болезненную реакцию на критику со стороны Китая. Так или иначе, тема войны связана с тяжелой травмой для современного поколения японцев. У многих представителей японского общества война ассоциируется с воспоминаниями о погибших родных и близких. Для некоторых она связана с чувством вины за японскую агрессию и ошибки прошлого или в целом является неприятной темой для обсуждения.

Путь, который прошла историческая память в КНР, связан с противоположными процессами, которые привели в конечном итоге к абсолютизации существующих проблем и возведению войны в ранг национальной трагедии.

Война действительно была трагедией для китайского народа. Однако в первые послевоенные десятилетия критика Японии в связи с военными событиями считалась «нелактичной» [Стрельцов 2016: 338]. В 1950-е и 1960-е годы Япония была для КНР одним из приоритетных союзников на политической арене. Стремясь получить признание западных стран и вырваться из дипломатической изоляции, коммунисты были заинтересованы в выстраивании дружественных отношений с Токио. В национальной же идеологии КНР более страшным врагом, чем японская военщина, считался режим Чан Кайши, а объектом критики, связанной с войной, становилась в первую очередь группа милитаристов, а не японский народ [Там же: 339]. В этом плане господствовав-

шие в КНР представления перекликались со взглядами, распространяемыми в Японии.

Реализация политики «реформ и открытости», объявленной Дэн Сяопином в 1978 г., потребовала новой идеологической базы для сплочения китайского народа и укрепления позиций КПК. Удобным средством для этого стала отсылка к войне сопротивления японским захватчикам, тем более что тяжелые воспоминания о военных событиях все еще оставались у значительной части китайского населения. Естественной в этих условиях стала смена риторики, связанной с войной, и вопросы исторической памяти стали все чаще подниматься на государственном уровне.

Эти тенденции усилились после событий на площади Тяньаньмэнь (1989), когда антиправительственные демонстрации были жестоко подавлены Народно-освободительной армией Китая. В начале 1990-х годов последователь Дэн Сяопина Цзян Цзэминь развернул масштабную кампанию патриотического образования, реализация которой (с регулярной постановкой новых, но соответствующих генеральной патриотической линии целей) продолжается по сей день. Общепринятой позицией в отношении Японии стало представление ее как государства, которое унижало Китай на протяжении более ста лет (так называемые «сто лет национального позора», берущие начало со времен опиумных войн середины XIX в.) и до сих пор не принесло должных извинений за свою агрессию. Считается, что, пока Япония не признает свою вину, сохраняется угроза возрождения японского милитаризма и риск для безопасности в регионе. При этом КПК позиционирует себя как силу, возродившую былое величие китайской нации, и как гаранта стабильности государства.

Не случайно именно в 1980-е и 1990-е годы в КНР появляются памятники и музеи, связанные с войной. Это и разного рода скульптурные композиции (например, памятник павшим в антияпонской войне солдатам сычуаньской армии, открытый в 1989 г. в г. Чэнду, или сад скульптур антияпонской войны, заложенный в 1995 г. в Пекине), и крупные мемориальные комплексы.

15 августа 1985 г. на месте массового захоронения в г. Нанкин у ворот Цзяндун был открыт «Мемориальный комплекс жертв Нанкинской резни, пострадавших от японских захватчиков». В 1995 г. его экспозиция была расширена и обновлена. Согласно информации на официальном сайте мемориала, он был создан и открыт под личным патронажем Дэн Сяопина, чтобы почтить память более 300 тыс. китайцев, пострадавших в Нанкине. В настоящее время

в музее представлены три основные экспозиции: экспозиция, посвященная историческим фактам о Нанкинской резне, тематическая экспозиция, связанная с концепцией «трех решительных побед» (кит. *саньгэ бишэн* 三个必胜)¹, и экспозиция, посвященная эксплуатации сексуальных рабынь, функционированию организованной японской армией системы «женщин для утешения» и сопутствующим преступлениям².

Здесь важно также отметить, что траур по жертвам Нанкинской резни был выведен на государственный уровень сравнительно недавно — в 2014 г., когда на Седьмой сессии ПК ВСНП 12-го созыва было принято решение об утверждении 13 декабря в качестве Национального дня памяти жертв Нанкинской резни. С тех пор по всей стране ежегодно проводятся траурные мероприятия.

В 1987 г. в Пекине рядом с мостом Лугоу был открыт «Музей сопротивления китайского народа японским захватчикам», который считается единственным в стране мемориальным комплексом, полностью отражающим историю антияпонской войны. После масштабной реконструкции в 2005 г. территория музея представляет собой огромную площадь с массивной скульптурой льва, ассоциирующейся с пробуждением китайской нации. С каждой стороны площади разбито по 7 лужаек. Такой ландшафт символизирует Инцидент на мосту Лугоу (так называемый «инцидент 7 июля») и войну сопротивления, продолжительность которой оценивается в 14 лет³.

На сегодняшний день в Китае насчитывается 80 военных памятников и исторических мест государственного уровня, связанных с войной сопротивления японским захватчикам. Их список был обнародован Госсоветом КНР в сентябре 2020 г. по случаю 75-летия окончания войны⁴. Сеть мемориально-исторических учреждений вместе с риторикой руководства страны, публикациями СМИ и работой системы образо-

¹ Слова, произнесенные Си Цзиньпином в 2015 г. на 70-летие окончания войны сопротивления японским захватчикам и означающие «решительную победу справедливости, решительную победу мира и решительную победу народа» (正义必胜! 和平必胜! 人民必胜!).

² Официальный сайт «Мемориального комплекса жертв Нанкинской резни, пострадавших от японских захватчиков». URL: <http://www.19371213.com.cn>.

³ Официальный сайт «Музея сопротивления китайского народа японским захватчикам». URL: <http://www.1937china.org.cn>.

⁴ China announces list of anti-Japanese war memorials, historical sites // Xinhuanet. 2020. September 4. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-09/04/c_139340861.htm (accessed: 28.12.2020).

вания определенным образом формировала историческую память и отношение к Японии в китайском обществе.

В начале 2000-х годов, при председателе КНР Ху Цзиньтао, который старался выстраивать гармоничные отношения со всеми странами региона в своей внешней политике, была сделана попытка развития отношений с Японией на основе «нового мышления» (кит. *синьсывэй* 新思维). Предлагалось отказаться от жесткой линии в отношении Токио ради выстраивания полноценных японо-китайских отношений. Однако, несмотря на готовность государственных лидеров и активную работу китайских научных кругов в этом направлении, концепция «нового мышления» не смогла перерасти в официальный политический курс. По мнению некоторых ученых, это было связано с внешнеполитическими факторами, а именно — с укреплением японо-американского альянса и, как следствие, усилением конкуренции Японии и Китая на мировой арене [Перминова 2020]. Определенную роль, вероятно, сыграла и инерция сформированных ранее антияпонских настроений.

И все же, как ни странно, социологические опросы показывают, что жители КНР относятся к Японии лучше, чем японцы относятся к материковому Китаю и китайцам. Согласно обследованию *Genron NPO*, антияпонские настроения в КНР были достаточно сильны после периода премьерства Дз. Коидзуми, известного своими визитами в храм Ясукуни. Так, в 2005 и 2006 гг. благоприятное впечатление о Японии было менее чем у 15% китайских респондентов. Резкая отрицательная динамика наблюдалась в 2013 г. после национализации японским правительством островов Сэнкаку/Дяоюйдао. Это событие вызвало эмоциональную реакцию китайской общественности, и доля респондентов, которые хорошо относились к Японии, упала за год с 31,8 до 5,2%. Однако в скором времени отношение к стране-соседу начало восстанавливаться и улучшаться в обеих странах, причем в Китае более заметно, чем в Японии. В результате к 2019 г. хорошо относились к Японии 45,9% китайских респондентов, а из японской аудитории хорошо о КНР отзывались лишь 15% участников опроса¹.

Таким образом, несмотря на положительную динамику, разное отношение к вопросам военного прошлого по-прежнему отталкивает страны друг от друга. Трансформация исторической памяти, наблюдавшаяся в Японии и в КНР после войны, привела к еще большему

¹ Дай 15-кай ниттю: кё:до: ёрон тё:са: (15-е совместное исследование общественного мнения в Японии и Китае) // The Genron NPO. 2019. URL: <https://www.genron-npo.net/pdf/15th.pdf> (дата обращения: 28.04.2019). С. 2. (На яп. яз.)

расхождению взглядов сторон. В наблюдающемся в настоящее время столкновении взглядов сильны политическая и эмоциональная составляющие. Большую роль играют различия темперамента двух народов и национальная гордость. Японской стороне реакция Китая зачастую кажется слишком резкой и эмоциональной. В то же время обе позиции одинаково непримиримы. Здесь можно вспомнить о том, что когда-то страны были настолько близки, что Китай рассматривал Японию как своего младшего брата [Каткова, Чудодеев 2001: 134–135]. От этого китайской стороне еще сложнее простить «предательство» Японии, особенно учитывая исторически сложившееся чувство превосходства Китая как центра цивилизации.

Говоря о политической составляющей, историческую память следует рассматривать в контексте развития японо-китайских отношений в целом. Вопросы исторического прошлого выходили на повестку дня параллельно с другими проблемами, привлекавшими международное внимание. Не случайно первое резкое падение имиджа Китая в Японии было связано не с исторической памятью, а с подавлением демонстрации на площади Тяньаньмэнь в 1989 г.

На рубеже веков в японо-китайских отношениях произошел качественный сдвиг, связанный с изменением соотношения сил в регионе. С одной стороны, усилилась экономическая взаимозависимость двух стран, с другой — лидирующие позиции в настоящее время, вне всяких сомнений, принадлежат Китаю, подавляющему другие страны региона своей экономической мощью. Тесное взаимодействие с мощным и влиятельным государством стало для Японии новой реальностью, и расширение присутствия Китая на мировой арене все больше воспринимается как угроза.

В середине 1990-х годов появились первые признаки того, что КНР может превзойти Японию по валовому внутреннему продукту. Как и ожидалось, это произошло достаточно скоро, и в 2010 г. КНР вышла на второе место в мире по объему номинального ВВП. Такой экономический прорыв означал вытеснение Японии с позиций сильнейшей в Азии экономической державы. Большое беспокойство японцев стали вызывать рост геополитического влияния КНР, вес этой страны в принятии решений мирового масштаба, ее ядерный потенциал и военные расходы. Постепенное сворачивание японской ОПР в стране в 2000-е годы связано именно с этим.

За последние десятилетия японо-китайские отношения стали сложнее, чем прежде, по своему характеру, и теперь вопросы исторического прошлого во многих отношениях дополняют и усиливают другие

противоречия. Более явной стала и роль исторической памяти как инструмента давления и манипуляции как в международных отношениях, так и во внутренней политике государств.

Считается, что чувствительность китайского общества к вопросам военного прошлого повысилась в 1980-е годы вследствие либерализации в стране и повышения уровня жизни китайского населения. Зародившийся средний класс, с одной стороны, почувствовал гордость за экономические успехи своей страны, с другой — получил возможность более свободно выражать свою точку зрения. Этому также способствовало расширение свободы СМИ и последовавшее через некоторое время распространение Интернета. Общественное мнение становилось все более серьезным предметом для беспокойства китайских властей, и антияпонская пропаганда превратилась в инструмент отвлечения внимания от внутренних проблем [Zakowski 2012: 50]. Именно в этот период в КНР начинает корректироваться содержание учебников и происходит масштабное открытие музеев и памятников.

Критика японских учебников истории также становится средством для достижения политических целей и акцентирования внимания на вопросах, представляющих насущный интерес. Акценты менялись вместе со сменой международной повестки: если в 1990-е годы китайские СМИ обращали пристальное внимание на широко обсуждаемую в этот период проблему «женщин для утешения», то после национализации Японией островов Сэнкаку/Дяоюйдао в 2012 г. внимание китайских журналистов переключилось на упоминания о принадлежности островов и связанные с этим формулировки. Показательно при этом, что не так широко в китайских СМИ освещаются положительные изменения, например то, что в части учебников истории, одобренных японским Министерством образования на 2021 г., говорится о жестоких обстоятельствах Нанкинской резни и в текст возвращена изъятая в 1994 г. формулировка «женщины для утешения при армии» (яп. *дзю:гун ианфу* 従軍慰安婦)¹.

Еще одной интересной тенденцией стал рост заявленного китайской стороной масштаба потерь в войне, который, по мнению Японии, связан не столько с новыми исследованиями, сколько с эскалацией проблемы исторической памяти. За последние десятилетия официальная оценка КНР потерь, понесенных в войне, повышалась несколько

¹ «Дзю:гун ианфу», «нанкин дзикэн» дзигяку кидзюцу ва тэкисэцу ка (Правомерно ли мазохистское описание «женщин для утешения при армии» и «нанкинского инцидента») // Санкэй симбун. 24.03.2020. URL: <https://www.sankei.com/life/news/200324/lif2003240041-n1.html> (дата обращения: 29.12.2020). (На яп. яз.)

раз. В марте 2014 г. во время своего визита в Берлин председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что японо-китайская война унесла жизни 35 млн китайцев, а в Нанкинской резне погибли более 300 тыс. солдат и мирных жителей — цифры, которые, по мнению японских СМИ, созданы искусственно с целью манипулирования общественным мнением. Кроме того, как отмечают японские журналисты, обвиняя Японию во время своего европейского турне, Си Цзиньпин взял пример с «дипломатии жалоб» (яп. *цугэутти гайко*: 告げ口外交), к которой прибегала президент Республики Корея Пак Кынхе¹.

В целом при Си Цзиньпине память о японских преступлениях, жертвах китайского народа и его победе в войне с Японией активно используется как одна из идеологических основ для укрепления режима. Об этом говорит, в частности, введение через два года после прихода Си к власти государственного траура по жертвам Нанкинской резни. Однако, несмотря на то что в первые несколько лет Си Цзиньпин лично посещал Нанкин в памятный день 13 декабря, после 2017 г. (когда было отмечено 80-летие событий в Нанкине) он перестал приезжать на траурные мероприятия лично. По мнению руководителя представительства ТАСС в Японии Василия Головнина, такое поведение китайского лидера связано с повышением ценности отношений КНР с Японией на фоне ухудшения отношений с США².

Для государственных лидеров Японии публичное выражение своего отношения к вопросам исторического прошлого связано с поиском баланса между поддержкой электората и сохранением своего «лица» перед ключевыми партнерами Японии в регионе. В связи с этим, с одной стороны, при возникновении серьезных дипломатических конфликтов Япония идет на уступки (как это произошло в 1982 г. с учебниками истории, когда было принято «положение о соседних странах», или когда Дз. Коидзуми переносил даты посещения храма Ясукуни), с другой стороны, ведет себя принципиально в ключевых вопросах, связанных с войной. Это в первую очередь касается извинений за агрессию. Линия С. Абэ на прекращение извинений и более мягкие формулировки, позволяющие снять ответ-

¹ Кокумин кандзё: о рию: ни кохё: судзи но со:са о курикаэсу тю:гоку (Китай продолжает манипулировать официальными цифрами, ссылаясь на народные настроения) // JBpress. 02.05.2014. URL: <http://jbpress.%20ismedia.%20jp/articles/-/40575> (дата обращения: 01.10.2014). (На яп. яз.)

² Политическая карта в большой игре // Эхо Москвы. 2020. 13 декабря. URL: <https://echo.msk.ru/blog/golovnin/2757536-echo/> (дата обращения: 30.12.2020).

ственность с современного поколения, соответствует мнению большинства японцев, которые, как показало недавнее социологическое исследование, считают извинения со стороны правительства Японии достаточными¹.

В период премьерства Дз. Коидзуми, когда ситуация в японо-китайских отношениях ухудшилась в связи с регулярными визитами политического лидера в храм Ясукуни, китайские СМИ объясняли поведение японского премьер-министра в том числе и внутривнутриполитическими и социальными процессами в Японии. Так, по мнению журналиста Гуань Кэцяна, посещение Ясукуни было необходимо Дз. Коидзуми для повышения рейтинга и удержания своих позиций в тяжелой экономической ситуации². Помимо этого, отмечалось, что Дз. Коидзуми столкнулся с самым серьезным внутривнутриполитическим кризисом с момента своего прихода к власти, спровоцированным приватизацией почтовой системы Японии, и в этих условиях очень вероятным было использование храма Ясукуни для переключения внимания общественности на внешнеполитические проблемы³.

В то же время при избрании на второй срок в 2012 г. С. Абэ предпочел сделать акцент на внутренних проблемах Японии и использовать их в своих интересах. Согласно опросу общественного мнения, 49% поддержки японских избирателей могли обеспечить будущему премьер-министру экономический рост и занятость, в то время как внешняя политика и политика безопасности были важны лишь для 10% электората [Lin 2015: 481]. В связи с этим приоритетом политики С. Абэ стала абэномика⁴, а вопросы исторического прошлого были важны лишь в той

¹ Согласно онлайн-опросу читателей газеты «Нихон кэйдай симбун» («Никкэй»), проведенному в связи с 70-летием окончания войны, 77% японцев считают извинения правительства Японии достаточными. При этом 66% согласны с тем, что война Японии была агрессивной. Куикку Vote кайсэцу. Сэйфу ни ёру сядзай «судэ ни дзю:бун» 77% (Интерпретация результатов быстрого голосования. 77% считают, что извинения правительства достаточны) // Нихон кэйдай симбун. 27.05.2015. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXMZO87290950W5A520C1110000> (дата обращения: 30.12.2020). (На яп. яз.)

² Хуаньцю шибао: цаньбай, Сяошюань цзуйхоу дэ чжэнчжи дучжу (Газета «Хуаньцю шибао»: посещение [храма] — последняя политическая ставка Коидзуми) // Синьлан чжунсинь. 10.08.2005. URL: <http://news.sina.com.cn/c/2005-08-10/15047462157.shtml> (дата обращения: 30.12.2019). (На кит. яз.)

³ Там же.

⁴ Абэномика — термин, составленный путем соединения фамилии премьер-министра С. Абэ и слова «экономика». Обозначает комплекс мер, предпринятых администрацией С. Абэ для оживления экономики Японии после продолжительной стагнации.

степени, в какой требовалось поддержать национальную идентичность японского общества.

Возвращаясь к влиянию внешних факторов на вопросы исторического прошлого в современных японо-китайских отношениях, необходимо отметить, что активные социально-экономические контакты между странами отодвинули политические проблемы на второй план. Вторая половина 1990-х и начало 2000-х годов — это период, когда японо-китайские отношения, в том числе торговля, сотрудничество по линии прямых инвестиций, другие формы двустороннего обмена (наука, образование, культура), развивались особенно динамично. В это время в отношениях двух стран возникло такое явление, как «холодная политика — горячая экономика» (кит. *чжэнлэн-цзинжэ* 政冷经热).

Росту масштабов японо-китайской торговли во многом способствовало превращение Китая в производственную базу японской промышленности в 1980–1990-е годы. Успешные поэтапные реформы позволили Китаю привлечь значительный объем иностранных инвестиций. В то же время тяжелая ситуация в экономике Японии подталкивала японские компании к масштабному экспорту предпринимательского капитала, а в КНР открывались для этого большие возможности. По данным организации «Джетро», к концу 2019 г. в материковом Китае накоплено 130,3 млрд долл. прямых инвестиций японских компаний, что в 5 раз превышает японские накопленные инвестиции в Индии и сопоставимо с их накопленным объемом в странах АСЕАН¹.

Одновременно Китай стал одним из ключевых торговых партнеров Японии и в конце концов занял прочные позиции в ее экспорте и импорте. Это наглядно отражает японская таможенная статистика. С середины 1990-х годов КНР стабильно занимала второе место после США среди крупнейших торговых партнеров Японии, а в 2007 г. вырвалась на первое место и сохраняет эту позицию до сих пор. На протяжении более десятилетия на Китай ежегодно приходится около 20% японского товарооборота. При этом в 2000-е годы стала особенно заметна роль китайских товаров в японском импорте. Если место важнейшего направления японского экспорта делят между собой США и Китай, то крупнейшим источником импорта для Японии с 2002 г. неизменно остается Китай².

¹ Japanese Trade and Investment Statistics // Jetro. 2021. URL: <https://www.jetro.go.jp/world/japan/stats/fdi.html> (accessed: 27.02.2021).

² Trade Statistics of Japan // Ministry of Finance. 2021. URL: <http://www.customs.go.jp/toukei/suii/html/data/y3.pdf> (accessed: 27.02.2021).

По мнению китайского профессора университета Цинхуа Лю Цзяньюна, в 1990-е годы японо-китайские отношения перешли в новую стадию, когда экономические связи уже не находятся в такой сильной зависимости от политической обстановки, как прежде. Это привело к тому, что в крайне неблагоприятный для японо-китайских политических отношений период премьерства Дз. Коидзуми, когда болезненную реакцию в соседних странах Азии вызывали его регулярные визиты в храм Ясукуни, возникла никогда не наблюдавшаяся ранее ситуация расцвета экономических связей [Лю 2007].

Рост экономической мощи КНР и тесные связи Китая с Японией привели к активизации китайско-японских контактов на микроуровне: растет число деловых визитов, появляется все больше совместных предприятий, где в одном коллективе работают японские и китайские сотрудники. Вследствие усиления необходимости для обеих сторон в лучшем понимании и изучении своего партнера повысился взаимный научный интерес. В 1990-е и начале 2000-х годов стало заметно присутствие в Японии большого числа китайских студентов, а также граждан КНР, постоянно пребывающих в Японии в другом статусе; резко возросло число китайских туристов. Большую роль в этом играет политика правительства Японии по привлечению иностранных студентов и туристов и усилия, прилагаемые для распространения японской культуры и знаний о Японии за рубежом.

В обеих странах можно наблюдать постепенную трансформацию общественного сознания. Хотя у современного поколения сохраняется память о проблемах исторического прошлого и обо всем, что формировало негативный имидж страны-соседа в последние десятилетия, положительное отношение к стране-соседу формируется благодаря социально-экономическим связям, культурному обмену и туризму. При условии стабильности двусторонних связей эта составляющая, вероятно, будет вытеснять тяжелые для обеих сторон воспоминания о войне.

В то же время усложнение японо-китайских отношений, их многоаспектный характер несет в себе определенные риски. В современных условиях нерешенные проблемы могут по-прежнему напоминать о себе и оказывать негативное влияние на стабильность двусторонних связей. Обеим сторонам предстоит еще много работы для достижения взаимопонимания как на уровне политиков, так и на уровне японского и китайского общества. Большую роль в формировании отношения к исторической памяти в Японии и Китае будет по-прежнему играть

соотношение внутривнутриполитических и внешнеполитических интересов. Важной составляющей этого процесса останется также научный обмен и активность двусторонних контактов по линии культуры и туризма.

Список литературы

На русском языке

Гринюк 2016 — *Гринюк В. А.* Руководство и пресса Японии о 70-летию окончания Второй мировой войны // Актуальные проблемы современной Японии. Вып. XXX. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 117–139.

Каткова, Чудодеев 2001 — *Каткова З. Д., Чудодеев Ю. В.* Китай — Япония: любовь или ненависть? М.: Крафт+, 2001.

Ковригин 2012 — *Ковригин Е. Б.* Япония — Китай: официальная помощь развитию как инструмент экономического взаимодействия // Пространственная экономика. 2012. № 3. С. 9–33.

Мелькина 2015 — *Мелькина А. В.* Проблема корейско-японских исторических противоречий: взгляд из Японии // Актуальные проблемы современной Японии. 2015. № 29. С. 172–188.

Молодякова 2007 — *Молодякова Э. В.* Многоаспектность проблемы святилища Ясукуни // Япония. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2007. С. 48–68.

Перминова 2020 — *Перминова В. А.* Память о войне в Китае и ее влияние на современные японо-китайские отношения // История. 2020. Т. 11. Вып. 12 (98). Ч. I. URL: <https://history.jes.su/S207987840010292-0-1> (дата обращения: 10.01.2021).

Семин 2008 — *Семин А. В.* Японо-китайские отношения: состояние, проблемы, тенденции (конец XX — начало XXI в.). М.: ИДВ РАН, 2008.

Сигрейв 2005 — *Сигрейв С., Сигрейв П.* Династия Ямато / Пер. с англ. С. А. Аклаева. М.: АСТ, ЛЮКС, 2005.

Стрельцов 2014 — *Стрельцов Д. В.* Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии. Япония. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2014. С. 7–27.

Стрельцов 2016 — *Стрельцов Д. В.* Идентичности России и Японии в послевоенный период (1945–1991 гг.) // Япония. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2016. С. 337–352.

На английском языке

Lin 2015 — *Lin Chong-Pin.* Behind Rising East Asian Maritime Tensions with China: Struggle without Breaking // Asian Survey. 2015. Vol. 55. No. 3. P. 478–501.

Lind 2009 — *Lind J.* The Perils of Apology: What Japan Shouldn't Learn from Germany // Foreign Affairs. 2009. May/June. Vol. 88. No. 3. P. 132–146.

Ogawa 2000 — *Ogawa Shuko.* The Difficulty of Apology: Japan's Struggle with Memory and Guilt // Harvard International Review. 2000. Vol. 22. No. 3. P. 42–46.

Saito 2017 — *Saito Hiro.* The History Problem: The Politics of War Commemoration in East Asia. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2017.

Wilson 2013 — *Wilson S.* Film and Soldier: Japanese War Movies in the 1950s // Journal of Contemporary History. 2013. No. 48 (3). P. 537–555.

Xu 2013 — *Xu Xianfen*. Japan's Official Development Assistance (ODA) Policy towards China: The Role of Emotional Factors // *Journal of Contemporary East Asia Studies*. 2013. 2:1. P. 77–94. DOI: 10.1080/24761028.2013.11869058.

Yamazaki 2006 — *Yamazaki Jane W.* Japanese Apologies for World War II: A Rhetorical Study. L. & N.Y.: Routledge, 2006.

Zakowski 2012 — *Zakowski K.* Reaction to Popular Pressure or a Political Tool? Different Interpretations of China's Policy Regarding Koizumi's Visits to the Yasukuni Shrine // *Journal of Contemporary Eastern Asia*. 2012. October. No. 11 (2). P. 47–60.

На китайском языке

Ван 1998 — *Ван Цзюньянь*. Да вайцзяоцзя Чжоу Эньлай (Великий дипломат Чжоу Эньлай). Пекин: Далу цзинцзи жибао чубаньшэ, 1998.

Линь 2010 — *Линь Сяогуан*. Гуаньюй чжунжи лиши гунтун яньцзю: цзибэнь цинкуан юй цидянь сыкао (О совместном исследовании истории Китая и Японией: общая информация и некоторые соображения) // *Хэпин юй фачжань*. 2010. № 4. С. 59–63.

Лю 2007 — *Лю Цзяньюн*. Чжунго юй Жибэнь. Бяньхуачжун-дэ «чжэнлэн-цзиньжэ» гуаньси (Китай и Япония. Меняющиеся отношения «горячей политики — холодной экономики»). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2007.

Сунь 2006 — Чжунжи гуаньси ши (История китайско-японских отношений) / Под ред. Сунь Найминь. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2006. Т. 2.

Цуй 2011 — *Цуй Шигуан*. Чжунжи сяньху жэньши дэ сяньчжуан, тэчжэн юй кэти (Текущая ситуация, особенности и вопросы взаимопонимания между Китаем и Японией) // *Жибэнь сюэкань*. 2011. № 6. С. 56–70.

На японском языке

Кимура 2014 — *Кимура Кан*. Дай итидзи рэкиси кё:касё фунсо: кара «кокунити» ундо: э. Дзэн Токан сэйкэнки но тай-нити кан но хэнка ни цуитэ но итико:сацу (От первого конфликта в связи с учебниками истории до движения «кокунити»: исследование изменений во взглядах на Японию в период правления Чон Ду Хвана) // *Journal of International Cooperation Studies*. 2014. July. Vol. 22. No.1.

Нихон но сэйто 1996 — Нихон но сэйто, гакусэй но дзю:гонэн сэнсо:кан то кё:касё. Ниттю: но рэкиси ни кансуру исики тё:са (Учебники и восприятие 15-летней войны японскими учениками и студентами. Обследование отношения к истории японо-китайских отношений). Никкё:гуми «Сэнго 50 нэн то нихон но кё:ику» пуродзекуто. Ниттю: кё:касё кэнкю: токубэцу иинкай (Проект Японского союза учителей «50 лет после войны и японское образование». Специальная японо-китайская комиссия по исследованию учебников). Токио: Адобантэ:дзи са:ба:, 1996.

О: 2016 — *О: Ко:дзю*. Нихон но сэнсо: байсё: мондай то тай Тю: сэйсаку (Проблема военных репараций Японии и ее политика по отношению к Китаю) // *Хо:сэй ронсю*: 2016. Сентябрь. № 267. С 43–81.

Раздел I. Проблемы... в отношениях Японии с азиатскими странами-соседами

Такэнака 2018 — *Такэнака Сэко*. Сэнсо: то сядзай хё:гэн-ни кансүру ниттү: тайсё: кэнкю: (Сравнительное исследование формулировок извинений, связанных с войной, с точки зрения японского и китайского языка) // То:ё: дайгаку гакудзюцу дзё:хо; риподзитори. 2018. Декабрь. URL: <http://id.nii.ac.jp/1060/00010252/> (дата обращения: 06.08.2020).

Хиракава 2006 — *Хиракава Сатико*. 40-дай нихондзин но Тю:гокүкан о сагүру (Исследуя восприятие Китая японцами, родившимися в 40-е годы). COE-CAS Working Paper № 32. 2006. Декабрь. URL: https://waseda.repo.nii.ac.jp/?action=repository_action_common_download&item_id=27655&item_no=1&attribute_id=77&file_no=1 (дата обращения: 10.01.2021).

Г Л А В А 6

«Дипломатия извинений» в отношениях Японии со странами Восточной Азии

После окончания Второй мировой войны перед Японией встала задача нормализации отношений со странами-соседями, пострадавшими от ее милитаристской политики. Поскольку Сан-Францисский мирный договор по разным причинам не был подписан ни КНР, ни государствами Корейского полуострова, ни многими странами Юго-Восточной Азии, Токио был вынужден решать проблему восстановления отношений с ними на двустороннем уровне. При этом, помимо решения вопроса материальных компенсаций, от Японии для строительства дружественных отношений с этими странами, в общественном мнении которых преобладали сильные антияпонские настроения, требовалось выразить свое отношение к своему недавнему историческому прошлому, заверить их в мирном характере послевоенного государства, а также высказать в адрес стран-партнеров свои извинения за проводившуюся в годы войны агрессивную политику.

Это, в свою очередь, поставило японское руководство перед необходимостью проведения «дипломатии извинений». Такая дипломатия имеет не только международно-политическое, но и морально-этическое измерение. Для стран дальневосточного культурного ареала, где преобладают конфуцианские этические нормы, оценка действий извиняющегося проводится не только и не столько с юридических, сколько с этических позиций, а выбор извинительной лексики неизбежно становится фактором, который определяет общую атмосферу отношений с ним. При этом неточный или неадекватный выбор фразеологии поставит лидера извиняющегося государства в сложное положение: с одной стороны, чрезмерное самобичевание сопряжено с риском «потери лица» в глазах партнера, а также внутривнутриполитическими издержками (например, в связи с критикой правительства со стороны «патриотических» сил собственной страны и т.д.), с другой — из-за недостаточного признания вины все усилия по нормализации отношений могут пойти

насмарку. Между тем для Японии этические аспекты проблемы извинений были тесно связаны с внутривнутриполитическим контекстом, а именно — вопросом о том, как сам японский народ оценивал свое недавнее прошлое и итоги Второй мировой войны.

Послевоенное развитие «дипломатии извинений»

Проблема «дипломатии извинений» тесно связана с вопросом исторической ответственности послевоенной Японии за совершенные милитаристским режимом преступления, который имеет как юридическую, так и морально-этическую сторону.

В юридическом смысле послевоенная Япония в полном смысле слова вышла из довоенного милитаристского государства, став его полноценным правопреемником. Конституция 1947 г. была принята на основе положений старой, относящейся еще к периоду Мэйдзи. В отличие от послевоенной Германии, система государственного управления в Японии, несмотря на послевоенные чистки, была сохранена практически в неизменном виде в кадровом и организационном отношениях, а в результате «обратного курса» на свободу из заключения вышли даже осужденные за военные преступления политики и бюрократы первого эшелона, принимавшие ключевые решения в годы Второй мировой войны. В результате под довоенным прошлым не было подведено жирной черты, в противоположность тому, как послевоенная Германия отмежевывалась от своего нацистского прошлого.

Правопреемственность проявлялась и в отношении международно-правовых обязательств страны. Например, заключенные в довоенный период правительством императорской Японии договоры, даже если они носили явно экспансионистский характер (например, договор 1910 г. о передаче японскому императору прав на Корею), не воспринимались в послевоенной Японии как нелегитимные, наоборот, послевоенные правительства в полной мере использовали их для обоснования своей позиции по различным международным проблемам.

Что касается этической стороны дела, послевоенное поколение японцев воспринимало свое недавнее прошлое не только в плоскости «источника ущерба для других» (*кагайся*), но и в плоскости самоощущения «жертвы», т.е. «пострадавшей стороны» (*хигайся*). Виктимизация, отчетливо проступавшая при оценке недавнего исторического прошлого, была основана на романтизации тех страданий, которые испытал японский народ в годы войны. Важным постулатом, на котором воспитывались послевоенные японцы, стала идея о том, что японский

народ, равно как и император, стал жертвой милитаристской клики, которая привела страну к военной катастрофе. При этом фактически замалчивалась субъектность милитаристской политики, позволяющая определить ответственность виновных за те или иные преступные деяния. По мнению итальянского исследователя М. Дьяна, в историческом видении недавнего прошлого в послевоенной Японии сложился дискурс «истории пассивного залога» [Dian 2017: 42], когда события происходили как бы сами по себе («Было начато продвижение на материк», «Был отдан приказ начать наступление» и т.д.).

Виктимность особенно подпитывалась трагическими событиями конца войны, к которым в первую очередь относятся ковровые бомбардировки Токио марта 1945 г. и атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, унесшие жизни сотен тысяч японских граждан. Япония была практически полностью разрушена и лежала в руинах. В глазах многих многочисленные жертвы среди мирного населения, особенно те, кто пострадал от столь бесчеловечного оружия, в полной мере искупили вину Японии за ее исторические прегрешения.

По сути несправедливыми в глазах многих японцев стали представляться итоги Токийского трибунала. Как писал японский исследователь М. Футакура, Токийский процесс, при том что он способствовал росту антимилитаризма и пацифизма, так и не стал «уроком истории» а его воспитательное значение было крайне ограниченным [Futamura 2008: 106]. Хотя Международный военный трибунал для Дальнего Востока был создан для того, чтобы судить высших руководителей Японии за их преступления против человечности и мира, многие японцы рассматривали этот процесс как «справедливость победителей», что стало серьезным препятствием для критического осмысления уроков прошедшей войны.

Критическому осмыслению экспансионистской политики периода Второй мировой войны препятствовало и то, что в глазах японцев такая политика была обычной для крупных государств того времени, включая Великобританию и США, и это обстоятельство не давало этим странам морального права давать оценку действий Японии в годы войны, которые по сути не отличались от действий их самих. Именно эту точку зрения выдвинул на трибунале индийский судья Радхабинод Пал, высказавший свое особое мнение в отношении вынесенного Токийским трибуналом обвинительного вердикта [Dower 1986: 37–38].

Появлению «комплекса вины» у японского народа не способствовали и особенности послевоенной международно-политической ситуации в регионе. С провозглашением в 1949 г. КНР в полный рост встала

задача сдерживания коммунизма на Дальнем Востоке. В этих условиях США, оккупировав Японию, взяли курс на ее превращение в своего верного союзника. Чтобы развеять образ врага и привлечь к себе симпатии японцев, поощряли такой взгляд на историю, при котором японский народ был не виноват, а всю ответственность должны нести милитаристские лидеры.

По этой причине судебное преследование руководителей милитаристской политики было организовано таким образом, чтобы показать, что как император, так и рядовые граждане пострадали от действий военных и политических лидеров страны и что после их наказания японская нация могла начать новый, демократический этап своего развития. Обратной стороной такой политики стала ограниченность самокритичной оценки японцами своего прошлого, что неизбежно затруднило процесс полноценного урегулирования отношений со странами-соседями.

Не способствовали активной политике примирения с соседями и особенности внешнеэкономических связей Японии, сложившихся в послевоенный период. В отличие от Германии, благосостояние которой было основано на тесных экономических связях с близлежащими европейскими странами, пострадавшими от ее агрессивной политики в годы войны, Япония в период холодной войны развивалась как мировая торговая нация, ориентированная на глобальные, а не региональные экономические отношения. Если Германия смогла наладить ряд других важных политических и институциональных партнерств с соседними государствами через НАТО и Европейское экономическое сообщество, то Япония после войны надолго «застряла» в асимметричных отношениях с Соединенными Штатами и, находясь в зависимости прежде всего от емкого американского рынка, не испытывала столь насущной потребности в добрососедских отношениях с восточноазиатскими странами.

Пассивности Токио в вопросах примирения с соседями способствовал и внутривнутриполитический фон, а именно — система однопартийного господства Либерально-демократической партии, закрепившейся у власти на протяжении почти четырех десятилетий. В отношении проблем, связанных с наследием Второй мировой войны, партия в целом занимала паллиативную позицию, явившуюся плодом компромисса между консервативными и прогрессивными традициями. Она заключалась в том, что Япония, как и в довоенный период, должна сохранить свою идентичность как лидер азиатского мира. Япония должна была «вернуться» в Азию, чтобы помочь ей избавиться от отсталости,

но не через политический и военный контроль над восточноазиатскими странами, как это было в довоенную эпоху, а через экономические связи с ними. Таким образом, консерваторы выступали за возвращение к лидерской роли Японии, основанной на социально-экономическом и культурном превосходстве страны, которая первая среди азиатских стран преодолела свою азиатскую идентичность, чтобы принять западную модель развития. При этом критического осмысления и тем более прямого отрицания довоенного наследия, по мнению консервативного руководства ЛДП, от Японии особенно не требовалось.

Свою мессианскую роль в отношениях с азиатскими странами Япония пыталась реализовывать на двустороннем уровне, а проблему негативного к себе отношения народов этих стран, связанного с памятью о периоде японской оккупации, решала в основном с экономической помощью и заверениями в мирном характере своих побуждений. За этим почти не звучало политических заявлений, в которых бы давалась не только неоднозначная оценка милитаристского прошлого, но и выражения извинений, которых ждали от Японии в восточноазиатских столицах. Именно так можно оценить «доктрину Фукуда» — политику тесных экономических связей со странами ЮВА, провозглашенную премьер-министром Японии Т. Фукуда в ходе его турне по странам АСЕАН в 1977 г.

В свою очередь, в конфликте с Японией по вопросам исторического прошлого не были заинтересованы и ее азиатские партнеры, включая бывшие японские колонии — Республику Корея и Тайвань. Режим Пак Чжон Хи в 1965 г. согласился с условиями послевоенной нормализации двусторонних отношений, предполагавшими взаимный отказ от претензий по вопросам колониального правления. Южнокорейская сторона полностью удовлетворилась формальным выражением «раскаяния» в связи с колониальным прошлым, содержавшимся в заявлении японского министра иностранных дел Японии Э. Сиина. На церемонии подписания соглашения о нормализации отношений в 1965 г. тот выразил «искреннее сожаление» (*макото ни икан*) и «глубокое раскаяние» (*фукаку хансэй*) по поводу «неудачного периода» истории отношений двух стран [Yamazaki 2006: 34]. Что касается Тайваня, он был вынужден решать проблему «нового колониализма» в лице гоминьдановского режима, что, в свою очередь, снижало накал антияпонских настроений в тайваньском обществе и препятствовало становлению критических взглядов на период японского правления до 1945 г.

Не выступал в период холодной войны с активными нападениями на Японию по поводу ее милитаристской политики и коммунистический

Китай. В период власти Мао в стране господствовал марксистский взгляд на историю, согласно которому народ не может быть виноват, а ответственность за агрессивную политику должны нести его правители, т.е. японская милитаристская клика. К тому же Гоминьдан был в идеологическом дискурсе КНР гораздо более страшным врагом, чем японские оккупанты. Такое видение истории снижало остроту проблемы извинений в двусторонних отношениях, тем более что на официальном уровне они не были установлены вплоть до 1972 г. Впервые слова извинений пришлось произносить премьер-министру К. Танака, который прибыл в сентябре 1972 г. в Пекин для восстановления отношений. В конечном счете, несмотря на некоторое неудовольствие чересчур мягкой извинительной фразеологией японской стороны, Китай, заинтересованный в партнерстве с Японией в деле противостояния «советскому гегемонизму» в Азии, пошел на то, чтобы на долгие годы закрыть историческую тему из двусторонней дипломатической повестки.

На этом фоне вопросы исторического прошлого если и появлялись в дипломатической повестке дня Японии в ее отношениях с странами-соседями, то их воздействие на эти отношения было достаточно ограниченным. Например, в начале 1980-х годов разгорелся дипломатический скандал в связи с проблемой учебников истории для японской средней школы, где содержались апологетические взгляды на политику японских властей на материке в период Второй мировой войны. В результате протестов, прозвучавших из восточноазиатских столиц, японскому правительству пришлось в 1982 г. внести в нормативную базу по сертификации учебников специальное положение «о близлежащих странах», согласно которому в тексте учебников не должно содержаться утверждений, которые бы вызвали негативную реакцию со стороны стран-соседей. Поводом для протестов стал также визит в храм Ясукуни премьер-министра Я. Накасонэ 15 августа 1985 г., в дату, отмечающуюся в Японии как 40-летие окончания войны.

К серьезным и долгосрочным дипломатическим осложнениям эти скандалы не приводили. В первую очередь это было связано с тем, что дискурс холодной войны «заслонил собой» проблемы исторического прошлого, которые носили в его рамках второстепенный характер. Для Японии, ключевого союзника США на Дальнем Востоке, проблемы урегулирования отношений с восточноазиатскими странами по вопросам истории проявлялись в первую очередь в глобальном геополитическом контексте, где главным фактором было американо-советское и китайско-советское противостояние. Логика системы «оси и спиц»

по большому счету препятствовала взаимному сближению партнеров США по альянсам, которая бы потребовалась в случае создания сетевых структур безопасности, что деактуализировало вопрос о примирении Японии с другими азиатскими союзниками Вашингтона [Pollman 2016: 313]. Пекин же смотрел на Токио как на потенциального союзника в соперничестве с Москвой и не хотел создавать дополнительного повода для ссор.

Наконец, важно было и то, что в Восточной Азии в период холодной войны преобладали авторитарные режимы, которые имели возможность подавить внутренние общественные протесты. Это позволяло им не оглядываться на антияпонские настроения в массах, связанные с недостаточным покаянием Японии за свои исторические прегрешения. На этом фоне у Японии не возникало потребности в завоевании общественного доверия в «идейно близких» ей азиатских странах (Южная Корея, Тайвань, Филиппины, Индонезия), с которыми она пыталась развивать политические и экономические связи.

Начало 1990-х годов охарактеризовалось радикальными переменами в отношении к недавнему историческому прошлому, включая военные преступления японского милитаризма, как в самой Японии, так и странах-соседях. И этому было несколько причин.

Прежде всего, в мире возник феномен «глобализации памяти» [Dian 2017: 88]. Многие вопросы исторического прошлого, к которым ранее не привлекалось общественного внимания, в результате подъема национального самосознания переместились в центр идейно-политического дискурса. Многочисленные этнические конфликты (Югославия, пространство бывшего СССР, Руанда), разгоревшиеся в начале 1990-х годов, привнесли новую актуальность в проблемы национального примирения, включая вопросы международного и национального правосудия, а также исторического образования.

В Европе произошло объединение Германии, которое вызвало небывалый всплеск интереса не только к проблематике Второй мировой войны, но и к непримиримой позиции нового германского государства к своему нацистскому прошлому. Германская политика исторической памяти стала представляться в качестве некой успешной модели примиренческой линии, позволившей стране построить гармоничные отношения с внешним миром. На этом фоне на Западе появился запрос на подобные же действия со стороны Японии, которая, подобно Германии, должна была «взглянуть в лицо прошлому» и добиться примирения с соседями. В Японии новые веяния времени вызвали всплеск общественного интереса к германскому опыту. Например, знаменитая

речь президента Германии Рихарда фон Вайцзеккера, произнесенная в 1985 г., через 40 лет после окончания войны, была переведена на японский язык и за десять лет вышла в 29 изданиях. Для перевода немецкого термина *Vergangenheitsbewältigung* («работа с прошлым») даже был изобретен специальный термин *како-но кокуфуку* (букв. «преодоление прошлого») [Conrad 2003: 96].

Феномен «глобализации памяти» в Японии проявился в том, что если до 1980-х годов проблема ее примирения с соседями рассматривалась в основном как вопрос двусторонних отношений, то теперь, в рамках новой парадигмы, на передний план вышли общерегиональный и глобальный контексты этой проблемы. От Японии, искавшей свою новую глобальную роль, требовалось найти и соответствующую этой роли национальную идентичность как честного и справедливого государства, «совесть» которого по отношению к собственному историческому прошлому чиста.

В начале 1990-х годов для Японии на передний план вышла задача обретения статуса «ответственной державы», претендующей на роль глобального политического лидера, активно участвующего в решении глобальных проблем. В 1992 г., после провала «дипломатии чековой книжки», Япония поставила цель вхождения в Совет Безопасности ООН на правах постоянного члена, а для этого ей нужна была поддержка стран Азии и Африки. Это, в свою очередь, актуализировало задачу примирения с азиатскими странами по вопросам исторического прошлого, которую было невозможно решить без символических жестов примирения и раскаяния с ее стороны, а также существенного смягчения националистической риторики в выступлениях ее лидеров.

В направлении курса на примирение Японию толкали и изменения в восточноазиатских странах, где крах авторитарных режимов сопровождался ростом национального самосознания и появлением новой, более «патриотической» идентичности. Нередко новые демократические правительства использовали факторы национализма и собственной виктимизации в качестве инструментов для укрепления своей политической легитимности. Для их политической элиты беспроигрышным вариантом было апеллирование к нерешенным проблемам исторического прошлого.

Типичным примером в этом отношении была Республика Корея. Актуализация проблемы «женщин для утешения» в начале 1990-х годов стала результатом действия многих разнонаправленных факторов, включая уже упомянутую «глобализацию памяти», рост национализма, ослабление тотального идеологического контроля и демократизацию

общественной жизни. Не случайно первые свидетельства доживших до этого времени «женщин для утешения» были опубликованы именно тогда. В свою очередь, это заставило Сеул прибегнуть к политическому и дипломатическому давлению на Токио с целью заставить его принести извинения жертвам. Как следствие, вопросы извинений и компенсаций на долгие годы становятся серьезным препятствием в японо-южнокорейских двусторонних отношениях.

Изменился для Японии и внутривнутриполитический контекст, и прежде всего в связи со сменой поколений и крахом «системы 1955 года», в результате чего «дипломатия извинений», помимо внешнеполитического, обрела и внутривнутриполитическое измерение. Если в середине 1980-х годов премьер Накасонэ Ясухиро, выражая «глубокое сожаление» по поводу исторического прошлого и принимая решение о прекращении визитов в храм Ясукуни, руководствовался исключительно прагматическими соображениями, связанными со стремлением Японии стать региональным лидером, то теперь выражение раскаяния стало в равной, и иногда и в большей степени направлено на внутреннюю аудиторию.

Если в представлении послевоенных японцев тотальное осуждение недавнего прошлого было бы эквивалентно предательству памяти отцов и дедов, которые непонятно за что проливали свою кровь, то теперь же, с выходом на политическую арену поколения, которое уже не имело личного опыта общения со старшими родственниками, помнившими войну, этот фактор переставал действовать. В результате появилась возможность более беспристрастной оценки исторического прошлого [Liu 2008: 339].

Кроме того, в условиях деидеологизации политического пространства вопросы истории обрели новую ценность в качестве инструмента внутривнутриполитической борьбы. Известно, что и ранее исторические материалы о военных преступлениях были рассекречены и доступны для исследований, однако только сейчас появились реальные возможности использовать их политиками, например, для получения дополнительных рейтингов доверия со стороны избирателей. Как отмечал британский исследователь Н. Пайпер, интерпретация прошлого и отождествление с ним могут быть средством достижения политических целей [Piper 2001: 136].

При этом к необходимости решать проблемы исторического прошлого наиболее активно апеллировали левые политики, которые, улавливая новую общественную атмосферу, стали главными бенефициарами краха «системы 1955 года». По мнению японского историка К. Того, «многие лидеры общественного мнения центристского или

левого толка стали с недавних пор поднимать вопрос ответственности за войну. Они указывают, что Япония никогда ранее не поднимала этот вопрос по собственной инициативе, и доказывают, что к теме ответственности должен обратиться сам японский народ» [Togo 2008: 72].

«Дипломатия извинений» в постбиполярный период

В начале 1990-х годов Япония в своей внешнеполитической стратегии на азиатском направлении стояла перед дилеммой: либо сохранить свою идентичность как «миролюбивая держава» (*хэйва кокка*), проводя в отношении стран-соседей «дипломатию примирения», либо, отвергнув пацифистские ограничения, быть «нормальной страной» (*фуцу-но кун*), авторитет которой был бы основан на экономическом, технологическом и даже военном лидерстве, но не на национальном покаянии и признании вины в отношении исторического прошлого.

Первую линию пытались проводить в жизнь в 1990–2000-е годы консервативные правительства ЛДП (кабинеты Хасимото, Обути, Коидзуми и Абэ), вторую — правительства, сформированные противостоящим ЛДП «прогрессивным» лагерем, — кабинеты Хосокава (1993–1994), Мураяма (1994–1996), а также кабинеты Демократической партии после смены власти в 2009 г. Однако и те и другие активно использовали в своих интересах «дипломатию извинений», хотя ее значимость в дипломатическом инструментарии отдельных кабинетов была различной.

Первым «дипломатию извинений», основанную на самокритике и открытом выражении раскаяния по поводу исторического прошлого, начал проводить в 1990 г. кабинет Кайфу Тосики. Во время посещения Японии президентом РК Ро Дэ У в мае 1990 г. японский премьер-министр заявил, что народ Кореи «испытал огромные страдания из-за действий нашей страны в определенный период прошлого века» и что в этой связи он хотел бы открыто «принести свои извинения» (*оваби-но кимоти*). Примечательно, что ранее японские премьер-министры (в частности, Я. Накасонэ) и японский император в своих выступлениях использовали только слово «сожаление» (*икан*) [Saito 2017: 76].

В 1991 г., пятидесятилетие годовщины нападения Японии на Юго-Восточную Азию и на Пёрл-Харбор, Т. Кайфу в ходе турне по странам АСЕАН посетил Сингапур и выступил с речью, в которой выразил свое «сильное чувство раскаяния» (*кибисику хансэй*) за действия своей страны, которые причинили невыносимые страдания и горе многим людям в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Saito 2017: 77].

Следующий японский премьер, Миядзава Киити, посещая Сеул 17 января 1992 г., принес извинения за «невыносимые боль и страдания жителей Корейского полуострова», упомянув в их числе и «женщин для утешения» [Батакова 2015: 40]. Тем не менее Миядзава не обещал выплатить им компенсацию, а лишь выразил намерение расследовать исторические факты, касающиеся этого вопроса.

На излете своего правления кабинет Миядзава отметился крупным внешнеполитическим заявлением по вопросу об исторической ответственности Японии, на этот раз по проблеме «женщин для утешения». 4 августа 1993 г. генеральный секретарь кабинета министров Коно Ёхэй в своем публичном выступлении признал, что правительство прямо или косвенно участвовало в создании и управлении «станциями утешения», а также то, что во многих случаях работавшие там женщины были завербованы против своей воли. Затем он заявил: «Правительство Японии хотело бы воспользоваться этой возможностью еще раз, чтобы выразить свои искренние извинения и раскаяние в отношении всех тех, кто, независимо от своего происхождения, испытал неизмеримую боль и получил неизлечимые физические и психологические раны, будучи “женщинами для утешения”... Настоящим мы подтверждаем свою твердую решимость никогда не повторять ту же ошибку, навсегда запечатлев этот вопрос в нашей памяти как урок истории» [Ministry of Foreign Affairs 1993].

«Заявление Коно» на сегодняшний день является самым сильным выражением раскаяния и чувства вины японского правительства по проблеме «женщин для утешения». Качественно новый момент, связанный с этим заявлением, заключается в том, что официальный Токио впервые признал, что система «станций для утешения» была спланирована, спонсирована и организована японскими властями даже в тех случаях, когда эксплуатацией военных борделей занимались частные компании. Кроме того, в заявлении четко признается, что «женщины для утешения» были завербованы против своей воли, путем принуждения и запугивания, и что они сильно пострадали из-за ужасных условий, в которых они содержались. Данное заявление противоречило предыдущей официальной позиции Токио, согласно которой «женщины для утешения» ни в коей мере не принуждались к работе и были просто «наемными проститутками».

В 1993–1996 гг. у власти в Японии находились «прогрессистские» кабинеты, которые основывали свою «дипломатию извинений» на постулате о необходимости скорейшего примирения со странами-соседями и об ответственности страны перед пострадавшими от ее политики

жертвами. В этом смысле они впервые оспорили послевоенную идею виктимности японской нации и поставили вопрос об ответственности не только милитаристской клики, но и всего японского народа. Как отмечал М. Дьян, «прогрессистскую традицию» характеризовала идея, что Япония была и преступником, и жертвой одновременно [Dian 2017: 91]. Таким образом, вопрос ответственности и извинений за войну стал краеугольным камнем «прогрессистского нарратива».

Вскоре после своего избрания премьер-министром в августе 1993 г. Хосокава Морихиро открыто признал, что Япония вела «агрессивную войну» (*синряку сэнсо*) и что он считает ее «ошибочной войной» (*мати-гатта сэнсо*) [Saito 2017: 82–83]. Хосокава пошел дальше Я. Накасонэ, который в декабре 1985 г. уже признавал, что война была «ошибочной войной», которую Япония не должна была начинать, и что Япония совершила акт «агрессии» против Китая. Таким образом, Хосокава стал первым премьер-министром, который ясно заявил, что Япония вела агрессивную войну, а не просто совершила акт агрессии, и возложил на нее прямую ответственность за ведение такой войны.

Линия на примирение с соседями с помощью «дипломатии извинений», которую Хосокава проводил, несмотря на внутреннее сопротивление со стороны консервативных сил, была продолжена в ходе зарубежных визитов японского премьера в соседние страны. Так, во время посещения Южной Кореи в ноябре 1993 г. Хосокава выразил свое «искреннее раскаяние» (*кокоро кара хансэй*) и принес «глубокие извинения» (*фукаку тинся*), признав, что в ходе колониального правления Япония вынуждала корейцев принимать японские имена и создала систему сексуальной эксплуатации «женщин для утешения» [Dian 2017: 99]. В марте 1994 г. Хосокава нанес визит в Китай, в ходе которого он выразил свое «глубокое раскаяние» (*фукай хансэй*) и принес свои «извинения» (*оваби*) за совершенные Японией акты агрессии, которые принесли многим китайцам невыносимые страдания. Вместе с тем Хосокава продолжал следовать старой линии отказа от компенсаций жертвам японской политики на материке, настаивая на том, что данный вопрос был решен в ходе нормализации дипломатических отношений [Saito 2017: 85].

Следующим крупным шагом в рамках «дипломатии извинений» стало Заявление Мураяма 1995 г. В этот период у власти в Японии находилась коалиция ЛДП и СПЯ, возглавляемая социалистом Мураяма Томиити. В начале июня 1995 г. палата представителей японского парламента приняла резолюцию, в которой содержалось намерение «вновь проявить решимость добиваться мира на основе уроков истории» и вы-

ражалось «глубокое раскаяние» в связи со страданиями, причиненными народам других стран в результате японской агрессии. Однако, в противоположность курсу СПЯ, в заявлении не содержалось никаких извинений за содеянное. Кроме того, японская милитаристская политика позиционировалась в документе в более широком контексте «бесчисленных случаев колониального господства и агрессии в современной мировой истории» [Cunningham 2004: 268].

В этой связи Т. Мураяма принял решение выступить 15 августа на церемонии по поводу окончания войны и принести официальные извинения в качестве премьер-министра страны. Он заявил о том, что Япония, «следуя ошибочной национальной политике», «своим колониальным господством и агрессией причинила огромный ущерб и страдания народам многих стран, особенно народам Азии». Мураяма принес «искренние извинения» и выразил «глубокую скорбь по всем жертвам этой политики, как внутри страны, так и за рубежом» [Ministry of Foreign Affairs 1995]. В дополнение к официальным извинениям Т. Мураяма в июле 1995 г. взял на себя инициативу создания специального фонда для выплаты компенсаций «женщинам для утешения» (Азиатский женский фонд), финансируемого в основном за счет бюджетных средств. Каждой из доживших жертв было вручено подписанное премьер-министром извинение, в котором говорилось: «Как премьер-министр Японии, я вновь выражаю свои самые искренние извинения и раскаяние всем женщинам, которые пережили неизмеримые и болезненные переживания и перенесли неизлечимые физические и психологические раны в качестве “женщин утешения”» [Wada 2008].

Заявление Мураяма от 15 августа 1995 г. является на сегодняшний день самым сильным актом «дипломатии извинений». Значимость этого заявления заключается в том, что Мураяма впервые публично признал историческую ответственность всего японского народа за проводившуюся в годы войны политику на материке [Dian 2017: 101]. Ранее эта ответственность была размытой, так как, даже признавая «ошибочность» проводившейся политики, японские лидеры старались избежать ответа на вопрос об ответственности. Теперь же данный вопрос оказался в центре дискурса вокруг проблем исторического прошлого.

После ухода в отставку коалиционного кабинета СПЯ–ЛДП и восстановления в январе 1996 г. монополии ЛДП на премьерский пост в политике примирения наступает своего рода консервативный откат. Консервативные правительства критиковали Заявление Мураяма, вернувшись к прежней риторике относительно «оборонительного характера» минувшей войны и «преувеличения» «прогрессистами» масшта-

бов японских преступлений. Они утверждали, что у «прогрессистов» было «мазохистское видение истории», что Япония должна гордиться самопожертвованием поколения военного времени, поскольку оно заложило основу современного процветания страны. В рамках новой политической линии Р. Хасимото в конце июля 1996 г. нанес визит в храм Ясукуни, сделав это в первый раз после визита туда японского премьер-министра Накасонэ в 1985 г.

Вопрос об извинениях, как это было в период холодной войны, быстро утратил морально-этическую коннотацию и обрел чисто утилитарную функцию, став своего рода «разменной монетой» во взаимоотношениях Японии со странами-соседями. В свою очередь, Китай и Южная Корея стали активно использовать карту «извинений» для оказания давления на Японию и для торга, нацеленного на получение уступок по иным вопросам. Естественно, межгосударственные отношения не улучшались, поскольку в ответ на японские извинения лидеры стран-партнеров требовали от Токио все новых и новых форм демонстрации покаяния. Это, в свою очередь, давало многим японцам основания ассоциировать извинения со слабостью или, наоборот, рассматривать их как дипломатическую рутину, а не как проявление истинного отношения к историческому прошлому.

Например, во время визита премьера Госсовета КНР в Токио Цзян Цзэминя в ноябре 1998 г. китайская сторона предложила включить в совместное коммюнике пункт с извинениями, основанное на букве и духе Заявления Мураяма. Япония отказалась, сославшись на то, что эти извинения уже были включены в коммюнике 1972 г. и что император Акихито уже принес свои извинения во время своего визита в Пекин в 1992 г. Японский премьер К. Обути предложил компромисс: Япония соглашается на включение пункта об извинениях в обмен на обещание китайской стороны считать вопросы истории полностью решенными и не просить дальнейших извинений в будущем. В подписанном обеими сторонами совместном заявлении говорилось о том, что Япония «признает свою ответственность за серьезные бедствия и ущерб, которые Япония причинила китайскому народу своей агрессией против Китая в определенный период в прошлом, и выражает в этой связи глубокое раскаяние» [Ministry of Foreign Affairs 1998a]. Впрочем, как показало дальнейшее развитие событий, это не решило проблемы, так как китайская сторона в дальнейшем продолжила свои нападки в связи с «недостаточным», по ее мнению, уровнем извинений. Не случайно Цзян Цзэминь в ходе подготовки визита отстаивал точку зрения, в соответствии с которой по

вопросам исторического прошлого никакого «последнего слова» быть не может [Green 2001: 97].

«Дипломатия извинений» применялась кабинетом Обути и в диалоге с Южной Кореей. В 1998 г. по итогам визита президента РК Ким Дэ Чжун в Токио было принято Совместное заявление, в котором содержался следующий пассаж: «Оглядываясь на отношения Японии и Республики Корея в этом веке, премьер-министр Обути Кэйдзо с чувством смирения смотрит на исторические факты, заключающиеся в том, что Япония в течение определенного периода в прошлом нанесла огромный ущерб и причинила страдания народу Республики Корея посредством колониального господства, и выражает в этой связи свое глубокое раскаяние и искренние извинения» [Ministry of Foreign Affairs 1998b]. При этом южнокорейская сторона с согласия японской стороны использовала для перевода использованный в японском документе термин *оваби* («извинение») корейское слово *sajoe*, эквивалент японского *сядзай*, а не *sagwa*, которое считается на корейском менее искренним [Ducke 2002: 33].

В Токио рассчитывали, что Совместное заявление позволит поставить точку в спорах с Сеулом и что после получения письменных извинений проблемы исторического прошлого будут сняты с двусторонней повестки дня. Ким Дэ Чжун высказал пожелание, чтобы и впредь со стороны правительства Южной Кореи эти вопросы не поднимались, подчеркнув, что берет этот вопрос «под свою ответственность». Однако это заявление, как выяснилось, было личной инициативой Кима и не было согласовано с южнокорейским политическим истеблишментом [Батакова 2017: 60–61].

Новый импульс «дипломатии извинений» был дан при кабинетах Коидзуми Дзюнъитиро (2001–2006). Он опирался на поддержку право-консервативных организаций, например Ассоциации семей погибших в войне и Ассоциации синтоистских святынь, в результате чего подход правительства к вопросам примирения с соседями был противоречивым. С одной стороны, Коидзуми выступал против таких действий и высказываний по вопросам исторического прошлого, которые можно было бы интерпретировать как слабость и как результат давления со стороны азиатских стран. Именно этими соображениями руководствовался японский премьер, когда в августе 2001 г. возобновил практику посещения храма Ясукуни и сделал ее регулярной, несмотря на яростные протесты Китая и Южной Кореи. Естественно, это привело к существенному охлаждению в двусторонних отношениях. Например, в январе 2003 г. президент Южной Кореи Ким Дэ Чжун отменил дву-

сторонний саммит, а в мае 2005 г. вице-премьер КНР У И в ходе своего визита в Японию в ответ на заявление Коидзуми в парламенте о намерении продолжать посещение храма даже отменила встречу с японским лидером и досрочно вернулась на родину [Коммерсантъ 2005].

Однако наряду с продолжением визитов в Ясукуни Коидзуми продолжал «дипломатию извинений» по отношению к восточноазиатским странам, активно используя извинительную фразеологию во время официальных церемоний и зарубежных турне.

Во время своего визита в Китай в октябре 2001 г. японский премьер посетил мост Марко Поло в пригороде Пекина, где в 1937 г. начался новый виток китайско-японской войны, и осмотрел военный мемориал борьбы китайского народа против японской агрессии. Выступая на пресс-конференции, Коидзуми заявил о том, что «выражает глубокую скорбь по погибшим» и приносит «искренние извинения китайскому народу» [Funabashi 2007: 8].

Коидзуми принес извинения Северной Корее во время своего исторического визита туда в сентябре 2002 г., согласившись на включение в Пхеньянскую декларацию следующей формулировки: «Японская сторона в духе смирения рассматривает исторические факты, свидетельствующие о том, что Япония причинила огромный ущерб и страдания народу Кореи в результате своего колониального господства в прошлом, и выражает глубокое раскаяние и искренние извинения» [Ministry of Foreign Affairs 2002].

Выступая на саммите Азии и Африки в Джакарте 22 апреля 2005 г., Коидзуми также активно использовал извинительную риторику. Он отметил, что Япония «прямо смотрит в лицо актам истории в духе смирения» и что она проявляет «глубокое раскаяние» и выражает «искренние извинения» в связи с событиями исторического прошлого [Prime Minister of Japan 2005a]. А 15 августа 2005 г. премьер-министр Дзюньитиро Коидзуми заявил на церемонии 60-летия окончания войны следующее: «В прошлом Япония своим колониальным правлением и агрессией причинила огромный ущерб и страдания народам многих стран, особенно народам азиатских государств. Искренне глядя в лицо этим фактам истории, я еще раз выражаю свое чувство глубокого раскаяния и приношу искренние извинения, а также выражаю чувства скорби по всем жертвам войны, как внутри страны, так и за рубежом. Я полон решимости не допустить, чтобы уроки этой ужасной войны были сведены на нет, и внести свой вклад в мир и процветание мира, никогда больше не развязывая войны» [Prime Minister of Japan 2005b]. Таким образом, Коидзуми по сути подтвердил основные положения Заявления Мураяма.

После отставки Коидзуми и чехарды кабинетов ЛДП к власти в стране в 2009 г. на три года приходит Демократическая партия Японии. Наметился новый поворот к примиренческой политике. Наиболее ярким ее выразителем стал премьер-министр Кан Наото, который продолжил усилия по примирению с азиатскими странами. 10 августа 2010 г., выступая в связи со 100-летней годовщиной аннексии Кореи, Кан выразил «чувство глубокого раскаяния» и принес свои «искренние извинения» за «огромный ущерб и страдания, причиненные колониальным правлением». Он также сказал, что Япония колонизировала Корею против воли корейского народа, «национальной гордости которого был нанесен большой ущерб». Кан стал первым японским премьер-министром, признавшим, что договор об аннексии 1910 г. между Японией и Кореей не был актом взаимного согласия, а был навязан последней в политических и военных обстоятельствах того времени [Prime Minister of Japan 2010].

Приход к власти ЛДП во главе с Абэ Синдзо в декабре 2012 г. ознаменовал собой новый этап «дипломатии извинений». Еще в период первого своего премьерства Абэ в 2006 г. нанес визит в Китай и заявил на итоговой пресс-конференции, что Япония прошла 60 послевоенных лет «на основе глубокого раскаяния по поводу того, что в прошлом она причинила огромный ущерб и страдания народам азиатских стран, оставив у них раны». По словам Абэ, это чувство, которое разделяет и он сам, «не изменится в будущем» [Prime Minister of Japan 2006]. Хотя Абэ считается «историческим ревизионистом», после возвращения во власть он, как и Коидзуми, по проблеме извинений попытался найти баланс между приверженностью уже сделанным ранее заявлениям (в том числе Заявлению Мураяма) и стремлением постепенно деактуализировать вопрос об извинениях в дипломатической повестке отношений с соседями.

Ключевым моментом «дипломатии извинений» Абэ стал 2015 г. — год 70-летия окончания войны. Обращало на себя особое внимание то, какими словами японский премьер выразил слова извинения и раскаяния в отношении стран-соседей во время церемонии 15 августа.

Абэ заявил о намерении «распрощаться с колониальным правлением и уважать право всех народов мира на самоопределение», добавив, что Япония «дала эту клятву вместе с глубоким покаянием за прошлую мировую войну». Повторяя Заявление Мураяма, Абэ заявил о том, что он низко склоняет голову перед памятью всех павших «как в нашей стране, так и за рубежом», приносит соболезнования и выражает «неизбывную сердечную скорбь».

Вместе с тем в выступлении Абэ прослеживались и элементы его «ревизионистской» позиции по вопросам исторического прошлого. В частности, он пытался оправдать политику Японии, заявив о том, что Япония прибегла к силе, «предприняв попытку выйти из экономического и дипломатического тупика», спровоцированного политикой Запада. Кроме того, коснувшись болезненной темы «женщин для утешения», Абэ упомянул лишь абстрактных «женщин, чести и достоинству которых были нанесены глубокие раны», но не детализировал, что это были за женщины и кто и в какой форме нанес им эти раны. Основной пафос выступления Абэ был направлен на то, что новому поколению японцев уже не за что извиняться. «Нельзя обрекать наших детей, внуков и будущие поколения — тех, кто не имеет никакого отношения к той войне, — продолжать приносить за нее извинения», — заявил он [Prime Minister of Japan 2015].

В СМИ Южной Кореи и Китая заявление Абэ было воспринято критически. Многие комментаторы указывали на то, что Абэ лишь повторил извинительные тезисы Заявления Мураяма, касающиеся политики Японии на материке, но сделал это не сам, т.е. как «субъект» извинений, а лишь как лицо, подтверждающее чужие извинения. В комментарии китайского агентства Синьхуа говорилось о том, что если Мураяма делал свое заявление как премьер-министр, представляющий правительство и народ Японии, извинения Абэ были опосредованными. Как подчеркивалось в сеульской газете «Чосун ильбо», выступление Абэ создает впечатление, что он «раскаивается и извиняется со ссылкой на чужие слова» [Акахата 2015].

Тема агрессивной политики Японии в годы войны уже не звучала в выступлении японского премьера Абэ на церемонии по поводу 75-летия окончания войны, состоявшейся 15 августа 2020 г., как не выражались в нем и извинения перед странами-соседями. Вместе с тем император Нарухито в своем обращении заявил о «чувстве глубокого раскаяния», которое он испытывает, размышляя о прошлом, и выразил искреннюю надежду, что «разрушительные последствия войны никогда больше не повторятся» [The Mainichi 2020].

«Дипломатия извинений» на современном этапе

Для народов стран Восточной Азии воспоминания о периоде войны остаются постоянной кровотокающей раной. Несколько поколений граждан двух корейских государств, Китая, а также стран Юго-Восточной Азии были воспитаны на идее несправедливости послевоенного

миропорядка, в условиях которого Япония избежала ответственности за свои исторические прегрешения, не понесла за них достаточного наказания и не проявив должного покаяния.

Выше было показано, что проблема извинений в отношениях со странами-соседями в послевоенный период стояла перед японской дипломатией достаточно остро на отдельных этапах послевоенной истории. Ее актуальность существенно усилилась с того момента, когда после окончания холодной войны Япония стала выстраивать со странами-соседями новую дипломатию, основанную на принципах равенства и взаимного уважения. Свою роль сыграло и сокращение разрыва в экономической мощи Японии и ее партнеров, а также усиление взаимозависимости восточноазиатских экономик, что позволило РК и Китаю активнее использовать «экономическую карту» для оказания на Японию давления по вопросам исторического прошлого.

Если говорить о Республике Корея, сложность решения вопроса о примирении с Японией по вопросам исторического прошлого связана не только с воспоминаниями о японской милитаристской политике периода Второй мировой войны, но и с сохранением на коллективном уровне более глубинной исторической памяти. В глазах многих южнокорейцев Япония на протяжении долгих веков была одной из наиболее «варварских» стран, расположенных на периферии синоцентричного мира, а ее культурное развитие было основано в первую очередь на перенимании китайского и корейского культурного опыта. После завершения эпохи Мин и воцарения в Китае «варварской» цинской династии корейцы стали воспринимать свою страну как наследницу традиций просветительства, имеющую культурное превосходство над Японией. В Корее помнят и о нашествиях войск Хидэёси конца XVI в., которые закончились неудачей в результате отпора со стороны патристических сил Кореи. Сильные антияпонские настроения преобладали в Корее во второй половине XIX — начале XX в., когда она стала объектом соперничества двух могущественных соседей, а впоследствии и японской колонией. Историческое прошлое, связанное с Японией, отзывается в сердцах корейцев и обидой за убийство корейской королевы Мин, после которого корейский король был вынужден в 1896 г. в течение года скрываться в стенах российского посольства в Сеуле.

В период колониального господства 1910—1945 гг. корейцы воспринимались в Японии в качестве граждан второго сорта и подвергались жестокой этнической дискриминации. Многие из них, оказавшись в колониальный период в Японии, стали жертвами антикорейских настроений в японском обществе, которые особенно ярко проявились

в период «рисовых бунтов» 1919 г. и особенно землетрясения 1923 г., в «организации» которого обвинили корейцев, после чего последовали корейские погромы. Особое возмущение и чувство неотмщенной несправедливости продолжает вызывать память о навязывании корейцам японских имен, о насильственной трудовой мобилизации корейцев в годы Второй мировой войны для их работы в Японии на японских военных заводах. Корейцы помнят и о том, что многие их соотечественники безвинно пострадали от атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, оказавшись в этих городах помимо своей воли.

К тому же нормализация японо-южнокорейских отношений в 1965 г. произошла в несправедливой, с точки зрения значительной части современного южнокорейского общества, форме. Правительство Пак Чжон Хи отказалось от каких-либо претензий в отношении Японии в обмен на оказание Сеулу существенной экономической помощи (500 млн долл. в виде правительственной помощи и 300 млн долл. частных инвестиций). Свою роль в современном восприятии той сделки играет осознание собственного бессилия: Южная Корея отчаянно нуждалась тогда в экономической помощи, а в отношении экономически более сильной Японии она не могла ввести каких-либо ощутимых для нее мер воздействия. При этом от японской помощи, которую по идее можно было бы считать «компенсацией» за колониальную эксплуатацию, ровным счетом ничего не получили как раз те, кто от нее пострадал в наибольшей степени: бывшие корейские рабочие, насильственно рекрутированные на японские оборонные предприятия, корейцы, пострадавшие от атомных бомбардировок, а также «женщины для утешения» — кореянки, подвергавшиеся насильственной сексуальной эксплуатации в японских военных борделях.

В настоящее время, пожалуй, имеется три основных момента расхождений, являющихся источником острой обиды южнокорейцев.

Во-первых, южнокорейцы хотели бы, чтобы Япония признала договор 1910 г. нелегитимным с момента его подписания и официально осудила период колониального правления 1910–1945 гг. Япония же в ответ настаивает, что договор был заключен в соответствии с международным правом того времени и имел юридическую силу вплоть до ее капитуляции в 1945 г. и что в этот период ею был внесен немалый вклад в экономическое и культурное развитие Кореи.

Во-вторых, южнокорейская сторона настаивает, что, поскольку от нормализации отношений в 1965 г. южнокорейские жертвы японского колониального владычества не получили должной компенсации, именно японское правительство, но не частные лица такую компенсацию

им обязано предоставить. В свою очередь, Токио, не отрицая наличия проблемы, придерживается той точки зрения, что, поскольку стороны в 1965 г. отказались от взаимных претензий по итогам японского колониального правления, материальную помощь пострадавшим корейским гражданам с японской стороны должны оказывать частные лица и организации. В 2015 г. после долгих переговоров стороны все же договорились о создании специального фонда для выплаты компенсаций «женщинам для утешения», в который японская сторона должна была внести из государственного бюджета 1 млрд иен (около 10 млн долл.). Однако уже через три года деятельность фонда была приостановлена по инициативе Южной Кореи, новое правительство которой фактически стало рассматривать действия предыдущего президента, подписавшего соглашение, как «предательство». С 2018 г. между двумя странами продолжается конфликт по поводу компенсаций корейским рабочим, работавшим в годы войны на японских предприятиях: японская сторона отказывается выполнять предписания южнокорейских судов, вынесших постановления в пользу корейских жертв и их потомков.

В-третьих, многие южнокорейцы полагают, что японская сторона должна выступить с новыми извинениями, причем их в недвусмысленной форме должен озвучить не кто иной, как сам японский император. Это связано с тем, что порабощение Кореи и сама колониальная политика проводилась в довоенный период от его имени, и поэтому именно император должен лично выступить с извинениями перед корейским народом. Хотя в соответствии с послевоенной японской конституцией роль императора носит символический характер, он регулярно выступает в этой роли в качестве главы государства и представителя Японии и японского народа на официальных церемониях.

Нужно отметить, что в послевоенный период японские императоры несколько раз выражали свою оценку колониальной политики Японии в Корее. 6 сентября 1984 г. на этот счет высказался император Хирохито во время официального визита главы южнокорейского государства Чон Ду Хвана в Японию. Отметив, что между двумя странами существовали глубокие отношения с долгой историей, он заявил: «Несмотря на эти отношения, в нынешнем столетии был короткий период несчастливого прошлого между нашими двумя странами. Это поистине достойно сожаления; оно больше не повторится» [Yamazaki 2006: 36]. Высказывание императора, при том что оно было воспринято позитивно в Республике Корея, до конца не удовлетворило южнокорейскую сторону, которая хотела бы получить извинения в более четкой и недвусмысленной форме [Yamazaki 2006: 38].

24 мая 1990 г. император Акихито, принимая в Токио президента Южной Кореи Ро Дэ У, заявил о том, что «не может не чувствовать “сильную печаль”», когда задумывается «о страданиях людей в вашей стране, вызванных нашей страной в этот несчастный период». Американская исследовательница Дж. Ямадзакі обратила внимание на тот факт, что использованный императором термин *цусэки* («сильная печаль») записан двумя китайскими иероглифами, означающими «боль» и «сожаление». Это необычное слово, и некоторые южнокорейцы критиковали как несколько архаичное и неясное, настаивая на том, что «истинное» извинение должно включать более очевидные формы извинительной лексики, содержащейся в японских словах *сядзай*, *оваби* или *сумимасэн* [Yamazaki 2006: 40].

Если южнокорейцы нуждаются в открытом признании вины за их унижения и страдания как японской колонии, то японская сторона готова признать только сам факт исторической несправедливости, глубоко не вдаваясь в неприятные подробности. Поскольку различия в позициях сторон по поводу извинительной лексики следует рассматривать в категориях «сохранения лица», критически важного для дальневосточного культурного ареала, единственным методом «сохранить лицо» может быть только использование нарочито расплывчатых выражений и эвфемизмов, а также отказ от эксплицитных формулировок, описывающих преступления военного времени. Обратной стороной этой ситуации является то, что противоположная сторона всегда остается до конца не удовлетворенной, что создает проблему «усталости» Японии от извинений. Это, в свою очередь, порождает постоянный источник напряженности в двусторонних отношениях, которая сохраняется даже несмотря на близость стратегических интересов сторон как союзников Америки.

С неурегулированностью проблем исторического прошлого в двусторонних отношениях, как и в случае с Южной Кореей, связано негативное отношение к Японии в общественном мнении современного Китая. Список «исторических» претензий Пекина достаточно внушителен: это и унижение от поражения в войне 1894–1895 гг., и японская агрессивная политика в Китае в первой половине XX в., особенно в период 1931–1945 гг., когда ее жертвами стали миллионы китайцев. Наиболее сильные антияпонские эмоции вызывают хорошо известные факты, свидетельствующие о жестокости и негуманности японской политики на материке в период войны: это и так называемая Нанкинская резня, жертвами которой, по разным оценкам, стало от нескольких десятков до нескольких сотен тысяч мирных граждан, и деятельность

«Подразделения 731» — особой части японской императорской армии, занимавшейся в Маньчжурии разработкой бактериологического оружия и использовавшей для экспериментов живых людей, в основном из числа китайских граждан, и неофициально проводившаяся японской военщиной в Китае политика «трех всех» («сжигать всех», «убивать всех», «грабить всех») [Ping Bu 2015: 122].

При этом, в отличие от Южной Кореи, со стороны Китая исторические претензии к Японии не связаны (или связаны в гораздо меньшей степени) с проблемой материальной компенсации индивидуальным жертвам — речь в основном идет не только о признании ответственности, но и о коллективном покаянии японского народа, которое должно быть выражено в «подобающей» форме и которого, как считают многие в Китае, пока еще недостаточно. Именно поэтому в Китае особое возмущение вызывают визиты японских официальных лиц в храм Ясукуни — они считают, что тем самым Япония демонстрирует миру свое истинное отношение к военным преступникам класса А.

В целом следует признать, что проблема извинений связана с различным восприятием в Японии в ее странах-соседях проблемы ответственности Японии за ее милитаристское прошлое. В Японии признание вины сочетается с апеллированием к собственным страданиям в период войны, особенно связанным с атомными бомбардировками, и к исторической несправедливости, в том числе и в связи с оценкой вердикта Токийского трибунала, воспринимаемого в глазах значительной части японского общества как «суд победителей». Как отмечал китайский исследователь Пин Бу, «пока японцы только подчеркивают свой “опыт жертв” и не задумываются о своей ответственности как причины страданий других, они вряд ли смогут добиться широкого понимания от представителей тех народов, которые пострадали от Японии» [Ping Bu 2015: 123].

Японская коллективная память о войне во многом подпитывается дипломатическими скандалами, свидетельствующими о недоверии к ней со стороны стран-соседей. Эти страны в полной мере не принимают извинений со стороны Токио, считая их недостаточно искренними по той причине, что в Японии, как на официальном уровне, так и на уровне общественного сознания, отсутствует однозначная и безоговорочная оценка милитаристского прошлого, что в Японии в лице храма Ясукуни, куда совершают паломничество японские официальные лица, сохраняется культ военных преступников и что урегулирование отношений с Японией после войны проводилось без должной материальной компенсации жертвам японской милитаристской политики.

В Японии же, наоборот, полагают, что официальных извинений, прозвучавших в послевоенный период, уже более чем достаточно, что послевоенному поколению не за что извиняться, так как милитаристские лидеры были осуждены и уже искупили вину всего народа, и что постоянное внесение вопроса об извинениях в дипломатическую повестку основано на циничных политических расчетах и не имеет ничего общего с поиском исторической справедливости.

На этом фоне восстановление подлинно дружественных, добрососедских отношений Японии со странами-соседями представляется в исторической перспективе маловероятным. Осложняющим фактором в этом отношении выступает рост национализма в странах Северо-Восточной Азии, который препятствует поиску путей примирения. Вместе с тем определенную надежду внушает выход новых поколений, для которых, как можно ожидать, историческая память не станет препятствием для установления отношений добрососедства и дружбы.

Список литературы

На русском языке

Батакова 2017 — Батакова А. Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии с государствами Восточной Азии (конец XX — начало XXI в.): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2017. URL: https://mgimo.ru/science/diss/Batakova_diss.pdf (дата обращения: 16.08.2020).

Батакова 2015 — Батакова А. Проблема «женщин комфорта» в японо-южнокорейских отношениях // *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 10. С. 39–44.

Коммерсантъ 2005 — Японский премьер не дождался визита китайской дамы. *Коммерсантъ*. 24.05.2005. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/580143> (дата обращения: 16.08.2020).

На японском языке

Акахата 2015 — Абэ данва. Кайгай мэдиа. Хагэсику хихан (Заявление Абэ. Резкая критика в зарубежных СМИ). Акахата. 16.08.2015. URL: https://www.jcp.or.jp/akahata/aik15/2015-08-16/2015081602_04_1.html (дата обращения: 16.08.2020)

На английском языке

Conrad 2003 — Conrad S. Entangled Memories: Versions of the Past in Germany and Japan, 1945–2001 // *Journal of Contemporary History*. 2003. Vol. 38 (1). P. 85–99.

Cunningham 2004 — Cunningham M. Prisoners of the Japanese and the Politics of Apology: A Battle over History and Memory // *Journal of Contemporary History*. 2004. Vol. 39 (4). P. 561–574.

Dian 2017 — Dian M. Contested Memories in Chinese and Japanese Foreign Policy. Oxford: Elsevier, 2017.

Dower 1986 — *Dower J.* War Without Mercy: Race and Power in the Pacific War. N.Y.: Pantheon Books, 1986.

Ducke 2002 — *Ducke I.* Status Power: Japanese Foreign Policy Making toward Korea. N.Y. and L.: Routledge, 2002.

Funabashi 2007 — *Funabashi Y.* The Peninsula Question: A Chronicle of the Second Korean Nuclear Crisis. Washington: Brookings Institution Press, 2007.

Futamura 2008 — *Futamura M.* War Crimes Tribunals and Transitional Justice: The Tokyo Trial and the Nuremberg Legacy. Contemporary Security Studies Series. L.: Routledge, 2008.

Green 2001 — *Green M.* Japan's Reluctant Realism: Foreign Policy Challenges in an Era of Uncertain Power. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2001.

Liu 2008 — *Liu J. H., Atsumi T.* Historical Conflict and Resolution between Japan and China: Developing and Applying a Narrative Theory of History and Identity // T. Sugiman, K. J. Gergen, W. Wagner, Y. Yamada (eds). Meaning in Action. Tokyo: Springer, 2008.

Ministry of Foreign Affairs of Japan 1993 — Ministry of Foreign Affairs of Japan 1993. Statement by the Chief Cabinet Secretary Yohei Kono on the result of the study on the issue of “comfort women”. 4 August, 1993. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/women/fund/state9308.html> (accessed: 16.08.2020).

Ministry of Foreign Affairs of Japan 1995 — Ministry of Foreign Affairs of Japan 1995. Statement by Prime Minister Tomiichi Murayama “On the occasion of the 50th anniversary of the war's end”. 15 August, 1995. URL: <https://www.mofa.go.jp/announce/press/pm/murayama/9508.html> (accessed: 16.08.2020).

Ministry of Foreign Affairs of Japan 1998a — Ministry of Foreign Affairs of Japan 1998a. Japan-China Joint Declaration On Building a Partnership of Friendship and Cooperation for Peace and Development. 26 November, 1998. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/visit98/joint.html> (accessed: 16.08.2020).

Ministry of Foreign Affairs of Japan 1998b — Ministry of Foreign Affairs of Japan 1998b. Japan-Republic of Korea Joint Declaration. A New Japan-Republic of Korea Partnership towards the Twenty-first Century. 8 October, 1998. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/korea/joint9810.html> (accessed: 16.08.2020).

Ministry of Foreign Affairs of Japan 2002 — Ministry of Foreign Affairs of Japan 2002. Japan-DPRK Pyongyang Declaration. 17 September, 2002. URL: https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korea/pmv0209/pyongyang.html (accessed: 16.08.2020).

Ping Bu 2015 — *Ping Bu.* Dialogues on historical issues concerning East Asia // Journal of Modern Chinese History. 2015. Vol. 9 (1). P. 117–129.

Piper 2001 — *Piper N.* War and Memory: Victim Identity and the Struggle for Compensation in Japan // War & Society. 2001. Vol. 19 (1). P. 131–148.

Pollmann 2016 — *Pollmann E.* Japan's Security and Historical Revisionism: Explaining the Variation in Responses to and Impact of Textbook Controversies // Journal of Asian Security and International Affairs. 2016. Vol. 3 (3). P. 307–336.

Prime Minister of Japan 2005a — Keynote Speech by Junichiro Koizumi, Prime Minister of Japan on the Occasion of the Asia-Africa Business Summit. April 22,

2005. URL: https://japan.kantei.go.jp/koizumispeech/2005/04/22keynote_e.html (accessed: 16.08.2020).

Prime Minister of Japan 2005b — Statement by Prime Minister Junichiro Koizumi. URL: https://japan.kantei.go.jp/koizumispeech/2005/08/15danwa_e.html (accessed: 16.08.2020).

Prime Minister of Japan 2006 — Press Conference by Prime Minister Shinzo Abe Following His Visit to China. October 8, 2006. URL: https://japan.kantei.go.jp/abespeech/2006/10/08chinapress_e.html (accessed: 16.08.2020).

Prime Minister of Japan 2010 — Statement by Prime Minister Naoto Kan. URL: https://japan.kantei.go.jp/kan/statement/201008/10danwa_e.html (accessed: 16.08.2020).

Prime Minister of Japan 2015 — Statement by Prime Minister Shinzo Abe. August 14, 2015. URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201508/0814statement.html (accessed: 16.08.2020).

Saito 2017 — *Saito H.* The History Problem: The Politics of War Commemoration in East Asia. Honolulu, University of Hawai'i Press, 2017.

The Mainichi 2020 — Japan marks 75th anniversary of WWII surrender amid pandemic. Mainichi. August 15, 2020. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20200815/p2g/00m/0na/030000c> (accessed: 16.08.2020).

Togo 2008 — *Togo K.* Japan's Historical Memory: Overcoming Polarization towards Synthesis // *East Asia's Haunted Present: Historical Memories and the Resurgence of Nationalism*. Tsuyoshi Hasegawa, Kazuhiko Togo (eds). L.: Praeger, 2008.

Wada 2008 — *Wada H.* The Comfort Women, the Asian Women's Fund and the Digital Museum // *Japan Focus*. 2008. Vol. 6 (2). URL: <https://apjif.org/-Wada-Haruki/2653/article.html> (accessed: 16.08.2020).

Yamazaki 2006 — *Yamazaki J.* Japanese Apologies for World War II: A Rhetorical Study London; New York: Routledge, 2006.

Раздел II

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В ОТНОШЕНИЯХ ЯПОНИИ С РОССИЕЙ

Историческая память в современную эпоху является мощным внешнеполитическим орудием в руках государств. Наличие у того или иного государства и его народа «исторических обид» нередко выступает критерием для оценки со стороны страны-партнера степени той угрозы, которую она ощущает от этого государства.

Историческое знание о тех или иных событиях и действиях страны-партнера, а также его субъективная оценка являются неотъемлемой частью образа этой страны, формирующегося в политической элите и в общественном сознании в целом. Между тем вопросы исторического прошлого по-разному проявляют себя во внешнеполитических механизмах и процессах двух стран. Например, в Японии в силу особенностей ее политической системы политики находятся в гораздо более сильной зависимости от сложившихся в обществе стереотипов. Фактор популизма в мотивации политических решений, определяемый требованиями предвыборного цикла, особенно актуализируется в Японии в годы проведения всеобщих парламентских выборов, когда желание «понравиться» избирателям нередко превалирует над здравым смыслом и рациональным подходом к государственным интересам.

Что касается России, связь реальной политики с общественными настроениями носит там гораздо более опосредованный характер. В силу большей централизации власти и более персонализированного характера президентской внешней политики наиболее значимым в этом отношении становится то, какой образ Японии сложился у главы государства, у его личных советников, у руководителей внешнеполитических ведомств и иных представителей политического класса.

Однако есть и моменты, общие для двух стран. Как в Японии, так и в России укоренению стереотипов и предубеждений способствует школьная система преподавания национальной истории, нередко преподносящая многие исторические факты в соответствии с политической конъюнктурой, а иногда и в тенденциозном духе. Нельзя также не учитывать и влияние средств массовой информации, в которых широкий общественный резонанс получают комментарии и выступления

«лидеров общественного мнения» — экспертов по стране-партнеру, влиятельных ученых-политологов, ведущих различных ток-шоу и т.д., формирующих через СМИ видение обществом тех или иных вопросов двусторонних отношений.

Конечно, не следует преувеличивать роль общественного сознания как действенного фактора реальной политики: механизмов явного и прямого воздействия общественного мнения на сферу принятия решений (например, когда они принимаются под непосредственным воздействием данных социологических служб) просто не существует. Кроме того, власти имеют возможность манипулировать общественным мнением с помощью средств массовой информации, регулируя настроения граждан, меняя сложившиеся стереотипы и установки в соответствии с политической конъюнктурой. Тем не менее властная элита сама может пасть жертвой господствующих в обществе стереотипов, сформированных ею же в популистских целях: эти стереотипы становятся материальной силой и овладевают умами власть предержащих.

Соседство России с Японией — скорее явление географическое и геополитическое, и это результат развития государства, а не этноса. Разность культурных ареалов, к которым принадлежали обе страны, географическая отделенность Японии от материка, слабая экономическая развитость российских дальневосточных регионов, традиционно строгая миграционная политика самой Японии — все это факторы, которые не способствовали сближению народов двух стран, и исторически масштабных контактов на уровне обществ всегда было крайне мало.

Между тем подавляющую часть истории взаимных отношений, которая насчитывает чуть более полтора столетия, Россия и Япония были врагами, соперниками, конкурентами. В череде событий, оставивших свой след в истории, — ожесточенная конкуренция «за место под солнцем», многочисленные конфликты и прямая военная конфронтация, взаимная враждебность и отсутствие доверия. Сильный отпечаток на историческое сознание двух наций оставили в XX в. русско-японская война 1904—1905 гг., интервенция японских войск на Дальнем Востоке в 1918—1922 гг., период «холодного мира», а по сути — военного и политического противостояния на Дальнем Востоке в межвоенный период, в ходе которого стороны неоднократно вступали в локальные вооруженные конфликты, наконец, долгий период холодной войны, в который две страны оказались по разные стороны баррикад. Можно выделить, пожалуй, лишь три коротких периода весьма условного «потепления» в этих отношениях: 1909—1916 гг., когда страны впервые вплотную приблизились к установлению военного союза и даже успели оформить его юридически, 1941—1945 гг. (период действия Пакта о нейтралитете) и 1956—1960 гг. (краткий промежуток после подписа-

ния Совместной декларации и вплоть до появления известной «ноты Громыко» 1960 г.).

Поскольку случаев внешнеполитического сближения между нашими странами было мало, взаимные образы, формируемые элитами, по большей части были либо враждебными, либо нейтрально-настороженными. Данная взаимная неприязнь, возникшая первоначально на почве геополитического противостояния начала века, после 1945 г. сменилась новой отчужденностью, проистекавшей из их идеологического противостояния, связанного с принадлежностью двух стран к различным идейно-политическим блокам в период холодной войны.

С учетом этого обстоятельства среди прочих факторов развития двусторонних отношений фактор исторической памяти является, пожалуй, одним из наиболее деструктивных. Как отмечал японский исследователь Кимура Хироси, отношения между двумя странами «всегда были настолько плохими, что возникла теория, что плохое состояние этих отношений является нормальным» [Kimura 2000: 313]. Расхожей стала характеристика тандема России и Японии как «далеких соседей». В этой связи можно, вероятно, констатировать, что чувство оскорбленного национального самолюбия, основанное на исторической подоплеке, является не самым лучшим условием для развития взаимных связей.

За всю историю немногочисленными случаями относительно массовых контактов можно назвать пребывание русских солдат и моряков в японском плену в 1904–1905 гг., одновременное проживание на территории Сахалина вновь прибывающих граждан СССР и репатрируемых жителей губернаторства Карафута в 1945–1949 гг., а также содержание японских военнопленных в лагерях СССР в 1945–1956 гг. Контакты между русскими и японцами — это чаще всего история взаимоотношений государств при крайне низком уровне взаимодействия на уровне населения. Поэтому в самих обществах обеих стран преобладали и преобладают те образы и стереотипы, которые сформированы и спущены вниз политическими элитами.

Среди прочих ценностно-мировоззренческих ориентиров доминирующие в обществе взгляды на историческое прошлое являются, пожалуй, одними из наиболее консервативных, а их флуктуация оказывается заметной только на длительных исторических отрезках, зримо проявляясь чаще всего с приходом нового поколения или новой исторической эпохи. Например, если взять историю российско-японских отношений, та же русско-японская война или японская интервенция 1918–1922 гг. совершенно по-разному воспринимались в СССР/России и Японии в довоенный и послевоенный периоды. Несколько

по-иному воспринималось в обеих странах прошлое страны периода Второй мировой войны пережившим его послевоенным поколением и поколением современным.

В настоящем разделе будет сделана попытка оценить, какое место занимали проблемы исторического прошлого двусторонних отношений в общественно-политическом дискурсе и на уровне общественного сознания России и Японии на различных этапах истории XIX–XXI вв. В отдельных главах будут рассмотрены такие актуальные для исторической памяти народов двух стран темы, как историческое наследие японского присутствия на Сахалине (1905–1945), правовой, социальный и гуманитарный аспекты проблемы японских военнопленных в СССР, а также проблема пограничного размежевания, которую в Японии именуют проблемой «северных территорий».

Г Л А В А 7

Взаимное восприятие страны-соседа на политическом уровне: образы и стереотипы

Довоенный период

Япония традиционно воспринимала Россию как угрозу еще задолго до прихода «черных кораблей» commodора Перри. В середине эпохи Токугава японский мыслитель Хаяси Сихэй в своем трактате *«Военные беседы о морском государстве»* (*кайкоку хэйдан*) ставил вопрос об «угрозе военного нападения России» и усиленно ратовал за перевооружение береговой охраны. Княжество Мацумаэ, расположенное на юге Хоккайдо, стало рассматриваться сёгунскими властями в качестве «буфера» на пути возможного продвижения России после ее появления в XVIII в. на северных границах Японии. Свою лепту в негативизацию образа России внесли голландцы, которые нередко использовали свое монопольное положение для дискредитации в глазах сёгуна тех европейских стран, которые проявляли интерес к связям с Японией. Например, в 1771 г. голландцы соответствующим образом перевели на японский язык польского авантюриста Бенёвского, который после побега из российской ссылки попытался донести до японских властей информацию о якобы агрессивных намерениях России в отношении Японии. Широкую известность получил в Японии инцидент с разграблением в 1806—1807 гг. российскими военными кораблями под командованием лейтенанта Г. А. Давыдова и мичмана Н. А. Хвостова японских факторий на остров Итуруп и на Сахалине, предпринятым в отместку за отказ представителя сёгуна двумя годами ранее принять российского посланника Н. Резанова.

Японцам хорошо известно и то, что в период Мэйдзи Россия была в числе великих держав, участвовавших в насильственном открытии страны и навязавших Японии неравноправные договоры. Она же вместе с Германией и Францией вмешалась в 1896 г. в итоги японо-китайской войны и заставила Японию отказаться от части «справедливых»

завоеваний, полученных ею по Симоносэкскому миру (в частности, от Ляодунского полуострова). И хотя японская интеллигенция продолжала увлекаться русской культурой и по праву называла Россию своим учителем, заметного воздействия на японскую культуру, быт, государственное устройство и военную политику Японии она, в отличие от многих других стран Запада, не оставила.

Имелись поводы для настороженного отношения у Японии и к советской России. События октября 1917 г. всегда трактовались в Японии как черная и трагическая страница в российской истории — система образования и официальная пропаганда внушила большинству японцев самые негативные чувства к коммунистической идеологии. Японская военная интервенция в Россию 1918—1922 гг. подавалась как естественная реакция на приход к власти левых экстремистов, как меры по защите жизни и собственности проживавшей в России японской общины, насчитывавшей почти 6 тыс. человек, а также как выполнение союзнических обязательств перед странами Антанты (войска были введены под предлогом борьбы с восстанием интернированных военнослужащих Чехословацкого корпуса). Кстати, термин «интервенция» при упоминании этих событий никогда не использовался — в Японии предпочитали говорить об «отправке войск в Сибирь» (*сибэриа сюппэй*). В качестве оправдания затягивания с выводом войск, продлившего японское военное присутствие на четыре года, приводился так называемый «николаевский инцидент» марта 1920 г., когда отряд анархиста Якова Тряпицына сжег заживо японский гарнизон города Николаевск, а также японских гражданских лиц, включая консула и его семью. (При этом, правда, не слишком акцентировался тот факт, что Тряпицын был вскоре расстрелян по приговору советского военного трибунала.)

В межвоенный период сталинский СССР однозначно воспринимался в японском общественном мнении и ее руководстве как враждебное государство, которое к тому же пыталось экспортировать в Японию с помощью Коминтерна враждебную и чуждую коммунистическую идеологию. Кроме того, по мере усиления роли военных СССР все больше предстал как потенциальный объект для территориальной экспансии и как лакомый кусок жизненного пространства. После захвата Маньчжурии штаб японской сухопутной армии усиленно ратовал за северное направление дальнейшей экспансии, разрабатывая соответствующие оперативные планы, и лишь военные неудачи в ходе конфликта с СССР 1938—1939 гг. охладили пыл милитаристов, заставив их выбрать южное направление агрессии. Следует отметить, что культурные контакты между двумя странами не прекращались и в 1920—1930-е

годы, однако это не могло изменить общую картину настороженного и враждебного отношения Японии к сталинской России.

Если смотреть на восприятие Японии со стороны России/СССР, нельзя не отметить, что ее образ, как и в Японии по отношению к России, был в подавляющем большинстве мрачным и враждебным. Начиная с конца XIX в., когда Япония стала предпринимать экспансию в Маньчжурии и выходить на российские дальневосточные рубежи, в исторической памяти нескольких поколений подданных Российской империи, а затем и советских граждан подспудно стало формироваться ощущение «желтой угрозы». Настороженность по отношению к Японии с течением времени усиливалась в периоды русско-японской войны, военной интервенции Японии на советском Дальнем Востоке и конфронтации на маньчжурской границе и в Монголии в 1930-е годы.

Стоит отдельно выделить эмоциональный стресс, связанный с поражением в русско-японской войне, которая нанесла русскому народу большую психологическую травму. В периоды до и во время русско-японской войны во многом стараниями официальной пропаганды в общественном сознании сложился образ японцев как коварных, злых и мстительных «инопланетян» — представителей совершенно иной, чуждой и недоступной для понимания культуры. Играл свою роль и расовый мотив — в глазах части российской элиты война с Японией представлялась как сражение между белой и желтой расами, и поражение России как представителя белой, «превосходящей» расы в этом смысле означало уязвление ее национальной гордости. Уместно отметить в этой связи, что первая победа «желтой» над «белой» империей имела большое психологическое значение для прочих азиатских народов, находившихся в колониальной зависимости от Запада, воодушевляя их на борьбу с «белым» империализмом, свидетельством чему явилась, например, революция 1911 г. в Персии.

К тому же следует учесть и то обстоятельство, что Российское государство расширялось на Восток, идеологически обосновывая экспансию своей цивилизаторской миссией в отношении азиатских народов. В этом смысле нанесенные ей поражением в войне обида и унижение в числе прочего означали удар по идеологии имперского мессианства, основанной на культурно-цивилизационном превосходстве России по отношению к «варварской» Азии. Кстати говоря, именно на эту болевую точку — уязвленное в результате поражения самолюбие русского народа и копившуюся в нем жажду мщения — указывал Сталин, когда говорил 2 сентября 1945 г. о причинах объявления войны Японии: «...поражение русских войск в 1904 г. в период русско-японской войны оставило в со-

знании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано» [Правда 1945].

В сознании довоенного поколения советских граждан, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, сохранялась горькая память о японской военной интервенции. Особенно мрачные воспоминания оставили в народе карательные акции, проводившиеся японскими военными против местного населения в ходе борьбы с партизанским движением. Например, широкую известность получил инцидент с уничтожением японскими карателями 250 жителей села Ивановка Амурской области 22 марта 1919 г. В 1995 г. японцами поставлен здесь памятник в знак покаяния японского народа за случившееся. Широкое хождение получила история о сжигании живьем в паровозной топке переданного японцами белоказаком красного партизана Лазо, не имевшая ничего общего с действительностью (на самом деле партизанский командир был расстрелян). Однако миф этот оказался настолько живучим, что в 1972 г. в Уссурийске был установлен на постаменте и с соответствующей табличкой якобы тот самый паровоз (в дальнейшем выяснилось, что из-за спешки на постаменте оказался американский локомотив 1930-х годов выпуска).

В любом случае японская интервенция сохранилась в памяти советского народа как большая трагедия, как цепь страданий и унижений, а то и массовой гибели невинных людей. В отличие от русско-японской войны, она явилась первой за всю историю двусторонних связей войной с японцами на российской территории и в этом смысле имела характер священной войны с иностранными поработителями. Однако с позиций сегодняшнего дня можно сказать, что этот трагический эпизод истории двусторонних отношений не оставил в национальном сознании советского народа глубокого следа, подобного тому, который оставили японские оккупанты в Китае двумя десятилетиями позднее. И связано это было с тем, что по итогам Второй мировой войны Япония была повержена, разоружена и унижена, а это дало советским людям чувство морального удовлетворения, позволившее «простить» ее за грехи прошлого, в которых интервенция занимала далеко не последнее место.

С наступлением советской эпохи мрачный образ враждебной Японии продолжал превалировать, несмотря на нормализацию политических отношений с Токио в 1925 г. Как полагает российский исследователь А. Ложкина, «к концу 1920-х годов в советском общественном сознании сформировался негативный образ Японии. Он состоял из мифологизированных представлений, стереотипов, сложившихся во второй половине XIX в., личных впечатлений, полученных в период

русско-японской войны, и интервенции... несмотря на трехсотлетнюю историю взаимоотношений, представления о дальневосточном соседе были достаточно ограниченными, это, конечно, накладывало определенный отпечаток на принятие политических решений советским руководством, на восприятие советским обществом картины мира» [Ложкина 2011: 12–13].

Большое значение для понимания довоенного восприятия в СССР Японии играл страх перед ее возможным нападением, который не всегда имел рациональные основания. Япония представлялась в основном в качестве агрессивной державы, главным мотивом которой было намерение напасть на СССР и отторгнуть его дальневосточные владения. Особенно не способствовали укоренению теплых чувств к Японии события начала 1930-х годов — Япония оккупировала Маньчжурию, в результате чего зона военного противостояния расширилась на всю протяженность маньчжуро-советской, а также маньчжуро-монгольской границы. Напряженность на границе вылилась в реальные военные столкновения, а в 1935 г. из-за провокаций Москве пришлось согласиться на продажу Маньчжоу-Го Китайско-Восточной железной дороги. Логичным завершением усиливающейся конфронтации стали вооруженные конфликты на озере Хасан и реке Халхин-Гол. В 1936 г. Япония присоединилась к антикоминтерновскому пакту, а в 1940 г. окончательно сделала выбор в пользу военного союза с Германией и Италией, направленного против СССР.

Таким образом, события в истории российско-японских отношений первой половины XX в. остались в памяти народа как свидетельство агрессивного курса Японии по отношению к России/СССР, который с течением времени только продолжал усиливаться. Это давало почву для широких антияпонских настроений в массах, где Япония представлялась чуждой и враждебной страной. Именно поэтому вступление СССР в войну против Японии, официально мотивированное в заявлении советского правительства необходимостью быстрее окончания войны, а также ее быстрый военный разгром воспринимались в народе как акт высшей исторической справедливости.

Период холодной войны

В период холодной войны на восприятие в Японии СССР в целом и проблем советско-японской войны 1945 г. в частности существенное влияние оказывал и продолжает оказывать комплекс виктимности. Речь идет о формировании на уровне массового сознания сложной

этико-философской конструкции, в рамках которой негативное отношение к милитаристскому прошлому сочеталось с самовосприятием в качестве жертвы несправедливости. Это самоощущение превалирует и в интерпретации вопросов исторического прошлого, касающихся вступления СССР в войну с Японией, действий Советской армии в Маньчжурии и Корее, гуманитарных аспектов проблемы японских военнопленных, оказавшихся в советском плену, а также возникшей в результате незавершенности процесса послевоенного урегулирования территориальной проблемы.

Так, исключительно как акт вероломства представляется в Японии вступление СССР в войну 8 августа 1945 г. в нарушение советско-японского Пакта о нейтралитете от 12 апреля 1941 г. Действительно, СССР формально нарушил свои международно-правовые обязательства по отношению к Японии, поскольку денонсированный им в апреле 1945 г. Пакт продолжал действовать еще в течение года. В Японии, однако, не любят вспоминать, что СССР объявил ей войну, основываясь на тех положениях Устава ООН, которые обязывали своих членов предпринять в переходный период шаги против «вражеских государств», что обязательства по Уставу ООН имели преимущество по отношению к любым двусторонним договорам, включая Пакт о нейтралитете, и что сама Япония признала Устав ООН, вступив в эту организацию в 1956 г.

В заочной полемике с Москвой некоторые японские эксперты выдвигают тезис о том, что соблюдение Токио Пакта о нейтралитете в 1941–1945 гг. позволило СССР избежать войны на два фронта и, таким образом, создало предпосылки для победы над фашистской Германией. При этом игнорируется тот факт, что выполнение СССР обязательств по Уставу ООН позволило ускорить завершение Второй мировой войны и избавило японский народ от дополнительных многочисленных жертв, которые он мог бы понести в результате продолжения бессмысленного сопротивления.

В качестве вопиющей исторической несправедливости преподносится также насильственное перемещение в СССР и использование подневольного труда бывших военнослужащих японской императорской армии, сдавших оружие в Маньчжурии, на Сахалине и Курильских островах в августе 1945 г. На основании постановления ГКО от 23 августа 1946 г. на советскую территорию было направлено более 500 тыс. японских солдат и офицеров. В глазах многих японцев их задержание после опубликования 15 августа 1945 г. императорского рескрипта об окончании войны является грубым нарушением норм международного права (Потсдамской декларации и Женевской кон-

венции), в соответствии с которыми интернированные лица должны быть незамедлительно репатрированы на родину. Между тем процесс их репатриации растянулся на десять с лишним лет, вплоть до подписания Совместной декларации от 19 октября 1956 г., формально положившей конец состоянию войны. По разным оценкам, от 45 до 60 тыс. японских военнопленных скончались от непосильного труда, тяжелых климатических и бытовых условий, скудного и непривычного питания и недостаточной медицинской помощи.

Осуждение японцев вызывают такие неправомерные действия советских властей, как отказ представить японской стороне точное количество и поименные списки интернированных; намеренное затягивание процесса репатриации; активное насаждение коммунистической идеологии в среде военнопленных с целью создания своего рода «пятой колонны» из числа репатриантов и т.д. Уже после подписания Совместной декларации СССР запрещал японцам посещать могилы их родственников, скончавшихся в плену; практически ничего не сделал для сохранения кладбищ, в результате чего многие могилы были безвозвратно утрачены; отказывался официально признать практику привлечения военнопленных к труду и выдать репатриантам соответствующие справки, что поставило их в неравноправные условия по отношению к военнопленным, прошедшим английские и американские лагеря, поскольку те имели подобные сертификаты и могли требовать компенсационные выплаты за свой труд от японского правительства. И хотя в октябре 1993 г., т.е. уже в постперестроечный период, устами Президента России принесены официальные извинения Японии за негуманное отношение к военнопленным, а многие из оставшихся нерешенными проблем были решены (разрешено посещение уцелевших кладбищ, выданы справки о привлечении к труду и пр.), у многих японцев, особенно старшего поколения, по-прежнему сохраняется чувство горечи по поводу совершенной СССР несправедливости. Проблема военнопленных хорошо известна и молодому поколению японцев, получившему представление о ней по школьным учебникам, а также по выходящим в Японии многочисленным художественным произведениям и кинофильмам, широко использующим мотив «жестокости сибирского плена».

Однако наиболее сильно ощущение себя пострадавшей стороной проявляется в отношении японцев к проблеме территориального размежевания с СССР, по их мнению, сохраняющейся и по сей день в качестве одного из неурегулированных вопросов Второй мировой войны. Усилиями официального Токио территориальная проблема получила мощное пропагандистское обеспечение и была выведена на уровень

вопроса, затрагивающего национальный престиж страны. С начала 1980-х годов при поддержке властей была начата кампания по сбору подписей в поддержку требования о возвращении «северных территорий», в стране стал ежегодно отмечаться День «северных территорий» с участием премьер-министра и иных высших руководителей страны. Каждый год 7 февраля, в годовщину подписания Симодского трактата, премьер-министр под прицелом телекамер «инспектировал» Южные Курилы, рассматривая их в бинокль с борта пограничного катера. Около 84 млн японцев (более 80% взрослого населения страны) поставили к 2014 г. свои подписи под петицией за возвращение «северных территорий» [Brown 2016: 81]. Это в немалой степени способствовало повышению рейтингов правящей партии.

По сути, само восприятие СССР на протяжении десятков лет происходило через призму территориальной проблемы, что позволило стереотипировать отрицательный образ СССР в качестве «вора на пожаре». В результате среди японской общественности сформировалось стойкое представление об СССР как о «стране-агрессоре».

Негативное восприятие на протяжении всех послевоенных десятилетий СССР через историческую память о войне, как и прочие аспекты исторического прошлого этого периода, о которых шла речь выше, позволяли искусственно поддерживать в японском народе самоощущение «пострадавшей нации» и затмевать тем самым чувство вины, связанное с агрессивной политикой Японии. Следует, однако, иметь в виду, что курс на формирование образа СССР в общественном мнении как «враждебного государства» проводился в соответствии с логикой холодной войны и имел четко выраженную идеологическую подоплеку — не случайно СССР в официальных документах именовался потенциальным военным противником Японии. Понимание этого момента в какой-то степени объясняет, почему большинство японцев не имеет к США никаких претензий за атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, повлекшие за собой неисчислимые человеческие жертвы среди мирного населения, считая их «неизбежным злом» и даже «вынужденной мерой», в то время как утрата страной незначительных территорий стала восприниматься ими как национальная трагедия.

В свою очередь, в СССР в период холодной войны сложные вопросы истории двусторонних отношений имели качественно иную интерпретацию. Прежде всего, это касается вопросов, связанных с советско-японской войной августа–сентября 1945 г. Особого внимания заслуживает то, как в советской историографии освещался вопрос о вступлении СССР в войну с Японией. Это решение было основано

на ялтинских соглашениях и вытекало из требований Устава ООН, направленных на быстрое завершение Второй мировой войны. Однако в условиях, когда в общественном мнении отсутствовал специфически «антияпонский» компонент, поскольку Япония на СССР не нападала, необходимо было привести и морально-этические основания для вступления СССР в войну. В числе таких аргументов, обозначенных Сталиным в своей речи по случаю победы над Японией, — необходимость возмездия за унижительное поражение в русско-японской войне. Указывалось, кроме того, на то, что Япония, утвердившись на Курилах и Южном Сахалине, вынашивала планы отторгнуть от России весь ее Дальний Восток; что в ходе интервенции 1918—1922 гг. она оккупировала Дальний Восток и, по выражению Сталина, «четыре года терзала наш народ, грабила советский Дальний Восток» [Правда 1945]; что, будучи союзником гитлеровской Германии, намеревалась участвовать в разделе СССР и заключила 18 января 1942 г. с Берлином и Римом сделку по расчленению его территории на «германскую» и «японскую» зоны оккупации с прохождением линии раздела по меридиану Омска [Кошкин 2015]; что СССР был вынужден считаться с угрозой нападения с ее стороны и держать на Дальнем Востоке в период войны с Германией большую военную группировку, которой так не хватало на западном направлении; что Япония в период войны предпринимала захват советских судов, необоснованно задерживала советских граждан и совершала иные провокации. Широкую известность получил также японский план подготовки войны против СССР, разработанный генеральным штабом в соответствии с решением императорского совещания от 2 июля 1941 г., т.е. менее чем через три месяца после подписания с СССР Пакта о нейтралитете, и в виде директивы в Квантунскую армию [Кошкин 1989: 101]. На этом фоне разгром японских милитаристов в Маньчжурии, Корее, на Сахалине и Курильских островах воспринимался советским общественным мнением как освободительная миссия, аналогичная той, что осуществила Красная армия в Европе. В этом же контексте, т.е. как акт восстановления исторической справедливости, преподносились и территориальные приобретения СССР в результате войны с Японией — обретение им Курильских островов и возвращение ему Южного Сахалина.

Конфликт с Японией в период Второй мировой войны был скоротечным и победоносным, продолжаясь менее трех недель. Японские войска не нанесли крупного ущерба советским гражданам и советской экономике, так как все боевые действия шли за пределами СССР. Поскольку заявление Токио о принятии условий Потсдамской декларации

последовало уже через неделю после объявления СССР 8 августа 1945 г. войны Японии, больших людских потерь, сопоставимых с потерями в Европе, эта война не принесла. И хотя Сталин, выступая по радио в связи с капитуляцией Японии 2 сентября 1945 г., апеллировал к чувству исторической справедливости, аргументируя вступление СССР в войну с Японией не столько союзническими обязательствами СССР, сколько нанесенными ею «историческими обидами» (касающимися русско-японской войны и интервенции на Дальнем Востоке), «благородной ярости», не говоря уж о желании мстить, среди советских людей Япония не вызывала.

Сам же Сталин мыслил категориями глобального послевоенного мироустройства и не считал поверженную и оккупированную Японию достойной большого внимания в своих стратегических расчетах, оставив ее в зоне влияния американцев. Солидарность с коммунистическим Китаем, основным союзником СССР в Азии, который не был приглашен на Сан-Францисскую конференцию в сентябре 1951 г., была основной причиной, по которой Москва решила не подписывать мирный договор с Японией. Полагая, что окончательную точку в спорах на Дальнем Востоке поставит лишь Третья мировая война, Сталин считал любой мирный договор с Японией временным.

Однако после смерти Сталина новое советское руководство провозгласило курс на мирное сосуществование, и вопрос об урегулировании отношений с Японией вновь актуализировался. Советская политика по отношению к Японии в 1950-е годы строилась на постулате о необходимости «отрыва» Японии от союза с Америкой, превращения ее в мирное и демократическое государство, с территории которого не исходит военной угрозы. Результатом этой политики явилось подписание Совместной советско-японской декларации 1956 г., в которой были зафиксированы условия мирного урегулирования. Стороны пришли к согласию о том, что не имеют никаких взаимных претензий по итогам прошедшей войны, а СССР отказывался от любых репарационных требований к Японии. С позиций Москвы это означало «прощение» Японии не только за милитаристскую политику 1930–1940-х годов, но и за события более отдаленного исторического прошлого. Обещание Хрущева передать Японии два Южно-Курильских острова было фактически попыткой подкупить Токио, заставив его отказаться от союза с Соединенными Штатами, — попыткой, с самого начала обреченной на провал, так как к тому времени Токио уже окончательно определился в своем внешнеполитическом выборе.

«Прощение» Японии не вызывало внутри СССР какого-либо неприятия по той причине, что послевоенное поколение советских лю-

дей к тому времени уже смутно помнило об исторических грехах японцев, связанных с интервенцией на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг., не говоря уже о русско-японской войне, а «прощать» их за преступления, совершенные на территории даже союзного Китая, было не так сложно. К тому же Китай с начала 1960-х годов к тому времени стремительно перемещался из категории союзника в категорию злейшего врага и военного противника, а потому поддерживать его нападки на Японию было в тот период, как минимум, нелогично.

В период холодной войны Москва предпочитала воздерживаться от чрезмерных пропагандистских нападков на Японию, касающихся вопросов военного прошлого. Это было связано с тем, что главные жертвы СССР понес на германском фронте, и поэтому историческое просвещение в СССР концентрировалось в основном на вопросах, связанных с Великой Отечественной войной. Важным для понимания нейтрально-сдержанного отношения в СССР к поверженной Японии был и фактор американских бомбардировок Хиросимы и Нагасаки: в глазах советских граждан японцы более чем щедро заплатили за свою авантюристическую политику. К тому же Япония оказалась в результате войны в положении оккупированной страны, не имея возможностей даже написать собственную конституцию и проводить собственный внешнеполитический курс. Япония, разместившая в соответствии с Договором безопасности американские военные базы на своей территории, представлялась советской пропагандой как страна, оккупированная Соединенными Штатами и наряду с прочими странами афроазиатского мира решающая, в соответствии с постулатами ленинской теории, задачу своего национального освобождения. Стереотип о том, что Япония является «страной-сателлитом», находящейся в прямой внешнеполитической зависимости от заокеанского партнера, прочно закрепился в сознании целого поколения советских людей. Они считали, что страдающая под пятой американцев Япония уже получила жестокий урок истории. Поэтому СССР, проявляя «милость к падшим», был великодушен к побежденному, а в сознании народа к Японии практически не осталось никаких претензий по вопросам исторического прошлого.

Играла свою роль и международно-политическая обстановка периода холодной войны. Попав в орбиту американского влияния, послевоенная Япония оказалась на периферии советского взгляда на мир. Характерной чертой советского внешнеполитического мышления был европоцентризм, в соответствии с которым все главные дела делаются на Западе, а Восток является не более чем объектом соперничества двух систем. Для СССР Япония воспринималась как несамостоятельный

игрок, попавший в жернова военно-стратегического противостояния, превратившись в потенциальную стартовую площадку для запуска ракет по советским целям.

То, что данный контекст был в советской политике на японском направлении главным, подтверждается и проявленной Н. С. Хрущевым в 1955—1956 гг. готовностью к компромиссу на переговорах с Японией о восстановлении дипотношений. В расчете на «благодарность» Токио Москва согласилась после подписания мирного договора передать Японии два Южно-Курильских острова. Цель СССР заключалась в том, чтобы попытаться таким способом заручиться нейтральным статусом Японии и обеспечить тем самым большую безопасность советских дальневосточных рубежей. Между тем, когда Токио подписал с Вашингтоном в январе 1960 г. новую редакцию Договора безопасности, Москва немедленно отказалась выполнять условия советско-японской Декларации 1956 г. Мотивы советского демарша были ясно и недвусмысленно обозначены в «ноте Громыко»: Токио был обвинен в нежелании вывести иностранные военные базы со своей территории, а по сути — в том, что политический режим Японии носит марионеточный характер.

Утратив надежду на нейтрализацию Японии, Москва в 1960—1970-е годы взяла курс на приоритетное развитие экономических отношений с этой успешно развивающейся страной, рассматривая ее в качестве источника инвестиций и высокотехнологичной продукции, необходимых для освоения природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, а также перспективного рынка для реализации сырьевых товаров, составлявших основу советского экспорта. Политические связи продолжали оставаться замороженными: СССР не хотел идти на попятную по проблеме Южных Курил и возвращаться к обсуждению условий реализации Декларации 1956 г., а потому придерживался позиции «отсутствия территориальной проблемы», тогда как Япония стала проводить неуступчивую линию на «одновременное возвращение четырех островов», поставив данный вопрос в центр политической повестки дня ее отношений с Москвой.

Большое значение при позиционировании Японии в советских внешнеполитических приоритетах на азиатском направлении имел фактор Китая. Особенно он актуализировался в конце 1960-х годов, когда конфликт Москвы с Пекином вступил в горячую фазу, проявившись в вооруженных столкновениях на границе. Опасаясь японо-китайского сближения на антисоветской основе, советское руководство стало предпринимать определенные шаги по прощупыванию путей замирения с дальневосточным соседом по территориальному вопросу.

Пиком политики заигрывания с Японией стал визит в Токио в январе 1972 г. советского министра иностранных дел А. Громыко, который неожиданно даже для сопровождавших его советских дипломатов предложил японским партнерам рассмотреть возможность возврата к условиям Декларации 1956 г. (т.е. к формуле «двух островов»). Однако реакция японской стороны была пассивной: политической воли для того, чтобы пойти на компромисс с Москвой, отказавшись от базовой позиции «четырёх островов», у японского лидера Э. Сато, который к тому времени уже был «хромой уткой», не было, а сменивший его на посту премьер-министра К. Танака, прозванный «бульдозером» за свою нехарактерную для японцев прямооту и привычку «лезть напролом», открыто заявил на встрече с Л. И. Брежневым в октябре 1973 г., что цель его визита в Москву заключается в решении территориального спора на японских условиях. В результате сделка так и не состоялась, и политические отношения остались в замороженном состоянии еще почти на два десятилетия.

СССР продолжал исключительно ревниво следить за развитием японо-китайских отношений и после 1972 г., когда произошло историческое замирение двух азиатских гигантов, но до 1978 г. воздерживался от открытой критики Японии: Пекин пока еще не опередил Москву по уровню своих связей с Токио, а советско-японское экономическое сотрудничество, получившее мощный импульс после встречи на высшем уровне 1973 г., требовало определенной стабильности политической атмосферы в двусторонних отношениях. Лишь в августе 1978 г., когда в Пекине был подписан японо-китайский договор о мире и дружбе, одна из статей которого предусматривала объединение усилий сторон для противостояния «гегемонии» третьей стороны в Азии, позиция Японии была подвергнута в заявлении советского правительства критике в связи с принятием ею навязанной Пекином антисоветской линии.

Однако, несмотря на то что вплоть до окончания холодной войны политических контактов на высшем уровне практически не проводилось (за исключением визита японского премьера в Москву в 1973 г.), СССР старался не создавать дополнительных сложностей на пути к их размораживанию, например критикуя Японию в связи с ее «недостаточным покаянием» за «неправильное поведение» в далеком прошлом. В центре советского пропагандистского прицела стоял «возрождающийся милитаризм» — проводившийся Токио при молчаливом одобрении заокеанского союзника «реваншистский» курс на возрождение своей военной мощи. Однако эти обвинения во многом были ритуаль-

ными и отвечали скорее общим постулатам идеологической борьбы с Западом, нежели конкретным задачам, стоявшим в отношениях с Токио. В то же время за пределами мейнстрима в советском историко-политическом дискурсе оставались вопросы, касающиеся агрессивной политики милитаристской Японии на материке, включая «Нанкинскую резню», чрезмерные пропагандистские нападки на Японию за действия императорской армии в Китае выглядели бы как косвенная поддержка китайского взгляда на историю. Единственным исключением были лишь публикации о деятельности японского «Отряда 731», занимавшегося в годы войны в Маньчжурии бесчеловечными экспериментами на людях с целью разработки бактериологического оружия — на эту тему в Москве в 1983 г. был издан русскоязычный перевод книги японского историка С. Моримура «Кухня дьявола».

Не очень были заметны при критическом освещении советскими пропагандистами японской темы и сложные вопросы довоенной истории двусторонних отношений, такие, например, как русско-японская война или японская интервенция периода Гражданской войны, японская милитаристская угроза, хищнический лов, проводившийся японскими рыбопромышленниками в советских территориальных водах, т.е. вопросы, которые при желании можно было бы использовать для разжигания антияпонских настроений в массах. И хотя нанесенный Японией в период интервенции на Дальнем Востоке и Великой Отечественной войны ущерб был подсчитан до копейки, в работах советских ученых подчеркивалось, что СССР, отказавшись, согласно ст. 6 Декларации 1956 г., от любых репарационных претензий к Японии, проявил к ней «великодушие, невиданное в отношениях между победителем и побежденным» [Петров 1973: 219]. За этим имплицитно стояло молчаливое понимание того, что послевоенная Япония является качественно иным государством по сравнению с довоенным и что она сполна уже заплатила за свои старые грехи. В этом советский официоз отличал Страну восходящего солнца от других стран Запада, например от США или Великобритании, которые рассматривались в качестве империалистических государств, проводивших неизменно антисоветскую политику на протяжении всего XX в. Свою роль, конечно, играл также пацифистский статус Японии, а также опыт Японии как страны—жертвы американских атомных бомбардировок, вызывавшие в глазах советской общественности сочувствие и симпатию. И даже американские базы на японской территории представлялись не как сознательный выбор демократически избранного правительства Японии, а как бедствие, навязанное им заокеанским партнером, как источник неописуемых

страданий японского народа. Япония-жертва в этом смысле была призвана стать одним из кейсов в идеологической борьбе с Западом.

Что касается сложных вопросов двусторонних отношений военного прошлого, излишнее медийное внимание к ним особенно не поощрялось и по той причине, что СССР после подписания Совместной декларации 1956 г. считал их урегулированными и не желал создавать повода для новой дискуссии по этой скользкой теме. Табу было наложено и на исследование исторической подоплеку советско-японской территориальной проблемы, которой, в трактовке Москвы, не существовало — разрешалось говорить лишь о «необоснованных территориальных претензиях» японской стороны. Например, в вузовском учебнике по истории Японии 1988 г. отсутствовало даже упоминание о ст. 9 Декларации 1956 г. [Кузнецов 1988: 325–326]. Ничего не говорилось об этой части Декларации и в капитальном издании «История Японии (1945–1975)», подготовленном Институтом востоковедения АН СССР в 1978 г. (История Японии 1978). При этом особый упор в советской научной литературе, посвященной ходу переговоров о нормализации двусторонних отношений, делался на неблагоприятную роль американцев, которые неоднократно прибегали к прямому дипломатическому нажиму на своего дальневосточного союзника, добиваясь от него отказа от политики сближения с Москвой. В советских публикациях можно было найти упоминание и о «шантаже Даллеса» (угрозе госсекретаря США Дж. Даллеса в адрес Японии, озвученной им в августе 1956 г. и заключавшейся в том, что «если Япония уступит Советскому Союзу в территориальном вопросе, США навсегда сохранят оккупацию островов Рюкю») [Эйдус 1964: 135], и о памятной записке Государственного департамента США от 7 сентября 1956 г. Однако о деталях японской или американской позиций по данному вопросу и об истории и причинах их формирования ничего не сообщалось.

Особый акцент на деструктивной позиции Америки был не случаен — именно она обоснованно считалась первопричиной всех бед в советско-японских отношениях. Япония неизменно представлялась в качестве американского сателлита и «полукolonии», а в первые два послевоенных десятилетия подспудно считалась неотъемлемой частью пробуждающегося от многовековой спячки «азиатского мира», страной, стоящей перед задачами «национально-освободительного движения». Характерно, что вплоть до начала 1960-х годов по своей принадлежности в структуре аппарата ЦК КПСС Япония входила то в состав сектора народно-демократических стран Востока и Японии, то в сектор стран Ближнего и Среднего Востока, то в сектор Африки [Симотомаи 2010:

318]. Японцев охотно приглашали на различные форумы антиимпериалистической солидарности, а японских студентов на первых порах принимали за государственный счет в Университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы, созданном в 1960 г. для оказания помощи в подготовке высококвалифицированных и воспитанных «в духе дружбы национальных кадров для стран Азии, Африки и Латинской Америки», а по сути — для идеологического воспитания молодежи развивающихся стран. Советские целевые установки в отношении Японии поэтому долгое время сводились к тому, чтобы подтолкнуть ее к аннулированию Договора безопасности и к политике мирного нейтралитета.

Отношение к Японии как к жертве и несамостоятельному игроку стало постепенно терять силу по мере экономических успехов Японии, особенно заметных в период высоких темпов экономического роста 1960-х — начала 1970-х годов. Экономическое чудо вызвало в советском обществе всплеск интереса к японской истории, культуре и искусству, а знакомство с японскими брендами было источником восхищения. Все это создавало определенный флёр «загадочной страны» и способствовало высокому по сравнению с другими капиталистическими странами кредиту Японии в советском общественном сознании — она вызывала гораздо больше благожелательного к себе отношения, чем не только США, но и многие куда более близкие в культурном плане европейские страны.

Постбиполярный период

С начала 1990-х годов Япония, вторая экономика мира, стала проявлять устремления к роли мирового политического лидера. Она начала активно претендовать на место постоянного члена в СБ ООН и выступать за пересмотр Устава ООН, в котором содержится тезис о «вражеских государствах». В выступлениях политических руководителей страны зазвучал тезис о необходимости «подвести черту» под своим послевоенным прошлым и стать «ответственной» державой, «обычной страной», не отягощенной никакими пацифистскими ограничениями. В политическую повестку дня был поставлен вопрос о пересмотре мирной конституции.

В качестве аргумента в пользу «подведения черты», помимо усилившихся экономических и международно-политических позиций Японии в мире, приводятся качественные сдвиги во всей послевоенной системе мирового порядка, происшедшие после окончания холодной войны. К числу последних относят распад биполярного мира, развал СССР,

крах социалистической системы, расширение НАТО на Восток, прецеденты, связанные с изменением границ государств, в том числе и в Европе. Согласно этой логике, политика «подведения черты» под послевоенным прошлым, помимо внутренних аспектов, связанных с отказом Японии от послевоенного пацифистского наследия и ее превращением в полноценную военную державу, по сути, предполагает признание необходимости внесения в международные нормы и правила, основанные на договоренностях между союзниками во Второй мировой войне, определенных коррективов в соответствии со сложившимися реальностями.

Этой линии немало способствовали качественные изменения в японской внутренней политике, произошедшие после окончания холодной войны. Смена поколений привела к существенному поправлению электоральных слоев, усилению националистических взглядов в японском обществе, запросу на проведение проактивной внешней политики, нацеленной на защиту национальных интересов страны с помощью не только экономических, но и военных рычагов. С начала 2000-х годов во власти закрепляется «антиосновное течение» ЛДП, традиционно делающее упор на собственные (т.е. отличающиеся от американских), внешнеполитические интересы страны. Наиболее представительными кабинетами, выражающими эту тенденцию, стали правительства Дз. Коидзуми (2001–2006) и С. Абэ (2012–2020).

По отношению к России эта традиция проявила себя неоднозначно. Первый всплеск надежд на пересмотр послевоенной парадигмы мирового порядка относится к концу биполярного периода. С провозглашением горбачевского «нового мышления» в Японии возникли надежды, что решительный отказ от сталинского наследия приведет и к пересмотру позиции России о незыблемости итогов Второй мировой войны в японском контексте. В Японии считали, что Москва, действуя по канонам «нового мышления», должна будет в числе прочих преступлений сталинского режима в отношении Японии, среди которых вспоминаются негуманное отношение к японским военнопленным и «вероломное нарушение» ею Пакта о нейтралитете 1941 г., исправить допущенную ей несправедливость в виде аннексии Южно-Курильских островов и, соответственно, вернуть их Японии. В 1990-е годы этот аргумент нередко приводился японской стороной с целью побудить Россию пойти на уступки по территориальному вопросу.

По мере усиления напористости российской внешней политики, направленной на отстаивание своих национальных интересов, которое ассоциировалось с приходом в 2000 г. Путина на пост президента, среди части консервативного политического истеблишмента Японии,

недовольного подчиненным положением Японии в системе военно-политического союза с Америкой, усилились симпатии к России как к естественному «противовесу» мировым гегемонам в лице США и Китая. Именно их выразителем в значительной степени выступал в 2012–2020 гг. премьер-министр С. Абэ, являвшийся сторонником активного укрепления отношений с Москвой и заключения с ней мирного договора на основе взаимного компромисса по территориальному вопросу. Однако эта компонента пользовалась лишь ограниченной поддержкой как в руководстве, так и в низах правящей ЛДП. Скорее, в партии преобладали те националистические слои, которые настроены антироссийски и считают, что Япония должна использовать политику «дожимания» России по территориальному вопросу.

Следует отметить, что такие взгляды во многом отражают широкие общественные настроения. Россию японцы в массе своей по-прежнему считают «недружественным государством» — она остается в их глазах «красной», «советской» и крайне непредсказуемой. Примечательно, что негативные ассоциации, связанные с Россией, преобладают в Японии вне контекста, связанного с Крымом и украинскими событиями: они сформировались гораздо раньше, еще в период холодной войны, и обладают высокой степенью устойчивости, воспроизводя себя в новых поколениях. Показательным в этом отношении является то, что, если после крымских событий в мире наблюдалось резкое ухудшение отношения к России, в Японии ничего подобного не произошло — оно изначально было очень плохим и таковым и осталось. Например, согласно опросу *Pew Research Center*, если в США в 2013 г. плохого мнения о России придерживалось 43% граждан, то после событий на Украине в 2014 г. — 72% респондентов, в Европе соответственно эти цифры составили 54 и 74%. В Японии же ухудшение имиджа России составило лишь не очень значительные 5% — с 64 до 69% [Казаков 2015: 32].

С другой стороны, в Японии существенно сократилась прослойка симпатизантов России из числа бывших сторонников просоветски настроенных левых партий. В период биполярного мира электорат Социалистической партии, отчасти Партии демократического социализма и Коммунистической партии позитивно оценивал роль СССР во Второй мировой войне, полагая, что его вступление в войну ускорило заключение мира и позволило Японии избежать новых жертв. Пафос левых был направлен против американского империализма, который после войны втянул Японию в свою орбиту, заставив подписать союзный договор. Однако в середине 1990-х годов Социалистическая партия Японии, которая в своей внешнеполитической ориентации традиционно делала

ставку на СССР, практически полностью ушла с политической арены. Коммунистические идеи на массовом уровне утратили свою привлекательность среди части японского общества, и новая Россия мало чем могла похвастать в плане привлечения симпатий рядовых японцев. На этом фоне советофобские и русофобские настроения, связанные с территориальной проблемой, перестали «балансируются» симпатиями в отношении постсоветской России среди электората левых партий, рассматривавших СССР в качестве идеала и естественной альтернативы капиталистической системе. В то же время наиболее левая партия — Коммунистическая — изначально придерживалась наиболее «антисоветской» точки зрения на проблемы истории Второй мировой войны. Ее официальная позиция не признает легитимным переход Советскому Союзу не только Южных Курил, но и Южного Сахалина и всех Курильских островов, который оценивается в качестве акта политики территориального экспансионизма сталинского режима.

В постбиполярный период левые и левоцентристские силы Японии стали относиться к России в контексте территориальной проблемы даже более прохладно, чем консервативная ЛДП. Например, именно при правлении левоцентристской Демократической партии Японии в ноябре 2009 г. на уровне МИД страны была принята официальная формулировка о «незаконно оккупированных территориях», вызвавшая кризис в двусторонних отношениях. Мотивом ДПЯ, делавшей ставку на популизм, очевидно, было получение внутривнутриполитических дивидендов от использования России в качестве «боксерской груши». Эта же традиция сохранилась и в партиях, ставших преемниками ДПЯ после ее роспуска в 2017 г. накануне парламентских выборов, включая вторую по силе оппозиционную Конституционно-демократическую партию (КДП).

В настоящее время основное отличие в позициях России и Японии по вопросам исторического прошлого двусторонних отношений связано с разной оценкой итогов Второй мировой войны. Россия считает Южные Курилы частью своей территории в результате договоренностей между союзниками, касающихся послевоенного устройства мира. Российская позиция основана на идее незыблемости итогов Второй мировой войны, которые японская сторона не желает признавать. В этом смысле «антиревизионизм» России по отношению к проблеме Южных Курил — это не просто переговорная позиция, а проявление базовой, фундаментальной основы российской государственности. Япония же исходит из того, что мир теперь изменился и что настала пора восстановить допущенную в отношении Японии «историческую

несправедливость», которая пострадала в результате «советской агрессии» и совершенного за ее спиной «закулисного сговора» между союзными державами. Решение проблемы границы с Россией стало для Японии частью общей линии по «подведению итогов Второй мировой войны» и обретению статуса «нормальной страны».

Особенность российского подхода к вопросу о пограничном размежевании с Японией заключается в том, что Россия признает наличие данной проблемы и выражает согласие вести по данному вопросу переговоры. Именно в этом отличие проблемы Южных Курил от прочих пограничных и территориальных споров Восточной Азии, где сторона, осуществляющая административный контроль над спорной территорией, не признает наличия проблемы как таковой и потому не ведет с противоположной стороной никаких переговоров. Россия, кроме того, положительно относится к идее совместного с Японией освоения Южных Курил.

Список литературы

На русском языке

История Японии 1978 — История Японии (1945–1975) / Отв. ред. В. А. Попов. М.: Наука, 1978.

Казаков 2015 — Казаков О. И. Российско-японские отношения в 2014 году // Ежегодник Япония. 2015. С. 20–35.

Кошкин 2015 — Кошкин А. А. Как Япония «помогала» СССР одолеть Гитлера // Независимая газета. 2015. 8 мая. URL: http://nvo.ng.ru/grpolit/2015-05-08/1_japan.html (дата обращения: 25.05.2021).

Кошкин 1989 — Кошкин А. А. Крах стратегии «спелой хурмы». М.: Мысль, 1989.

Кузнецов 1988 — Кузнецов Ю. Д., Навлицкая Г. Б., Сырицын И. М. История Японии. М., 1988.

Ложкина 2011 — Ложкина А. Образ Японии в советском общественном сознании (1931–1939 гг.) Lambert Academic Publishing, 2011.

Петров 1973 — Петров Д. В. Япония в мировой политике. М., 1973.

Правда 1945 — Правда. 1945. 3 сентября.

Симотомаи 2010 — Симотомаи Н. Ким Ир Сен и Кремль. Северная Корея эпохи холодной войны / Пер. с яп. М.: МГИМО-Университет, 2010.

Эйдус 1964 — Эйдус Х. Т. СССР и Япония. Внешнеполитические отношения после Второй мировой войны. М.: Наука, 1964.

На английском языке

Brown 2016 — Brown J. Japan, Russia and their Territorial Dispute: The Northern Delusion. N.Y.: Routledge, 2016.

Kimura 2000 — Kimura H. Japanese-Russian Relations under Gorbachev and Yeltsin. N.Y.: M. E. Sharpe Inc., 2000.

Г Л А В А 8

Историческое прошлое на уровне общественного сознания и массовой коммуникации: нарративы нации-жертвы и нации-победителя

На протяжении всего XX в. случаев внешнеполитического сближения между нашими странами было мало, а взаимные образы, создаваемые элитами, по большей части были либо враждебными, либо нейтрально-настороженными. Данная взаимная непридрасположенность, возникшая на идеологической почве, после 1945 г. сменилась новой отчужденностью, проистекавшей из противостояния СССР и США. Длительность такого положения вещей привела к устойчивым нейтрально-отрицательным взаимным образам. Соответственно сформировался и актуальный список тем, эксплуатируемых в исторических нарративах обеих стран.

Война стала важнейшим обстоятельством для обоих обществ, но самоидентификация в них приняла разные формы. После окончания Второй мировой войны страны пошли по пути создания противоположных идентичностей — «нации-изгоя» в Японии и «нации-победителя» в СССР [Стрельцов 2016: 179]. Обе модели — продукт творчества политических элит. В случае с СССР это результат деятельности идеологической машины. После распада СССР он претерпел некоторую эволюцию, но в основе своей остался прежним. В случае с Японией речь идет об идентификационной конструкции, создаваемой усилиями официальных властей и консервативно настроенных ученых.

Если взглянуть на список значимых тем для одной и другой стороны, то можно убедиться, что он почти не совпадает. Если речь идет об актуальном прошлом в российском сознании, то здесь широко представлены сюжеты героического нарратива первой половины XX в. — русско-японская война, интервенция на Дальнем Востоке в годы

Гражданской войны, пограничные конфликты конца 1930-х годов. Вступление СССР в войну с Японией в 1945 г. расценивается как завершающий акт, эпилог Отечественной войны, разгром последнего союзника гитлеровской Германии, подводящий черту под длительным периодом противостояния, закончившимся возмездием агрессору¹. В данном случае формируется историческая оптика, которая направлена в прошлое, актуальные образы сформированы на материале преимущественно довоенном. Из истории послевоенной обычный россиянин, вероятно, вспомнит о наличии территориального спора, но территориальный спор в публичное пространство попал лишь начиная с Перестройки.

Если говорить о Японии, то Вторая мировая война становится водоразделом, от которого актуальная повестка как раз только начинается. В активном обиходе остаются именно темы, связанные с последствиями вступления СССР в войну 1945 г., и актуальное прошлое истолковано здесь в нарративе травматическом. Его основными элементами остается отправка сотен тысяч солдат Квантунской армии в СССР (так называемый сибирский плен), депортация японского населения Курильских островов и юга Сахалина в Японию, а также факт изъятия у Японии этих территорий, ставший причиной так называемой проблемы северных территорий.

Япония: нарратив нации-жертвы

Если говорить о восприятии в Японии северного соседа и взаимоотношений с ним, то поводы для настороженного отношения появились в начале XX в. События октября 1917 г. всегда трактовались как черная и трагическая страница в российской истории. В Японии, в стране с глубочайшими монархическими традициями, коммунистическая идеология вызывала особое недоверие, а деятельность Коминтерна, осуществлявшего экспорт революционных идей в том числе и в страны Азии, реально вызывала большие опасения в руководстве страны.

¹ Такое представление является упрощением, не совпадающим с действительной картиной. Так, например, из этого нарратива выпущен период двустороннего сближения, начавшийся после русско-японской войны и длившийся вплоть до большевистского переворота 1917 г. Апогеем этого сближения стали подписание союзного договора в 1916 г., а наиболее ярким подтверждением этого сближения служат такие факты как, например, размещение военных российских заказов на оружейных заводах Японии или японские добровольцы в русской армии в годы Первой мировой войны.

Большое беспокойство вызывало и то, что антиколониальное движение может затронуть и население колоний, особенно в Корее. И хотя после установления дипломатических отношений в 1925 г. интенсифицировались экономические и культурные контакты, это не могло изменить общую картину настороженного и враждебного отношения к советской России.

С начала 1980-х годов в консервативных кругах получил свое развитие нарратив *угрозы с Севера*, в соответствии с которым со стороны России на протяжении веков исходит опасность военного вторжения. И здесь актуализируются не только события 1945 г., но и факты значительно более отдаленного прошлого. Они не имеют никаких актуальных политических или гуманитарных последствий в современности, но являются своего рода прологом к тем бедам, которые случились уже в XX в.

Первым здесь обычно приводится случай с Морицем Бениовским (1741–1786), искателем приключений и авантюристом, бежавшим в 1771 г. из сибирской ссылки. Он передал японским властям письмо о якобы готовящемся русском вторжении в Японию, что было полнейшей фикцией¹. Эта история в конце XVIII в. взволновала многих интеллектуалов и породила дискуссии об отражении нападения. Так, например, публицист и писатель Хаяси Сихэй в своем трактате «Военные беседы о морском государстве» (*кайкоку хэйдан*) рассуждал об угрозе российского военного вторжения и усиленно ратовал за перевооружение береговой охраны [Щепкин 2017].

Еще одна история, произошедшая уже в начале XIX в., — нападение офицеров Российско-Американской компании, лейтенанта Н. А. Хвостова и мичмана Г. И. Давыдова на японский поселок Найбо и Сяна на о. Итуруп в 1807 г. Она вошла в историю под названием *бунка роко: дзикэн* (Российское вторжение годов Бунка).

¹ Этот авантюрист и искатель приключений, сражавшийся на стороне поляков против Российской империи, был арестован и сослан в Казань, а потом за попытку побега — еще дальше, на Камчатку. В 1771 г. он поднял мятеж, захватил судно «Святой Петр и святой Павел» в Большерецком остроге, уговорил несколько десятков человек бежать с ним в Европу. По пути он дважды приставал у берегов Японии, где намеренно отправил несколько писем в голландскую факторию в Нагасаки через японцев. В отместку властям России в этих письмах он стал утверждать, что русские корабли по приказанию императрицы Екатерины II в ближайшее время готовятся напасть на Японию и что на Курильских островах строятся военные базы. Этот случай вошел в историю под названием «Предупреждение Бениовского» [Кин 1972: 34–40].

Это нападение было санкционировано одним из руководителей Российско-Американской компании и главой миссии в Японию в 1804 г. Н. П. Резановым. Потерпев неудачу и получив от токугавских властей отказ в предложении открыть торговлю, он решил таким образом отомстить. План, разработанный им, имел целью уstrasить власти Японии и принудить их к установлению торговых связей. Важно отметить, что и сам план Резанова, и действия Н. А. Хвостова и Г. А. Давыдова не имели санкции со стороны российских властей [Климова 2016].

В ходе высадки на о. Итуруп завязалось боестолкновение, японский гарнизон был обращен в бегство, а командующий этим гарнизоном Тода Матадаю совершил *сэппуку*. Эта история также произвела большой переполох, результатом которого стало усиление охраны северных границ и выставление новых военных постов на Хоккайдо и юге Сахалина. Общественность эта проблематика также очень взволновала, и даже был опубликован трактат Сугита Гэмпаку «Размышления вслух о чужестранных кораблях» (Ясо:докуго), где автор размышляет о вероятности русского вторжения, а также выступает с критикой правительства и даже осмеливается утверждать, что торговля с Россией положительно скажется на состоянии дел в самой Японии [Климова 2013].

Практическим следствием событий 1806–1807 гг. стало увеличение японских гарнизонов на Сахалине и Хоккайдо, а также перевод северных земель под временный контроль непосредственно бакуфу. Кроме того, в 1811 г. японцами был захвачен русский капитан В. М. Головин с несколькими спутниками на о. Итуруп. Для вызволения их из плена помощник капитана П. И. Рикорд доставил японским властям официальное письмо с извинениями и уверениями в том, что действия Хвостова и Давыдова не были санкционированы сверху, после чего русские моряки были освобождены [Гришачев (ред.) 2015: 56–57, 60–64]. Данная история стала первым случаем принесения официальных извинений в истории двусторонних отношений.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что и случай с Бениовским, и нападения Хвостова и Давыдова остались в далеком прошлом и не имеют отношения к нынешнему положению дел. Но они актуализируются в случае «идеологической необходимости», например, в период очередного охлаждения между СССР и странами Запада, случившегося в начале 1980-х. В большом количестве тогда стали публиковаться книги типа «Вторжение Советов на Хоккайдо».

Тогда же издательство «Гаккэн» опубликовало 18-томную манга «*Нихон но рэкиси*» («История Японии»), посвященную прошлому Японии и адресованную школьникам. Следует отметить, что в Японии существует несколько издательств, которые ориентируются на издание манга, посвященных популярному изложению исторического прошлого — от древности до современности. Они ориентированы главным образом на детей и подростков, и эти издания вполне правомерно рассматривать либо как продолжение школьных учебников по истории, либо как самостоятельные своеобразные пособия. К тому же их издание контролируется представителями профессионального сообщества историков, поэтому трактовка событий, предложенная в них, является результатом предварительной модерации. Такие издания можно рассматривать как неофициальное продолжение официальной трактовки исторических событий.

По теме взаимоотношений с Россией из всей их истории было отобрано и иллюстрировано лишь несколько эпизодов, и все они были чередой агрессивных действий северных соседей. Первым из них стали уже упоминавшиеся выше события 1806–1807 гг. Важно еще раз подчеркнуть, что сам конфликт в дальнейшем был улажен сторонами, причем на официальном уровне. Однако в школьном комиксе опущен рассказ о пленении японцами В. М. Головнина, и там ничего не сообщается о доверительных отношениях между купцом Такадая Кахэй и П. И. Рикордом, чьи усилия во многом послужили улаживанию конфликта.

Второй эпизод, как это ни покажется странным, связан с интервенцией 1918–1922 гг. Авторы манга графическим способом передают читателю ту мысль, что японские войска были отправлены в Сибирь по просьбе лидеров антибольшевистских сил и что эта кампания принесла большие потери. При этом без уточнения деталей упомянут Николаевский инцидент как свидетельство этих страданий¹. По сути, только этим и ограничен рассказ о присутствии японцев на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны, что, конечно, не может не вызывать удивления у историков, ибо сколь бы трагичными ни были те события, сводить все только к нему невозможно.

Третьим эпизодом объяснимо стало советское вторжение в Маньчжурию в августе 1945 г., что должно было продемонстрировать несоблюдение СССР пакта о нейтралитете 1941 г. [Нихон но рэкиси 1982].

¹ Подробнее о самом инциденте см. следующую главу.

Стоит отметить, что события августа 1945 г. стали той отправной точкой, с которой Япония стала выступать с историческими претензиями в отношении своего северного соседа, большинство из которых сохраняют свою актуальность и поныне. Согласно логике историков консервативного крыла, Советский Союз, нарушив Пакт о нейтралитете, который должен был действовать до апреля 1946 г., вступил в войну в самый последний момент, когда Япония уже не могла сопротивляться нескольким воюющим с ней державам. С этой точки зрения действия СССР противоречили принципу отказа от территориальных приобретений, который был зафиксирован в Атлантической хартии и Каирской декларации, поскольку в итоге от Японии были отторгнуты значительные территории — Юг Сахалина и Курильские острова [Кимура 1993: 96].

При этом внимание общественности не акцентируется на том, что отказ тогдашнего японского руководства от принятия Потсдамской декларации привел к атомным бомбардировкам Хиросимы и Нагасаки, а также к вступлению СССР в войну с Японией. При этом действия СССР расцениваются как удар в спину, а в лексикон японских историков давно вошло выражение Дж. Ленсена «вор на пожаре», характеризующее действия советского руководства.

Следует отметить, что подобное видение прошлого используется лишь при формировании общественного мнения внутри страны, поскольку с точки зрения норм международного права Япония, подписав ряд документов после выхода из оккупации, тем самым на юридическом уровне признала действия союзников, что исключает любую возможность выдвижения официальных претензий в адрес СССР или США.

Список ныне актуальных в японском общественном дискурсе страны тем, касающихся взаимоотношений с СССР, выглядит следующим образом:

- проблема репатриации гражданского населения с Южного Сахалина и адаптация жителей губернаторства Карафуто на территории метрополии после 1945 г. (подр. см. главу 9);
- проблема военнопленных, солдат и офицеров Квантунской армии, сдавшихся в плен в 1945 г. и отправленных в лагеря на территории СССР (подр. см. главу 10);
- территориальный спор, причиной которого явилась незаконная оккупация Советами части исконных территорий бывшей Японской империи (подр. см. главу 11).

Первые две темы имеют преимущественно актуальность в правовом и гуманитарном плане и острое социальное звучание. Последняя тема — территориальный спор или, как она именуется в Японии, «проблема «северных территорий»» — хотя отчасти и имеет гуманитарный аспект, на данный момент в куда как большей степени является проблемой политической.

Перемещение в СССР и использование труда бывших японских военнослужащих, сдавших оружие в Маньчжурии, расценивается как акт несправедливости. В августе 1945 г. на советскую территорию было направлено более 500 тыс. японских солдат и офицеров. В глазах многих японцев их задержание после опубликования 15 августа 1945 г. императорского рескрипта об окончании войны является грубым нарушением норм международного права (Потсдамской декларации и Женевской конвенции), в соответствии с которыми интернированные лица должны быть незамедлительно репатриированы на родину. Проблема военнопленных хорошо известна и молодому поколению японцев, получившему представление о ней по школьным учебникам, а также по выходящим в Японии многочисленным художественным произведениям и кинофильмам, широко использующим мотив «сибирского плена».

Однако наиболее сильно ощущение себя пострадавшей стороной проявляется в отношении японцев к проблеме территориального размежевания с СССР, по их мнению, сохраняющейся и по сей день в качестве одного из неурегулированных вопросов Второй мировой войны. Усилиями властей территориальная проблема получила пропагандистское обеспечение и фактически стала вопросом национального престижа страны. При этом особое значение в вопросе о размежевании с Россией стало придаваться Симодскому трактату. По официальной версии, принадлежность четырех Южно-Курильских островов — Итурупа, Кунашира, Шикотана и гряды Хабомаи Японии связана с тем, что они перешли к Японии по Симодскому трактату 1855 г., являющемуся первым договором о границе с Россией. В послевоенный период японские власти стали утверждать, что по этой причине они не входят в понятие «Курильские острова», которые Япония получила позднее и от которых она отказалась по Сан-Францисскому договору.

Поскольку первый договор с Россией был подписан в г. Симода, находящемся на полуострове Идзу (преф. Сидзуока), японская сторона придает большое значение увековечению памяти миссии адмирала

Е. В. Путятину и обстоятельствам, сопутствовавшим подписанию договора¹. История постройки шхуны «Хэда» на протяжении многих десятилетий подается как самый яркий пример дружбы, и каждый раз вспоминается, когда нужно подчеркнуть добрососедские отношения между Россией и Японией. В деревне Хэда есть музей, посвященный истории постройки судна. В соседнем г. Фудзи создан еще один музей в виде макета фрегата «Диана», где выставлены предметы, поднятые с места его затопления. Над могилами погибших во время цунами русских моряков в Симода и Хэда установлены памятные знаки, фиксирующие обстоятельства их смерти. При том что в России нет ни одного монумента, посвященного Е. В. Путятину, в Японии ему поставлено целых два (!) памятника, не говоря о других мемориальных знаках, связанных с его визитом. Столь пристальное внимание к фигуре адмирала и дипломата николаевской поры хорошо объяснимо и с точки зрения историко-политической.

В конце 1990-х годов, когда вопрос о заключении мирного договора активно обсуждался на политическом уровне, своеобразным посланием России стал анимационный фильм 1997 г. режиссера Дэдзаки Сатоси — *Бакумацу но супасибо*, который в российском прокате получил название «Трудная дружба». Он был преподнесен в качестве подарка президенту РФ Б. Н. Ельцину на встрече без галстуков с премьер-министром Японии Хасимото Рютаро в Красноярске осенью того же 1997 г. В России премьера состоялась 20 февраля 1998 г. на канале «Культура». История о подписании одного мирного договора недвусмысленно должна наводить на мысль о подписании другого мирного договора.

Еще одним своеобразным символом, объясняющим историческое прошлое, связанное с Южно-Курильскими островами, стал выпущенный в 2014 г. анимационный фильм «Остров Джованни» (*Дзёбанни но сима*), снятый режиссером Мидзухо Нисикубо. Этот мультфильм снят по воспоминаниям Токуно Хироси, одного из бывших жителей о. Ши-

¹ Во время заключительной стадии переговоров в декабре 1854 г. в г. Симода случилось цунами, вызванное землетрясением, и фрегат «Диана», на котором прибыл Е. В. Путятин, получил серьезные повреждения. Для ремонта было решено перевести корабль в бухту на западном побережье Идзу. Однако при переходе к месту ремонта в январе 1855 г. корабль затонул. Русская миссия оказалась в очень трудном положении. Но японские власти предоставили русским возможность построить новое судно. Новая небольшая шхуна, построенная совместно российскими моряками и японскими плотниками, была названа «Хэда», по названию деревни, где происходила постройка. Постройка была завершена вскоре после заключения Симодского трактата.

котан. Фильм повествует о событиях лета—осени 1945 г. на о. Шикотан и о тяготах, которые пришлось пережить местным японцам, которых впоследствии вывезли отсюда.

Фильм начинается с того, как бывшие ученики местной школы, спустя пятьдесят лет, в 1995 г. возвращаются на остров, чтобы отдать дань памяти своим родственникам, похороненным на кладбище острова. Большая часть фильма — воспоминание об их детстве, о том времени, когда им пришлось некоторое время жить вместе с вновь прибывающими русскими. В целом фильм снят в достаточно примирительной по отношению к русским персонажам эстетике, в нем повествуется о дружбе между русской девочкой Таней и японским мальчиком Тацуо. Уже в преклонном возрасте Тацуо возвращается на остров и встречается с дочкой и внучкой Татьяны, они обмениваются дорогими для каждого из них книгами. Примечательно то, что символом примирения становится сам визит бывших учеников на остров, который они называют своим. Содержание и пафос фильма довольно недвусмысленно укладывается в тот травматический нарратив, который сопутствует всей проблематике событий 1945 г.

Россия: нарратив нации-победителя

Все значимые для России проблемы отношений с Японией, относящиеся к первой половине XX в., так или иначе связаны с военными столкновениями двух стран. История двусторонних отношений этого периода знает множество других удивительных сюжетов, достойных как внимания историков, так и внимания художников, скульпторов, писателей и кинематографистов. Однако в общественном сознании России четко зафиксированы лишь войны и локальные конфликты.

Актуализация данного нарратива ведет свое начало с 1945 г. Хотя Япония и была союзницей фашистской Германии, Советский Союз вступил в войну на востоке в совершенно иных условиях, нежели на западе. На протяжении четырех предыдущих лет стороны поддерживали дипломатические отношения, оба государства соблюдали нейтралитет и старались избегать конфликта. Японские и советские дипломаты, сохраняя дипломатическую неприкосновенность, в целом беспрепятственно перемещались в те годы между Москвой и Токио через Сибирь и Маньчжурию. Вступление СССР в войну не было ответом на акт агрессии. Кроме того, продолжал действовать Пакт о нейтралитете 1941 г.

Решение о вступлении в войну необходимо было объяснить населению страны. Первыми, кто получил такое объяснение, стали бойцы Красной армии, которые должны были вступить в бой с японцами в августе 1945 г. Листовка, адресованная им, содержала заголовок «Вернем матери-Родине искони русскую землю — южную часть Сахалина». Далее в ней сообщалось, что эти территории были отторгнуты в 1905 г. от России и названы Карафутто, и теперь настал час возмездия за агрессию времен русско-японской войны.

Вскоре появилось и развернутое официальное объяснение. И. В. Сталин в радиообращении к народу 2 сентября 1945 г., опубликованном в «Правде», заявил, что война с Японией является не только актом помощи союзникам, но и символом восстановления исторической справедливости, актом отмщения за те многочисленные обиды, которые были нанесены на протяжении последних сорока лет нашему народу, имеющему свой особый счет к Японии. Далее было дано перечисление этих обид:

- вероломное нападение на русские корабли в Порт-Артуре в 1904 г. (и сравнение с таким же вероломным нападением на американскую базу в Пёрл-Харборе в 1941 г., подчеркивающее, что тактика вероломства в обоих случаях не случайна);
- захват Южного Сахалина и укрепление на Курильских островах, что закрывало выход и доступ к портам Камчатки и Чукотки;
- участие в совместной интервенции в 1918–1922 гг. на Дальнем Востоке, приведшее к ограблению советского Дальнего Востока и терзаниям народа;
- конфликт у о. Хасан в 1938 г., затеянный с целью захвата г. Владивосток;
- конфликт у р. Халхин-Гол в 1939 г., затеянный с целью перерезать Транссиб.

В тексте сообщалось, что советский народ успешно преодолел последствия большинства нападений, кроме поражения 1904–1905 гг., которое оставило черное пятно. И только сейчас, спустя сорок лет, последняя несправедливость устранена: «Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить... средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии» [Правда 1945].

Текст этого радиообращения стал первым официальным документом, в котором борьба с Японской империей характеризовалась как

сорокалетнее противостояние, только сейчас увенчавшееся успехом. Окончательная канонизация вышеприведенного списка претензий к Японии завершилась советскими пунктами обвинения на Токийском и Хабаровском процессах.

В первом из них говорилось о том, что Япония готовила агрессию против СССР, для чего оккупировала Маньчжурию и создала там плацдарм для нападения, доведя численность Квантунской армии до 1 млн человек, а уже упоминавшиеся пограничные конфликты 1938 и 1939 гг. расценивались как вероломное нападение на СССР и дружественную ему Монгольскую Народную Республику. Помимо этого, Японии инкриминировалось несоблюдение Пакта о нейтралитете 1941 г., в нарушение которого был разработан план нападения на СССР, и этот план остался нереализованным не по причинам соблюдения дипломатических обязательств, а лишь благодаря успехам Красной армии на западе (*IMTF Judgement*).

Несколько позже добавился вопрос о разработке бактериологического оружия и деятельности отрядов 731 и 100, входивших в состав Квантунской армии. Это обвинение не удалось предъявить на Токийском процессе, в связи с чем в 1949 г. был проведен Хабаровский процесс. В тексте приговора военного трибунала утверждалось, что японские бактериологи разрабатывали химическое оружие и проводили его апробацию на живых людях, в том числе и на советских гражданах, заподозренных в антияпонской деятельности, а также совершали бактериологические диверсии путем заражения водоемов приграничной полосы, например, в районе села Трёхречье Амурской области [Материалы судебного процесса... 1950: 529–531].

Таким образом, к концу 1940-х годов в общественно-политическом дискурсе СССР сложился круг тем истории отношений с Японией первой половины XX в., призванных продемонстрировать страдания российского (советского) народа и обосновать необходимость преодоления актов японской агрессии:

- Русско-японская война 1904–1905 гг.
- Японская интервенция на Дальнем Востоке 1918–1922 гг.
- Пограничные конфликты конца 1930-х годов.
- Планы нападения на СССР в начале 1940-х годов.
- Подготовка бактериологической войны против СССР.

Эти сюжеты в дальнейшем были последовательно отражены не только в научных работах, но и в художественных произведениях.

Однако данный каталог всегда оставался скорее инструментом для внутреннего употребления, а его темы не становились предметом публичных обвинений в адрес руководства Японии. Иными словами, память о войне с Японией довольно быстро стала внутренним фактором формирования советской идентичности, не предназначавшимся для решения внешнеполитических задач.

Русско-японская война (1904–1905)

Из всего списка претензий к Японии самым запоминающимся явлением, укоренившимся в народном сознании, стала война 1904–1905 гг. Хотя эта тема в актуальном идеологическом обиходе продержалась лишь до середины 1950-х годов, художественные символы, созданные при ее актуализации, оказались достаточно запоминающимися. Надо сказать, что ранняя советская историография вслед за В. И. Лениным войну с Японией оценивала как хищническую, развязанную колониальными державами, одной из которых являлась и Россия. Героизация и патриотизм в ее оценках стали появляться лишь в конце 1930-х годов, что, по-видимому, было вызвано идеологической актуальностью в связи с обострением советско-японских отношений, а после 1945 г. историческая вина за развязывание войны с России была снята окончательно [Антипин 2009: 146–147].

В логике *культуры поражения*¹ художественные интерпретации войны делали теперь акцент на беспримерном мужестве простых солдат и офицеров, которые демонстрируют в первую очередь подвиг моральный. Как в научных работах, так и в художественной литературе появились и постепенно стали ключевыми эпизоды, связанные с боем крейсера «Варяг» и обороной Порт-Артура. Заново был переиздан большими тиражами роман А. Н. Степанова «Порт-Артур», получивший Сталинскую премию в 1946 г., в котором нашлось место

¹ Культура поражения — *создание стратегий коллективной памяти в обществе с позиции побежденного*. Авторы, изучающие феномен культуры поражения, полагают, что факт коллективного унижения (как, например, поражение Франции в войне с Пруссией 1870–1871 гг. или поражение Юга в гражданской войне в США) приводит к различным вариантам перекодирования произошедшего для общественного сознания, которое ведется с позиции морального победителя, поборника поправленной справедливости — поиск виноватых, необходимость спасения национальной чести, легенды о национальной измене, а также рассуждения об ударе в спину. «Побежденные сообщества» интерпретируют свое национальное унижение как духовное самовозвышение, недоступное тому, кто одержал победу силой [Ассман 2018: 43].

не только героизму русских, но также вероломству врага и предательству инородцев.

Несколько позднее автор, комментируя собственный роман, так характеризует исторический фон, на котором разворачиваются действия: «...война началась внезапным, без объявления войны, предательским нападением японцев на стоящую на открытом внешнем рейде порт-артурскую эскадру... В течение восьми месяцев русская армия противостояла напору численно во много раз превосходящих сил Японии... героические русские солдаты отбивались от ожесточенных атак противника. И только наличие во главе обороны коменданта-изменника и его ближайших приспешников, шпионов, предателей и чужестранцев, вроде Фока и Рейса, дали возможность японцам овладеть русской крепостью. Они продали ее врагу и сдали еще боеспособный, преисполненный мужества и отваги гарнизон крепости» [Антипин 2012: 84].

В 1947 г. на экраны вышел фильм «Крейсер “Варяг”», снятый режиссером В. Эйсымонтом. Так же как и роман А. Н. Степанова, фильм получил Сталинскую премию. С подвигом корабля позже и будет главным образом ассоциироваться война с Японией, хотя сам этот эпизод никоим образом не повлиял на дальнейший ход боевых действий. В фильме в новой аранжировке прозвучала одноименная песня, получившая фактически второе рождение и ушедшая в народ.

Спустя десять лет, в 1954–1955 гг., с большим размахом прошли события, связанные не с юбилеем войны как таковой (что было бы странно, учитывая ее исход), а с героическими событиями, произошедшими пятьдесят лет назад. Инициаторами торжеств выступили сын капитана «Варяга» В. Ф. Руднев — Н. В. Руднев и вдова писателя А. С. Новикова-Прибоя, автора «Цусимы», — М. Л. Новикова. Были найдены участники событий.

В феврале 1954 г. в Москве был отпразднован пятидесятилетний юбилей легендарного боя, куда были приглашены двенадцать матросов и офицеров, служивших на крейсере в 1904 г.: некоторым из них была вручена медаль «За отвагу», постановлением Совета Министров СССР им была назначена пенсия — 600 рублей ежемесячно. К упомянутым событиям добавились также коммеморации, связанные с Цусимским сражением, точнее с демонстрацией исторического возмездия за трагедию мая 1905 г. В нескольких изданиях была опубликована фотография советских военных судов со следующей подписью: «Корабли Тихоокеанского флота проходят мимо острова Цусима, где 50 лет назад про-

изошло сражение русской эскадры с японским флотом (снимок сделан в сентябре 1945 г.)» [Антипин 2012: 81–82].

Таким образом, историческая память о русско-японской войне была идеологически перекодирована и внедрена в массовое советское сознание в формате культуры поражения. Память о ней была деформирована и фактически свелась к подвигу «Варяга», а точнее к его отражению в фильме и песне. Соответственно, события 1945 г. теперь трактовались как возмездие.

Интервенция японских войск на российский Дальний Восток (1918–1922)

Память о японском присутствии на российском Дальнем Востоке в 1918–1922 гг. сохранилась в причудливом, можно даже сказать, запутанном, клубке последующих интерпретаций как в России, так и в Японии. Причины данной запутанности связаны с тем, что события тех лет развивались в обстановке Гражданской войны в России, т.е. в обстановке смены власти. В этих условиях японское правительство сделало ставку на Белое (шире — антибольшевистское) движение в стране, поскольку в предшествовавшее десятилетие наблюдалось уверенное сближение между двумя империями, приведшее к политическому, военному и экономическому сотрудничеству. В 1916 г. между двумя странами был заключен союзный военный договор, а в плане экономического можно отметить уверенный рост товарооборота на железной дороге в Маньчжурии и приход японского капитала на российский Дальний Восток.

После большевистского переворота в октябре 1917 г. значительная часть политических и деловых кругов вместе с державами Антанты стала выступать за оказание помощи белым и за начало интервенции в Россию, поскольку они гарантировали сохранение прежних военных и экономических обязательств союзникам. Союзников пугал отказ большевиков от продолжения войны с Германией, вероятность перехода в их руки колоссального количества оружия в сочетании со стремлением осуществить пролетарскую революцию во всем мире [Молодяков 2005: 163].

Ввод в Россию войск стран Антанты был осуществлен по просьбе и с согласия лидеров Белого движения, и если бы последние одержали победу в Гражданской войне, присутствие иностранных военных контингентов было бы оценено историками иначе. Однако, как известно, историю пишут победители, поэтому интервенция вообще и занятие

российского Дальнего Востока в частности в классической советской историографии воспринималось только и исключительно как агрессия против молодого советского государства. В итоге победа красных над белыми и интервентами причудливым образом трансформировалась в победу национальную, в отстаивание независимости России. Сторонники же И. А. Деникина и А. В. Колчака, как раз боровшиеся не за реализацию космополитического проекта, а за сохранение национальной идеи, воспринимались вплоть до конца советского периода не иначе как предатели родины.

Вместе с тем, важно учитывать обстоятельства, с которыми японское руководство вступило в дальневосточную авантюру. Япония в начале XX в. переживала невиданный подъем национализма, вызванный первыми успехами на мировой арене. Активное участие в мировой политике и создание колониальной империи служили делу пропаганды и национального самоутверждения. Результатом стал невообразимо разыгравшийся «империалистический аппетит» в 1910-е годы, что особенно видно, например, в стремлении почти в одиночку взять под контроль гигантский Китай (это нашло отражение в небезызвестных «21 требовании»).

Статус мировой державы требовал участия и в решении судеб Севера. В итоге участие японских войск в интервенции было самым длительным (с территории Северного Сахалина японские войска ушли лишь в 1925 г.) и самым многочисленным. При этом по итогу конфликта отношения приходилось устанавливать именно с той властью в России, с которой осуществлялась конфронтация и с которой наблюдались кардинальные идеологические расхождения.

В послевоенной, пацифистской логике развития Японии события интервенции стали не вполне удобным фактом, опять же напоминая о колониальном прошлом. По данной теме научные исследования, безусловно, проводятся, однако она не актуализирована в общественном сознании должным образом. Достаточно сказать, что термин «интервенция» при упоминании этих событий никогда не использовался — в Японии предпочитают употреблять более нейтральный и обтекаемый термин *сибэриа сюппэй* («отправка войск в Сибирь»). При этом объяснении сама эта отправка войск подается не иначе как реакция на приход к власти левых экстремистов и как меры по защите жизни и собственности проживавшей в России японской общины, насчитывавшей почти 6 тыс. человек, а также как выполнение союзнических обязательств перед странами Антанты (войска были введены

под предлогом борьбы с восстанием интернированных военнослужащих Чехословацкого корпуса). Из трагических событий того периода фактически всегда упоминается Николаевский инцидент (май 1920 г.) и никогда не упоминается инцидент в Ивановке (март 1919 г.), в ходе которого погибло более двухсот жителей этого села.

В отличие от других войн между Россией и Японией, интервенция стала первым и фактически единственным за всю историю двусторонних связей конфликтом, когда японские военные находились на российской территории. Однако участие японских частей в боевых операциях не носило тотального характера. Прежде всего, японское военное командование уклонилось от активной военной помощи колчаковской армии. Когда летом 1919 г. предполагалась отправка 3-й дивизии для обороны Омска и замена Чехословацкого корпуса японцами, глава японской военной миссии в Омске Таканаяги сослался «на трудность объяснить японскому общественному мнению цель посылки войск на запад от Иркутска вне сферы интересов Японии...» [Лившиц 1991: 81]. А еще позднее японский МИД официально уведомил представителя Колчака в Токио об отказе направить войска западнее Иркутска.

Японские войска начинают участвовать в боевых действиях лишь в конце 1919 г., в Забайкалье. Они приняли участие в так называемом Бóгдатском сражении в сентябре—октябре 1919 г. в районе Сретенска. В январе 1920 г. они выступили против красных партизан в Петровско-Заводском районе, а весной того же года участвовали в обороне Читы от наступавших красных войск. Источники указывают на то, что в боевых действиях японские части и подразделения всегда участвовали в составе или совместно с русскими частями и подразделениями. При этом важно и то, что японские войска не вели боевых действий с вооруженными силами РСФСР и редко вступали в боестолкновения с другими регулярными войсками, в основном вступая в сражения с красными партизанами. Парадоксальным образом в советских исследованиях довольно много сказано о борьбе с интервентами в годы Гражданской войны, но именно об участии японцев в боевых действиях сказано чрезвычайно мало [Дацышен 2020].

Период 1918—1922 гг. был богат на события, но в относительно актуальном обиходе остались несколько тем — Николаевский инцидент, инцидент в селе Ивановка, смерть С. Лазо от рук японцев, а также проблема так называемого Колчаковского золота. Они обрели в разной степени политическое, научное, общественное, а также пропагандист-

ское звучание, и, как следствие, именно вокруг них, главным образом, и построена историческая память об этом периоде.

Трагические события, о которых пойдет далее речь, развернулись в городе Николаевске¹ весной 1920 г. Город этот имел и имеет важное стратегическое значение, поскольку он закрывает выход из Амура, и через него осуществлялась связь с Сахалином. Помимо этого, Николаевск был центром золотодобычи края. Здесь также на протяжении последних лет осела небольшая японская диаспора и несколько японских коммерсантов вели успешный бизнес. Кроме того, здесь было открыто японское консульство, т.е. дипломатическое представительство.

В январе 1920 г. к городу подступил партизанский отряд формально признавшего советскую власть анархиста Якова Тряпицына. С японским гарнизоном было заключено соглашение, и отряд вступил в город. Мирное сосуществование красных партизан и местных жителей продолжалось недолго. Вскоре бойцы отряда стали разыскивать, арестовывать и расстреливать лиц, по их мнению, пособничавших белым. Затем начались аресты и расстрелы среди зажиточных мирных граждан, а в марте конфликт коснулся и японских военных. Гарнизону был выдвинут ультиматум о сдаче оружия, но ультиматум был отвергнут. В итоге разгорелся уже вооруженный конфликт. Силы были явно неравны: забаррикадовавшиеся в своих казармах японские солдаты во главе с майором Исикава, а также гражданские лица, включая консула и его семью, всего около семисот человек, были заживо сожжены.

Уничтожение военного гарнизона и консула стали достаточным, по мнению японской стороны, поводом, чтобы в город послать дополнительные войска, а территорию Северного Сахалина, находящегося напротив Николаевска, оккупировать. В мае японские отряды были направлены в устье Амура из Хабаровска, а со стороны моря подошли военные корабли.

В складывающейся обстановке отряд Тряпицына отступил, предварительно планомерно подготовив и осуществив поджог всего города: деревянные дома были сожжены, а каменные — взорваны. Вместе с отрядом была уведена оставшаяся часть жителей города. Неподалеку от города, в поселке Керби, в отряде произошел переворот. Жестокость командира возбудила ненависть среди членов отряда, и 9 июля 1920 г. Яков Тряпицын был арестован, осужден и расстрелян за преступления,

¹ Город Николаевск с 1926 г. носит название Николаевск-на-Амуре.

подрывавшие доверие к коммунистическому строю среди трудового населения [Гришачев (ред.) 2015: 137–138].

История получила широкую международную огласку и стала одним из серьезнейших вопросов для обсуждения на переговорах, которые японская сторона вела с большевиками на протяжении нескольких лет. Непременным японским условием признания советской власти и установления дипотношений было требование ответственности за инцидент, в ходе которого погибли несколько сотен японских граждан, включая консула и его семью. В январе 1925 г. две стороны все же установили дипотношения, подписав Пекинскую конвенцию. В дополнительной ноте СССР выражал сожаление по поводу Николаевского инцидента. Таким образом, это стало вторым случаем принесения официальных извинений со стороны России¹.

В отечественной историографии существуют крайне поляризованные оценки событий 1920 г. в Николаевске. Официальная советская историография утверждала, что инцидент был спровоцирован японскими военными: «Этот инцидент в течение ряда лет служил японской военщине предлогом для различных провокаций...» [Кутаков 1985: 65]. В современных работах также можно встретить похожую точку зрения: «Местом провокации японское военное командование избрало Николаевск-на-Амуре... Японский империализм преднамеренно приносил в жертву своих же собственных солдат...» [Дальний Восток России ... 2003: 366–367].

Существует и иная историографическая традиция. Трагедия, разыгравшаяся в Николаевске-на-Амуре, впервые стала известна миру благодаря книге журналиста Анатолия Гана (псевдоним — А. Я. Гутман), вышедшей в Берлине в 1924 г. Известный публицист и журналист, которого Гражданская война увела вместе с армией А. В. Колчака в Сибирь и на Дальний Восток, в 1919–1920 гг. жил в Приморье, поэтому, находясь вблизи от места событий, был хорошо осведомлен о случившемся весной 1920 г. [Гутман 1924]. Сегодня уже многие историки также оценивают поступки Якова Тряпицына как акт беспримерного и необоснованного зверства: «целенаправленное сожжение целого города, тысячи убитых, груды развалин, разорение края не имело аналогов в истории этой войны» [Нелюбова 2012: 291].

Жестокостью отметились не только партизанские отряды, но и японские части. В числе наиболее трагических событий можно отме-

¹ Первым поводом к извинениям стало так называемое российское вторжение годов Бунка (*бунка роко: дзикэн*), о чем см. выше.

тить карательную акцию в селе Ивановка в Амурской области 22 марта 1919 г., где было убито более 250 жителей.

Союзники, в том числе и японцы, оказывали существенную помощь Белому движению, поставляя военное имущество и вооружение, за что правительство А. В. Колчака расплачивалось частью золотовалютного запаса Российской империи. Следует сказать, что в отечественной историографии бытует мнение, согласно которому большая часть этого запаса была вывезена за пределы России и осела в банках США и Японии [Сироткин 2000: 174–175]. Эта версия популярна и сегодня, особенно в средствах массовой информации.

Однако, как показывают недавние исследования, хотя небольшая часть золота и была продана, все же основную долю золота было просто невозможно реализовать на мировом рынке. Одна из причин заключалась в том, что на такое огромное количество золота просто не могло найтись одновременно покупателя с соответствующей денежной суммой. К тому же основная часть золотовалютного запаса в итоге оказалась в руках большевиков [Будницкий 2008: 415–416].

Широкое хождение в советское время получила история о сжигании живьем в паровозной топке переданного японцами белоказакам красного командира Сергея Лазо, именем которого сейчас названо множество улиц, железнодорожная станция, несколько населенных пунктов на Дальнем Востоке и т. д. Важно отметить, что обстоятельства его смерти были действительно трагическими, подтверждающими чудовищную жестокость общественного раскола в гражданской войне в любой стране. Однако история со сжиганием не имела ничего общего с действительностью. Тем не менее современная официальная академическая наука не опровергает этот миф, а, лишь придав ему обтекаемую форму недоказанности, оставляет в обиходе. В официальном издании ДВО РАН «История Дальнего Востока», вышедшем в 2003 г., о смерти С. Лазо упомянуто косвенно. В рассказе о есауле Валериане Бочкареве и его группе сказано, что «От рук бочкаревцев, как гласит народная молва, в мае 1920 г. в паровозной топке погибли С. Лазо, А. Луцкий и В. Сибирцев» [История Дальнего Востока России... 2003: 517].

Выяснение реальных обстоятельств смерти С. Лазо, а также процесса создания мифа вокруг его смерти еще только предстоит осуществить. Однако вряд ли это произойдет в ближайшее время, поскольку развенчание мифа должно повлечь за собой такие изменения, как переименование городов, улиц и иных объектов, что выглядит нереальным на данный момент.

Следует отметить, что вопрос интервенции японских войск как фактор в современных российско-японских отношениях в России практически утратил свою актуальность. С одной стороны, сегодня уже не осталось очевидцев тех событий, в связи с чем вопрос интервенции перешел из разряда «живой памяти» в категорию давнего исторического прошлого, не имеющего человеческого (гуманитарного) аспекта. С другой стороны, в отношении событий Гражданской войны на Дальнем Востоке пересмотр «красного и белого нарративов» и идеологических мифов пока не осуществлен.

Советско-японская война (1945)

Скоротечная война в Маньчжурии в августе 1945 г. как последнее военное противостояние с Японией также нашла свое место в системе исторического прошлого, созданного в СССР, но оно оказалось достаточно скромным. Разгром Японии никогда не был фактом общегосударственной коммеморации. Дата 3 сентября, объявленная Праздником победы над Японией и увековеченная на медали «За Победу над Японией», продержалась как праздничный выходной день недолго. Уже с 1947 г. этот день стал рабочим, в официальном календаре осталась лишь полуофициальная дата 2 сентября — День окончания Второй мировой войны (1945 г.). В этом названии Япония даже не упоминалась. Торжественные мероприятия — парады и выступления официальных лиц — ни 2, ни 3 сентября в СССР никогда не осуществлялись. Со временем война на Дальнем Востоке стала второстепенным элементом истории Великой Отечественной войны, своеобразным ее послесловием, вспоминаемым лишь от случая к случаю. Причин тому было несколько.

Война с фашистской Германией продолжалась почти четыре года, и советский народ понес в ней колоссальные жертвы. Именно эта жертвенность начиная с середины 1960-х годов, когда была озвучена цифра 20 млн погибших, стала фактом легитимации роли СССР в мировой политике, идеологическим оправданием продолжающейся борьбы за мир, а также упреком противникам СССР. Что же касается событий на Дальнем Востоке в августе 1945 г., то война с Японией была скоротечной, все боевые операции были осуществлены менее чем за месяц. Потери Красной армии в этом конфликте насчитывали несколько десятков тысяч человек [Кривошеев (ред.) 2001: 309], что хотя и являлось весьма существенной цифрой, но было несопоставимо с по-

терями в войне на западе. Немногочисленные локальные стычки с частями Квантунской армии на протяжении нескольких недель не давали возможности создания идеологически убедительного образа борьбы с японским агрессором.

Зверства фашистов против советского населения западной части СССР были очевидны, поэтому массовой аудитории были понятны повествующие об этом книги и фильмы, которые стали появляться после войны. Советский же Дальний Восток не понес никаких зримых потерь и разрушений, нога японского солдата не ступала на эти земли, что не давало материала для достаточной художественной героизации событий 1945 г.

Кроме того, победа не выглядела бы исключительно советской: если в войне с Германией Великобритания и США воспринимались как союзники, которые до самого последнего момента откладывали открытие второго фронта, то при рассказе о войне с Японией невозможно обойти вниманием тот факт, что основной боевой вклад в победу был сделан именно США. Также необходимо было бы объяснить, почему, несмотря на объявление о принятии Потсдамской декларации и о сложении оружия, сделанное императором Хирохито по радио 15 августа 1945 г., советские войска продолжали вести боевые действия в Маньчжурии, на Сахалине и Курильских островах вплоть до начала сентября¹. Двусмысленностью оказывался захват и содержание в плену японских военнопленных, которые по большей части не оказывали сопротивления после 15 августа.

На этом фоне образ Японии как потенциального источника зла в годы войны остался лишь на уровне второстепенного элемента, актуализация которого происходила лишь частично. Попытки художественного отображения обстоятельств противостояния на востоке также были очень немногочисленными.

Событиям конца 1930-х — начала 1940-х годов было посвящено несколько фильмов, полностью соответствующих вышеприведенному списку. Теме пограничных конфликтов конца 1930-х годов, событиям в районе р. Халхин-Гол посвящен совместный советско-монгольский фильм «Слушайте на той стороне» 1971 г. режиссеров Б. Ермолаева

¹ Приказ о прекращении наступательных операций был отдан 16 августа Д. Макартуром, однако И. В. Сталин отдал приказ маршалу А. М. Василевскому затянуть встречу с командованием Квантунской армии на несколько дней, чтобы успеть занять авиадесантными группами города Южной Маньчжурии и северной части Кореи, до которых еще не дошли советские части [Кириченко 2015: 570–571].

и Б. Сумху, где небольшой отряд, оснащенный специальной техникой, должен ввести в заблуждение противника шумами, имитирующими рев танков, создать у него ощущение присутствия большого скопления бронетехники. Непокойной обстановке на советско-маньчжурской границе в начале 1940-х годов и вероятному нападению на СССР посвящен фильм 1981 г. «Приказ: Огонь не открывать» режиссеров Ю. Иванчука и В. Исакова, где советский батальон, дислоцирующийся вблизи границы, находится в постоянной готовности отражения японских провокаций, могущих привести к началу войны. Вступлению советских войск в войну против Японии посвящено продолжение, фильм «Приказ: Перейти границу» 1982 г., а также последняя часть трилогии о советском разведчике Касымхане Чадьярове («Конец Атамана», «Транссибирский экспресс») — фильм 1989 г. «Маньчжурский вариант» режиссера И. Вовнянко.

Двухсерийный фильм «Через Гоби и Хинган» 1981 г. режиссеров В. Ордынского и Б. Сумху, снятый совместно СССР и МНР, дает панораму событий весны и лета 1945 г., художественную трактовку официальных установок. Лейтмотивом фильма является тема ликвидации угрозы, которая исходит от бактериологической лаборатории Квантунской армии, известной как «Отряд 731». Советские разведчики, бактериологи, военные и врачи предотвращают разработку и применение химического оружия. В фильме устами генерал-лейтенанта Исии Сиро говорится о стремлении применить это оружие в отношении США. Советская армия тем самым предотвращает также угрозу химической войны против своих союзников.

В фильме показаны боестолкновения с Квантунской армией, а также дано объяснение наиболее сложного для пропаганды вопроса, а именно — почему боевые действия продолжались и после 15 августа¹. В телефонном разговоре с маршалом А. М. Василевским И. В. Сталин говорит, что обращение японского императора к народу является лишь общей декларацией, приказ о капитуляции по армии еще не отдан и сопротивление продолжается, поэтому советские войска будут продолжать наступление.

¹ Сахалинская операция, начавшаяся 11 августа, была завершена 25 августа, уже после объявления Японией о выходе из войны. Что же касается операции по занятию Курильской гряды, то она и вовсе началась 18 августа и была завершена лишь в начале сентября. На мемориальной плите, установленной на Аллее героев в г. Южно-Сахалинск, датой окончания Курильской операции значится 4 сентября, т.е. спустя два дня после подписания Акта о капитуляции Японии.

Теме борьбы с бактериологическим оружием посвящен и фильм «Утомленное солнце» 1988 г. режиссеров Н. Орлова и Пак Сон Бок, снятый совместно с кинематографистами КНДР. Советские разведчики, заброшенные летом 1945 г. в Корею, являющуюся территорией Японской империи, обнаруживают секретную шахту, где собираются химические препараты, предназначенные для заражения окрестных территорий в случае наступления советских войск.

Эти фильмы не получили народного признания, хотя некоторые из них стали лауреатами ряда официальных советских кинофорумов. Сюжеты картин, хотя и развиваются в исторических декорациях соответствующей эпохи, не были основаны на реальных событиях. Их создание скорее можно рассматривать как номенклатурное выполнение официального плана мемориализации событий Великой Отечественной войны, его дальневосточной версии. Три картины были сняты в рамках укрепления дружбы между СССР и странами—восточными соседями — МНР и КНДР.

Интересно отметить, что события августа 1945 г. получили освещение в советском кинематографе достаточно поздно, спустя почти сорок лет после описываемых событий. Кроме того, не было снято ни одного фильма, который бы иллюстрировал войсковые операции по занятию юга Сахалина и Курильских островов¹. Невозможно утверждать доподлинно, однако логично сделать предположение, что это связано с разным пониманием статуса этих территорий с точки зрения норм международного права².

Современная Россия после 1991 г. прошла длительный путь: не все из советского прошлого было отрефлексировано сообществом историков в достаточной степени, но так или иначе очевидно, что в последние два десятилетия отправной точкой идентичности все более считается

¹ Более того, вышеупомнутый фильм «Маньчжурский вариант» снимался на о. Сахалин, хотя действие в фильме происходит в Маньчжурии. Авторам фильма достаточно трудно было найти места для съемок с аутентичными японскими видами, и для этой цели подошло весьма колоритное здание Сахалинского краеведческого музея, оставшееся от периода Карафуты. Получается, что фильм с сахалинскими декорациями существует, а фильма о боях на самом Сахалине нет.

² Сам факт отказа Японии от юга Сахалина и Курильских островов по Сан-Францисскому договору 1951 г. для многих японских историков и политиков еще не является достаточным основанием считать эти территории принадлежащими СССР/РФ, ибо, по их мнению, не существует международного соглашения, в котором бы их статус официально определялся как территория СССР/РФ.

Победа в Великой Отечественной войне¹. Идентификационная актуальность революции 1917 г. была утрачена, и на фоне распада СССР, экономической нестабильности 1990-х годов победа в войне оставалась последним историческим событием, которое бесспорно вызывает чувство национальной гордости [Ferguson 2008: 194]. Что касается места победы над Японией, то оно по-прежнему воспринимается как продолжение праздника 9 Мая, хотя и здесь произошли некоторые подвижки.

После отмены в 1947 г. праздника победы над Японией 3 сентября в СССР эта дата более никогда официально не праздновалась и не отмечалась. В календаре осталась лишь дата подписания Акта о капитуляции — 2 сентября — под нейтральным названием «День окончания Второй мировой войны (1945 год)», без какого-либо упоминания о разгроме Японии. В конце 1990-х годов возродить дату 3 сентября и придать ей статус общегосударственного праздника с обязательным упоминанием о разгроме милитаризма неоднократно предлагали депутаты Сахалинской областной думы, инициативу которых систематически поддерживали представители КПРФ. Так, в 1998 г. Государственная Дума приняла закон, объявив 3 сентября Днем победы над Японией и внеся его в перечень победных дней России. Очевидно, что эта дата должна была отсылать к Указу Президиума Верховного Совета СССР 1945 г., демонстрируя историческую преемственность и в определении дня, и в его наименовании.

На этот законопроект президент Б. Н. Ельцин наложил вето. Представитель администрации президента в Думе А. А. Котенков, мотивируя позицию Кремля, заявил, что в нынешней политической ситуации, когда прошло уже более пятидесяти лет с момента окончания войны, когда наметилось улучшение отношений с Японией, подчеркивание именно этой даты было бы политически нецелесообразно. А. А. Котенков предложил внести в список памятных дат не 3, а 2 сентября и впредь именовать его как День окончания Второй мировой войны².

Примечательно, что в этом вопросе позиция Кремля долго не менялась и в последующие годы. Похожие законопроекты, опять же

¹ Если Парад 7 ноября проводился ежегодно, то Парад Победы в СССР после 1945 г. проводился всего лишь три раза, в годы нескольких юбилеев — 1965, 1985 и 1990 гг. В Российской Федерации начиная с 1995 г. Парад Победы проводится ежегодно.

² Стенограммы обсуждения законопроекта № 97069659-2 «О внесении дополнения в статью 1 Федерального закона “О днях воинской славы (победных днях) России” в части включения в перечень победных дней России 3 сентября — Дня победы над Японией». 26.10.1999 // Государственная Дума. URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/97069659-2>.

с подачи представителей Сахалинской области, обсуждались в Государственной Думе в 2000–2001 гг. В них фигурировали слова о капитуляции Квантунской армии и о победе над милитаристской Японией, но ни одно из этих предложений принято не было. В 2010 г. этот вопрос был решен следующим образом. Дата 2 сентября была оставлена с названием «День окончания Второй мировой войны (1945 год)», при этом ей был придан коммеморативный статус, она была внесена в список памятных дат России¹.

24 апреля 2020 г. тот же закон вступил в действие в новой редакции. На сей раз дата все же была перенесена на 3 сентября и ей был придан более военный статус — Дня воинской славы России, однако нейтральность формулировки была оставлена, праздник по-прежнему именуется как День окончания войны, без упоминания о разгроме Японии.

Данный факт, всколыхнувший было японскую общественность, вряд ли можно объяснить изменением позиции в отношении совместного с Японией исторического прошлого. Скорее можно утверждать, что он связан с неопределенностью, возникшей вследствие распространения пандемии коронавируса и заставившей отменить парад 9 мая 2020 г. В связи со случившимся в администрации президента рассматривалось несколько дат переноса парада, в том числе и перенос его на начало сентября². Этого не произошло, но почва для этого была заблаговременно подготовлена — официальная дата окончания войны все же была перенесена на 3 сентября соответствующим законом. Можно предположить, что этот перенос был выбран как обоснование самостоятельного вклада СССР в победу, поскольку 2 сентября — дата, наводящая на мысль о союзниках.

Вероятно, для того чтобы этот новый статус даты не выглядел двусмысленностью во внешнеполитической плоскости, в пояснительной записке к закону, составленной в администрации президента, было дано следующее объяснение: «Формулировка “3 сентября — День окончания Второй мировой войны (1945 год)” символизирует переход от состояния войны к миру, поиску путей мирного сосуществования

¹ О внесении изменения в статью 1.1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России». 07.07.2010. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902227249>.

² В Кремле и Минобороны обсудили альтернативные сценарии парада Победы. 02.04.2020. // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/02/04/2020/5e83aa439a7947059b5b8aa7>.

и сотрудничества»¹. Иначе говоря, знаковый, символический день для возможного парада был выбран не в стремлении напомнить о разгроме Японии, а в стремлении найти точку, привязанную к окончанию войны вообще: общественное сознание в России по-прежнему ассоциирует победу именно с разгромом фашистской Германии.

Что же касается представителей администрации и депутатов Сахалинской области, то они долгое время не оставляли попыток закрепить свое понимание исторической памяти, переведя эту инициативу в плоскость региональную. Еще в 2008 г. был принят Закон Сахалинской области «О памятных днях Сахалинской области», в котором 3 сентября названо Днем освобождения Южного Сахалина и Курильских островов от японских милитаристов (1945 г.)². Это стремление понятно: локальная идентичность данного региона, его создание напрямую проистекает из молниеносной войны августа 1945 г. Здесь полагают, что приобретенные территории — плата за тяготы войны и восстановление исторической справедливости.

Таким образом, в нынешней России на федеральном уровне факт победы над Японией сознательно не используется в официальном историческом нарративе и по возможности вообще не акцентируется, по-видимому, во избежание дипломатических сложностей. Инициативы с формулировками вроде «разгром милитаристской Японии» пока не поддерживаются. Но политическая ситуация в Восточной Азии в последнее время меняется, поэтому невозможно исключать, что при пессимистическом сценарии развития, при нарастании конфронтации в регионе, образы, связанные с взаимным военным противостоянием в прошлом, могут быть так или иначе актуализированы вновь.

Список литературы

На русском языке

Антипин 2009 — *Антипин Н. А.* Метаморфозы памяти: Трансформация образа русско-японской войны в 1920–1940-е гг. // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. № 38 (176). История. Вып. 37. С. 146–147.

¹ Заключение Правительства Российской Федерации на проект федерального закона «О внесении изменений в статьи 1 и 1.1 Федерального закона “О днях воинской славы и памятных датах России”». 17.03.2020. // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/922513-7>.

² Закон Сахалинской области «О памятных днях Сахалинской области». 17.06.2008 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/819052853>.

Антипин 2012 — *Антипин Н. А.* 50-летие русско-японской войны в СССР: Коммеративные практики 1954–1955 гг. // Диалог со временем. 2012. № 40. URL: <http://roii.ru/dialogue/roii-dialogue-40.pdf>.

Будницкий 2008 — *Будницкий О. В.* Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. М.: НЛЮ, 2008.

Гришачев (ред.) 2015 — *Гришачев С. В.* История российско-японских отношений XVIII — начало XXI в. М.: Аспект Пресс, 2015.

Гутман 1924 — *Гутман А. Я.* Гибель Николаевска-на-Амуре: страницы из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. Берлин: Русский экономист, 1924.

Дальний Восток России... 2003 — Дальний Восток России в период революции 1917 года и гражданской войны (2003). Владивосток: Дальнаука, 2003.

Дацышен 2020 — *Дацышен В. Г.* Японская военная интервенция в трудах современных российских историков: инерция фобий и научное познание // Японские исследования. 2020. № 3. С. 21–43.

История Дальнего Востока России... 2003 — История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1: Дальний Восток России в период революции 1917 г. и гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003.

Климова 2013 — *Климова О. В.* «Размышления (вслух) о чужестранных кораблях» как источник, описывающий реакцию Японии на экспедицию Хвостова и Давыдова на Сахалин 1806–1807 гг. // История и культура традиционной Японии. Вып. 6 / Под ред. И. С. Смирнова; отв. ред. А. Н. Мещерякова. М.: РГГУ, Наталис, 2013. С. 252–264.

Климова 2016 — *Климова О. В.* Подготовка второй экспедиции на Сахалин 1807 г. лейтенанта Н. А. Хвостова и мичмана Г. И. Давыдова // История и культура традиционной Японии. Вып. 9 / Под ред. И. С. Смирнова; отв. ред. А. Н. Мещерякова. М.; СПб.: Гиперион, 2016. С. 269–281.

Кривошеев (ред.) 2001 — *Кривошеев Г. Ф.* (ред.). Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных Сил. М.: Олма-пресс, 2001.

Кузьминков 2016 — *Кузьминков В. В.* К истории территориального размежевания между Россией и Японией. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2016.

Кутаков 1985 — *Кутаков Л. Н.* К истории дипломатических отношений между СССР и Японией // Вопросы истории. 1985. № 12.

Лившиц 1991 — *Лившиц С. Г.* Политика Японии в Сибири в 1918–1920 гг. Барнаул: БГПИ, 1991.

Материалы судебного процесса... 1950 — Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М.: Изд-во политической литературы, 1950. С. 529–531.

Молодяков 2005 — *Молодяков В. Э.* Россия и Япония: поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929). М.: АСТ-Астрель, 2005.

Раздел II. Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии с Россией

Нелюбова 2012 — *Нелюбова С. Н.* События гражданской войны на Нижнем Амуре глазами очевидцев // Четвертые архивные научные чтения имени В. И. Чернышевой: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Хабаровск, 2012.

Правда 1945 — Правда. 1945. 3 сентября.

Сироткин 2000 — *Сироткин В. Б.* Зарубежное золото России. М.: Олма-пресс, 2000.

Стрельцов 2016 — *Стрельцов Д. В.* Особенности идентичностей Советского Союза и Японии в послевоенный период (1945–1991) // Русская и японская цивилизации. Исторический анализ становления и развития национальных идентичностей (сходство и различие). М.: Международные отношения, 2016.

Щепкин 2017 — *Щепкин В. В.* Северный ветер. Россия и айны в Японии XVIII в. М.: Круг, 2017.

На английском языке

IMTF Judgement — IMTF Judgement // Ibiblio. URL: <http://www.ibiblio.org/hyperwar/PTO/IMTFE/IMTFE-A6C.html>.

Ferguson 2008 — *Ferguson J. P.* Japanese-Russian Relations 1907–2007. L.; N.Y.: Routledge, 2008.

На японском языке

Кимура 1993 — *Кимура Хироки*. Нитиро коккё косёси: рёдо мондай никани торикуму ка [История японо-российских переговоров по пограничным вопросам: Как найти подход к территориальной проблеме]. Токио: Тюо корон, 1993.

Нихон но рэкиси манга 1982 — Нихон но рэкиси манга [Манга по истории Японии]. Т. 15. Сэнсо: э но мити [Путь к войне] / Предисловие Хигути Киёюки, рисунки Танака Масао. Токио: Гаккэн, 1982.

Г Л А В А 9

Японское присутствие на Сахалине (1905–1945) как вопрос исторической памяти

В географии российского Дальнего Востока есть регион, территория которого в относительно недавнем прошлом входила в состав соседнего государства. Губернаторство Карафуто — японская колония, которая просуществовала здесь с 1905 по 1945 г., — было образовано по итогам русско-японской войны. Эта территория отошла к Японии после подписания Портсмутского мирного договора и была утрачена ею вновь уже по итогам Второй мировой войны. В 1945 г. она вошла в состав СССР. Однако после образования Сахалинской области в конце 1940-х годов факт существования японской колонии на острове был актуализован в общественном сознании на региональном уровне лишь частично, а на общесоюзном уровне отсутствовал вовсе. Можно также сказать, что и в современной России о существовании губернаторства Карафуто знают немногие. Между тем в Японии память о нем и идентичность его бывших жителей — *карафутодзин* — является одним из фактов послевоенной общественной жизни, напрямую связанным с историей отношений с Россией.

За сорок лет жизни на Сахалине японцы создали свой мир почти что с белого листа. Было построено множество городов, проложены шоссейные и железные дороги, возведены заводы. Здесь возникла японская колониальная цивилизация со своим особым бытом, своими местными историческими символами, со своими особенностями в экономике. Все это несколько отличалось от метрополии, хотя жители Карафуто никогда не забывали, что они японцы.

История губернаторства Карафуто значительно реже становится предметом научного интереса среди тех, кто изучает историю колоний Японской империи. Карафуто чаще всего этот список замыкает. Между тем и сорокалетняя история этой колонии, и судьба материальных объектов, оставшихся от времени ее существования, представляют немалый

интерес. В данном разделе мы попытаемся осветить основные моменты истории губернаторства Карафуто, а также проследить, как сохранялась (или не сохранялась) память о японском присутствии на острове.

Губернаторство Карафуто было образовано по итогам русско-японской войны. Столкновений на острове в период самой войны фактически не случилось, поскольку основным театром боевых действий оставалась Южная Маньчжурия. Однако после разгрома русского флота в Цусимском проливе стала окончательно очевидна незащищенность российских владений на Дальнем Востоке, и в июне 1905 г. японский флот начал операцию по высадке десанта на юге Сахалина. Немногочисленные русские воинские части и отряды дружинников после непродолжительного сопротивления сложили оружие в конце июля 1905 г. [История Сахалина... 2008: 374].

После подписания мирного договора территория южнее пятидесятой параллели перешла под управление Японской империи. Была создана совместная российско-японская разграничительная комиссия, которая провела топографические работы на местности и осуществила делимитацию. Так возник географический казус — у Японии появилась первая сухопутная граница, причем это была граница с европейской державой. Вскоре граница на 50-й параллели стала даже популярным туристическим объектом, а пограничный знак даже публиковали на почтовых открытках.

Первые годы территория Южного Сахалина находилась под управлением военных, а в 1907 г. дела были переданы гражданской администрации вновь созданного губернаторства Карафуто. Создание колоний в начале XX в. стало своеобразным подтверждением статуса империи, которого страна добивалась во взаимоотношениях с ведущими державами на протяжении всего периода Мэйдзи. Трием самыми крупными колониями Японии (исключая арендованный у Китая Ляодунский полуостров) стали Корея, о. Тайвань и о. Сахалин. Империя брала на себя очень большое бремя по управлению новыми территориями, не имея для этого достаточного опыта.

Развитие колоний стало делом новым, и в этом японцам также пришлось учиться и перенимать европейский опыт. Показательно, что в 1908 г. в Токийском университете была даже создана кафедра колонизации. Колонии Японии не были одинаковы, они обладали очень разными социальными, этническими и экономическими характеристиками. Так, например, Корея и о. Тайвань были территориями с очевидным преобладанием местного населения. Японские переселенцы здесь составляли не более 7% от общего числа. Что же

касается Сахалина, то здесь как раз наоборот, удалось достаточно компактно водворить выходцев из метрополии — 293 тыс. человек к 1930 г., что составило 98% населения [Бурыкин 2009: 4]. Русское население большей частью уехало с острова после 1905 г., а местные народности — айны и нивхи — были очень малочисленны. В итоге губернаторство Карафуту стало единственной территорией за пределами собственно Японии, где подавляющее большинство населения составляли японцы.

Статус губернаторства Карафуту в отличие от других колоний, например от о. Тайвань, был невысок. И если Корея и Тайвань управлялись генерал-губернаторами, которые были наделены чрезвычайно широкими полномочиями, то для управления Карафуту назначались гражданские чиновники рангом ниже. Управление осуществлялось поначалу из города Отомари (нынешний порт Корсаков). Позднее, когда был построен административный центр Карафуту, Тоёхара (нынешний Южно-Сахалинск), управление было переведено туда. Остров постепенно стал заселяться японскими колонистами.

Правительство делало капитальные вложения в развитие экономики Карафуту — в постройку новых городов, прокладку шоссейных и железных дорог. Освоение хозяйственных ресурсов шло достаточно быстрыми темпами. Местная экономика имела определенные климатические и географические отличия от метрополии. Сахалин стал единственным местом компактного проживания большого числа японцев, где главный продукт рациона японцев — рис — фактически не выращивался, его ввозили из метрополии и других колоний. Основу экономики Карафуту составили рыбная, деревообрабатывающая и угольная промышленность [Гришачев 2019].

Остров Сахалин — малонаселенный и не подвергавшийся интенсивному освоению вплоть до XX в. — стал основным поставщиком древесины в империи. С 1920-х годов велась интенсивная вырубка леса, главным образом для бумажно-целлюлозной промышленности. На производстве бумаги вырос бизнес знаменитой компании «Одзи». Ее фабрики возникали на территории всего губернаторства. Вокруг них вырастали рабочие поселки, жители которых работали на этих фабриках, — Сиритору (Макаров), Усугору (Углегорск), Томариору (Томари). В 1941 г. здесь было произведено 70% бумаги и целлюлозы всей Японии [Бурыкин 2009: 10].

Богатейшие запасы угля на Сахалине составляли основу его экономики. Добыча угля здесь увеличилась и вышла на первое место по сравнению с другими колониями в 1930-е годы, особенно это стало

заметно после 1937 г., когда Япония начала войну в Китае [Мики 2017: 166]. В рыбном хозяйстве Сахалин стал играть такую же роль, как и Хоккайдо, будучи местом вылова северных пород рыб. Крупнейшими центрами отрасли стали порты Отомари (Корсаков), Хонто (Невельск), Маока (Холмск).

Увеличивая территорию своей империи, японцы заботились не только об экономическом и социальном обустройстве новых земель, но и об идеологическом освоении нового пространства, создавалось их ментальное и мемориальное обоснование. Губернаторство Карафуту было образовано по итогам войны с Россией, и именно это событие стало отправной точкой в его истории. С ним же и связано большинство памятников и исторических символов. Так, например, на месте высадки японского десанта летом 1905 г. неподалеку от Отомари (Корсаков) была возведена стела в память об этом событии.

В 1908 г. было начато строительство Тоёхара дзиндзя — главного синтоистского святилища нового административного центра губернаторства, носящего его название. Спустя несколько лет рядом началось строительство Карафуту дзиндзя. Это святилище в отличие от первого имело особый статус. Будучи фактически филиалом Ясукуни дзиндзя, оно было посвящено солдатам и офицерам, погибшим в ходе боевых действий весной и летом 1905 г. Карафуту дзиндзя считался покровителем севера Великой японской империи [Комаровский 2002: 295]. Вскоре во дворе святилища была установлена труба с крейсера «Новик», который участвовал в сражениях с японским флотом в самый разгар русско-японской войны¹. В городе Отомари (Корсаков), рядом с которым и осуществлялась высадка японского десанта, тоже было возведено святилище — на месте погребения солдат, погибших летом 1905 г. Там же было установлено на постаменте трофейное 230-мм орудие все с того же крейсера «Новик» [Самарин 2005: 12–13].

Пространство нового губернаторства должно было иметь символическую связь с основной территорией Японии. Указать на эту связь можно было посредством августейших посещений новых территорий. В 1925 г. Карафуту посетил наследник престола, будущий император Хирохито (Сёва). Его визит в Тоёхара был обставлен торжественными мероприятиями, в которых участвовало не только японское население.

¹ Крейсер «Новик» участвовал в обороне Порт-Артура. Летом 1904 г., пройдя длительный путь, оказался у берегов Сахалина для пополнения запасов угля. «Новик» принял бой с крейсерами противника, после которого был затоплен. После войны он был поднят и введен в состав японского флота под именем «Судзуя». Разобран на металлолом в 1913 г.

Его высочество должен был лицезреть представителей других народов, которые просвещаются под влиянием цивилизации. Поэтому проезд наследника был обставлен плясками и песнями айнов и орочей, были даже устроены гонки на оленях. Так империя и демонстрировала свое величие, и подчеркивала историческую миссию по отношению к малым народам. По случаю посещения наследником губернаторства в г. Тоёхара была возведена памятная стела [Федорчук 2013: 12–14].

Помимо наследника в конце 1920-х годов Сахалин посетили еще два представителя императорского дома, оба военные. Визиты должны были напоминать о соседстве России и победе над Россией. Неслучайно поэтому Сахалин посетили именно они. В 1929 г. Карафуту посетил принц Фусими-но-мия Хироясу. Он посвятил свою жизнь морскому делу и сделал карьеру на флоте. Он принимал участие в операциях японского флота в период русско-японской войны. Спустя два года на Сахалине побывал принц Канъин. Этот принц сделал карьеру профессионального военного. Он успел и поучаствовать в русско-японской войне, и впоследствии побывать с официальным визитом в России в ходе Первой мировой войны. По случаю их визитов также были возведены памятные стелы [Федорчук 2013: 53–55].

Губернаторство постепенно обретало не только символические, но и вполне осязаемые, практические связи с метрополией. В 1935 г. было открыто авиасообщение между Тоёхара и Саппоро на Хоккайдо. К тому моменту цепочка авиарейсов связывала между собой столицу и крупнейшие города северо-востока Японии, и с пересадками в Аомори и Сэндай можно было далее совершить перелет в Токио.

В 1935 г. достаточно пышно был отпразднован юбилей губернаторства. Тогда же было построено и вскоре введено в строй новое здание для краеведческого музея. Оно было отстроено в традиционном стиле с элементами европейской архитектуры. Музей был призван расширить и мемориализировать географическое и историческое пространство Карафуту, подчеркнуть единство культурного пространства, а также связь между прошлым и настоящим Японской империи. Музей имел коллекции, которые рассказывали об истории его освоения, а также о малых этносах, населяющих его территорию, — айнах, нивхах и др. Во дворе музея был разбит небольшой парк, в котором были собраны все деревья и кустарники, произрастающие на территории губернаторства.

Вторая мировая война пощадила территорию Карафуту. И хотя в конце 1930-х годов на границе с СССР был возведен укрепрайон, все же все годы войны советские и японские пограничники разглядывали

друг друга не в прорезь прицела, а только лишь в бинокль. К 1945 г. на территории губернаторства проживало порядка 400 тыс. человек. Большую часть из них составляли японцы, но были также и корейцы [Аmano 2017].

Войска СССР пересекли границу Карафуту 11 августа 1945 г. За исключением локальных стычек, советские части почти не встречали сопротивления. Подобно тому как занятие Сахалина японскими войсками в 1905 г. было стремительным и почти бескровным эпилогом одной войны, приход советских войск и двухнедельный блицкриг спустя сорок лет стал таким же быстрым эпилогом войны другой. Что касается гражданского населения крупных городов, то, боясь арналетов и авиааналетов, оно организованно покинуло свои жилища и ушло в горы, города опустели. Операция по занятию юга Сахалина была закончена через две недели. Вскоре после этого в городах стали появляться японские ходоки с целью разузнать обстановку. После общения с советскими патрулями жители стали опять-таки организованно возвращаться в места своего проживания.

При штабе Второго Дальневосточного фронта было организовано управление по гражданским делам, которое стало заниматься обустройством мирной жизни на занятой территории. При этом японские учреждения, за исключением полиции, работали и продолжали функционировать вплоть до начала 1946 г. Представители технических специальностей — техники и инженеры — продолжали работу на своих объектах и далее. На своем рабочем месте оставался и губернатор Карафуту — Оцу Тосиро. Когда было налажено советское управление территориями, он вместе со многими своими подчиненными, как государственный чиновник, был снят с должности и интернирован в Хабаровск. Советская гражданская администрация начала работать с февраля 1946 г. [Аmano 2017: 320].

Вскоре на юг Сахалина прибыл с инспекционной поездкой заместитель Председателя СНК СССР А. И. Микоян. Как и в отношении Восточной Пруссии, на территории которой была создана Калининградская область, в отношении бывшего губернаторства Карафуту был выработан план обустройства и заселения. В 1947 г. город Тоёхара был переименован в Южно-Сахалинск, тогда же была образована Сахалинская область, в состав которой вошли обе части острова, а также Курильские острова [История Сахалина... 2008: 455–456].

Японское население острова еще несколько лет оставалось жить на Сахалине, и годы с 1945 по 1949 г. стали удивительным периодом в истории двух стран, когда массово русские и японцы постоянно вза-

имодействовали и наблюдали друг за другом. Это был важный житейский опыт, хотя и не без элементов абсурда. Японцы неизбежно были вовлечены в идеологизированный советский быт: вчерашних жителей милитаристской Японии теперь заставляли отмечать советские праздники и ходить на Первомайскую демонстрацию. Советские граждане тоже были очень удивлены японским образом жизни. Их поражало отсутствие тротуаров на улицах, а также отсутствие центрального отопления в домах, несмотря на достаточно суровый климат.

С осени 1945 г. начинается репатриация японского населения, в ходе которой в Японию было отправлено порядка 380 тыс. человек. Она производилась совместными усилиями СССР, США и Японии. Южно-Сахалинск (бывший г. Тоёхара) стал своеобразным коллектором, куда свозились жители Сахалина и Курильских островов. Надо сказать, что советская сторона не всегда способствовала быстрому отъезду японцев. Послевоенной экономике нужны были рабочие руки на местах, пока не прибыло достаточно советских переселенцев. Вывоз осуществлялся посемейно. Еженедельно два парохода вывозили по 1500 человек. С декабря 1946 по июль 1949 г. с Южного Сахалина в пять заходов было вывезено около 290 тыс. японцев. К 1949 г. японское население было репатриировано с Сахалина [Аmano 2017: 328].

Вместе с японцами были вывезены и немногочисленные айны. Айны губернаторства Карафуто считались гражданами Японии, однако их отъезд с Сахалина нельзя назвать в полном смысле слова репатриацией. Для большинства из них перемещение в отдаленные районы Хоккайдо, где они раньше никогда не бывали и где у них не было никаких родственных связей, можно скорее назвать вынужденной эмиграцией.

Судьба же сахалинских корейцев, завезенных в годы войны для ведения тяжелых работ в угольной промышленности и рыбном промысле, сложилась самым незавидным образом. Милитаристская Япония рекрутировала население одной из своих колоний для поддержания экономики другой своей колонии. После 1945 г. теперь уже СССР отказался возвращать этих людей на родину по той же причине — недостаток рабочих рук в хозяйстве теперь уже Сахалинской области. По разным оценкам, в Карафуто на тот момент насчитывалось от 23 тыс. до 50 тыс. корейцев [Кузин 2010: 80]. Всем им пришлось остаться в СССР. К тому же на родине в 1950 г. началась кровопролитнейшая война, Корея оказалась разделена на два лагеря. Даже когда возвращение и стало возможно, то перспектива была лишь одна — стать гражданином КНДР. В 1957 г. было достигнуто меж-

правительственное соглашение между руководством КНДР и СССР о том, что корейцы, проживающие в Сахалинской области, могут сами определить для себя место проживания. Некоторые так и поступили. Однако тем, чьи родственники остались в Республике Корея, ждать встречи пришлось несколько десятилетий, а многие и вовсе не дожили до этого момента. Символом скорби и разлуки с родиной стал памятник в г. Корсаков в виде располовиненной трубы парохода, который был открыт осенью 2007 г.

Есть еще одна группа, о которой необходимо сказать в связи с репатриацией. Речь идет о представителях смешанных браков, заключенных между японцами и корейцами, а также об их детях. Поскольку выезд корейцев с о. Сахалин был запрещен, многие японцы и японки, состоявшие на тот момент в браке с кореянками и корейцами, не желая разрушать семьи, решили остаться на острове со своими. При этом многие из их детей ходили либо в корейские, либо в русские школы. Право на выезд они получили лишь после 1956 г., после заключения Совместной декларации и установления дипломатических отношений между странами. К 1959 г. в Японию вернулось 819 человек. На протяжении 1960–1970-х годов продолжились индивидуальные возвращения, и к 1977 г. в Японию переехали еще 135 человек [Россия и страны АТР 2019: 222].

Возвращение японцев из колоний на территорию разрушенной и голодной метрополии после капитуляции в войне оказалось столь же мучительным процессом, как и возвращение немцев на территорию оккупированной Германии после крушения Третьего рейха. За годы существования губернаторства Карафута у его жителей сформировалось представление о собственной идентичности, которое достаточно системно поддерживалось администрацией через периодику, монументальное искусство, официальные мероприятия и кинематограф. Власти поощряли осознание самобытности региона, воспитывая привязанность к его прошлому и настоящему. Регион мыслился как северный рубеж империи, прежде неосвоенный и пустынный, но заселяемый и окультуриваемый край. Подчеркивалась цивилизующая роль японского народа.

Но в послевоенной Японии эти идеи, разумеется, были уже неуместны. Люди, и без того покинувшие обустроенный быт и уклад жизни, вынуждены были не только строить свою жизнь заново, но и заново объяснять себе свое место в обществе, включаться в него на новых основаниях, что было непросто. Более того, к середине 1940-х годов уже успело вырасти молодое поколение, для которых юг Сахалина стал

не местом переселения, как для их родителей, а родным домом, где они родились и выросли. Для них перемещение в Японию уже вряд ли можно было назвать репатриацией, для них это был именно отъезд в Японию [Пайчадзе 2019: 666–667].

К этому добавлялось и недоверие миграционных властей, ибо люди, вернувшиеся с территорий, занятых СССР и проводшие там несколько лет, подозревались в «промывке мозгов» и сочувствии коммунистам. По большей части эти подозрения оказались беспочвенными, поскольку, даже если бы глубокая идеологическая проработка и осуществлялась, психологическое состояние репатриантов отнюдь не способствовало ведению какой бы то ни было пропаганды. Однако власти и СМИ, особенно на первых порах, всерьез полагали реальным проникновение на территорию страны шпионов и диверсантов [Morris-Suzuki 2001: 667].

Размещение и содержание вновь прибывших соотечественников, нуждавшихся в жилье и работе, стало большой проблемой для военизированной экономики страны, которой срочно требовался переход на мирные рельсы и в которой не хватало средств для содержания даже основного населения метрополии. Но процесс адаптации репатриантов из Карафуты проходил, вероятно, менее драматично, нежели возвращение выходцев из других колоний. Прибывших с Сахалина и Курильских островов по большей части размещали в культурно и климатически близких регионах — Тохоку и особенно Хоккайдо, благо связи между руководством Карафуты и Хоккайдо в предыдущий период уже были налажены неплохо.

На рубеже 1940–1950-х годов были предприняты попытки создать общественную организацию, которая бы представляла интересы выходцев из Карафуты, что привело к созданию Общенационального союза Карафуты — *Дзэнкоку Карафута рэммэй* (全国樺太連盟). Изначально ее целью было оказание помощи репатриантам с Сахалина, а также тем землякам, кто еще оставался в СССР [Vasilyuk 2012: 17].

Поначалу государство, даже если бы и желало, не могло обустроить жизнь переселенцев в силу экономических причин. Возможность предоставить хоть сколько-нибудь существенную помощь появилась, лишь когда начался подъем экономики. Японское государство в период 1957–1967 гг. предоставило материальную компенсацию всем репатриантам, вернувшимся в Японию, что составило 210 млрд иен. Среди получивших ее были и репатрианты из Карафуты. Кроме того, были выплачены специальные разовые выплаты именно выходцам из Карафуты. В зависимости от возраста компенсация варьировалась в преде-

ле от 7000 до 28 тыс. иен на человека (в настоящее время эта сумма эквивалентна в пределах от 40 тыс. до 160 тыс. иен). Понятно, что эти суммы были крайне невелики и многие из ее получивших были этим фактом не удовлетворены [Vasilyuk 2012: 17–18].

Помимо требований экономических, выдвигались и требования политические. В 1951 г. Япония подписала Сан-Францисский мирный договор, по которому отказывалась от своих северных владений — южной части Сахалина и Курильских островов. Однако в договоре не значилось, в чью пользу она отказывалась от этих территорий, и в начале 1950-х годов в Японии возникло движение за их возвращение, в котором приняли участие и выходцы из губернаторства Карафуто. В 1963 г. было создано две организации — Союз за возвращение Северных территорий и Союз за возвращение Южного Сахалина (*Минами Карафуто хэнкан кисэй рэммэй*). Последнюю возглавил бывший губернатор Карафуто — Оцу Тосио. Целью этой организации было распространение знания и актуализации в общественном сознании проблемы Северных территорий, каковая в данном случае подразумевала и возвращение юга Сахалина. День 23 августа был объявлен Днем памяти Карафуто [Vasilyuk 2012: 19].

Однако эти требования не получили последовательной поддержки на правительственном уровне. После подписания Совместной декларации в октябре 1956 г. вопрос о возвращении территории юга Сахалина в любом случае исключался из повестки советско-японских отношений. Дальнейшая деятельность указанных общественных организаций, хотя и была активной и имела относительный резонанс в японском обществе, к конкретным результатам, всерьез влияющим на двусторонние отношения, уже привести не могла.

Окончательно невозможность возвращения территории юга Сахалина в состав Японии была символически зафиксирована в 1997 г. после создания японского консульства в г. Южно-Сахалинск. Факт открытия консульства на некогда японской земле указывал на то, что японское государство вряд ли будет дискутировать в вопросе об определении их статуса.

Широко известен тот факт, что для японцев важным условием и личной, и национальной идентификации является культ предков, который реализуется, в частности, в повышенном внимании к сохранению могил родственников. Для тех, кто покинул Сахалин в конце 1940-х годов, посещение могил предков стало вопросом первостепенной важности и, как следствие, предметом обсуждения между руководством СССР и Японией. С 1965 г. было получено согласие на посещение гражданами Японии кладбищ Сахалинской области по строго

оговоренному графику, с ограниченным количеством объектов посещения и под тщательным контролем со стороны местного управления КГБ и партийных органов. В текстах партийных и правительственных документов терминологически этот процесс воспринимался как «прием японских туристов» [Пруссакова 2000: 142].

Сохранение памяти о губернаторстве Карафутто в самой Японии было осуществлено в г. Саппоро, где в бывшем здании администрации губернаторства Хоккайдо сейчас действует музейная комната — *Карафутто канкэй сирёкан* (樺太関係資料館), являющаяся частью туристического пространства, посвященного истории Северной Японии. Здесь можно ознакомиться с документами, фотографиями и иными свидетельствами японской жизни на острове, который уже давно стал частью другой страны.

Память об этом прошлом зафиксирована также кинематографически и монументально. Здесь необходимо упомянуть о художественном фильме 1974 г. *Карафутто 1945 нау. Хё:сэцу но мон* (Карафутто, лето 1945. Ворота снега и льда) режиссера Мураяма Мицуо, а также о телесериале *Кири но хи* (Огонь в тумане), снятом режиссером Амамия Нодзому и показанном по телевидению в 2008 г. И фильм, и сериал повествуют о том, как во время советского наступления и высадки в г. Маока (Холмск) девять девушек, работавших на телефонной станции города, совершили самоубийство, предпочтя смерть советскому плену.

Им также посвящен памятник в г. Вакканай, возведенный в 1963 г. Рядом с этим памятником находится памятник *Хёсэцу но мон*. Данный комплекс стал местом мемориализации для японцев, выходцев из губернаторства Карафутто, поскольку г. Вакканай расположен на берегу Охотского моря, в непосредственной близости к о. Сахалин.

История губернаторства Карафутто в последнее время все чаще становится объектом научного интереса. Сахалинскими краеведами изучена и описана история японских зданий и памятников в Южно-Сахалинске и других местах острова [Самарин 2005; Федорчук 2013]. Вопросы идентичности карафутодзин также в последнее время получили освещение в японоведческих работах [Paichadze, Seaton ed. 2015].

Сорокалетнее пребывание японцев на территории Южного Сахалина оставило свои следы, но их судьба в дальнейшем сложилась по-разному. В 1946 г. были созданы советские государственные органы, и управление новыми территориями перешло от военной к гражданской администрации. Началась работа по преобразованию японского пространства в советское. Всем населенным пунктам были даны русские названия. Город Тоёхара был переименован в Южно-Саха-

линск. В 1949 г. при Сахалинском облисполкоме создана комиссия по уничтожению японских памятников. Тогда же началось разрушение объектов, которые несли на себе символическую нагрузку, связанную с японским имперским прошлым.

Первым делом это коснулось синтоистских храмов. На территории Южно-Сахалинска и в других населенных пунктах бывшего губернаторства было снесено более сорока синтоистских храмов. Самый крупный храмовый комплекс — Карафуто дзиндзя — располагался на холме Асахигаока (ныне холм Большевик). Этот храм имел особый статус и был посвящен японской победе в русско-японской войне. Храм располагался на холме и образовывал единый комплекс с окружающим природным ландшафтом — дорожки, склоны, деревья. Ландшафт этот не утрачен, и в советское время его также использовали как место памяти. Дорога, которая когда-то вела к храму, стала Аллеей героев. Вдоль нее был возведен Мемориал в честь советских воинов, погибших в боях с японцами летом 1945 г., и Музей военной техники. Таким образом, одно и то же пространство в разное время стало местом воинской памяти сначала японских, а потом советских солдат.

Хотя сам храм Карафуто дзиндзя был разрушен, но удивительным образом от этого комплекса сохранился один объект — сокровищница храма (*хо:моцудэн*). Она была возведена в 1931 г., когда в храм были переданы копии символов государственной власти Японии — колокол, лук и золотой меч. Здание внешне имитирует деревянную постройку, однако само оно отлито в бетоне. Исследователи проявили интерес к этой постройке лишь в 1990-х годах. В 1998 г. между Сахалинской областью и губернаторством Хоккайдо было заключено соглашение, в соответствии с которым проводятся поиск, изучение, восстановление и сохранение зданий и остатков зданий, сохранившихся от японского периода. Сейчас на здании *хо:моцудэн* висит табличка, где указано, что это исторический объект, который охраняется государством.

При этом к обозначению данного объекта на карте города по-разному подходят российские и международные интернет-ресурсы — если сервис *Google Maps* в своей русскоязычной версии указывает на наличие павильона на горе Большевик (бывшая Асахигаока) и публикует его фотографию, то российский сервис Яндекс. Карты не указывает на остатки японских храмов, показывая лишь на наличие советских и российских военно-патриотических памятников.

За редкими исключениями, японская архитектура была утрачена, однако, как ни странно, здание музея губернаторства Карафуто сохранилось в нетронутом виде и даже продолжило использоваться по

назначению. Нынешнее здание начало строиться в 1935 г., в год тридцатилетия завоевания Южного Сахалина, и открыто было 1 августа 1937 г. Проект составил молодой архитектор Кайдзука Ёсио, который выполнил его в неояпонском стиле — *тэйкан ё:сики*. В этом стиле было возведено большое количество зданий как в самой Японии, так и в ее колониях в 1920–1930-е годы — например, здание мэрии г. Гаосюн (Тайвань), здание администрации префектуры Айти (г. Нагоя) и др. Отличительной особенностью этого стиля является сочетание элементов западной и японской архитектуры.

Здание музея — единственное городское японское строение, которое полностью и без потерь сохранило свой внешний вид, прилегающую территорию и исходное назначение. Парадокс заключается в том, что собственно музеем губернаторства Карафуто оно было всего лишь восемь лет (1937–1945). Большая часть его существования связана уже с советским и российским периодами. Для посещения советскими гражданами он был заново открыт уже в апреле 1946 г.

Музей сразу же стал обретать черты советского культурного объекта — на его фасаде по официальным праздникам размещались портреты членов политбюро, флаги, транспаранты и др. Экспозиция музея была изменена и расширена в соответствии с советскими представлениями об истории. Выше уже говорилось о переносе во двор музея пушки с крейсера «Новик». Кроме этого, во дворе музея были также установлены две японские пушки, взятые в качестве трофея уже во время непродолжительных боев в августе 1945 г. Их передали музею по приказу генерала М. А. Пуркаева, который командовал наступлением советских войск на юг Сахалина в августе 1945 г. [Прокофьев, Самарин, Щеглов 2016: 148–149].

Здание музея абсолютно справедливо и поныне считается одним из самых красивых и оригинальных архитектурных сооружений г. Южно-Сахалинск. Однако на протяжении советского периода дважды возникали проекты, которые могли изменить внешний вид и назначение здания музея. Первый раз это произошло в 1955 г., когда городские власти обсуждали идею создания на его территории онкологической больницы. Более серьезная угроза нависла над зданием в 1978 г. По указанию первого секретаря Сахалинского обкома КПСС П. А. Леонова, почти двадцать лет руководившего партийной работой и полагавшего необходимостью уничтожать следы японского присутствия, одна из архитектурных организаций г. Южно-Сахалинска разработала проект реконструкции и расширения областного краеведческого музея. Было разработано несколько типовых вариантов об-

лицовки фасада, предполагавших полную переделку или ликвидацию явно японских архитектурных элементов — стен, крыши, надстройки над центральным входом. Этот проект не был реализован в связи с недостатком средств, а также в связи с переводом П. А. Леонова по службе в Москву [Прокофьев, Самарин, Щеглов 2016: 177].

Музей со временем все же стал главной достопримечательностью города Южно-Сахалинск. Его изображения стали появляться на почтовых марках, конвертах и открытках. Кроме того, здание музея однажды было использовано в качестве натурной съемки художественного фильма «Маньчжурский вариант», действие которого происходит в Маньчжурии в августе 1945 г. [Прокофьев, Самарин, Щеглов 2016: 200].

В 1998 г. между Сахалинской областью и губернаторством Хоккайдо было заключено соглашение, в соответствии с которым проводятся поиск, изучение, восстановление и сохранение зданий и остатков зданий японского периода. Тогда же здание музея было объявлено символом дружбы между Сахалинской областью и губернаторством Хоккайдо. В последние годы происходит обновление экспозиции музея, в ней появляются предметы, которые напоминают о довоенном прошлом Японии. Например, найдена, отреставрирована и установлена во дворе музея стела, посвященная Накагава Кодзюро — японскому политику и просветителю, который одно время работал заместителем губернатора Карафутто и много сделал для обустройства города Тоёхара.

В 2002 г. во двор музея был перенесен *хо:андэн*¹ из поселка Пригородное (яп. Мэрэй). В самой Японии таких объектов сохранилось крайне мало, поскольку после войны они воспринимались как символ милитаристского прошлого и были по большей части демонтированы. На Сахалине же их сохранилось около двух десятков.

В конце 1940-х годов в Южно-Сахалинске были снесены многие японские памятники — памятник монаху Нитидзи, ученику Нитирэна, который, по легенде, проповедовал на севере Японии. Были снесены памятник губернатору Карафутто Хираока Тэйтаро, а также памятники погибшим пожарникам Карафутто, погибшим полицейским Карафутто и многие другие. Снесены были и вышеупомянутые колонны, возведенные в честь визитов наследника и членов императорской фамилии. При этом до 1949 г. вновь прибывавшие на остров советские

¹ Хо:андэн (奉安殿) — небольшой павильон, обычно устанавливаемый во дворе школы и некоторых других государственных учреждений. В хо:андэн размещались фото-портрет императора и текст указа об образовании, которые использовались на линейках и официальных мероприятиях.

граждане нередко фотографировались с этими колоннами, воспринимая их как экзотические объекты японских реалий, безотносительно того, что означают иероглифические надписи на них [Федорчук 2013: 10]. В 1949 г. они были сломаны, но не вывезены и продолжали лежать рядом с постаментами вплоть до 1990-х годов.

Объекты хозяйственного и промышленного назначения, разумеется, сохранились намного лучше, поскольку необходимость в их использовании оставалась очень высокой. Технологическая память, свидетельствующая о японском присутствии на острове, оказалась наиболее прочной в силу своей функциональности, что лучше всего видно на примере железной дороги.

В 1906 г. японцы начали строить на Сахалине железную дорогу. Были проложены пути вдоль западного и восточного побережий, после чего их соединили поперечными ветками. Когда Юг Сахалина перешел под контроль СССР, то ему достался очень большой инженерно-эксплуатационный комплекс — 700 км путей, 618 мостов, паровозы, вагоны, ремонтная техника и пр. [Костанов 1997: 40].

Дальнейшую судьбу железных дорог Сахалина определило важнейшее обстоятельство — ширина колеи. Стандартом для японской колеи служила так называемая капская колея — 1067 мм, которая была уже советской (1520 мм). Иными словами, российский путь шире японского почти на пять сантиметров. Но послевоенная советская экономика не смогла бы осилить гигантский проект, и было принято решение оставить японскую колею. Более того, эта дорога в 1960-е годы была достроена на север, вплоть до поселка Ноглики, с сохранением японского стандарта.

На такой дороге использовать советскую железнодорожную технику было не всегда возможно. Поэтому после 1956 г., когда были восстановлены дипломатические и экономические отношения с Японией, были налажены заказы железнодорожной техники специально для Сахалинской области. Япония производила тепловозы и вагоны единственного региона СССР, который располагался на острове и не имел прямого соединения с железнодорожной системой всего Советского Союза.

Колея путей на Сахалине в период 2005–2020 гг. была постепенно перешиита на общероссийский стандарт. Чтобы не нарушать движение поездов, были проложены трехрельсовые пути, по которым могли ходить поезда с разной шириной колес. Позже были оставлены только рельсы российской колеи. Таким образом, японские инженерные объекты спустя более чем семьдесят лет после ликвидации Карафутто стали уходить в прошлое, уступая место современным российским.

Без малого полувековая история японской колонии — это опыт политического, социального и экономического освоения нового пространства, следы которого еще видны по обе стороны пролива Лаперуза. Губернаторство Карафуто стало частью комплексного курса на построение в Японии империи в духе европейских. Этот курс в итоге привел страну к поражению во Второй мировой войне, создав к тому же большие сложности во взаимоотношениях с соседями — Китаем и странами Корейского полуострова.

Отношение к политической истории этого периода в современной Японии однозначно негативное, ибо ассоциируется с агрессивной политикой в адрес соседей. Вместе с тем история губернаторства Карафуто — это, пожалуй, редкий и несколько подзабытый случай бесконфликтного этнического распространения и сосуществования. Если между Россией и Японией и возникали политические, военные или пограничные конфликты, то они происходили на территории континента — на границах Маньчжурии, Монголии и российского Дальнего Востока. Что же касается территории Сахалина, то как после 1905 г., так и после 1945 г. остров не стал предметом сколько-нибудь серьезного взаимного противостояния. И сегодня память о периоде Карафуто сохранилась в локальном масштабе с обеих сторон нынешней границы. В самой же Японии это прошлое скорее является неотъемлемой частью исторической памяти и национальной самоидентификации японского народа, нежели японского государства.

Список литературы

На русском языке

Бурыкин 2009 — *Бурыкин А. Н.* Сахалин в 1905–1945 годах. Дихотомия государственного управления освоением территории региона // Российский экономический интернет-журнал. 2009. № 1. URL: <https://readera.ru/142110083> (дата обращения: 25.06.2019).

Гришачев 2019 — *Гришачев С. В.* Губернаторство Карафуто (1905–1945): история и социальная память // Ежегодник Япония. 2019. № 48. С. 272–286.

История Сахалина... 2008 — История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия / Под ред. М. С. Высокова. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинское книжное изд-во, 2008. — 712 с.

Комаровский 2002 — *Комаровский Г. Е.* Государственный синто // Синто. Путь японских богов: Сб. ст.: В 2 т. Т. 1: Очерки по истории синто. СПб.: Гиперион, 2002. С. 261–311.

Костанов 1997 — *Костанов А. И.* Самая восточная дорога России: Очерки истории Сахалинской железной дороги. М.: Транспорт, 1997. — 218 с.

Кузин 2010 — *Кузин А. Т.* Проблемы послевоенной репатриации японского и корейского населения Сахалина // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 76–83.

Пайчадзе 2019 — *Пайчадзе С. С.* Русскоязычные мигранты в Японии в 1950–1970-х гг. Самоидентификация и проблемы адаптации в японском обществе. Запад–Восток: пересечения культур. II Всемирный конгресс в реальном и виртуальном режиме. Япония, Киото, Университет Киото Сангё 2–6 октября 2019 г. Киото: Университет Киото Сангё, 2019. С. 662–668.

Прокофьев, Самарин, Щеглов 2016 — *Прокофьев М. М., Самарин И. А., Щеглов В. В.* Сахалинский музей. 120 лет. От открытия до наших дней (1896–2016). Фотоальбом. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 2016.

Прусакова 2000 — *Прусакова Т. Н.* Документы Сахалинского центра документации новейшей истории по проблеме посещения японскими гражданами мест захоронений на территории Сахалинской области // Краеведческий бюллетень (Сахалин). 2000. № 3. С. 141–154.

Россия и страны АТР 2019 — Россия и страны АТР: миграционные процессы и проблемы межкультурной коммуникации. Азия в России / Под ред. С. С. Пайчадзе и И. А. Вальдмана. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2019.

Самарин 2005 — *Самарин И. А.* «Путь богов» по островам: Синтоистские храмы Южного Сахалина и Курильских островов. Хабаровск: Приамурские ведомости, 2005. — 64 с.: Ил.

Федорчук 2013 — *Федорчук С. П.* Чужая память. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2013. — 63 с.

На японском языке

Аmano 2017 — *Аmano Наоки.* Карафуто но сэнсo: 1945–1949 (Война на Сахалине) // Карафуто 40 нэн но рэкиси (Сорок лет истории Сахалина). Токио: Дзэнкоку Карафуто рэммэй, 2017. С. 285–331.

Мики 2010 — *Мики Масафуми.* Коккё: но сёкуминти. Карафуто (Колония на границе. Карафуто). Токио: Ханава сёбо, 2010. — 175 с.

Мики 2017 — *Мики Масафуми.* Танко: дэ икиру хитобито. 1925–1936. (Те, кто добывает уголь. 1925–1936). // Карафуто 40 нэн но рэкиси (Сорок лет истории Сахалина). Токио: Дзэнкоку Карафуто рэммэй, 2017. С. 157–196.

На английском языке

Morris-Suzuki 2001 — *Morris-Suzuki T.* Northern Lights: The Making and Un-making of Karafuto Identity // The Journal of Asian Studies. 2001. August. Vol. 60. No. 3. P. 645–671.

Paichadze Seaton (ed.) 2015 — *Paichadze Seaton (ed.)* Voices from the Shifting Russo-Japanese Border. Karafuto/Sakhalin. L.; N.Y.: Routledge, 2015.

Vasilyuk 2012 — *Vasilyuk S.* The Karafutojin and their Role in Japanese-Soviet/Russian Relations. American Political Science Association, 2012.

Г Л А В А 10

Японские военнопленные в СССР: правовой, социальный и гуманитарный аспекты «сибирского плена»

Наряду с территориальным вопросом, речь о котором пойдет ниже, важным свидетельством того, как японское общество и государство оценивали и продолжают оценивать итоги советско-японской войны 1945 г., является гуманитарная проблема японских военнопленных. Это целый комплекс вопросов, связанных с судьбой военнослужащих японской армии, по приказу императора добровольно сдавшихся в плен на территории Маньчжурии и отправленных на принудительные работы в советские лагеря, пребывание в которых для части из них растянулось на целых 10 лет.

В общей сложности на территорию СССР было отправлено около 600 тыс. человек, из которых впоследствии около 60 тыс. человек умерли от недоедания, холода и болезней, от тяжелого труда на лесоповалах, на стройках, в шахтах и рудниках. Другие продолжали нести трудовую повинность вплоть до репатриации на родину, активная фаза которой началась лишь в 1949 г. Часть из взятых в плен японцев и вовсе оказалась в местах заключения по приговору печально известных «троек» НКВД, определивших им срок наказания вплоть до 25 лет по пресловутой 58-й статье сталинского Уголовного кодекса. А это означало, что заключение некоторых из них могло продлиться до начала 1970-х годов. И только благодаря подписанию Советско-японской совместной декларации от 19 октября 1956 г. осужденные японцы получили долгожданную свободу и были отправлены на родину, став, таким образом, последними пленниками Второй мировой войны. Так в истории российско-японских отношений появилась трагическая страница, известная в общественно-политическом и научном дискурсе под названием «сибирский плен».

В Японии же широкое хождение получило понятие «сибирское интернирование» — *Сибэриаёкюрю*. И в отношении категории лиц, по-

бывавших в советских лагерях, в политических и общественных кругах страны чаще всего применяют термин не «военнопленный» (*хорё*), а интернированный (*ёкурюся*). Японские судебные органы также подвергают сомнению правомерность применения в данном случае определения «военнопленный», подменяя его такими категориями, как «лица из числа окруженного противника» или «разоруженные вооруженные силы». Подобного рода толкования направлены на то, чтобы снять с государственных структур Японии какие-либо обязательства перед бывшими военнослужащими японской армии, оказавшимися в советском плену, и переадресовать их СССР, разжигая тем самым очередную волну антисоветских настроений среди населения страны. В свою очередь, сами бывшие узники советских лагерей, выдвигая те или иные требования к своему правительству, всегда руководствовались нормами международного права, направленными на защиту прав не интернированных, а именно военнопленных.

Дело в том, что разный правовой статус военнопленного и интернированного подразумевает и разную правовую защиту международных конвенций, а отсюда и разные права людей, оказавшихся во власти противника. Коротко говоря, в международных правовых документах понятие «интернированный» применяется в основном в отношении гражданских лиц, и режим интернирования регулируется Гаагскими конвенциями 1899 и 1907 гг., а также IV Женевской конвенцией 1949 г. о защите гражданского населения во время войны. Права же военнопленных устанавливаются как теми же Гаагскими соглашениями, так и соответствующими Женевскими конвенциями 1929 и 1949 гг. об обращении с военнопленными.

При этом следует отметить, что СССР не заключил в свое время Женевскую конвенцию 1929 г. об обращении с военнопленными, а японская сторона подписала, но не ратифицировала ее. Так что применительно к японским военнопленным, впрочем, так же как и побежденному противнику других стран, в нашей стране действовало «Положение о военнопленных», утвержденное Советом Народных Комиссаров 1 июля 1941 г. Оно базировалось на советском законодательстве, а также основных положениях Гаагских и Женевских соглашений. В дальнейшем же все вопросы, связанные с пребыванием японских военнопленных в СССР, постепенно перешли из плоскости юридической в политическую, то есть в область политических отношений между двумя странами, с чего, в сущности, и начиналась история «военного плена».

В советской историографии распространено мнение, что в 1945 г. была разгромлена миллионная Квантунская армия. На самом деле не-

когда действительно самое большое и обученное японское воинское соединение — Квантунская армия — к августу 1945 г. сократилась примерно на треть, поскольку за годы войны из ее состава изымались и отправлялись на разные фронты наиболее сильные части. Судя по имеющимся документам, советским войскам противостояла группировка в количестве 712 966 человек. Они входили в состав 1250 частей, разбросанных по многочисленным гарнизонам на территории в 1,5 млн кв. км от Маньчжурии до Сахалина и Курильских островов. Что же касается войск, в чьи прямые обязанности входило непосредственное ведение боевых действий, то в их рядах насчитывалось лишь 357 541 человек, т.е. менее половины личного состава. Это было результатом упомянутых выше вынужденных изъятий из Квантунской армии, которые не удалось своевременно восполнить [Черевко, Кириченко 2006: 263].

После того как 15 августа 1945 г. японский император выступил по национальному радио с обращением к своим подданным и сообщил о принятии условий Потсдамской декларации и капитуляции страны во Второй мировой войне, призвав вооруженные силы прекратить сопротивление, на местах боевых действий началась добровольная сдача оружия. Далее 17 августа 1945 г. последовало еще одно его обращение «К солдатам и матросам», в котором, в частности, разъяснялось, что солдаты и офицеры, сложившие оружие по приказу императора, не считаются военнопленными. Для японских военнослужащих это заявление стало определяющим моментом, поскольку в течение многих веков плен считался позором в этой стране.

Более того, скорое возвращение к мирным очагам после разоружения гарантировала и 9-я статья Потсдамской декларации, к которой Советский Союз присоединился 8 августа 1945 г. И советское руководство намерено было выполнить это обязательство, о чем свидетельствует шифротелеграмма в адрес главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке маршала А. М. Василевского, подписанная Л. П. Берия, Н. А. Булганиным и А. И. Антоновым. В этом документе было четко определено, что пленные японо-маньчжурской армии на территорию СССР выводиться не будут [За мир и гуманизм. 1994: 17]. Однако уже 23 августа под грифом «совершенно секретно» выходит Постановление ГКО № 9898 «О приеме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии», в котором подробно говорилось об отправке на принудительные работы в СССР свыше 500 тыс. японских военнопленных на принудительные работы в СССР, четко определялось их распределение по хозяйственным объектам страны и устанавливались меры по организации их работы и быта [За мир и гуманизм. 1994: 18].

Какие обстоятельства заставили И. В. Сталина принять такое решение? Об этом много пишут и спорят исследователи в последние годы. И одна из наиболее продуктивных версий на этот счет состоит в предположении, что идея отправки пленных японских солдат и офицеров Квантунской армии на территорию СССР исходила якобы от японской стороны. Во всяком случае, на это указывает письмо на имя маршала А. М. Василевского из ставки Верховного командования Японии, датированное 21 августа 1945 г. и хранящееся в фонде трофейных документов Квантунской армии в Центральном архиве Министерства обороны РФ в г. Подольске. Среди прочих японских инициатив, упомянутых в письме, содержалось предложение использовать японских военнопленных в качестве бесплатной рабочей силы вплоть до лишения их японской национальности, если это будет продиктовано интересами советского руководства [Сайто 1995: 208–209].

И вслед за этим на всей огромной территории нашей страны — от Приморья до Казахстана в спешном порядке стали создаваться трудовые лагеря. При этом примерно половина из них была сконцентрирована в ближайших к Маньчжурии районах Сибири и Дальнего Востока, особенно остро нуждавшихся в послевоенные годы в притоке рабочей силы. Общее число таких лагерей приближалось к пятидесяти. При этом каждое лагерное управление включало в себя многочисленные лагерные отделения. Один из самых больших лагерей № 7 («Тайшетский» или «Тайшетлаг») в Иркутской области имел до 50 лагерных отделений. Кроме того, в систему лагерей входили и так называемые Отдельные рабочие батальоны, число которых на 1 января 1946 г. насчитывалось 54. Численный состав каждого ОРБ определялся в 1000–1500 человек, укомплектованных в роты, взводы и отделения. Командирами этих подразделений часто назначались японские пленные офицеры и унтер-офицеры, которые стремились во всем следовать строгим порядкам, введенным в японской армии, что часто приводило к конфликтам и всякого рода инцидентам среди лагерного контингента.

Но лагерные отделения и ОРБ — это далеко не вся система лагерей военнопленных, которая на практике не была четко продумана и подготовлена. Достаточно сказать, что лагеря часто создавались без учета возможностей местной экономики, обеспечения необходимых условий размещения и снабжения и т.д. Положение усугублялось их неподготовленностью к принятию большого количества военнопленных, нехваткой материального обеспечения и в особенности продуктов питания, а также недостаточно оперативным и квалифицированным медицинским обслуживанием и т.д. А потребность в медицинской по-

мощи возникала буквально сразу же по прибытии первых эшелонов из Маньчжурии: многие японцы еще не оправались от ран, полученных на фронте, а также других болезней, приобретенных в пути, и т.д. Приближалась суровая сибирская зима, которую военнопленным предстояло провести в палатках и землянках. Не менее остро встала и проблема с некачественной и непривычной для их рациона пищи и т.д.

Существовали и другие объективные и субъективные обстоятельства: трудная адаптация к непривычному суровому климату, большие физические нагрузки, тяжелые условия производства, отсутствие системы охраны и техники безопасности. Имели место и случаи жестокого отношения к военнопленным со стороны конвоиров и обслуживающего персонала. В начальный период плена запрещалась переписка с родными и т.д. Все это обрекало японских военнопленных на жизнь в тяжелых условиях и привело к массовым заболеваниям и высокой смертности, особенно в первый год нахождения в СССР. Довольно подробно условия содержания японских военнопленных освещены в литературе [Бондаренко 1997; Кириченко 2015; Кузнецов 1997] и подтверждены документально [Катасонова, Гаврилов (ред.) 2013].

В связи со сложившейся бедственной ситуацией в лагерях, а также, главным образом, вследствие сильного нажима США СССР вынужден был начать репатриацию японских военнопленных на родину в конце 1946 г. При этом вопреки общепринятой логике в первой группе репатриантов было рекомендовано отправить 25 тыс. здоровых военнопленных, чтобы по возможности смягчить те мрачные картины советского плена, которые рисовала в Японии местная и зарубежная пресса. Одновременно с этим в соответствии с Постановлением СМ СССР 3828-338 от 13 апреля 1946 г. больных и ослабленных дистрофией лиц надлежало тайно вывести в Северную Корею. Вслед за этим по приказу МВД № 00385 от 4 мая 1946 г. в корейские оздоровительные лагеря предполагалось отправить еще 20 тыс. человек. С этой целью непосредственно на места была спущена соответствующая разнарядка, по которой следовало отобрать лежачих больных, в основном дистрофиков. Однако таких кандидатов на вывоз оказалось в лагерях более 30 тысяч. Их направили в Посьет (Приморский край) и поместили в карантинный лагерь, в котором умерло еще 2700 человек, а остальных отправили в Северную Корею на пароходе «Саратов» и оттуда — уже в Японию [Загорулько (ред.) 2000: 811–813].

Кроме передовиков производства шанс репатрироваться в первую очередь имели проявившие свою приверженность коммунистической идеологии военнопленные из так называемого «антифашистского состава». Начиная с декабря 1946 г. в целях развертывания политической

работы в лагерях Министерство внутренних дел спускает распоряжение о создании политотделов на местах, начиная с УМВД республик, краев и областей и кончая лагерями, укомплектовав их опытными политработниками. В состав политотделов лагерей входили антифашистское отделение и культурно-воспитательная часть, которые работали в прямом взаимодействии с оперативно-чекистскими отделами. Последние контролировали идеологическую обстановку среди военнопленных и располагали подробной информацией о враждебно настроенных в отношении нашей страны лицах, так же как и о лояльных и готовых к сотрудничеству военнопленных.

В целом же отношение основной массы японцев к политической пропаганде было нейтральным. Но были и такие, кто искренне поверил в коммунистические идеалы: в основном это были выходцы из крестьян и молодые люди в возрасте до 30 лет. Именно они возвращались на родину под пение Интернационала и сразу же направлялись в Штаб компартии Японии, чтобы пополнить ее ряды. На них делали основную ставку и политические работники, видя в них пятую колонну для дальнейших шагов по демократизации Японии. Вместе с тем немало оказалось и тех, кто шел на сотрудничество с администрацией лагерей, побуждаемый стремлением получить дополнительный паек, освобождение от тяжелого физического труда, быстрое репатриирование.

Другая же часть японцев, в основном из офицерского состава, пыталась противодействовать лагерной администрации, сохраняя негативные настроения к СССР в целом. Это были главным образом пленные офицеры — кадровые военные, воспитанные в соответствии с кодексом самурайской чести и считавшие, что в плену они должны продолжать вести скрытую войну. Основными формами протеста являлись создание нелегальных организаций и групп, саботаж и вредительство на производстве. Эти акции выражались в порче заводского оборудования, призывах к неповиновению лагерной администрации, актах произвола по отношению к младшим чинам и т.д. Однако такого рода явления не были массовыми среди японцев, особенно в условиях, когда оперативно-чекистская служба через сеть своих активистов позволяла быстро выявлять нарушителей и применять к ним административные меры пресечения, главной из которых был перенос сроков репатриации.

Однако эти примеры вовсе не исключают случаев судебного преследования военнопленных, которые заканчивались либо долгими годами заключения, либо смертной казнью — высшей мерой наказания, просуществовавшей в СССР вплоть до 26 мая 1947 г. Достаточно вспомнить печальную судьбу подполковника Танака Ёсихиса, возглав-

лявшего военную разведку в Цицикаре, который был осужден за организацию преподавания русского языка в языковых школах Квантунской армии и на этом основании был расстрелян в марте 1947 г., а затем реабилитирован в начале 1990-х годов [Томида 2015: 543].

Новый этап целенаправленного поиска военных преступников в советских лагерях начался с конца 1948 г. по мере приближения сроков массовой репатриации японцев на родину. При этом следует отметить, что репрессивные акции советских правоохранительных органов базировались на хорошо отработанных в годы войны практике и теории судебных преследований немецких военнопленных. Достаточно сказать, что приговор фигурантам Хабаровского процесса 1949 г., обвиненных в разработке бактериологического оружия, выносился на основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязании советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». В большинстве же случаев в отношении японских военнопленных применяли печально известную 58-ю статью УК РСФСР. Разведчиков, контрразведчиков, агентуру, командно-преподавательский состав и курсантов шпионско-диверсионных школ и отрядов предписывалось судить по статьям 58-6 и 58-4. Военнопленных преступников, участвовавших в подготовке военного нападения на СССР, организаторов военных конфликтов на о. Хасан и р. Халхин-Гол — по статьям 58-2 и 58-4, руководящий состав общества «Кёва-кай» — по статьям 58-4 и 59-11 [Катасонова 2005: 82].

Так по разным обстоятельствам в застенках советских тюрем и спецлагерей: Коноэ Фумитака — старший сын премьер-министра Японии Коноэ Фумимаро, умерший в неволе всего за несколько месяцев до своего освобождения; влиятельный политический деятель и в дальнейшем крупный предприниматель Сэдзима Рюдзо, выступивший свидетелем советского обвинения на Токийском трибунале; известный дипломат Миякава Фунао, долгие годы работавший в нашей стране и участвовавший в советско-японских переговорах о прекращении боевых действий, и т.д. Сегодня все они реабилитированы. Но в те годы за короткое время компрометирующие материалы были собраны на 4547 граждан Японии, судьбу которых предстояло определить специальной межведомственной комиссии, созданной из представителей МВД СССР, МГБ СССР и Прокуратуры СССР. Итог рассмотрения был следующий: Военному трибуналу предлагалось передать дела на 2883 военных преступников, на которых имелись материалы, изобли-

чающие их в преступной деятельности против СССР. Особое внимание комиссии обращалось на военнопленных, которые были взяты на оперативный учет по формальным признакам и на которых не были обнаружены компрометирующие материалы об их преступной деятельности, достаточные для предания суду. Их число составило 1662 чел. Далее: 971 чел., совершивших преступление на территории Китая, надлежало передать властям КНР [Катасонова 2005: 83].

В итоге по состоянию на 1 апреля 1950 г. в СССР было осуждено и находилось под следствием 1487 граждан Японии, которые по мере отбытия наказания небольшими партиями отправлялись на родину по линии обществ Красного Креста СССР и Японии. Судьбы оставшихся в заключении 1047 японских военнопленных стали одной из центральных тем советско-японских переговоров 1955–1956 г., завершившихся 19 октября 1956 г. подписанием Совместной декларации об окончании состояния войны и восстановлении дипломатических отношений между нашими странами. Ее пятый пункт гласил, что все осужденные в СССР граждане Японии освобождаются и репатрируются на родину, а Советский Союз берет на себя обязательство продолжать выяснять судьбы умерших.

Однако для советского руководства с этого момента тема японских военнопленных на долгие годы была закрыта, и все материалы переданы на секретное хранение в советские архивы. На все запросы из Японии о судьбе не вернувшихся из плена родственников и знакомых давался один и тот же короткий ответ, вернее, шли однотипные отписки о том, что советские ведомства не располагают подобного рода сведениями. На самом деле сведения на этот счет в СССР имелись. Достаточно обратиться к рассекреченной в 1990-е годы Справке МВД СССР от 18 октября 1956 г. о количестве военнопленных бывшей Квантунской армии, взятых в плен советскими войсками в 1945 г. Этот документ был подготовлен по запросу высшего советского руководства в связи с предстоящей подготовкой Совместной декларации и был представлен ровно за день до ее подписания. Следует признать, что он внес существенные коррективы в ранее опубликованную Совинформбюро 12 сентября 1945 г. военную статистику.

Так, если ранее сообщалось об общем количестве плененных японских военнослужащих численностью 594 тыс. человек, то здесь впервые была обнародована цифра 637 776 человек, в том числе 609 448 японцев и 30 328 китайцев, корейцев, монголов и лиц других национальностей. При этом в числе 609 448 японских военнопленных значилось 163 генерала, 26 573 офицера, 582 712 унтер-офицеров и рядовых. Осо-

бое внимание следует обратить на то, что именно в этом документе были впервые обнародованы данные об умерших в плену японцах — 61 855 человек, в том числе 31 генерал и 897 офицеров, скончавшихся на территории СССР. Более того, в справке специально оговаривалось, что на военнопленных японцев, репатриированных непосредственно на фронтах до прибытия на территорию СССР, а также на умерших на фронтовых сборных пунктах МВД СССР персональными списками не располагает [АВП РФ. Ф. 0537].

Эти данные нигде ранее не публиковались и не были доведены до сведения японской стороны. Государственные органы Японии долгие годы находились практически в полном неведении по этому вопросу. В СССР же тем временем действовала строгая установка на то, что за весь период нахождения в плену умерло всего 3957 граждан Японии, захороненных на 26 кладбищах [За мир и гуманизм 1992: 8]. Однако лагеря для японских военнопленных располагались по всему Советскому Союзу более чем в двух тысячах населенных пунктов, преимущественно в районах Сибири и Дальнего Востока, и архивные данные свидетельствуют о значительно более масштабных захоронениях.

Как становится очевидным из документов Российского государственного военного архива (бывшего Особого архива), сюда были переданы поименная картотека и личные дела на большую часть японцев, которые поступали из разных концов страны после закрытия лагерей. Наряду с этим в архиве можно найти и кладбищенскую документацию, содержащую списки умерших военнопленных с указанием номеров квадратов их захоронений и самих могил. В этих папках можно обнаружить также планы кладбищ, а иногда и отыскать фотографии самих захоронений и т.д.

Сегодня можно с полным основанием констатировать, что в тогдашней системе кладбищенского учета были допущены серьезные нарушения. Именные списки погребенных содержали неточные данные, да к тому же включали в себя неполную информацию и далеко не на всех умерших японцев. Графа «место захоронения» во многих случаях вообще отсутствовала, либо его координаты указывались неточно. В написании японских имен и фамилий встречается масса ошибок, что мешает идентификации реальных людей. Все эти моменты были выявлены лишь в 1990-е годы, когда исследователи обратились к составлению списков умерших.

В Японии же после возвращения из СССР последней партии соотечественников еще какое-то время продолжалась всеобщая эйфория по этому поводу. Однако очень быстро стало понятно, что не все дождались своих близких и родных. И вскоре здесь с нарастающей трево-

гой стали подсчитывать количество людей, не вернувшихся из плена, и предпринимать все возможные меры по выяснению их судеб.

Уже 28 декабря 1956 г. японский кабинет министров принял решение об учреждении при Посольстве Японии в СССР, которое уже готовилось к открытию в Москве, специальной должности атташе по вопросам репатриации. Основная работа этого сотрудника должна была заключаться в том, чтобы содействовать возвращению всех, кто еще оставался в СССР, выяснять судьбы без вести пропавших и т.д. К этой же проблеме подключилась и японская общественность. Священнослужители буддийского храма Ниси Хонгандзи в Киото направили на имя предсовмина СССР Н. А. Булганина письмо с просьбой дать им разрешение на въезд в Советский Союз. Целью этой миссии были поиски останков умерших японских подданных, погребенных в советской земле, и вывоз их на родину, а также совершение заупокойных служб в местах расположения лагерей. Однако этим инициативам не суждено было воплотиться в жизнь по известной причине.

Между тем в самой Японии в послевоенные годы широко развернулась борьба бывших военнопленных за свои права. Наиболее резонансным здесь стал вопрос о выплате компенсаций за работу в плену, предусмотренных международными конвенциями об обращении с военнопленными. Все японские военнослужащие, оказавшиеся в плену в США, Великобритании, Новой Зеландии, Австралии и других странах, по возвращении на родину сразу же получили от своего правительства денежные выплаты на основе официально заверенных представителями местной лагерной администрации документов о работе в плену и невыплаченной сумме заработка. И только репатриантам из СССР было отказано в денежных компенсациях, так же, впрочем, как и в военных пенсиях, под предлогом отсутствия подобного рода документов, которые не удосужились выдать советские власти после окончания плена. И это дискриминационное положение, в котором оказались бывшие узники советских лагерей, заставило их развернуть мощное общественное движение у себя в стране и начать борьбу за свои права, обратившись к представителям законодательных и исполнительных органов страны, а вслед за этим и в судебные инстанции Японии.

Достаточно сказать, что только члены Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных более 20 раз ставили перед правительством вопрос о выплате компенсации за труд в советских лагерях. И одновременно с этим обращались с исками в суд как от организации, так и от частных лиц. Так, в период с 1981 по 1985 г. в Токийский городской суд были поданы иски на сумму 264 млн 100 тыс. иен [Катасонова 2015: 227].

Решение вопроса о компенсациях на государственном уровне сдвинулось с мертвой точки лишь в конце 1980-х годов, но здесь не обошлось без серьезных разочарований. В декабре 1987 г. был принят специальный закон о бывших военнопленных, вернувшихся из советских и монгольских лагерей. Для его реализации был создан специальный фонд, получивший немалые финансовые ассигнования. Им был арендован целый этаж в фешиенебельном небоскребе Сумитомо в популярном токийском районе Синдзюку, значительная часть помещений которого была отведена под постоянную экспозицию, посвященную истории «сибирского плена». Там же расположилась небольшая библиотека и офис со штатом сотрудников, занимающихся запросами бывших военнопленных и членов семей умерших.

Одним из первых мероприятий этого фонда стало вручение серебряного кубка и денежного пособия в 100 тыс. иен (меньше 1 тыс. долл. США) бывшим военнопленным и членам семей умерших, которые не получили от правительства ни денежных компенсаций, ни военных пенсий. Характерно, что действие этого закона никак не коснулось жителей Кореи (11 тыс.) и Китая (13 тыс.), в годы войны служивших в Квантунской армии. И это обстоятельство сразу же вызвало волну общественных осуждений. Не были удовлетворены столь малой компенсацией и даже отказались от нее и многие японцы.

Тем временем в СССР начались политические перемены, проходившие под лозунгами демократии и гласности, что естественно сказалось и на международных отношениях. Готовя официальный визит в Японию президента СССР М. С. Горбачева, советские дипломаты и партийный аппарат впервые с момента подписания Совместной декларации в 1956 г. обратились к проблеме японских военнопленных. Причем в ходе визита советский лидер не только официально признал ее существование, что долгие годы полностью отрицалось, но и предпринял реальные шаги к ее урегулированию, передав японской стороне списки на 27 800 умерших в советском плену. Одновременно М. С. Горбачев выразил соболезнования семьям покойных, которые тогда впервые получили разрешение на доступ к местам захоронений.

Главным же итогом стало подписание межправительственного Соглашения о лицах, находившихся в лагерях военнопленных от 19 апреля 1991 г. Круг затрагиваемых в нем вопросов касается, в первую очередь, умерших в советском плену граждан Японии, приведения в порядок их захоронений, вывоза останков на родину, передачи родственникам найденных личных вещей умерших и т.д. Все эти начинания были продолжены правительством Российской Федерации.

Региональные власти вместе с японскими общественными организациями приводили в порядок японские захоронения и возводили на них памятные обелиски, организовывали поездки родственников на места захоронений. По решению МИД РФ с 17 февраля 1994 г. эта категория лиц стала освобождаться от уплаты консульских сборов за оформление визы.

Однако при осуществлении этой деятельности возникла весьма существенная проблема, связана она была с эксгумацией тел погребенных. Она нередко проходила с помощью бульдозеров, тракторов и прочей тяжелой техники, которая снимала верхние слои земли, где преимущественно и обнаруживали часть человеческих останков. Ручные землекопные работы осуществлялись лишь в редких случаях, да и то, как правило, не на всю глубину захоронений. Тем не менее, вопрос о том, насколько тщательно были произведены эксгумационные работы, вплоть до последнего времени не поднимался. Сразу же после их завершения все места раскопок сравнивались с поверхностью земли, а сами кладбища нередко закрывались для посещения родственниками умерших.

Вторая проблема, с чем столкнулись сразу же после начала эксгумации, — это отсутствие или далеко не полный набор имеющихся в распоряжении советской стороны документов, позволяющих идентифицировать личность умершего. А без них, согласно японскому законодательству, родственники умерших не могут захоронить прах в общей семейной могиле. Вот почему в большинстве случаев местом последнего пристанища бывших военнопленных становилась могила неизвестного солдата в Токио, а это значит, что также неизвестными навсегда становились их имена.

Одновременно с этим важные шаги предпринимались в эти годы новой властью и в правовом отношении. Набирает темпы начатый в рамках Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. процесс реабилитации лиц японской национальности, незаконно пострадавших в плену от произвола советских властей. Его инициаторами стали представители Всеяпонской организации бывших военнопленных, работавшие в прямом контакте с Главной военной прокуратурой РФ.

26 марта 1992 г. выходит распоряжение Правительства РФ «О выдаче справок о труде бывшим японским военнопленным и членам семей умерших, находившихся в плену на территории бывшего СССР после окончания Второй мировой войны». Выходу постановления предшествовали многочисленные массовые обращения японцев в российские

исполнительные и законодательные органы, а также долгие и трудные согласования между различными российскими инстанциями. Это стало прецедентом в истории международного права, когда страна спустя почти пятьдесят лет после окончания войны возвратилась к выполнению международно-правовых норм. За короткое время около 40 тыс. японцев получили российские свидетельства. И наконец, в октябре 1993 г. Россия признала антигуманное отношение к японским военнопленным со стороны сталинского режима, что прозвучало в словах тогдашнего президента РФ Б. Н. Ельцина во время его официального визита в Японию.

В самой Японии вопрос о компенсациях на правительственном уровне частично был решен лишь в последние годы. В 2010 г. появился закон «О выплате специальных пособий гражданам Японии, насильственно интернированным в СССР и Монголию после окончания Второй мировой войны». Право на получение пособия имеют только сами бывшие военнопленные, так что в случае их скоропостижной смерти деньги не выплачиваются членам их семей. Также под действие закона не попадают жители Кореи, Китая и других стран, мобилизованные в годы войны в ряды Квантунской армии и разделившие судьбу японских военнопленных. Новый закон, к сожалению, опять не решил все имеющиеся компенсационные проблемы.

Однако содержание его включало в себя и ряд дополнительных положений, в частности обязывающих японское правительство добиваться от подведомственных ему организаций сбора полной информации о судьбах своих граждан в плену на территории СССР и МНР и осуществлять контроль за эксгумацией и возвращением останков умерших на родину. При этом в рамках действия этого закона большая часть общественных организаций бывших военнопленных, достигнув своей цели, распустилась. На их основе был создан единый общественный Центр по сбору материалов о военном плене и оказанию поддержки семьям бывших военнопленных. Он продолжает действовать и в наши дни, выпуская электронный бюллетень, рассказывающий о его деятельности. Здесь публикуются воспоминания бывших военнопленных.

Сегодня самым молодым из бывших военнопленных уже давно перевалило за девяносто лет. Живая память о событиях более чем семидесятипятилетней давности постепенно уходит в небытие. Но вопросы исторической памяти не теряют своей актуальности, ведь события «сибирского плена» в той или иной степени коснулись каждую шестую японскую семью, став поистине национальной трагедией для Японии и олицетворением человеческих страданий, которые несет с собой война.

Список литературы

На русском языке

АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0537. П. 12. Д. 186. Л. 25–27.

Бондаренко 1997 — *Бондаренко Е. И.* Японские военнопленные на Дальнем Востоке России в послевоенные годы. Владивосток, 1997.

Декларации, заявления и коммюнике... 1957 — Декларации, заявления и коммюнике Советского правительства с правительствами иностранных государств 1954–1957 гг. М.: Госполитиздат, 1957.

За мир и гуманизм 1992 — За мир и гуманизм. Бюллетень Ассоциации бывших военнопленных. Май 1992. № 140.

Загоруйко (ред.) 2000 — *Загоруйко М. М.* (ред.) Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы. М.: Логос, 2000.

Катасонова 2003 — *Катасонова Е. Л.* Японские военнопленные в СССР: Большая игра великих держав. М.: ИВ РАН, 2003.

Катасонова 2005 — *Катасонова Е. Л.* Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений. М.: ИВ РАН, 2005.

Катасонова 2015 — *Катасонова Е. Л.* Проблема «сибирского плена» — компонент исторической памяти // Япония. Консервативный поворот / Под ред. Э. В. Молодяковой. М.: ИВ РАН, 2015. С. 219–236.

Катасонова, Гаврилов (ред.) 2013 — *Катасонова Е. Л., Гаврилов В. А.* (ред.) Японские военнопленные в СССР. 1945–1956: Документы. М.: МФД, 2013.

Кириченко 2015 — *Кириченко А. А.* Маньчжурский блицкриг 1945 г. и японские военнопленные // Российско-японские отношения в формате параллельной истории. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 563–590.

Кузнецов 1997 — *Кузнецов С. И.* Японцы в сибирском плену (1945–1956). Иркутск: Сибирь, 1997.

Сайто 1995 — *Сайто Рокуро.* Песнь о Сибири на закате жизни (Сибэриа но банка). — Цуруока, Всеяпонская ассоциация бывших военнопленных, 1995.

Томита 2015 — *Томита Такэси.* Интернированные в Сибирь японцы и их участие в общественном движении после возвращения на родину // Российско-японские отношения в формате параллельной истории. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 531–562.

Черевко, Кириченко 2006 — *Черевко К. Е., Кириченко А. А.* Советско-японская война (9 августа — 2 сентября 1945 г.): Рассекреченные материалы. М.: Бимпа, 2006.

Проблема пограничного размежевания в российско-японских отношениях

Одной из серьезнейших проблем исторического прошлого, занимающей ключевое место в отношениях между Россией и Японией, является проблема пограничного размежевания. Отсутствие между двумя странами взаимно признанной линии границы, в свою очередь, связано с тем, что две страны так и не подписали по итогам Второй мировой войны договор или иной юридический документ, который бы ее зафиксировал.

Японская сторона считает, что в двусторонних отношениях имеется нерешенная территориальная проблема, которая возникла вследствие односторонних действий Советского Союза в период Второй мировой войны. Как полагает японская сторона, в период с 28 августа по 5 сентября 1945 г., т.е. уже после принятия Японией Потсдамской декларации, советские войска в числе прочих территорий, принадлежавших в довоенный период Японии, захватили острова Южно-Курильской гряды — Итуруп, Кунашир, Шикотан и гряды Хабомаи, которые впоследствии были без законных на то оснований включены в состав СССР. Их общая площадь равна 3036 кв. км, их население на тот момент составляло 17 291 человек. Все жители этих островов были репатриированы СССР в Японию в период 1945—1947 гг. В Японии эти земли, ставшие объектом ее территориальных претензий, были объединены в послевоенный период в общее понятие «северные территории», которое продолжает активно использоваться в официальных документах.

Россия отрицает само существование территориальной проблемы и отвергает претензии Японии как несостоятельные и не основанные на юридических и исторических фактах. Она признает, что между двумя странами по итогам Второй мировой войны сохраняется нерешенная проблема пограничного размежевания, связанная с отсутствием мирного договора между двумя странами. Данную проблему, в понимании России, следует решать после заключения мирного договора, который бы подвел под двусторонние отношения прочную

правовую основу и зафиксировал общее понимание итогов Второй мировой войны.

Российская аргументация основана на заключенных между союзниками в феврале 1945 г. ялтинских договоренностях, касающихся условий вступления СССР в войну с Японией, в соответствии с которыми Курильские острова будут переданы, а Южный Сахалин — возвращен Советскому Союзу после окончания боевых действий. СССР и современная Россия полагают, что это были договоренности прямого действия, и даже при отсутствии мирного договора с Японией обладание Курильскими островами является полностью легитимным.

В глазах Москвы все соглашения между союзниками, которые привели к поражению нацистской Германии и милитаристской Японии, являются не подлежащими сомнению итогами Второй мировой войны, обеспечившими послевоенный мировой порядок. Говоря о ялтинских договоренностях, касающихся передачи СССР Курильской гряды, включая южную ее часть, Россия считает, они обеспечили справедливое наказание Японии как страны-агрессора. Россия, кроме того, строит свою позицию на том, что Япония в соответствии с статьей 2 Сан-Францисского мирного договора 1951 г. отказалась от Курильских островов, и хотя СССР его не подписал, а в договоре не указано, в чью пользу был сделан этот отказ, правовые последствия этого действия выходят за рамки участников договора, так как положения мирных договоров, касающиеся территориальных вопросов, объективно являются нормами международного права, которые регулируют не только отношения между отдельными его субъектами, но и международные отношения в целом. Именно поэтому считается, что Япония не вправе выдвигать к России какие-либо территориальные претензии в отношении территорий, от которых она отказалась в соответствии с подписанным ею мирным договором.

Япония, в свою очередь, строит свою позицию на том, что СССР незаконно оккупировал Южные Курилы, которые не входили в число тех Курильских островов, о которых шла речь на Ялтинской конференции и от которых Япония отказалась в соответствии со статьей 2 Сан-Францисского мирного договора. Япония считает, что в соответствии с Симодским трактатом 1855 г., представляющим собой первый договор о границе между Россией и Японией, указанные четыре острова перешли к Японии, а они не являются теми Курильскими островами, от которых Япония отказалась в 1951 г. в соответствии с Сан-Францисским мирным договором. При этом принадлежность, как

минимум, островов Итурупа и Кунашира к географическому понятию Курильского архипелага не оспаривается.

Начиная с 1950-х годов проблема пограничного размежевания находится в центре повестки дня двусторонних отношений и на протяжении всего послевоенного периода ощутимо деструктивно влияла на взаимоотношения двух стран.

Период холодной войны

В 1954 г. между Японией и СССР начались переговоры о нормализации отношений. Обсуждался и пограничный вопрос. Японская сторона добивалась передачи ей двух Южно-Курильских островов — острова Шикотан и гряды Хабомаи. Чтобы добиться прогресса и достичь соглашения, Советский Союз еще в июне 1955 г. на переговорах в Лондоне предложил остров Шикотан и гряду Хабомаи. Предложенный компромисс был попыткой тогдашнего советского руководства во главе с Н. С. Хрущевым «оттянуть» Японию от США, заставить ее провозгласить нейтралитет и вывести со своей территории американские военные базы. Однако Япония, полагая, что сможет добиться большего, ужесточила свою позицию и потребовала уступить ей еще и Итуруп и Кунашир. Этому способствовала внутривнутриполитическая ситуация в стране: в правящей Либерально-демократической партии возобладали противники компромисса с Москвой, составлявшие основу тех фракций, которые поддерживали бывшего премьера С. Ёсиды.

В дальнейшем на позицию Японии повлияло и давление со стороны США, не заинтересованных в советско-японском сближении в условиях холодной войны: госсекретарь США Джон Даллес в ходе встречи в Лондоне со своим японским партнером в августе 1956 г. пригрозил, что, если Япония согласится с советским суверенитетом над Курильскими островами, США никогда не вернут ей Окинаву, которая в тот момент находилась под административным контролем американской военной администрации (этот инцидент получил название «шантаж Даллеса») [The Diplomatic History 2011: 62]. Кроме того, 7 сентября 1956 г. Государственный департамент США направил в адрес правительства Японии памятную записку, в которой утверждалось, что Токио не имеет права передавать кому-либо суверенитет в отношении территорий, от которых она отказалась по Сан-Францисскому мирному договору. В тексте этого документа также говорилось, что США считают, что «острова Итуруп и Кунашир (наряду с грядой Хабомаи и островом Шикотан, являющимися частью Хоккайдо) всегда принадлежали Япо-

нии и должны по справедливости быть признаны как территории, находящиеся под японским суверенитетом» (*Foreign Relations*).

Тем временем японская сторона, убедившись, что ее претензии получить все четыре острова не имеют перспектив, во всяком случае, в ходе текущих переговоров с СССР, предложила вернуться к обсуждению территориальной проблемы уже после восстановления дипломатических отношений, которое в силу внутривнутриполитических причин являло собой более насущную проблему для премьер-министра И. Хатояма («формула Аденауэра»). Достигнув на этот счет соответствующей договоренности, японская и советская стороны 29 сентября 1956 г. обменялись официальными письмами (так называемые обменные письма тогдашнего заместителя министра иностранных дел СССР А. А. Громыко и японского представителя на переговорах Синъити Мацумото).

19 октября 1956 г. Япония и СССР подписали Совместную декларацию, в которой стороны декларировали завершение состояния войны и нормализацию межгосударственных отношений, зафиксировали взаимный отказ от претензий по ее итогам. В текст декларации по настоянию японской стороны была внесена специальная статья 9, касающаяся пограничного вопроса, которая была согласована практически накануне процедуры подписания данного документа, которая гласила: «СССР и Япония согласились на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между СССР и Японией переговоров о заключении мирного договора. При этом СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между СССР и Японией» [цит. по: Курилы... 1998: 260].

Декларация была немедленно ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР и парламентом Японии, в результате чего она обрела силу закона.

Интерпретация сторонами духа и буквы положений 9-й статьи Декларации 1956 г. коренным образом отличается. Российская сторона с самого начала придерживается позиции, что положения статьи 9 носят окончательный характер и ставят точку в споре о границе. В свою очередь, японская сторона после подписания Совместной декларации стала настаивать на том, что Декларация 1956 г. представляет собой промежуточный этап на пути к окончательному решению территориальной проблемы и что переговоры о принадлежности островов

Итуруп и Кунашир должны в соответствии с «обменными письмами» быть продолжены после передачи Японии островов Шикотан и Хабомай. В ответ на это советская/российская сторона подчеркивает, что декларация по своему статусу стоит выше «обменных писем» и потому не может рассматриваться с ними в едином пакете. Кроме того, указанные письма относятся не к окончательному тексту Декларации 1956 г., а к промежуточному варианту на пути к ее согласованию. В противном случае необходимость продолжения дальнейших переговоров по территориальному вопросу была бы отражена в декларации, а этого с согласия японской стороны сделано не было.

После нормализации двусторонних отношений достигнутый на основе Совместной декларации 1956 г. компромисс послужил основой для короткого периода условного потепления, который достаточно быстро закончился в 1960 г. после подписания новой редакции японо-американского Договора безопасности.

В январе 1960 г. советское правительство направило в адрес Японии специальную ноту («ноту Громыко»), в которой было выдвинуто новое условие для реализации статьи 9 Декларации — вывод американских военных баз с территории страны. Чуть позднее, в апреле того же года, советское правительство в отдельной ноте отказалось от обязательства выполнять данную статью, заявив о том, что территориальный вопрос между двумя странами полностью решен.

В свою очередь, Япония с этого периода стала открыто выдвигать претензии в отношении четырех, а не двух островов. Поскольку Япония, если исходить из текста Декларации 1956 г. и ее дальнейших действий, фактически расширила свои требования, включив в них еще два острова (о которых в Декларации никак не упоминалось), современная Россия стала рассматривать ее позицию как непоследовательную. Например, российский президент В. В. Путин на встрече с представителями мировых информатентств в июне 2021 г. заявил о том, что японская позиция часто менялась начиная с 1956 г., где речь шла о двух островах: «Речь шла о двух островах. После этого японская позиция опять изменилась, и речь уже пошла о четырех островах. Но Россия никогда с этим не соглашалась, и Советский Союз [не соглашался]»¹.

Следующее оживление ситуации вокруг проблемы границы относится к периоду конца 1960-х — начала 1970-х годов, когда произошло обострение отношений с КНР, вылившееся в вооруженные столкновения на советско-китайской границе, и когда поступила настояжи-

¹ URL: <https://tass.ru/politika/11574659?nw=1623043130000>.

вающая информация о готовящейся нормализации отношений Китая и США. В этом сближении советское руководство усматривало опасность формирования антисоветского блока. Чтобы если не исключить присоединение к нему Японии, которая тогда тоже всерьез рассматривала возможность полноценной нормализации отношений с Китаем, то хотя бы отчасти нейтрализовать ее, Москва всерьез рассматривала возможность возвращения к компромиссному варианту с передачей двух островов — Шикотана и Хабомаи. В январе 1972 г. советский министр иностранных дел А. А. Громыко приехал с соответствующим предложением в Токио, а в преддверии визита японского премьера в Москву этот вопрос прорабатывался на Политбюро ЦК КПСС.

Однако советские предложения так и не были озвучены в ходе встречи на высшем уровне К. Танака и Л. И. Брежнева в сентябре 1973 г. Некоторые эксперты считают, что это было связано с бесцеремонным поведением главы японской делегации на переговорах, пытавшимся продать свои требования в достаточно грубой манере, оскорбившей советскую сторону. Имеется и версия, согласно которой в последний момент заключительное слово сказали советские «силовики» — представители оборонного ведомства и КГБ, стоявшие на жестких позициях по отношению к Японии. В любом случае предложения на переговорах не прозвучали, а в подписанном по их итогам совместном заявлении была лишь отмечена важность урегулирования «нерешенных вопросов, оставшихся со времени Второй мировой войны» и «заключения мирного договора между СССР и Японией» [Российско-японские отношения... 2015: 694—695].

После этого проблема пограничного размежевания была фактически заморожена вплоть до конца 1980-х годов. Стороны не только не пытались возобновить диалог по данному вопросу, но фактически делали все возможное, чтобы его не допустить, доказывая «неконструктивность» позиции противоположной стороны. В Японии с начала 1980-х годов при поддержке властей была начата кампания по сбору подписей в поддержку требования о возвращении «северных территорий», а 7 февраля, дата подписания Симодского трактата 1855 г., стала ежегодно отмечаться как День «северных территорий». В свою очередь, в СССР была развернута кампания обличения японского реваншизма и возрождения японского милитаризма, в рамках которой особо критиковались «необоснованные территориальные претензии» Токио.

В подходе СССР в период холодной войны к проблеме пограничного размежевания с Японией главную роль играли международно-

политические соображения, связанные с оценкой места и роли страны-партнера в рамках глобальной биполярной системы. Преследуя геополитические цели, СССР минимум дважды (в середине 1950-х годов и в конце 1960-х — начале 1970-х годов) рассматривал возможность компромисса в виде передачи двух островов. Однако периоды условной «гибкости» сменялись периодами жесткости и неуступчивости. Что касается Японии, ее позиция была наиболее компромиссной в период подготовки Совместной декларации (в 1955–1956 гг.), когда внутри правящей партии шла борьба между «проамериканской» и «националистической» фракциями. Именно в условиях такой борьбы, а также необходимости восстанавливать отношения с СССР Япония пошла на компромиссный вариант, который предусматривал решение данного вопроса по формуле Аденауэра и позволял отложить его на неопределенное время (до подписания мирного договора). При этом компромиссная формула решения была зафиксирована в тексте Декларации.

Стоит отметить, что в период холодной войны проблема границы с Японией практически не имела для СССР внутривнутриполитического звучания. Общественного мнения по данному вопросу (как и по прочим вопросам международной политики) в силу авторитарного характера советской политической системы никто не учитывал. В этом подход СССР принципиально отличался от позиции Японии, где на первом месте были внутривнутриполитические соображения, а именно — рейтинги правящей партии, для которой было важно продемонстрировать электорату жесткость в отстаивании своих национальных интересов. Соображения, связанные с внутренней политикой, проявились в позиции России только после холодной войны.

Что касается Японии, то после 1960 г. вплоть до конца холодной войны она занимала исключительно жесткую позицию. Одной из причин было относительно низкое положение СССР в шкале внешнеполитических и экономических приоритетов Токио. С одной стороны, в соответствии с постулатами доктрины Ёсида в Токио не рисковали делать самостоятельных шагов на внешней арене на советском направлении, так как любые попытки компромисса вызвали бы подозрения США в попытках договориться за их спиной, а ссориться с Вашингтоном из-за отношений с Москвой Токио не хотел. Свою роль играло и то обстоятельство, что в Японии не существовало влиятельных торгово-промышленных и финансовых группировок, способных оказать на правительство давление в пользу разморозки отношений с Москвой. Торгово-экономические отношения с СССР

были в основном ограничены вопросами обеспечения ресурсами растущей японской экономики. В Токио не без оснований считали, что «демонизация» северного соседа внутри страны не мешает торговым связям хотя бы в силу того, что СССР был заинтересован в торговых контактах не менее самой Японии. И, обличая Советский Союз, политики гарантированно получали дополнительные кредиты в глазах собственных избирателей без риска ущемить собственные национальные интересы.

1990-е годы

С началом постбиполярного периода ситуация изменилась. С одной стороны, для постсоветской России утратила свою актуальность задача «отторжения» Японии от союза с США и превращения ее в нейтральное государство. Это дало Москве возможность действовать более прагматично, без идейной подоплеки. С другой стороны, изменился международно-политический контекст пограничной проблемы и для Японии. Россия перестала быть частью враждебного Западу блока, и вопрос о пограничном размежевании органичным образом выпал из контекста холодной войны и биполярного противостояния, в котором обе страны находились по разные стороны баррикад. По этой же причине Токио получил возможность действовать в данном вопросе без оглядки на США, к тому же там в целом благосклонно стали относиться к самостоятельности Японии при заключении сделки с Москвой.

По сути, японская позиция практически не изменилась по сравнению с периодом холодной войны, за исключением того, что если ранее Япония требовала немедленного «возврата» всех четырех островов, то теперь она согласилась ограничиться на начальном этапе лишь формальным признанием своего суверенитета над ними. Токио предложил формулу «отложенного суверенитета», в соответствии с которой российская сторона немедленно признает суверенитет Японии над четырьмя островами, тогда как сроки и детали их передачи будут обсуждаться позднее.

Крах СССР и экономический коллапс в постсоветской России поставил ее в невыигрышное положение. В период пресловутой «kozyревской дипломатии» (1992–1996) Россия отчаянно нуждалась в японских инвестициях и технологиях. Это обстоятельство давало в руки японского руководства определенный козырь, но одновременно дезориентировало Токио, который оказался в ловушке собственных ил-

люзий. С Россией по территориальному вопросу стали вести дело так же, как это было с экономически слабыми Республикой Корея в 1965 г. и с КНР в 1972 г., которые хотя и не без труда, но пошли на восстановление отношений с Японией на полностью приемлемых для Токио условиях. В Японии ошибочно считали, что деньги решат любой вопрос. Наиболее явно этот подход выявился в ходе «миссии Одзава», когда в марте 1991 г., еще в конце советского периода, один из японских политиков в ходе своего визита в Москву безуспешно пытался продать сделку, в рамках которой СССР передавал бы Южные Курилы в обмен на экономическую помощь на сумму 28 млрд долл. [Российско-японские отношения... 2015: 734].

На этом фоне в Токио стали полагать, что вопрос с островами можно решить на японских условиях на уровне первых лиц, без привлечения общественного внимания, сделав ставку на личностную дипломатию. В дальнейшем, особенно в 2010-е годы, этот просчет сыграл плохую службу, поскольку в постсоветский период в позиции России по территориям добавились внутривнутриполитические соображения, а именно — необходимость для политиков учитывать общественное мнение. Поэтому естественно, что передача островов, даже в соответствии с международными обязательствами, была бы в любом случае непопулярным шагом и сильно ударила бы по авторитету Кремля.

Тем не менее на начальном этапе позиция России по вопросу границы была достаточно гибкой. Для молодого государства большое значение имела потребность в поиске союзников на международной арене, а Япония больше не относилась к числу враждебных стран и к тому же обладала богатой культурой и «мягкой силой», не вызывая, в отличие от США, отторжения в российском общественном мнении. Новый подход к Японии проявился еще до распада СССР. В годы Перестройки возобладала доктрина Нового мышления, основываясь на которой М. С. Горбачев исходил из необходимости отойти от наследия холодной войны, строить отношения с чистого листа, не оглядываясь в прошлое. Именно этими соображениями объясняется внесение в публичное заявление по итогам встречи на высшем уровне, состоявшейся в апреле 1991 г. в Токио, согласия обсуждать с японской стороной проблему принадлежности островов, причем всех четырех. Упоминание же о самой Декларации 1956 г. Горбачев отказался вносить в совместное заявление по итогам встречи, рассматривая указанную Декларацию как атрибут «проклятого прошлого».

Сразу после распада СССР, уже в марте 1992 г., Токио посетили российский министр иностранных дел А. Козырев и его заместитель

Г. Кунадзе. Они предложили японцам план, в соответствии с которым Россия сразу же приступила бы к поэтапной передаче о. Шикотан и гряды Хабомаи, а после подписания мирного договора стороны приступили бы к переговорам о судьбе Кунашира и Итурупа [Российско-японские отношения... 2015: 799–800]. Однако в Японии российские предложения оценили как готовность идти на дальнейшие уступки и потребовали от российской стороны сразу представить гарантии признания японского суверенитета над всеми четырьмя островами. В свою очередь, в России информация о демарше Козырева вызвала бурю негодования: в Государственной Думе прошли публичные слушания, на которых была подтверждена неизменность российского суверенитета над всеми Южными Курилами, а президенту Б. Н. Ельцину, столкнувшись с безапелляционными требованиями японских партнеров, в сентябре 1992 г. даже пришлось в последний момент отменить свой официальный визит в Токио.

Территориальный вопрос обсуждался в ходе официального визита в Японию президента России в октябре 1993 г. 13 октября была подписана Токийская декларация, в которой говорилось о необходимости «преодоления в двусторонних отношениях тяжелого наследия прошлого» и «скорейшего заключения мирного договора» путем решения проблемы территориального размежевания. В декларации говорилось о том, что стороны «провели серьезные переговоры по вопросу о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Стороны соглашаются в том, что следует продолжать переговоры с целью скорейшего заключения мирного договора путем решения указанного вопроса, исходя из исторических и юридических фактов и на основе выработанных по договоренности между двумя странами документов, а также принципов законности и справедливости и таким образом полностью нормализовать двусторонние отношения».

Наличие территориальной проблемы с поименным указанием четырех островов признавалось и в *Московской декларации об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией*, которая была принята 13 ноября 1998 г. в ходе официального визита премьер-министра Японии К. Обути. В декларации предлагалось активизировать переговоры о заключении мирного договора на основе Токийской декларации с целью заключения мирного договора к 2000 г. и создать специальную подкомиссию по пограничному размежеванию в рамках существующей Совместной Российско-Японской комиссии по вопросам заключения мирного договора.

Следует отметить, что стороны по-разному оценивали документы 1990-х годов, касающиеся вопроса о территориальном размежевании. Япония полагала, что признание Россией проблемы территориальной принадлежности четырех поименно названных островов косвенно означает ее готовность их передать. В свою очередь, Россия считала, что готовность обсуждать вопрос об островах совершенно не эквивалентна ее согласию на передачу суверенитета. Главным для Москвы было начать переговоры. Предполагалось, что параллельно стороны будут прилагать усилия для улучшения климата двусторонних отношений, налаживания отношения добрососедства, развития экономических связей, приграничного сотрудничества и т.д. Неоднократно подчеркивалось, что решить столь деликатную проблему, как вопрос о территориях, можно только при наличии отношений взаимного доверия, которые надлежит вырабатывать в течение длительного периода, возможно, в течение нескольких поколений.

2000–2010-е годы

С началом нового тысячелетия ситуация вокруг вопроса пограничного размежевания кардинально изменилась. Новоизбранный президент В. В. Путин, задавшись целью окончательно решить пограничные проблемы с соседями, поставил перед собой реальную цель полного урегулирования курильского вопроса. Путин мечтал остаться в истории как деятель, решивший проблему пограничного размежевания с соседями. Если Ельцин, признавая наличие проблемы, фактически предпринимал усилия для ее консервации путем ведения бесплодных переговоров, Путин предпринял практические шаги для ее кардинального решения.

В частности, на вооружение была взята Совместная декларация 1956 г. Российская сторона стала рассматривать положения статьи 9 этого документа в качестве базовой формулы для решения территориального спора и нашла в этом определенное понимание с японской стороны. В марте 2001 г. в ходе рабочего визита премьер-министра Японии Ё. Мори в Россию стороны подписали Иркутское заявление, в котором отмечалось, что Совместная декларация 1956 г. в числе прочих документов может служить основой для переговоров по проблеме мирного договора. Россия при этом исходила из приоритета международно-правовых обязательств по отношению к требованиям внутреннего законодательства, заложенного в статье 15 Конституции Россий-

ской Федерации. Вместе с тем в Иркутской декларации указывалось и на значение всех документов по проблеме территориального размежевания, принятых правительствами двух стран в 1990-е годы.

Интерпретация Москвой и Токио Иркутского заявления 2001 г. коренным образом отличалась. Россия считала положения статьи 9 Декларации 1956 г. окончательными. В противоположность этому японская сторона, полагая, что обозначенная в документах 1990-х годов готовность России обсуждать также судьбу Кунашира и Итурупа косвенным образом налагает на нее обязательства идти в этом вопросе на дальнейшие уступки. При таком подходе соглашения 1956 г. рассматривались как промежуточный этап и основной упор делался на договоренности 1990-х годов, и прежде всего на Токийскую и Московскую декларации. Подобная позиция получила отражение в предложенной Ё. Мори формуле «двух треков» — ведении параллельных переговоров о судьбе Хабомаи и Шикотана и вопроса о Кунашире и Итурупе. Эта позиция основывалась на том, что вопрос о передаче Хабомаи и Шикотана уже решен в рамках Совместной декларации 1956 г., а главная задача заключается в том, чтобы уладить дело с прочими двумя островами. Российская сторона решительно отвергла данную интерпретацию.

Однако после прихода к власти в 2001 г. кабинета Дз. Коидзуми Токио вернулся к прежней позиции, заключавшейся в ультимативном требовании немедленного возвращения Японии всех четырех островов, при том что к вопросу о сроках и условиях их передачи Токио по-прежнему был готов «подходить гибко». В ответ Россия также ужесточила свою позицию, сделав упор на то, что обладание ею Южными Курилами является результатом Второй мировой войны, который Японии надлежит признать. Обоснование суверенитета России над четырьмя северными островами в качестве итога Второй мировой войны впервые прозвучало в заявлении президента Путина по государственному телевидению 27 сентября 2005 г. («Прямая линия с Президентом России»). Таким образом, Россия стала делать ставку на подписание такого мирного договора с Японией, в котором Япония признала бы переход Южных Курил в состав СССР в качестве итога Второй мировой войны.

В середине 2000-х годов окончательно определилась идеология державничества великой России, которая свой статус строит на славе страны—победительницы во Второй мировой войне. Не случайно именно в этот период концептуализируется и официальная теория, в соответствии с которой СССР объявил войну Японии в соответствии с теми положениями Устава ООН, которые надлежало выполнять не-

медленно для скорейшего окончания войны, а потому обвинения в нарушении им международного права, связанные с нарушением Пакта о нейтралитете, не имеют под собой никаких оснований. Эта позиция отвечала общественным ожиданиям и соответствовала внешнеполитическому курсу России.

Между тем жесткая линия Токио не претерпела никаких изменений и после смены власти и победы ДПЯ на выборах в августе 2009 г. Спустя год правительство в ответ на депутатский запрос применило в отношении статуса островов формулировку «незаконно оккупированные» (*фухо сэнкё*). Визит на остров Кунашир президента РФ Д. А. Медведева 1 ноября 2010 г. премьер-министр Японии Н. Кан назвал в феврале 2011 г. «непростительной грубостью». В России это вызвало резкую реакцию. Напротив посольства Японии были развернуты пикеты с выражением протеста, а визиты российских официальных лиц на Южные Курилы стали рутинной практикой.

В начале марта 2012 г. премьер-министр России В. В. Путин на встрече с представителями зарубежных СМИ высказал идею о том, что территориальный вопрос с Японией может быть решен на основе взаимных уступок и компромиссов. «Мне очень хочется закрыть эту проблему и так, чтобы это было приемлемо для обеих сторон», — заявил Путин. Путин использовал взятый из терминологии дзюдо термин «*хикивакэ*», что означает «ничья».

В конце апреля 2013 г. Абэ нанес визит в Москву, в ходе которого руководители двух стран пришли к соглашению, что отсутствие мирного договора является ненормальной ситуацией, и выразили решимость заключить его. Однако в тексте заявления отсутствовало упоминание о территориальной проблеме как таковой. На пресс-конференции российский президент отметил, что стороны договорились продолжить работу над этим сложным, но таким важным для обеих стран вопросом.

В ходе встречи с российским президентом в Сочи в мае 2016 г. С. Абэ предложил проявить новый подход, свободный от идей прошлого. И хотя содержание этой идеи конкретизировано не было, многие в России восприняли это предложение как готовность японской стороны пойти в отношениях с Москвой на реальное отделение политики от экономики, построив с ней тесные экономические и доверительные политические отношения, после чего вернуться к обсуждению вопроса о пограничном размежевании. Токио попытался использовать экономические рычаги, выдвинув план развития экономического сотрудничества с Россией (так называемый «план из 8 пунктов»). Он был выдвинут С. Абэ в мае 2016 г. и нашел искреннюю поддержку со стороны

Москвы как путь, не ассоциируемый с вульгарной сделкой по формуле «помощь в обмен на территории».

В ходе визита Путина в Японию в декабре 2016 г. обе стороны вновь подтвердили свою решимость заключить мирный договор. При этом был выбран путь в направлении этой цели: проведение на Курильских островах совместной экономической деятельности, которая позволит создать условия для решения проблемы заключения мирного договора. С этой целью было предложено начать работу по организации особой зоны совместного с Японией проживания/экономического сотрудничества со свободным режимом передвижения, которая бы получила особый юридический статус. Как указывалось в совместном заявлении, совместная деятельность не наносит ущерба позициям сторон по проблеме мирного договора.

Однако уже в первый день визита помощник президента Ю. Ушаков на прямой вопрос о том, будет ли эта деятельность вестись на основе российского законодательства, ответил: «Конечно, это территория Российской Федерации»¹.

В сентябре 2018 г. в ходе Восточного экономического форума во Владивостоке, на котором присутствовал японский премьер С. Абэ, российский президент неожиданно для японской стороны предложил заключить до конца года мирный договор с формулировкой «без всяких предварительных условий». Позиция российской стороны заключалась в том, что мирный договор при всех различиях сторон в подходах необходим для подведения правовой основы под двусторонние отношения с целью их позитивного развития на годы вперед, укрепления гарантий безопасности во всей Северо-Восточной Азии.

Реакция японской стороны, не желавшей отходить от формулы «сперва решение территориального вопроса, затем мирный договор», была ожидаемо отрицательной. Однако в ноябре 2018 г. во время встречи на полях Восточноазиатского саммита в Сингапуре лидеры двух стран условились активизировать переговорный процесс по проблематике мирного договора на основе Декларации 1956 г. Это был существенный психологический прорыв в японской позиции. Абэ признал, по сути, нереалистичность требований относительно Кунашира и Итурупа.

Следует отметить, что Япония и ранее официально не отвергала действенность Декларации 1956 г.: этот документ был упомянут в качестве основы для дальнейших переговоров еще в Иркутском заявлении

¹ URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3877480>.

марта 2001 г. Однако ранее Токио всегда придерживался позиции, что передача Россией острова Шикотан и гряды Хабомаи в соответствии со статьей 9 Декларации является промежуточным этапом для решения проблемы и что переговоры о судьбе Кунашира и Итурупа должны быть продолжены после. Однако накануне своего приезда в Москву в январе 2019 г. японский премьер С. Абэ заявил о «нереалистичности» для Японии перспективы возвращения Кунашира и Итурупа¹, что фактически означало признание положений Декларации 1956 г в качестве окончательных. В Японии это было воспринято как сенсация: лидер страны впервые за многие годы взял на себя смелость отказаться от «исконных японских территорий» (островов Итуруп и Кунашир). Заявление премьера породило там состояние, близкое к эйфории: многие стали ожидать, что поездка премьера в Москву приведет к одобрению сторонами принципиальной формулы решения пограничного спора, которую позднее надлежит лишь оформить при подписании мирного договора.

Сам же японский премьер оказался не только источником, но и жертвой этих излишне оптимистических настроений. Перед объективом телекамер он поклялся на могиле отца, что решит этот вопрос, и начал делать заявления о взаимном отказе двух стран от компенсаций, о необходимости заручиться согласием жителей островов при их передаче Японии и т.д. Очевидно, эти заявления не были согласованы с российской стороной и основывались на уверенности, что Шикотан и Хабомаи уже можно считать японскими и что нужно готовить почву для решения технических вопросов, связанных с их передачей под административный контроль страны. Поэтому порывистость С. Абэ вызвала негативную реакцию российской стороны. Высказывания японского лидера были сочтены неэтичными, в МИД России для выражения протеста был даже вызван японский посол². Иными словами, предложения Абэ не получили в Москве той оценки, на которую рассчитывала японская сторона; скорее, они были расценены как попытка начала торга.

Встреча в очередной раз выявила принципиальные расхождения позиций сторон в отношении нынешнего статуса Южно-Курильских островов. 17 декабря 2018 г. российский министр иностранных дел С. В. Лавров заявил о том, что предварительным условием для реализации ее положения о передаче Японии островов Хабомаи и Шикотан

¹ URL: <https://ria.ru/20190121/1549636449.html>.

² URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/01/10/national/politics-diplomacy/russia-protests-remarks-japan-disputed-islands-saying-distort-deals-struck-abe-putin/#.XDro388zbUo>.

должно стать признание Токио итогов Второй мировой войны¹. Однако если Москва рассматривает свой суверенитет в отношении Курильских островов как не подлежащий сомнению закономерный итог войны, то Токио стоит на той точке зрения, что «северные территории» были «незаконно оккупированы» Советским Союзом и должны быть «возвращены» Японии как их законному владельцу и что отказ от Курильских островов по Сан-Францисскому мирному договору не распространяется на эти четыре острова. И даже декларированное С. Абэ согласие на условия Декларации 1956 г. ни в коей мере не означает, что Япония соглашается с законностью нынешнего российского суверенитета над всеми четырьмя островами Южно-Курильской гряды.

Дальнейший политический диалог по вопросу границы ожидаемо не смог разрешить это противоречие. Можно констатировать, что основной причиной отсутствия видимого прогресса в переговорах о мирном договоре является базовое отличие в подходах сторон к его целям и задачам. Для Японии проблема «северных территорий» уже давно стала вопросом национального престижа, а ее решение ассоциируется с обретением страной статуса «нормальной» державы, которая окончательно подвела итоги войны и преодолела негативное наследие милитаристского прошлого. Если японская сторона добивается того, чтобы с помощью мирного договора вернуть хотя бы часть утраченных в ходе Второй мировой войны территорий, то для России важнее признание Японией законности российского владения Курильскими островами и предоставление гарантий ненаправленности японо-американского военно-политического союза против российских интересов [Панов 2019: 91].

Что касается вопроса пограничного урегулирования, Москва полагает, что решать его необходимо на основе Декларации 1956 г., в которой говорится о передаче Японии островов Шикотан и Хабомаи после подписания мирного договора. Следует учесть, что, подписывая эту Декларацию, СССР исходил из того, что главным условием для передачи островов должно быть построение между двумя странами отношений дружбы, добрососедства и взаимного доверия, без которых мирный договор теряет свой смысл. И Россия как его правопреемник в полной мере разделяет этот подход и сегодня. Однако, поскольку Япония укрепляет сотрудничество в области безопасности с Соединенными Штатами и предоставляет свою территорию для американских военных баз, Москва считает это условие выполненным не в полной мере. В этих

¹ URL: <https://tass.ru/politika/5921905>.

условиях переговоры по мирному договору продолжают буксовать, несмотря на заверения лидеров двух стран о необходимости подписания мирного договора.

Граждане России в массе своей вообще не видят необходимости в мирном договоре с Японией как таковом. Действительно, согласно Декларации 1956 г. состояние войны было прекращено, стороны отказались от каких-либо взаимных претензий, а отсутствие мирного договора не мешало развивать отношения во всех областях, в том числе политической, на протяжении многих десятилетий. По сути, эта Декларация сыграла роль российско-японского мирного договора. «Проблема мирного договора» на этом фоне закономерно воспринимается многими россиянами как эвфемизм вопроса о принадлежности Южных Курил, втянувшись в обсуждение которого под давлением японской стороны, российское руководство показало свою слабость, фактически согласившись поставить под сомнение незыблемость итогов минувшей войны в диалоге с проигравшей Японией. С точки зрения многих россиян, любые территориальные уступки Японии, даже в русле исполнения международно-правовых обязательств, являются не чем иным, как подрывом легитимности полученной в результате Победы статуса великой державы.

Как представляется, основная проблема, препятствующая установлению взаимопонимания, заключается в том, что вопрос о линии прохождения границы ставится в контексте мирного договора, который должен закрепить итоги войны. Подобный договор неизбежно будет носить неравноправный характер: одна из сторон будет выступать в качестве победительницы, другая — побежденной. По этой причине трудно надеяться на то, что стороны придут к окончательному компромиссу. В этом смысле вызывает большие сомнения сама идея о том, что заключение мирного договора между двумя странами поставит точку во Второй мировой войне и решит вопрос о линии прохождения границы.

Можно понять логику России: ведущиеся уже много лет переговоры улучшали политический климат двусторонних отношений, что, в свою очередь, давало больше возможностей для двустороннего взаимодействия в самых разных областях — экономической, международно-политической, в сфере безопасности и т.д. Действительно, позиция Японии была в последние годы заметно более «пророссийской» по сравнению с остальными странами Группы семи, рекордсменом является она и по количеству встреч на высшем уровне. Япония действовала на международной арене с оглядкой на позицию России во многом из опасений сорвать ведущиеся за закрытыми дверями переговоры,

а понимание этого факта, в свою очередь, подталкивает российскую сторону к их продолжению.

Однако негативная мотивация в межгосударственных отношениях, равно как и в отношениях между людьми, редко дает однозначно позитивные результаты. Подобная ситуация создает существенные риски: отсутствие видимых результатов в диалоге по мирному договору в конечном счете не в лучшую сторону скажется на двусторонних отношениях. Это подтверждает развитие ситуации после ухода С. Абэ в отставку: следующий премьер Ё. Суга был настроен к России гораздо более критически.

Список литературы

На русском языке

Курилы — острова в океане проблем. М.: РОССПЭН, 1998.

Панов 2019 — *Панов А. Н.* Советско-японская Совместная декларация 1956 года: сложный путь к подписанию, нелегкая судьба после ратификации // Японские исследования. 2019. № 2. С. 63–94. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10012.

Российско-японские отношения в формате параллельной истории / Под ред. А. В. Торкунова и М. Йокибэ. М.: МГИМО-Университет, 2015.

На английском языке

Foreign Relations of the United States, 1955–1957. Vol. XXIII. Part 1. Japan, Document 101. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v23p1/d101>.

The Diplomatic History of Postwar Japan. Routledge, 2011.

Об авторах

Гришачев Сергей Викторович — кандидат исторических наук, сотрудник Института востоковедения РАН, доцент Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ Высшая школа экономики — введение (совместно с Д. В. Стрельцовым), глава 8 (совместно с В. Г. Дацышеном), глава 9.

Дацышен Владимир Григорьевич — доктор исторических наук, сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Красноярского государственного педагогического университета — глава 8 (совместно с С. В. Гришачевым).

Дьячков Илья Владимирович — кандидат исторических наук, сотрудник Института востоковедения РАН, доцент МГИМО-Университета — глава 3.

Катасонова Елена Леонидовна — доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований Института востоковедения РАН — глава 10.

Кульнева Полина Викторовна — кандидат экономических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН — глава 5.

Нелидов Владимир Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, старший преподаватель МГИМО-Университета — глава 1.

Пак Бэлла Борисовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН — глава 2.

Перминова Вера Александровна — научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент Финансового университета при Правительстве РФ — глава 4.

Стрельцов Дмитрий Викторович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО-Университета — введение (совместно с С. В. Гришачевым), глава 6, глава 7, глава 11.

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В ОТНОШЕНИЯХ ЯПОНИИ СО СТРАНАМИ-СОСЕДЯМИ

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 21,0. Заказ №

ООО Издательство «Аспект Пресс».

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15.

E-mail: info@aspectpress.ru; <https://aspectpress.ru>

Тел.: 8(495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(499)270-73-59

«Атомный купол» (гэмбаку до:му): частично уцелевшее в атомной бомбардировке здание Торгово-промышленной палаты Хиросимы, оставленное невосстановленным в память о событиях 6 августа 1945 г.

Храм Ясукуни, возведенный в XIX в. В нем почитаются души всех японских воинов, сражавшихся и погибших за родину

Юсюкан, музей истории японской армии, расположенный непосредственно рядом с храмом Ясукуни

*Демонстрации
ультраправых сил
в Японии*

Демонстрации ультраправых сил в Японии

*Самолеты, использовавшиеся для вылетов летчиками-смертниками
камикадзе*

内では私服に着がえて便衣隊となった敗残兵の摘発
が厳しく行われた。

The Nanking Incident

After the Japanese surrounded Nanking in December 1937, Gen. Matsui Iwane distributed maps to his men with foreign settlements and the Safety Zone marked in red ink. Matsui told them that they were to maintain strict military disciplines and that anyone committing unlawful acts would be severely punished. The defeated Chinese rushed to Xiaguan, and they were completely destroyed. The Chinese soldiers disguised in civilian clothes were severely prosecuted.

Тенденциозное объяснение событий 1937 г. в экспозиции музея Юсюкан

Национальный военный мемориал Республики Корея в г. Сеуле

Мемориал Отечественной Освободительной войны в КНДР в г. Пхеньяне

Памятник «женщине для утешения», установленный в южнокорейском Пусане напротив японского консульства в конце декабря 2016 г. Пустой стул, часто изображаемый рядом с фигурой женщины, — это место для погибших «женщин для утешения». Современные наблюдатели монументов имеют возможность сесть рядом с «девушкой мира», чтобы выразить скорбь и сочувствие к их судьбе.

Памятник «женщинам для утешения» в южнокорейском Пхёнчхане. Первая фигура символизирует «женщин для утешения», вторая — преклонившийся перед ней мужчина, символ покаяния. По мнению некоторых журналистов, он внешне похож на премьер-министра С. Абэ

*Южнокорейские манга,
иллюстрирующие преступления
японских солдат и офицеров против
«женщин для утешения»*

*Бронзовая статуя «женщины для
утешения» на Тайване, г. Тайнань*

Мемориальный зал народной войны сопротивления против Японии расположен в Ваньпине, недалеко от знаменитого моста Лугоу (известного как «мост Марко Поло»), где в мае 1937 г. началась новая японо-китайская война

Мемориал жертвам «Нанкинской резни»

Между Китаем и Японией сохраняются существенные различия в оценке количества жертв «Нанкинской резни»

Музей истории 18 сентября в КНР, г. Шэньян. Музей открыт в память о «Мукденском инциденте» 1931 г., когда японская армия вторглась в Маньчжурию. Внешне музей представляет собой огромную скульптуру, выполненную в виде открытого календаря, на котором начертана дата 18 сентября

С тыльной стороны здания музея установлен огромный бронзовый колокол с выгравированными на нем четырьмя китайскими иероглифами Wúwàng Guóchǐ (勿忘國耻), что означает «Никогда не забывай национального унижения»

Демонстрации праворадикальных сил «возвращение северных территорий»

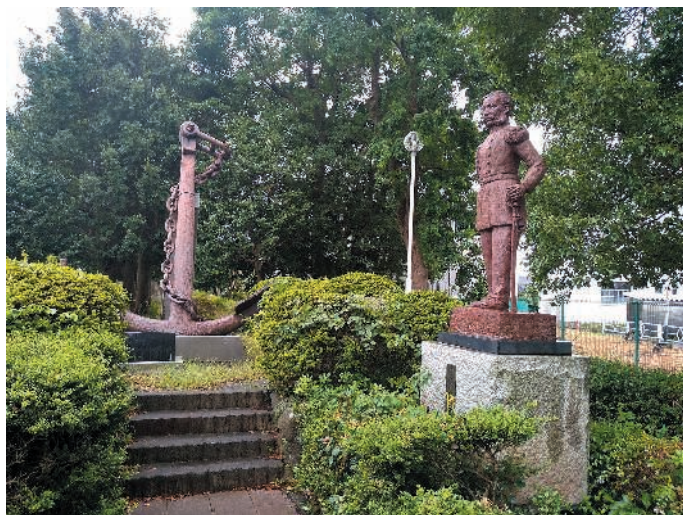
*Национальный музей территории и суверенитета Японии в Токио.
В одном из залов размещена экспозиция «Северные территории»*

*Памятник П. И. Рикорду и Такадая Кахэи на родине последнего,
на острове Авадзи*

*Памятник «Дружба»: адмирал Е. В. Путятин и японские моряки
(г. Фудзи)*

*Якорь, поднятый с затопленного фрегата «Диана»,
и памятник Е. В. Путятину (г. Фудзи)*

*Памятная стела в г. Фудзи, посвященная миссии Е. В. Путятина
и постройке шхуны «Хэда»
(идентичная стела установлена в г. Кронштадте)*

*Здание музея губернаторства Карафута, после 1945 г. ставшее зданием
Сахалинского областного краеведческого музея*

*Тории синтоистского храма, сохранившиеся в поселке Взморье
Сахалинской области (до 1945 г. яп. Сирануи)*

*Памятник не вернувшимся домой сахалинским корейцам на горе Грусти
(г. Корсаков)*

*Один из многочисленных памятников японцам, умершим в плену в СССР
(установлен в г. Абакане, Хакасия)*

*Фильм «Маньчжурский вариант», действия в котором
разворачиваются в августе 1945 г. в Маньчжурии
(съемки фильма проходили на о. Сахалин)*

Мультипликационный фильм «Остров Джованни», события которого разворачиваются на острове Шикотан осенью 1945 г.